

Ван-Трей



ЗАПИСКИ
О
ЧЕРКЕСИИ



Лан-Турей



ЗАПИСКИ О ЧЕРКЕСИИ

Вступительная статья
и подготовка текста к печати
В. К. Гарданова и Г. Х. Мамбетова



КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭЛЬБРУС»
НАЛЬЧИК - 1978



ВВЕДЕНИЕ

Среди деятелей адыгской культуры Хан-Гирею несомненно принадлежит одно из первых мест. Как это было свойственно многим зачинателям науки и просвещения родного народа, его деятельность носила универсальный характер. Он был пионером в разработке адыгской истории, этнографии и фольклора; ему также принадлежит основополагающая роль в развитии адыгской литературы на русском языке.

Хан-Гирей по своему происхождению принадлежал к верхушке феодальной знати. Его отец, Махмет (Мамет) Крым-Гирей, был влиятельным феодальным владельцем бжедугов-хамышевцев, придерживавшимся русской ориентации и переселившимся в самом конце XVIII в. из Закубани на правый берег р. Кубани, на территорию, занятую Черноморским казачьим войском. В то время Кубань была пограничной рекой, и левобережье, где обитала основная масса бжедугов-хамышевцев, находилось за пределами Российской империи. Переход отца Хан-Гирея на правобережье Кубани означал и юридически, и фактически вступление в русское подданство. Черноморские казаки сами только что поселились на берегах Кубани, основав в 1794 г. Екатеринодар (Краснодар), ставший административным центром Черноморья. Махмет Крым-Гирей обосновался со своими подвластными недалеко от Екатеринодара, установив сразу же близкие отношения с русским начальством, которое на первых порах особенно нуждалось в содействии хорошо осведомленных в местных условиях и влиятельных в Черкесии лиц. Махмет Крым-Гирей не порывал своих свя-

лей с Закубаньем и потому мог оказывать России важные услуги при ее сношениях с закубанскими народами, особенно адыгами-черкесами *. Деятельность Махмет Крым-Гирея в пользу России была столь активной и успешной, что еще до официального вступления его на службу в Черноморское войско он считался здесь своим человеком.

Около 1808 г. у Махмет Крым-Гирея родился сын-первенец, получивший имя Хан-Гирея. Согласно строго соблюдавшемуся в то время в знатных адыгских семьях обычаю, ребенка (особенно мальчика) немедленно или, во всяком случае, вскоре после рождения отдавали на воспитание аталыку. Хан-Гирей сам упоминает лишь об одном своем аталыке — шансугском старшине. На этом основании М. О. Косвен¹, а вслед за ним Т. Х. Кумыков² и Р. Х. Хашхожева³ считают, что у Хан-Гирея был только один этот аталык. По словам самого Хан-Гирея, он пробыл у шансугского аталыка три или четыре года⁴. Однако вряд ли Хан-Гирей воспитывался вне отцовского дома всего лишь три-четыре года, ибо, как он сам пишет об этом в «Записках о Черкесии», «не видно в Черкесии примера, чтобы дети человека значительного воспитывались в родительском доме под надзором родителей, напротив того, по рождении младенца немедленно отдают его на воспитание в чужие руки». В отцовский дом сыновья, как правило, возвращались лишь по достижении «совершенного возраста», то есть примерно в 14—16 лет.

Поэтому есть все основания предполагать, что Хан-Гирей, подобно другим знатым адыгам, воспитывался не у одного аталыка, а у нескольких. Обычно право быть аталыком сына знатного человека добивались многие.

* В соответствии с тем, как это было принято в русской литературе XIX в., здесь и далее этнические термины «адыги» и «черкесы» употребляются как идентичные; под Черкесией же понимается вся страна, населенная адыгами, включая и кабардинцев.

¹ М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа. М., 1961, стр. 185.

² Т. Х. Кумыков. Хан-Гирей. Нальчик, 1968, стр. 8.

³ Р. Х. Хашхожева. Хан-Гирей. — В кн.: Хан-Гирей. Избранные произведения. Подготовка текста и вступительная статья кандидата филологических наук Р. Х. Хашхожевой. Нальчик, 1974, стр. 7.

⁴ Хан-Гирей. Беслыйный Абат. — Сборник газеты «Кавказ». Второе полугодие 1847 г. Тифлис, 1848, стр. 138.

И в таких случаях отец, с одной стороны, не желая обидеть претендентов, а с другой стороны, стремясь обеспечить сыну поддержку ряда влиятельных лиц и их сородичей, передавал его на воспитание из одних рук в другие. При этом аталыками часто выбирались представители разных кавказских племен и народностей⁵.

Воспитание Хан-Гирея у аталыков, по всей вероятности, прервалось неожиданной смертью отца, погибшего от ран, нанесенных его врагами. На это косвенно указывает то обстоятельство, что Хан-Гирей в это время был еще в возрасте, когда сыновья адыгской знати продолжают воспитываться вне родительского дома. Видимо, благодаря тому, что мальчик находился у аталыка, он спасся от врагов во время разграбления отцовского дома.

Согласно сообщению В. П. Бурнашева⁶, малолетний Хан-Гирей по завещанию отца был отправлен в Тифлис к тогдашнему главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом А. П. Ермолову. Надо полагать, что В. П. Бурнашев сделал это сообщение со слов самого Хан-Гирея, которого он хорошо лично знал.

Завещание отца Хан-Гирея в отношении своего сына свидетельствует о том, что Махмет Крым-Гирей был убежденным сторонником сближения адыгов с Россией. Еще в 1816 г. он окончательно перешел на русскую военную службу, отказавшись от чрезвычайно заманчивого предложения турецкого правительства принять на себя управление над всеми «закубанскими» народами. В указе императора Александра I 18 декабря 1816 г. о присвоении Махмет Крым-Гирею чина войскового старшины отмечалось, что этот высокий чин жалуется ему «за приверженность его России и желание остаться в нашей службе, несмотря на выгодное предложение, от турецкого правительства ему сделанное»⁷. Отдавая перед своей смертью распоряжение отправить Хан-Гирея к Ермолову, Махмет Крым-Гирей хотел, чтобы его сын получил русское воспитание и образование. Вместе с тем, отправляя Хан-Гирея с берегов Кубани в Тифлис, отец, видимо,

⁵ В. К. Гарданов. Аталычество. М., 1973, стр. 7.

⁶ В. Б. [В. П. Бурнашев]. Из воспоминаний петербургского старожилы. «Заря», 1871, апрель, стр. 37. В. П. Бурнашев (1812—1888) — литератор, в период знакомства с Хан-Гиреем сотрудничал в газете «Северная пчела», издаваемой Н. И. Гречем.

⁷ М. О. Косвен. Указ. соч., стр. 165.

хотел спасти сына от своих протурецки настроенных врагов.

А. П. Ермолов благосклонно принял сына Махмет Крым-Гирея, погибшего из-за приверженности к России. Помимо заслуг отца, Хан-Гирей привлек внимание Ермолова и своими личными способностями. «Мальчик, — пишет В. П. Бурнашев, — проявил способности поразительные, необыкновенные». Ермолов «занялся юным Гиреем, поручил его директору местной гимназии и сам наблюдал за его учением»⁸. Убедившись в выдающихся способностях Хан-Гирея, А. П. Ермолов направил своего воспитанника для продолжения образования в Петербургский кадетский корпус. Хан-Гирей был, по-видимому, одним из первых горцев, окончивших это лучшее военно-учебное заведение России.

Выпущенный из кадетского корпуса, Хан-Гирей уже офицером участвовал в русско-персидской войне 1826—1828 гг., получив медаль за свои военные заслуги. Хан-Гирей принимал участие и в войне с Турцией 1828—1829 гг. в качестве адъютанта главнокомандующего — сначала А. С. Меншикова, а затем В. А. Перовского*. По окончании русско-турецкой войны Хан-Гирей стал офицером лейб-гвардии Черноморского казачьего эскадрона. По дороге в Петербург он побывал в Черкесии и склонил своих сородичей — хамышевских владельцев подать официальное прошение «о принятии их в покровительство России».

В Петербург Хан-Гирей прибыл в конце 1829 г.**, а в начале следующего года был переведен в «лейб-гвардии Кавказско-горский полускадрон его величества конвоя». Эта гвардейская часть была только что сформирована из особого взвода царского конвоя, состоявшего из представителей горской знати. Неся службу по личной охране царя, офицеры этой части находились в весьма привилегированном положении.

⁸ В. П. Бурнашев. Указ. соч., стр. 37.

* В «Записках о Черкесии» (ч. I, стр. 56) дается красочное описание «осады и покорения Анапы во время последней войны с турками (1828 год)», написанное по личным впечатлениям автора.
** Вероятно, в декабре, ибо 17 декабря 1829 г. Хан-Гирей представил в Главный штаб прошение хамышевских владельцев, которое он, конечно, не стал бы долго задерживать у себя.

Хотя Кавказско-горский полуэскадрон был создан в интересах проведения колониальной политики царизма на Северном Кавказе и в целях привлечения на его сторону представителей горских феодалов, эта воинская часть сыграла объективно-положительную роль в истории сближения горцев с Россией.

Вступившие в Кавказско-горский полуэскадрон (среди них были не только представители горской знати, но и рядовые уздени, служившие в качестве так называемых «оруженосцев»), находясь в Петербурге, усваивали русский язык и приобщались к русской культуре. Вместе с тем, изучая русский язык и русскую грамоту, они получали возможность сделаться грамотными и на родном языке.

Как сообщает составитель исторического очерка «Собственного его императорского величества конвой» С. Петин, «когда некоторые офицеры и оруженосцы полуэскадрона... изъявили желание учиться русскому языку... сейчас же избран был университетом кандидат Грацилевский, умевший довольно свободно объясняться на персидском языке и знавший грамматически язык арабский. Учитель этот составил на русском языке черкесский алфавит, при помощи которого ученики впоследствии даже переписывались между собой»⁹. Следовательно, как замечает С. Петин, Кавказско-горский полуэскадрон «является уже не только императорским конвоем, но и проводником просвещения «своих... единоземцев»¹⁰. В этой связи необходимо напомнить читателю, что в составе Кавказско-горского полуэскадрона

⁹ С. Петин. Собственный его императорского величества конвой. 1811—1911 гг., изд. 2. Спб., 1911, стр. 66. Попытки создать письменность на адыгском языке делались и раньше, в начале 1820-х годов напугом Магомет-Эфенди и кабардинцем Шора Ногмовым (см.: «Записки о Черкесии», ч. 1, стр. 95). Возможно, что при составлении черкесского алфавита Грацилевскому помогал Шора Ногмов, служивший в это время в Кавказско-горском полуэскадроне «оруженосцем» и хорошо знавший арабский и персидский языки. Примерно к началу 1830-х годов относится и составление самим Хап-Гиреем черкесского алфавита, с помощью которого он стал записывать черкесские предания. Этот опыт, — пишет Хап-Гирей, — «меня совершенно уверил в возможности этого столь важного приобретения, без которого народ черкесский никогда не достигнет благодетельной степени гражданственной образованности» (Там же).

¹⁰ Там же, стр. 64.

помимо Хан-Гирея находился ряд горцев, сыгравших видную роль в истории адыгской культуры и просвещения, в том числе Шора Ногмов и Султан Казы-Гирей.

* * *

Хан-Гирей довольно быстро продвигался по служебной лестнице. За участие в польской кампании 1830—1831 гг., во время которой Хан-Гирей получил три ранения, он был произведен из поручиков в штаб-ротмистры. Но в 30-х годах XIX в. Хан-Гирей проявил себя не только способным, храбрым и распорядительным офицером на поле брани и в мирной военной службе, но и, что для нас особенно важно, горячим патриотом, широко мыслящим политическим деятелем, хорошо осведомленным в делах своей родины. Являясь, как и его отец, убежденным сторонником присоединения Кавказа к России, Хан-Гирей глубоко задумывался над тем, как бы обеспечить это присоединение более мирными средствами. С этой целью Хан-Гирей занялся специальным изучением положения дел на Кавказе, и особенно в родной ему Черкесии. Вместе с тем много времени он уделял сбору различных сведений по истории, культуре и быту горцев, и прежде всего адыгов (черкесов).

Глубокий интерес, проявляемый Хан-Гиреем к изучению Черкесии, и значительные успехи, достигнутые им в этом важном и весьма актуальном для правительства Николая I деле, не могли не обратить на себя внимание начальства.

1830-е годы были как раз тем периодом, когда царское правительство после Адрианопольского мира 1829 г., завершившего на международно-правовой основе процесс политического присоединения Черкесии к России, разрабатывало планы окончательного подчинения черкесов и других кавказских горцев своей власти. В правительственных верхах в это время имелись сторонники двух различных методов ведения политики на Кавказе. Одни считали, что покорить горцев можно лишь военными средствами, другие полагали, что этого можно скорее достигнуть мирным путем. Сам император Николай I тоже колебался в выборе средств подчинения горцев. Хотя ему, как представителю реакционных крепостников-помещиков, были больше по душе военно-фео-

дальные методы проведения колониальной политики, он в то же время не мог не считаться с происходившими в стране социально-экономическими сдвигами, с развитием в недрах крепостной России буржуазно-капиталистических отношений, и поэтому стремился не только к политическому завоеванию Кавказа, но и к завоеванию экономического, что выражалось, в частности, в стремлении привлечь горцев на сторону России путем развития торговых связей с ними.

Естественно, что царское правительство при разработке методов кавказской политики старалось возможно лучше ознакомиться с положением дел на Кавказе. С этой целью сам Николай I собирался лично посетить этот край. Как сообщает В. П. Бурнашев, главный начальник Хан-Гирея граф А. Х. Бенкендорф при одной из своих встреч с Хан-Гиреем сказал ему: «Из разговоров твоих, Гирей, заметно, что ты таки порядочно знаком с историей горских кавказских племен. Государю-императору угодно ехать на Кавказ будущим летом. Может быть, он возьмет тебя в свите своей; но это еще не верно, а верно то, что государю угодно, чтобы ты написал собственно для него записку о горских племенах, о которых, как слышно, ты кое-что уже имеешь у себя написанное. Надо, чтоб такая записка была у государя не позже, как через два месяца или даже через шесть недель»¹¹.

Из этих слов А. Х. Бенкендорфа для нас становится ясным, что о занятиях Хан-Гирея изучением горских племен Кавказа было известно не только в высших военных кругах, но и самому царю. Более того, как видно, у Хан-Гирея было уже «кое-что написано» о горцах, именно поэтому царь давал ему для написания «Записок» столь малый срок — всего полтора-два месяца.

Из вышеизложенного становится очевидным, что труд Хан-Гирея, получивший впоследствии название «Записок о Черкесии», был начат автором по собственной инициативе, по-видимому, задолго до того, как ему бы-

¹¹ В. П. Бурнашев. Указ. соч., стр. 38. Здесь и в ряде других мест своих воспоминаний, которые нами будут отмечены в дальнейшем изложении, Бурнашев явно ошибается, относя этот разговор и всю историю своего участия совместно с Н. И. Гречем в литературной обработке «Записок о Черкесии» Хан-Гирея к тому времени, когда Хан-Гирей был уже полковником и фангель-адъютантом, то есть к 1837 г., тогда как эти события происходили в 1836 г.

ло сделано царем соответствующее поручение. Об этом кроме сообщения В. П. Бурнашева свидетельствует и предисловие Хан-Гирей к «Запискам о Черкесии», в котором ничего не говорится о том, что они были начаты автором по поручению правительства. Наоборот, Хан-Гирей, обосновывая причины, побудившие подготовить «Записки о Черкесии», пишет: «...совершенная мне известность Черкесии вменяют мне в священную обязанность представить высокому моему начальству о гражданственном устройстве сей страны мои **мнения**, которые заключаются — или почти заключаются — в последней главе сего сочинения; но дабы вместе с тем доставить начальству и возможность яснее рассмотреть этот предмет, и притом, будучи убежден совершенно, что познание законов, нравов, обычаев этого народа и им занимаемой страны, весьма мало Европе известных, сколько любопытно каждому образованному человеку, столько же и необходимо для просвещенного начальника, желающего мудро управлять этим краем, я присовокупил полное описание народа черкесского, описание, которое составлено мною со всевозможною добросовестностью и без всякого притязания на литературную известность».

Как следует из приведенного текста, Хан-Гирей главной задачей своих «Записок» считал обоснование его мнения, которое согласно первоначальному плану автора должно было быть изложено в последней, заключительной главе его «Записок», называвшейся «Некоторые мнения о мерах и средствах для приведения черкесского народа в гражданское состояние кроткими мерами с возможным избеганием кровопролития». Эта основная, по мысли Хан-Гирей, задача «Записок о Черкесии» отнюдь не предусматривалась ни Бенкендорфом, ни Николаем I, когда они поручали ему подготовить информационного характера записку о горцах. Судя по содержанию предисловия, оно было написано до того, как автор «Записок о Черкесии» получил официальное предложение написать «записку о горских племенах» для Николая I, иначе об этом в предисловии было бы обязательно упомянуто.

Указанная в предисловии цель «Записок о Черкесии» уже сама по себе свидетельствует о том, что автор приступил к своему труду, движимый патристическими

чувствами, желанием облегчить судьбу своего народа. Поэтому, когда Бенкендорф предложил Хан-Гирею представить царю записку о горцах, Хан-Гирей охотно воспользовался этой возможностью, хотя его, по-видимому, смущал весьма короткий срок, в который он должен был представить еще не вполне законченные «Записки о Черкесии». Надо полагать, что именно это обстоятельство помешало Хан-Гирею сразу представить царю свои «Записки» в полном объеме. Представленный первоначально Николаю I текст «Записок о Черкесии» не включал в себя всех задуманных автором глав, в частности — последней главы первой части «Записок» (Отделение четвертое, глава XVII), а также всего четвертого отделения второй части «Записок», включившего в себя четыре главы. Как поясняет автор, недостающие главы были еще им не закончены и он намеревался представить их позднее.

Но была и еще одна причина, которая затрудняла работу Хан-Гирея над его «Записками». Это — недостаточное владение им письменной русской речью. В. П. Бурнашев в своих воспоминаниях сообщает, что когда Хан-Гирей на предложение Бенкендорфа представить царю «Записку о горских племенах» сказал, что он «плохо пишет, ибо не умеет думать по-русски», то Бенкендорф ему ответил: «Не беспокойся об этом, Гирей, я познакомлю тебя с человеком, который считается генерал-полицимейстером русской грамматики и русского словосочетания; он тебе во всем поможет, и ты, благодаря ему к себе, изготовишь то, что тебе заказано»¹².

Под «генерал-полицимейстером русской грамматики» шеф корпуса жандармов подразумевал Н. И. Греча*, к которому он и дал рекомендательное письмо Хан-Гирею. «Греч,— по словам В. П. Бурнашева,— принял Хан-Гирея с восхищением и тотчас же пригласил его на первый четверг, на который черкес и не преминул явиться. В доме Греча Гирей произвел на всех самое выгодное

¹² В. П. Бурнашев. Указ. соч., стр. 38.

* Н. И. Греч — редактор-издатель журнала «Сын отечества» (с 1812 г.) и газеты «Северная пчела» (с 1828 г.); автор ряда трудов по русской грамматике, в том числе «Учебной книги русской словесности» (1822 г.), выдержавшей четыре издания, «Практической русской грамматики» (1827 г.), «Пространной русской грамматики» (1827—1833 гг.) и др.

впечатление, почему легко сделался царем вчераше, вовсе того не замечая»¹³.

В. П. Бурнашев весьма красочно описал первое появление Хан-Гирея на знаменитых «четвергах» Греча.

«В один из четвергов к Николаю Ивановичу Гречу, как теперь помню, явился новый гость, и гость оригинальный, и в своем роде очень рельефный. Вдруг неожиданно среди всего этого разнокалиберного сборища, в котором преобладали, однако, статские сюртуки, фраки, вицмундиры, явился молодой человек статный, тонкий, грациозно-гибкий, среднего роста, с маленькою головкою, имевшую симпатичное лицо, несколько смугловатое, при томных карих глазах, при шелковистых русых усиках, при каштановых, остриженных под гребенку волосах. Что-то необыкновенно живое, доброе, привлекательное развито было в этом новом госте кабинета-залы Греча... Этот гость был одет в вице-форму лейб-гвардии Горского полуэскадрона... На плечах были пышные полковничьи эполеты с царским вензелем; с правого плеча спускался серебряный аксельбант, что означало звание флигель-адъютанта... Кто же был этот молодой Черкес, гвардии полковник и флигель-адъютант? То был Хан-Гирей...»¹⁴

К этому описанию, которое не раз воспроизводилось в литературе о Хан-Гирее¹⁵, следует сделать одну существенную оговорку. Хан-Гирей появился впервые на «четвергах» у Греча в 1836 г., когда он еще не был (как мы уже указывали выше) ни полковником, ни флигель-адъютантом*. В. П. Бурнашев допускает ошибку, утверждая, что предложение Бенкендорфа Хан-Гирею о написании «Записки о горских племенах» было сделано ему, когда он уже имел этот чин и звание. Как известно, «Записки о Черкесии» были написаны в 1836 г. Следовательно, и первоначальное знакомство Хан-Гирея с Гречем состоялось в этом же году. На эту ошибку в датировке времени работы В. П. Бурнашева над рукописью

¹³ В. П. Бурнашев. Указ. соч., стр. 38.

¹⁴ Там же, стр. 36—37.

¹⁵ М. О. Косвен. Указ. соч., стр. 188—189; Т. Х. Кумиков. Указ. соч., стр. 11—12; Р. Х. Хашхожева. Указ. соч., стр. 9—10.

* В полковники Хан-Гирей был произведен 1 января 1837 г., а звание флигель-адъютанта получил 18 апреля 1837 г.

Хан-Гирея обратил внимание еще В. А. Дьяков¹⁶. Однако это замечание почему-то не было учтено последующими авторами, писавшими о Хан-Гирее. Так, М. О. Косвен безоговорочно относит встречу Хан-Гирея с В. П. Бурнашевым и первое появление Хан-Гирея на «четвергах» у Н. И. Греча ко времени после апреля 1837 г.¹⁷ Эту же дату, по существу, хотя и с оговорками, принимают Т. Х. Кумыков и Р. Х. Хашхожева¹⁸. Причем Р. Х. Хашхожева на этом основании полагает, что не могла состояться встреча Хан-Гирея с А. С. Пушкиным, который также посещал литературные «четверги» Н. И. Греча. Следует, однако, заметить, что возможность такой встречи не исключена, поскольку Хан-Гирей познакомился с Н. И. Гречем и стал посещать его «четверги» в самом начале 1836 г., вероятнее всего, в январе, то есть более чем за год до смерти А. С. Пушкина. К тому же следует заметить, что Хан-Гирей мог познакомиться с А. С. Пушкиным и через сослуживца — Султана Казы-Гирея, произведения которого («Долина Ажитугай» и «Персидский анекдот») А. С. Пушкин напечатал в 1836 г. в первых двух номерах своего журнала «Современник». У Хан-Гирея, в это время занятого своими «Записками о Черкесии», по-видимому, еще не было готовых художественных произведений, а то вполне возможно, что он стал бы автором пушкинского «Современника».

Указанная ошибка В. П. Бурнашева легко объяснима, если учесть, что он писал свои воспоминания спустя 35 лет после описываемых событий и знал Хан-Гирея не только в 1836 г., но и в более поздние годы, когда Хан-Гирей был уже и гвардии полковником и флигель-адъютантом.

Рассказывая о дальнейшем знакомстве Хан-Гирея с Гречем, В. П. Бурнашев пишет, что «в первый же раз, как он (Н. И. Греч. — *Ред.*) навестил Гирея и стал читать его черновые записки об адыгах, то есть о черкесах, то убедился, что не с его (Греча. — *Ред.*) нетерпеливым и быстро переносившимся с предмета на предмет характером можно заниматься разработкою записок Черкеса,

¹⁶ В. А. Дьяков. Записки о Черкесии, сочиненные Хан-Гиреем. — История СССР», 1958, № 5, стр. 174, прим. 5.

¹⁷ М. О. Косвен. Указ. соч., стр. 188.

¹⁸ Т. Х. Кумыков. Указ. соч., стр. 12; Р. Х. Хашхожева. Указ. соч., стр. 11.

написанных, кажется, и русскими буквами, но решительно... только не по-русски. И действительно, странное дело: Гирей говорил по-русски очень ясно и удовлетворительно, а чуть коснется писания, непременно выходила у него чепуха. «Видите ли, хан», говорил Греч Гирею. «Я не могу, будучи беден досугом, заниматься с вами составлением вашей записки, а дам вам молодого человека, очень усердного, который будет с вами этим делом заниматься... Все, что у вас будет написано, этот юноша будет доставлять мне, и я буду чистить и обрабатывать...» Юноша, избранный Гречем, был именно — я».

Таким образом, Бурнашев тоже подтверждает, что у Хан-Гирея к моменту знакомства с Гречем имелся уже черновой вариант его «Записок о Черкесии». С помощью Бурнашева и Греча «Записки о Черкесии» Хан-Гирея были литературно обработаны и представлены царю. Сам Хан-Гирей по этому поводу в своем предисловии пишет следующее: «Мои **Записки**, по незнанию моем грамматических правил русского языка, не могли быть представлены в таковом виде, в каком они вышли из-под слабого пера моего, и потому все погрешности в них противу грамматики исправлены двумя моими знакомыми...» Под «двумя знакомыми» Хан-Гирей как раз и подразумевал В. П. Бурнашева и Н. И. Греча. Выражая им благодарность, Хан-Гирей вместе с тем подчеркивает, что «они, исправляя единственно погрешности в правописании, не прибавляли ничего собственного».

Бурнашев в своих воспоминаниях отмечает, что он согласно указаниям Греча «должен был выслушивать рассказы Хан-Гирея и затем рассказ записывать, стараясь сохранить все подробности, потом исправлять слог, и когда все будет выглажено и перебелено, приносить к нему, Гречу, для некоторых исправлений...»¹⁹.

Итак, Бурнашев тоже отмечает, что всё его и Греча содействие Хан-Гирею в подготовке «Записок о Черкесии» сводилось к «исправлению слога».

Однако и здесь в воспоминания Бурнашева необходимо внести корректив. Как мы указывали выше, у Хан-Гирея уже имелся черновой текст его «Записок» и потому Бурнашеву не столько приходилось записывать рассказы Хан-Гирея, сколько исправлять готовый текст.

¹⁹ В. П. Бурнашев. Указ соч., стр. 39.

Читая рукопись «Записок о Черкесии» Хан-Гирея, нетрудно заметить, что она написана по хорошо продуманному плану с использованием разнообразных источников, собранных автором, а отнюдь не представляет собой запись устных рассказов.

Следует также отметить, что составить за столь короткий срок * обширный и обстоятельный труд, состоящий из более 900 рукописных страниц, по устным рассказам было совершенно невозможно.

У нас есть прямое указание Хан-Гирея, что он долгое время был занят сочинением своих «Записок». В неоднократно уже цитированном предисловии он пишет: «Если высокое мое начальство удостоит труд, который я имею честь представить, лестным для меня вниманием, то почту себя вполне вознагражденным за долговременные занятия, посвященные мною на сочинение Записок о Черкесии (выделено нами. — В. Г., Г. М.).»

Мы вряд ли ошибемся, если будем считать, что Хан-Гирей начал систематическую работу над «Записками о Черкесии» вскоре после своего возвращения в Петербург в декабре 1829 г. из похода в Польшу. До этого времени Хан-Гирей вряд ли мог спокойно и без прерыва заниматься научной работой, так как большую часть времени ему приходилось участвовать в различных военных кампаниях. «Записки о Черкесии» были закончены в начале 1836 г. Таким образом, Хан-Гирей около пяти лет посвятил написанию этого труда.

* * *

Бурнашев, сообщая о завершении Хан-Гиреем «Записок о Черкесии», ошибочно обозначает их другим названием. Он пишет: «...менее чем через шесть недель готова была рукопись Гирея: «Адыги (черкесы) и все близкие с ними племена», которую, в отлично каллиграфированном виде и украсив богатым атласным, с золотыми тиснениями, переплетом, автор поднес, через графа Бенкендорфа, как своего главного и единственного начальника, императору Николаю. Государь остался доволен тру-

* По воспоминаниям В. П. Бурнашева, работая над «Записками», он был у Хан-Гирея «не менее двадцати раз», а вся рукопись была готова «менее чем через шесть недель» (Указ. соч., стр. 40—41).

дом своего флигель-адъютанта горца*, несколько раз поставляя его в пример многим другим из своих приближенных офицеров и полусуштя, полусерьезно отзывался о нем, называя его: «Le Carap sine de la Circassie» (черкесский Карамзин. — *Ред.*)²⁰.

Опираясь на это сообщение Бурнашева, первый советский биограф Хан-Гирея М. О. Косвен считал, что Хан-Гиреем кроме «Записок о Черкесии» было написано еще другое сочинение под названием «Адыги (черкесы) и все близкие к ним племена», и предпринял поиски этого сочинения**. Естественно, что эти поиски, как отмечает сам М. О. Косвен, не увенчались успехом. Следовательно, у М. О. Косвена получаются из одной рукописи Хан-Гирея две самостоятельные рукописи с различной судьбой!

Ошибка М. О. Косвена повторяет Р. Х. Хашхожева, указывая, что до сих пор «остаются найденными две рукописи Хан-Гирея», причем она первой из таких рукописей называет «Адыги (черкесы) и все близкие к ним племена», которая, как она считает, была написана по заказу правительства позднее «Записок о Черкесии»²¹.

Р. Х. Хашхожева склонна, по-видимому, отождествлять рукопись, о которой идет речь в воспоминаниях В. П. Бурнашева, с докладной запиской Хан-Гирея «О кавказских племенах», которую ему было поручено составить в 1837 г. в связи с поездкой царя на Кавказ. Действительно, в 1837 г. Хан-Гирей представил начальству ряд записок о «кавказских племенах», где он излагал свои соображения об улучшении управления горцами, и прежде всего адыгами. Все эти записки сохранились в фондах Военного министерства, но ни одна из них по своему содержанию не могла послужить основанием для того, чтобы назвать ее автора «черкесским Карамзи-

* Здесь В. П. Бурнашев снова повторяет свою ошибку, считая, что Хан-Гирей в момент представления «Записок о Черкесии» был флигель-адъютантом.

²⁰ В. П. Бурнашев. Указ. соч., стр. 40—41.

** М. О. Косвен не точно воспроизводит название сочинения, упомянутого у В. П. Бурнашева. Вместо «Адыги (черкесы) и все близкие к ним племена», как у Бурнашева изменяется это сочинение М. О. Косвен называет его «Адыги (черкесы) и все близкие к ним племена» (М. О. Косвен. Указ. соч., стр. 189).

²¹ Р. Х. Хашхожева. Указ. соч., стр. 6 (ср. стр. 16).

ным», как это сделал Николай I. Такой работой из всего, что вышло из-под пера Хан-Гирея, может быть признано только его сочинение «Записки о Черкесии». Поэтому все поиски другого, аналогичного по содержанию с «Записками о Черкесии» труда Хан-Гирея нам представляются бесперспективными и основанными на недоразумении. Не приходится удивляться, что В. П. Буришев, воспроизводя по памяти название «Записок о Черкесии», дал им другое наименование.

В нашем распоряжении имеется свидетельство Бенкендорфа, подтверждающее, что представленный ему Хан-Гиреем в 1836 г. труд именовался именно «Записками о Черкесии», и, следовательно, Буришев явно ошибается, когда в своих воспоминаниях именуется их иначе. 24 декабря 1839 г., обращаясь к директору Департамента военных поселений графу П. А. Клейнмихелю с ходатайством вернуть Хан-Гирею рукопись его труда, Бенкендорф писал: «...Хан-Гирей представил мне в 1836 году сочиненные им записки о Черкесии»²².

* * *

Как видно из рапорта генерала А. А. Вельяминова от 13 апреля 1836 г. военному министру А. И. Чернышеву, к марту 1836 г. рукопись «Записок о Черкесии» Хан-Гирея включала в себя уже и недостававшую первоначально заключительную главу второй части «Записок», в которых излагались мнения Хан-Гирея «О мерах и средствах для приведения черкесского народа в гражданское состояние кроткими мерами, с возможным избежанием кровопролития»²³. К сожалению, эта последняя часть «Записок» Хан-Гирея утеряна и до сих пор ее не удалось обнаружить.

В. А. Дьяков на основании сохранившейся переписки²⁴ высказывает предположение, что «переплетенное в отдельную книгу четвертое отделение было закончено вскоре после завершения работы над первыми двумя книгами и представлено Хан-Гиреем царю вместе с последними»²⁵ (выделено нами. — В. Г., Г. М.).

²² ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, сп. 838, д. 149, л. 18—18 об.

²³ Там же, л. 2 об.

²⁴ Там же, д. 31, лл. 1—2.

²⁵ В. А. Дьяков. Указ. соч., стр. 177.

Это предположение В. А. Дьякова представляется нам не вполне верным по следующим соображениям. Во-первых, если бы рукопись четвертого отделения второй части «Записок о Черкесии» представлялась бы одновременно с рукописью первой и второй части «Записок», то не было бы необходимости делать в оглавлении второй части «Записок о Черкесии» специального примечания, что четвертое отделение будет представлено дополнительно и будет «переплетено отдельной тетрадью». Следовательно, третья книга (тетрадь) была представлена позднее, чем первые две книги. Во-вторых, у нас нет прямых данных, которые позволяли бы нам утверждать, что в третьей книге было переплетено все четвертое отделение. Судя по приведенному рапорту А. А. Вельяминова, в распоряжении которого была вся рукопись Хан-Гирея, включая и третью книгу, можно утверждать лишь, что в третьей книге имелась всего одна — заключительная глава четвертого отделения, которая являлась четвертой по счету. Можно предполагать, что первые три главы четвертого отделения (1. Замечания о важности черкесского народа между народами Кавказского края; 2. Замечания о причинах неприязненности черкесского народа к России; 3. Замечания о пользе просвещения горцев вообще) не были написаны Хан-Гиреем, ибо для него самой главной по своему содержанию была именно четвертая глава четвертого отделения. Эта заключительная глава «Записок о Черкесии», представлявшая по первоначальному замыслу Хан-Гирея важнейшую часть его труда, в процессе ее подготовки разрослась, что, видимо, помешало ему завершить четвертое отделение в полном его объеме.

В этой связи следует отметить, что командующий Отдельным Кавказским корпусом барон Г. В. Розен, которому после А. А. Вельяминова были также отправлены «Записки о Черкесии», возвращая это сочинение военному министру, 16 июня 1837 г. писал, что «значенное сочинение... может быть напечатано, за исключением последней книги о предложениях насчет устройства нового управления в Черкесии и разных мер к скорейшему распространению гражданственности между горцами»²⁶. Таким образом, мы можем считать, что

²⁶ ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 838, л. 149, л. 14—14 об.

третья книга «Записок» Хан-Гирея содержала не все главы четвертого отделения, а только его заключительную главу, которая превратилась в самостоятельную третью часть сочинения.

Сам Хан-Гирей именовал эту третью книгу «Записок» третьей частью. Обращаясь к военному министру А. И. Чернышеву 4 декабря 1839 г. с просьбой вернуть его «Записки», Хан-Гирей писал, что в 1836 г. он представил А. Х. Бенкендорфу «сведения о черкесских племенах, заключающиеся в трех частях»²⁷ (выделено нами. — В. Г., Г. М.).

В связи с этой просьбой Хан-Гирея в Департаменте Генерального штаба было заведено специальное дело, озаглавленное «О просьбе флигель-адъютанта полковника Хан-Гирея относительно возвращения ему представленной им в сей Департамент в 1836 г. рукописи в трех частях, заключающей в себе сведения о черкесских племенах»²⁸.

Таким образом, мы можем считать окончательно установленным, что представленные в 1836 г. Хан-Гиреем «Записки о Черкесии» состояли из трех книг, или частей. Следует отметить, что на это обстоятельство впервые указывает В. А. Дьяков²⁹. Говоря о третьей части «Записок о Черкесии» Хан-Гирея, нельзя не отметить, что М. О. Косвен ошибочно считал, что она представляла собой совершенно самостоятельную записку, никак не связанную с «Записками о Черкесии». По этому поводу М. О. Косвен пишет: «В 1836 г. Хан-Гирей выступил в качестве представителя своих родных горцев. В этом году им была подана в Генеральный штаб обширная записка, которая была, по-видимому, озаглавлена «Предложения о средствах приведения черкесов в гражданское состояние кроткими мерами, с возможным избежанием кровопролития»; так по крайней мере эта рукопись Хан-Гирея именуется в официальной переписке»³⁰.

Таким образом, М. О. Косвен внес и в без того сложную историю «Записок о Черкесии» путаницу, допустив

²⁷ ЦГВИА. ф. 38, оп. 20/275, св. 745, д. 86, л. 2.

²⁸ Там же, лл. 1—7.

²⁹ В. А. Дьяков. Указ. соч., стр. 173.

³⁰ М. О. Косвен. Указ. соч., стр. 186—187.

две серьезные ошибки. Во-первых, он, не разобравшись в воспоминаниях Бурнашева, считает, что Хан-Гирей написал в 1837 г. особое сочинение под заглавием «Адыги (черкесы) и все близкие с ними племена», хотя под этим названием Бурнашев подразумевал «Записки о Черкесии». Во-вторых, он представляет третью часть «Записок о Черкесии» как самостоятельную работу.

* * *

«Записки о Черкесии» Хан-Гирея, в которых впервые давалась глубокая и всесторонняя характеристика адыгских народов, были столь выдающимся для своего времени произведением, что Николай I, заинтересованный в получении достоверных сведений о Черкесии, не мог не оценить важности этого труда. Можно полагать, что успешное выполнение этой работы в значительной степени способствовало дальнейшему продвижению Хан-Гирея по службе и принесло ему высокий чин полковника гвардии, придворное военное звание флигель-адъютанта и должность командира Кавказско-горского полуэскадрона.

В 1837 г. Хан-Гирей получает от Николая I весьма ответственное и щекотливое поручение. В секретном предписании военного министра флигель-адъютанту и гвардии полковнику Хан-Гирею от 25 мая 1837 г. указывалось, что «государь-император, предположив обозреть в течение наступившей осени Кавказскую и Закавказскую области, между прочими видами, решившими его императорское величество на предприятие столь дальнего путешествия, изволит иметь целью, присутствием своим в тех местах, положить прочное основание к успокоению кавказских горских племен и к устройству будущего их благосостояния». В связи с этой поездкой царя на Кавказ Хан-Гирею предлагалось объявить горским обществам черкесского племени о предстоящем прибытии царя на Кавказ и склонить их к отправлению к царю делегации «с целью испрошения постоянного управления, которое, состоя под непосредственным ведением российского начальства, обеспечило бы их внутреннее благосостояние».

Для избежания «всяких недоразумений и сбивчивости» Хан-Гирею предлагалось позаботиться о предвари-

тельном составлении «общей программы обязательств, которые горские племена с изъявлением... покорности необходимо принять на себя должны». Кроме того, Хан-Гирей должен был подготовить проект «Положения об управлении горнами».

Хотя Хан-Гирей принял все зависящие от него меры для выполнения задания правительства и даже добился того, что во время поездки Николая I в 1837 г. на Кавказ ему были представлены «депутаты» горских народностей, но главная цель поездки царя не была достигнута: закубанские черкесы ему не подчинились.

Поездка Хан-Гирея на Кавказ дала ему возможность во многом освежить свои знания черкесского быта и углубить их, что было им в дальнейшем использовано при написании его этнографических работ. Видимо, во время этой поездки на Кавказ, продолжавшейся почти два с половиной года, Хан-Гирей, наряду со своими служебными обязанностями, продолжал интенсивно заниматься сбором историко-этнографического материала, и в особенности фольклора, использованного им затем в своих произведениях, большинство которых он не успел опубликовать при жизни.

В 1839 г., находясь на родине, в Гривенском ауле, Хан-Гирей пишет свое первое увидевшее свет при его жизни произведение «Черкесские предания» (опубликовано в журнале «Русский вестник», 1841, № 4—5).

19 ноября 1839 г. Хан-Гирей вернулся в Петербург, будучи уже тяжело больным³¹. 17 марта 1840 г. А. Х. Бенкендорф писал военному министру А. И. Чернышеву: «Командир лейб-гвардии кавказско-горского полускадрона флигель-адъютант Хан-Гирей, будучи с давнего времени одержим сильною болью в боку и ослаблением правой руки, при всем усилии медиков не чувствуя никакого облегчения... по уверению врачей для совершенного излечения должен быть хотя на некоторое время отправлен на родину». Как сообщает далее А. Х. Бенкендорф, царь разрешил Хан-Гирею отпуск на год -- «для пользования себя кавказскими минеральными водами»³². 4 апреля 1840 г. Хан-Гирей был уволен в отпуск с сохранением получаемого им содержания³³.

³¹ ЦГВИА, ф. 4, оп. 6, кор. 154, л. 185, л. 163—163 об.

³² Там же, л. 1—2.

³³ Там же, л. 7.

30 апреля 1841 г. Хан-Гирей вернулся в Петербург. Однако состояние его здоровья продолжало ухудшаться, и по его просьбе Николай I разрешил ему 1 июня 1841 г. «по причине болезни» возвратиться на Кавказ с тем, чтобы, «числясь в конвое его величества, он был употреблен... там сообразно положению его здоровья»³⁴.

5 июня 1841 г. Хан-Гирей уехал в Екатеринодар и, по-видимому, поселился недалеко от города в своем родовом имении «Султанский курган» (в 10 верстах от Екатеринодара), где в конце 1842 г. умер.

Хотя смерть Хан-Гирея, тяжело болевшего продолжительное время, кажется, несмотря на его молодой возраст (34 года), вполне естественной, он, по сообщению В. П. Бурнашева, был, по-видимому, отравлен своими врагами.

«Фанатичный мюридизм, — пишет В. П. Бурнашев, — давно отметил Гирея как жертву свою. Однажды, утолив жажду прохладительным и здоровым кумысом, Гирей почувствовал потребность предаться сну; он действительно сладко заснул с улыбкой на устах, но с тем, чтобы уже не просыпаться; мюридисты умертвили его отравленным кумысом»³⁵. Не исключена, конечно, возможность насильственной смерти Хан-Гирея. Он своей прогрессивной деятельностью и особенно своим стремлением сблизить Черкессию с Россией несомненно вызвал ненависть протурецки настроенных адыгских феодалов и мусульманского духовенства, что и могло побудить их воспользоваться тяжелой болезнью Хан-Гирея для того, чтобы устранить его при помощи отравленного кумыса.

* * *

В последний период своей жизни Хан-Гирей, несмотря на тяжкую болезнь, продолжал упорно и систематически заниматься подготовкой новых произведений. Свой годовой отпуск, который он провел на родине, а также последние полтора года жизни Хан-Гирей использовал с максимальной возможностью. Об этом свидетельствуют дошедшие до нас публикации его тру-

³⁴ ЦГВИА, ф. 330, кorr. 175, д. 479, л. 1—1 об.

³⁵ В. П. Бурнашев. Указ. соч., стр. 42.

дов, которые, по всей вероятности, не исчерпывают литературное наследие Хан-Гирея⁴.

В последний год жизни Хан-Гирея было опубликовано еще одно его произведение: «Вера, нравы, обычаи, образ жизни черкесов»³⁶. Этот очерк по своему содержанию совпадает почти буквально с рядом глав первой и второй части «Записок о Черкесии». Из первой части «Записок» в этот очерк включена глава пятая второго отделения. Видимо, потому, что глава о религии дана в первой части «Записок», Хан-Гирей начинает свой очерк описания черкесов с религии. Из второй части «Записок о Черкесии» в очерк включены главы отделения третьего, озаглавленного «Нравы и обычаи», в том числе: глава третья («Воспитание»), которая составляет в очерке второй раздел под тем же названием; глава четвертая («Празднества, игры, пляски и телесные упражнения»), которая составляет в очерке четвертый раздел под тем же названием; глава пятая -- «Женитьба и свадебные обряды» — в «Русском вестнике» озаглавлена «Супружество и свадебные обряды» и идет третьим разделом; глава десятая («О содержании раненого») — в очерке идет шестым разделом и озаглавлена «Содержание раненого»; глава одиннадцатая («Погребение и поминки») в очерке составляет седьмой раздел под тем же названием. Кроме того, в очерк включена из отделения первого второй части «Записок» глава шестая («Препровождение времени»), которая составляет пятый раздел очерка.

Сравнение текстов очерка и «Записок о Черкесии» показывает, что они отличаются друг от друга лишь редакционными изменениями, которые, вероятно, были сделаны редакцией «Русского вестника», а, может быть, отчасти и самим автором при подготовке текста к печат-

⁴ Редакция газеты «Кавказ», публикуя в 1846 г. (№ 35) в статье «Мифология черкесских народов» извлечения из «Записок о Черкесии» Хан-Гирея, писала: «Мы заимствуем, на первый раз, некоторые отрывочные сведения... из записок просвещенного горца, который, трудясь в продолжении многих годов над собираньем обычаев, поверий и исторических событий своей родины, оставил множество драгоценных материалов» (выделено нами.—В. Г., Г. М.). Таким образом, в распоряжении редакции этой газеты, видимо, были оставшиеся после смерти Хан-Гирея рукописи его сочинений.

³⁶ «Русский вестник», 1842, № 1.

ти. Следует сказать, что редакционные изменения текста в очерке не всегда улучшают текст «Записок», который теряет иногда свою точность, конкретность и выразительность, хотя в большинстве случаев текст очерка в литературном отношении написан лучше. Тот факт, что Хан-Гирей в своем очерке «Вера, нравы, обычаи, образ жизни черкесов» смог воспроизвести соответствующие главы первой и второй части «Записок о Черкесии», показывает, что в распоряжении автора находился полный второй экземпляр этого сочинения.

Об этом свидетельствуют также и другие произведения Хан-Гирея, напечатанные уже после его смерти, в которых автор использовал текст «Записок о Черкесии». Прежде всего это относится к «Мифологии черкесских народов», опубликованной в газете «Кавказ» за 1846 г., № 35 (перепечатано в «Сборнике газеты «Кавказ», 1846 г., второе полугодие, Тифлис, 1847). Редакция газеты, публикуя эту статью, делает прямое указание, что текст ее заимствован из «Записок о Черкесии» Хан-Гирея.

Хан-Гирей за шесть лет, после завершения «Записок о Черкесии», успел написать еще несколько оригинальных произведений, в которых он частично использовал материалы «Записок». По-видимому, наиболее крупным трудом из задуманных Хан-Гиреем после написания «Записок о Черкесии» было сочинение под заглавием «Биографии знаменитых черкесов и очерки черкесских нравов». Из этого сочинения после смерти Хан-Гирея были опубликованы два очерка: «Беслый Абат» («Кавказ», 1847, № 42—47) и «Князь Ишской Аходягоко» («Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 17, Тифлис, 1893).

Кроме того, перу Хан-Гирея принадлежат две небольшие работы, написанные на основе адыгских преданий: «Князь Канбулат» («Русский вестник», 1844, № 10) и «Насзд Кунчука» («Кавказ», 1846, № 37—38). Во всех перечисленных выше трудах можно найти места, совпадающие с соответствующими главами «Записок о Черкесии»*.

* См. напр.: «Беслый Абат» и «Записки о Черкесии», ч. 1, отделение четвертое, гл. IX.

Таким образом, всего нам известно семь опубликованных произведений Хан-Гирея. Его же первый и основной труд — «Записки о Черкесии» — оставался до сих пор неопубликованным. Чем же объясняется это? Как будет показано ниже, у первого произведения Хан-Гирея оказалась очень сложная судьба.

* * *

После того как Николай I ознакомился с «Записками о Черкесии» Хан-Гирея, он распорядился направить их на рассмотрение кавказского начальства. 3 марта 1836 г. «Записки» Хан-Гирея были переданы А. А. Вельяминову, который, по-видимому, находился в это время в Петербурге и поэтому смог представить свои соображения уже 13 апреля 1836 г.*

А. А. Вельяминов, будучи сторонником подчинения горцев лишь военными средствами и известный своими жестокими экспедициями за Кубань, в глубь Черкесии, не мог, конечно, встретить с одобрением сочинение Хан-Гирея, главная идея которого сводилась к тому, что черкесов следует привести «в гражданское состояние кроткими мерами с возможным избежанием кровопролития». Поэтому, отзывавшись о познавательном значении «Записок» Хан-Гирея в общем отрицательно, считая, что они носят комплиментный характер, А. А. Вельяминов главное внимание уделил последней, третьей части труда Хан-Гирея.

«Записки о Черкесии» Хан-Гирея, возвращенные А. А. Вельяминовым, были по распоряжению Николая I

* Рапорт А. А. Вельяминова от 13 апреля 1836 г. помечен «Санкт-Петербург». В этой связи следует отметить, что Т. Х. Кумыков ошибочно указывает, что А. А. Вельяминов направил свои замечания на проект Хан-Гирея в Петербург. Приводимый же в работе Т. Х. Кумыкова «Хан-Гирей» (стр. 19—20) отрывок из воспоминаний генерала А. А. Филиппова относится не к 1836 году и не к замечаниям А. А. Вельяминова на третью книгу «Записок о Черкесии» Хан-Гирея, приложенным к его рапорту от 13 апреля 1836 г., как полагает Т. Х. Кумыков, а, скорее всего, к более поздним запискам Хан-Гирея, содержащим также проекты преобразования управления горскими народами. Подобные записки Хан-Гирей представлял в 1837 и 1838 гг. Эти даты более подходят к описываемому в воспоминаниях А. А. Филиппова разговору с А. А. Вельяминовым, поскольку А. А. Филиппов именует Хан-Гирея в это время полковником и флигель-адъютантом.

направлены на отзыв командиру Отдельного Кавказского корпуса генерал-адъютанту Г. В. Розену. Между тем Хан-Гирей, видимо внимательно следивший за судьбой «Записок о Черкесии», узнав, что Вельямнов возвратил их в Военное министерство, попросил через Бенкендорфа вернуть ему это сочинение.

11 мая 1836 г. Бенкендорф обратился к исполняющему обязанности военного министра В. Ф. Адлербергу с просьбой прислать ему «Записки о Черкесии» Хан-Гирея, которые, по имеющимся сведениям, находятся у генерал-лейтенанта Ф. Ф. Шуберта. 12 мая 1836 г. Бенкендорфу было сообщено из Военного министерства, что «Записки» Хан-Гирея, «по высочайшему повелению» направлены на рассмотрение Г. В. Розену.

Г. В. Розен 16 июня 1837 г., возвращая «Записки о Черкесии» Хан-Гирея, писал военному министру А. И. Чернышеву: «Означенное сочинение, ныне к вашему сиятельству обратно препровождаемое, содержащее в себе большей частью сведения, изданные уже другими сочинителями, может быть напечатано за исключением последней книги»³⁷.

Однако замечание Г. В. Розена, что первые две книги сочинения Хан-Гирея могут быть напечатаны, не встретило поддержки в Военном министерстве. Генеральный штаб донес А. И. Чернышеву, что автор «Записок» не просит разрешения печатать их, «напротив того, в предисловии (к «Запискам». — В. Г., Г. М.) сказано, что записки не предназначены сочинителем к изданию в свет»³⁸.

Это донесение Генерального штаба вполне устраивало А. И. Чернышева, и он 4 сентября 1837 г. наложил резолюцию: «Сочинение Хан-Гирея приобщить к секретным сведениям, имеющимся в Департаменте Генерального штаба о горских народах».

Генеральный штаб в своем докладе военному министру не очень точно изложил смысл соответствующего места предисловия Хан-Гирея к «Запискам о Черкесии», где автор касается вопроса о их возможном печатании. Хан-Гирей по этому поводу в предисловии писал: «Не знаю, будут ли когда-нибудь изданы в свет здесь пред-

³⁷ ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 838, л. 149, л. 14—14 об.

³⁸ Там же, л. 16 об.

даваемые **Записки**: я их писал не для публики. Почему, не распространяя это предисловие на все предметы, которые я почел бы нужным пояснить, издавая в свет мое сочинение, не могу, однако ж, умолчать о некоторых его недостатках».

Таким образом, в действительности Хан-Гирей не исключал в дальнейшем возможности издания своих «Записок». В предисловии он лишь отмечал, что в данном виде они еще не подготовлены к печати, и под некоторыми «недостатками» своего сочинения подразумевал погрешности литературного стиля.

Более того, следует указать, что в тексте самих «Записок» Хан-Гирей в прямой или косвенной форме говорит о возможности их появления в печати. Так, приводя в первой части «Записок» таблицу рек в Черкесии и отмечая, что сведения, которыми он располагал по этому вопросу, были не вполне удовлетворительными, Хан-Гирей пишет: «Однако ж я почел неизлишним здесь поместить эти сведения в той надежде, что они принесут сколько-нибудь пользы просвещенным путешественникам, посещающим Черкесию...»³⁹. Очевидно, что помещенные в «Записках» сведения могли принести пользу путешественникам только в случае их опубликования.

В третьей части (книге) Хан-Гирей уже прямо пишет, что он предполагает печатать свои «Записки». Согласно текстуальному извлечению, приведенному в замечаниях А. А. Вельяминова, приложенных к его рапорту от 13 апреля 1836 г., Хан-Гирей в примечании 25 говорит, что он «умалчивает» о средствах, с помощью которых следует преодолеть некоторые затруднения в осуществлении его проектов, ибо это «не должно быть помещаемо в сочинениях, публике предлагаемых»⁴⁰.

Из приведенных примеров можно сделать вывод, что у Хан-Гирея по мере того, как его труд близился к завершению, укреплялось намерение готовить свои «Записки» к печати. Правда, обращая 4 декабря 1839 г. к военному министру А. И. Чернышеву с просьбой вернуть ему «Записки о Черкесии», Хан-Гирей мотивирует эту просьбу (видимо, по дипломатическим соображениям) тем, что ему необходима «эта рукопись для со-

³⁹ Хан-Гирей. Записки о Черкесии, ч. 1, стр. 65—66.

⁴⁰ ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 838, д. 149, л. 10—10 об.

ображения с проектом Положения об управлении мирными горскими племенами»⁴¹, над составлением которого он в то время работал.

Не получив своей рукописи, Хан-Гирей предпринимает в декабре же новую попытку добыть ее при помощи А. Х. Бенкендорфа. 24 декабря 1839 г. Бенкендорф обратился по этому вопросу лично к директору Департамента военных поселений графу П. А. Клейнмихелю. Сославшись на то, что в 1836 г. Хан-Гирей представил ему «Записки о Черкесии», он писал: «Ныне, сколь мне известно, записки сии находятся у генерал-лейтенанта Шуберта, а так как Хан-Гирей желает получить их обратно, как свою собственность, и потом напечатать, то я, со своей стороны, одобряя вполне сие намерение, покорнейше прошу ваше сиятельство приказать означенное сочинение доставить ко мне для вручения по принадлежности»⁴².

Видно, письмо А. Х. Бенкендорфа было доложено царю 30 декабря 1839 г., так как на нем имеется следующая помета: «Высочайшего соизволения не последовало. 30 декабря 1839 г.». 12 января 1840 г. П. А. Клейнмихель сообщил Бенкендорфу, что «Государь-император по всеподданнейшему докладу отношения вашего сиятельства изволили отозваться, что сочиненные флигель-адъютантом Хан-Гиреем в 1836 г. записки о Черкесии должны остаться в библиотеке Генерального штаба и печатать их неудобно»⁴³.

Таким образом, даже всемогущий Бенкендорф не смог добиться возвращения «Записок о Черкесии» их автору и помочь Хан-Гирею в их опубликовании, так как судьбу этих записок решал сам царь. Николай I и в деле с сочинениями Хан-Гирея показал свойственное ему вероломство и двурушничество. Делая вид, что он покровительствует Хан-Гирею, царь в действительности использовал его в своих интересах и запретил публиковать его главный научный труд «Записки о Черкесии», скрыв их на многие десятилетия от читателя.

⁴¹ ЦГВИА, ф. 38, оп. 20/275, св. 745, л. 86, л. 2.

⁴² ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 838, л. 18—18 об.

⁴³ Там же, л. 20—20 об.

Рукопись Хан-Гирея, находясь по распоряжению Николая I на хранении в библиотеке Генерального штаба, продолжала числиться за Департаментом военных поселений, после упразднения которого в 1857 г. она была передана в архив Управления прегулярных войск⁴⁴. Затем она оказалась в библиотеке Московского отделения Общего архива Главного штаба. Поэтому она не была учтена описями Военно-ученого архива (ВУА), который впоследствии вошел в состав Центрального государственного военно-исторического архива (ЦГВИА), а попала в библиотеку этого архива. Из-за этого «Записки о Черкесии» Хан-Гирея и в советские годы долгое время оставались неизвестными для исследователей. Лишь в 1958 г. научный сотрудник ЦГВИА В. А. Дьяков случайно обнаружил в научно-справочной библиотеке названного архива рукопись сочинения Хан-Гирея.

Найдены пока только две части «Записок о Черкесии».

* * *

«Записки о Черкесии» Хан-Гирея представляют собой весьма ценное и обстоятельное историко-этнографическое описание адыгов. Это, по существу, энциклопедия адыгской жизни первой половины XIX в. Невольно возникает вопрос: каким образом Хан-Гирей проявил столь глубокие и обширные знания о Черкесии, которую он покинул еще в детстве и до 1836 г. посетил лишь один раз проездом в 1829 г., возвращаясь после окончания русско-турецкой войны в Петербург?

По-видимому, Хан-Гирей еще в детстве проявлял необычный для ребенка интерес к этнографии и истории родного народа. Его исключительные способности позволяли еще в ранние годы жизни приобрести такие знания о жизни и быте адыгов, которые в значительной степени помогли ему при написании «Записок о Черкесии». Впечатлительный и любознательный мальчик сохранил надолго о своей памяти все то, что видел и слышал в детстве. Примером того, как Хан-Гирей использовал в

⁴⁴ ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 838, л. 149, л. 22 об.

своих трудах впечатления детства, могут служить его воспоминания в «Беслыйый Абат» о своем аталыке⁴⁵.

Другим важным источником разнообразных сведений о Черкесии для автора «Записок» несомненно являлась информация его соотечественников, служивших вместе с ним в Кавказско-горском полуэскадроне. Среди нескольких десятков горцев, числившихся в полуэскадроне*, были представители различных адыгских народов. Если к тому же учесть, что через каждые два года часть служивших в полуэскадроне горцев заменялась вновь прибывшими, то у Хан-Гирея была возможность постоянно обновлять и расширять контингент своих информаторов. Среди служивших в полуэскадроне адыгов было немало лиц, весьма хорошо осведомленных о прошлой и современной жизни горцев, в том числе такие знатоки адыгской истории, быта и фольклора, как Шора Ногмев, Султан Казы-Гирей и другие.

Кроме того, в Петербург часто приезжали земляки Хан-Гирея, и автор «Записок», естественно, не упускал случая добыть у них материал, который мог бы оказаться полезным для его сочинения. Так, безусловно, много ценных сведений для своих «Записок» Хан-Гирей почерпнул у Беслыйый (Бесленей) Абата, приезжавшего в Петербург в 1834 г. и подолгу беседовавшего с Хан-Гиреем, как об этом он сам пишет в своем сочинении «Беслыйый Абат».

С какой тщательностью и скрупулезностью Хан-Гирей собирал свои сведения для «Записок о Черкесии», показывает таблица названий «рек и речек, орошающих черкесские земли, с примечаниями, куда впадают и какие места, лежащие в их окрестностях, заслуживают особенного внимания». В эту таблицу включено 411 рек и речек. Хан-Гирей со свойственной ему самокритичностью пишет по поводу этой таблицы, что заключающиеся в ней сведения, «...собранные мною наскоро, по разным показаниям, — неудовлетворительны; лица, которые сообщали мне эти сведения, во многом между собою

⁴⁵ Хан-Гирей. Беслыйый Абат. — Сборник газеты «Кавказ», 1846, второе полугодие. Тифлис, 1847, стр. 738.

* В 1828 г. в полуэскадроне числилось семьдесят три человека, в том числе три обер-офицера, один эфенди, шесть юнкеров, сорок оруженосцев и двадцать три служителя (С. Петин. Указ. соч., стр. 50)

противоречили...»⁴⁶. Как видно из приведенных слов Хан-Гирея, он не просто собирал сведения, а сопоставлял информацию, полученную от разных лиц, при этом, если имелась возможность, сравнивал и с данными, опубликованными в литературе. Так, говоря о протекающей в Кабарде реке Аргудан, Хан-Гирей делает следующее примечание: «Действительно, сия река находится в Кабарде, хотя г. Броневский сомневался в том, опровергая упоминание о сей речке, сделанное Гильденштетом»⁴⁷.

Таким образом, основным и наиболее ценным источником при написании «Записок о Черкесии» для Хан-Гирея являлись отнюдь не литературные данные, как это пытались представить Вельяминов и Розен. Если учесть, что об адыгах (черкесах) в русской литературе тогда было еще очень мало достоверных сведений, то станет ясно, что Хан-Гирей и не мог широко использовать печатные источники.

И действительно, Хан-Гирей использовал в своих «Записках о Черкесии» весьма мало печатных работ. По существу, кроме трудов С. М. Броневского «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе», ч. I и II (М., 1823), И. Дебу «О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске» (СПб., 1829), Хан-Гирей при написании своего сочинения другой литературой не пользовался. Сам Хан-Гирей со свойственной ему добросовестностью в предисловии к «Запискам о Черкесии» писал: «Относительно географических и вообще ученых сведений, равно и некоторых других предметов, я с признательностью пользовался сочинениями: Дебу и, в особенности, Броневского, и все заимствованное из этих сочинений старался оставить в первоначальном виде там, где это можно было сделать: желая, побудившие меня трудиться, чужды чувства, заставляющего людей передко, списав чужие труды другими словами, выдавать за собственные произведения».

Надо сказать, что даже использование книги Броневского в «Записках» носит довольно ограниченный и в общем критический характер⁴⁸, и потому, например, географические сведения, сообщаемые Хан-Гиреем о Чер-

⁴⁶ Хан-Гирей, Записки о Черкесии, ч. I, стр. 65.

⁴⁷ Там же, стр. 67.

⁴⁸ Ср.: Хан-Гирей, Записки о Черкесии, ч. I, стр. 49, 52, 63, 64 и др.

кессии, в своей наиболее важной части являются вполне оригинальными. Более широко Хан-Гирей приводит цитаты из С. М. Броневского в тех главах «Записок о Черкесии», где он касается истории адыгов. В частности, глава III четвертого отделения первой части «Записок» почти целиком состоит из текста Броневского.

Содержание «Записок о Черкесии» показывает замечательную широту, разносторонность и систематичность этого произведения, что было впервые отмечено известным советским ученым М. О. Косвеню. Он же справедливо подчеркивает, что в тогдашнем кавказоведении «ничего подобного «Запискам о Черкесии» не существовало»⁴⁹.

В качестве образца для своего произведения Хан-Гирей избрал труд А. И. Левшина «Описание киргиз-казахских или киргиз-кайсацких орд и степей», изданный в Петербурге в 1832 г. Сравнение «Записок о Черкесии» с названным трудом А. И. Левшина показывает, что как план самого произведения, так и порядок расположения отдельных частей в них в основном совпадают⁵⁰.

Следует отметить, что сочинение А. И. Левшина принадлежит к числу лучших произведений русской этнографической литературы первой половины XIX в. Справедливо высоко оценивая труд А. И. Левшина, Хан-Гирей неоднократно приводит выдержки из него для сравнения с адыгским этнографическим материалом и для подтверждения своих мыслей.

Хотя «Записки о Черкесии» писались Хан-Гиреем как монографическое научное исследование, он уже и в них в ряде случаев обнаруживает присущий ему дар художественного изображения природы, исторических событий и личностей. Так, например, Хан-Гирей весьма ярко описывает природу Черкесии⁵¹. Живой и образный стиль изложения исторических событий в «Записках о Черкесии» напоминает «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина. Не случайно Николай I, ознакомившись с «Записками» Хан-Гирея, назвал его «черкесским Карамзиным».

⁴⁹ М. О. Косвен. Указ. соч., стр. 199.

⁵⁰ Подробнее см.: М. О. Косвен. Указ. соч., стр. 200.

⁵¹ Хан-Гирей. Записки о Черкесии, ч. I, стр. 48.

«Записки о Черкесии» Хан-Гирея, хотя и являются трудом этнографическим, в то же время проникнуты глубоким историзмом. Описывая современный ему быт адыгов, их хозяйство, общественный строй, материальную и духовную культуру, Хан-Гирей постоянно обращается к историческому прошлому, показывает изменения, которые происходили в жизни адыгов под влиянием социальных и политических обстоятельств.

Подчеркивая значение истории, Хан-Гирей писал в своем труде: «История народов есть предмет важный; его изучать не только любопытно, но даже необходимо, чтобы иметь о них удовлетворительные понятия»⁵². Он хорошо понимал значение истории для потомства, которое познает из нее «бытие и деяние предков». Хан-Гирей представлял и трудности, сопряженные с изучением истории тех народов, у которых не было своей письменности и которые поэтому не могли предоставить историку «ясных и удовлетворительных материалов». Признавая необходимость написания «общей систематической истории» адыгов, Хан-Гирей, однако, не ставил в «Записках» перед собой такую задачу, указывая, что это «есть дело, превосходящее мои познания; притом в сочинении, преимущественно посвященном настоящему состоянию в нем описываемого народа, неуместно входить в слишком отвлеченные изыскания» (выделено нами.—В. Г., Г. М.)⁵³.

Замечательно, что Хан-Гирей так глубоко понимал задачи этнографической науки, которая должна, по его словам, преимущественно изучать современное состояние описываемого народа. Однако, несмотря на эту оговорку, которая справедливо указывает на разницу между этнографическими и историческими сочинениями, Хан-Гирей в то же время в своей работе часто прибегал к историческим экскурсам, без которых нельзя было объяснить те или иные современные ему этнографические явления. В этом отношении он показал себя настоящим ученым исследователем, который не ограничивается простым описанием фактов, а пытается выяснить их исторические корни.

⁵² Хан-Гирей. Записки о Черкесии, ч. 1, стр. 87.

⁵³ Там же, стр. 87—88.

В качестве примера можно сослаться на то, как Хан-Гирей в своих «Записках» объясняет сосуществование в современной ему Черкесии пережитков язычества и христианства, переплетавшихся с распространенным уже в то время у черкесов исламом. Подробно описав в главе «Религия» сохранившиеся у черкесов пережитки языческих верований, Хан-Гирей затем отмечает, что у «нынешних черкес» мы находим также «явные следы христианства», такие, например, как песня в честь святой Марии, название дней недели, употребление изображения креста. «Все это, — пишет Хан-Гирей, — удостоверяет нас в том, что предки нынешних черкесов были христианами. Но здесь кажется странным то, что в остатках древнего исповедания этого народа являются признаки христианства и идолопоклонства... Это обстоятельство заставляет думать, что не все черкесы были христианами, вопреки мнению некоторых писателей, но лишь некоторые колена (т. е. племена. — В. Г., Г. М.), принявшие христианское исповедание по влиянию* греков. И когда эти последние не могли поддержать ими введенную веру, то она, ослабевая постепенно, наконец обратилась в идолопоклонство...»⁵⁴

Надо сказать, что это объяснение Хан-Гирея упадка христианской веры у черкесов и их частичного возвращения к язычеству является и в свете современной исторической науки правильным. Вместе с тем Хан-Гирей безусловно прав, когда предполагает, что христианство в свое время получило распространение не среди всех адыгских племен, а лишь среди части их.

Следует также подчеркнуть, что подход Хан-Гирея ко многим вопросам истории и этнографии адыгов был новаторским. Он смело выступал против общепринятых, но зачастую ошибочных представлений о горах вообще, а об адыгах в частности и в особенности. Так, Хан-Гирей в самом начале своих «Записок», характеризуя природные условия Черкесии, пишет, что «название **горцев**, даваемое черкесам в числе прочих кавказских народов, не должно подавать мысль, что земли черкесов заключаются в одних горах, ущельях и не-

* Так в тексте.

⁵⁴ Хан-Гирей. Записки о Черкесии, ч. I, стр. 99.

больших долинах, между кряжами гор лежащих, ибо и половина земель черкесских не покрыта горами, а... состоят в пространных и прекраснейших равнинах, лежащих с северной стороны гор, начиная с запада от берегов Черного моря, где река Кубань впадает в него, на восток до самой границы, т. е. до слияния рек Суижи с Тереком»⁵⁵.

Исключительно велики заслуги Хан-Гирея в раскрытии классовой структуры адыгского общества, которое он определяет как феодальное⁵⁶. Никто до него с такой ясностью и четкостью не показал специфику феодальных отношений у адыгов, обострение антагонизма и ход классовой борьбы в Черкесии в конце XVIII и первой трети XIX в. Он одним из первых повествует о «демократическом перевороте», имевшем место у шапсугов, натухайцев и абадзехов после Бзюкской битвы 1796 г.

Весьма трезво оценивая сущность этого переворота и понимая, что плодами его воспользовалась главным образом верхушка вольных земледельцев (льфокотан), Хан-Гирей в то же время отмечает, что племена, имевшие так называемое «народное правление», достигли в некоторых отношениях больших успехов, чем «княжеские владения», в которых сохранилась неограниченная власть феодалов. В частности, эти племена не знали феодальных междоусобиц, от которых так сильно страдали княжеские владения⁵⁷.

Хотя Хан-Гирей сам принадлежал к адыгской феодальной верхушке, он в «Записках о Черкесии» не щадит своих собратьев по классу, показывает их тунеядство, вероломство и жестокость. Он отмечает, что «господствующий класс в Черкесии» считает, как это имеет место и в других странах, «земледельческие работы постыдными для своего сана»⁵⁸ и большую часть времени «проводит в праздности или в упражнениях, праздностию же порождаемых»⁵⁹. Главным занятием феодалов являлось «наездничество», то есть набеги на соседние племена с целью захвата добычи, наиболее

⁵⁵ Хан-Гирей. Записки о Черкесии, ч. 1, стр. 48.

⁵⁶ В. К. Гарданов. Общественный строй адыгских народов. М., 1967, стр. 129—130, 161 и сл.

⁵⁷ Хан-Гирей. Записки о Черкесии, ч. 1, стр. 149—150.

⁵⁸ Там же, стр. 124.

⁵⁹ Там же, ч. 2, стр. 252.

ценной частью которой являлись пленные, обращавшиеся в рабство. «В таких разбойнических, но воинственных упражнениях,— пишет Хан-Гирей,— проводят они осень, почти до наступления знымы, а весну — до сильных жаров лета»⁶⁰.

Хан-Гирей отмечает также жестокую эксплуатацию феодалами крепостных крестьян, их «произвол», «варварство» и насилие⁶¹. Он указывал, что феодалы не только присвоили себе множество прав и привилегий, но часто, злоупотребляя своей силой, нарушают установленные обычным правом нормы взаимоотношений с крестьянами. Он писал, что «самовластие сильных владельцев, переступив условия, дарованные крестьянину при его водворении против обычаев и законов своей земли, налагает на него (крестьянина. — В. Г. Г. М.) оковы рабства, и семейство несчастного делается жертвою бесчеловечия владельцев»⁶².

Особенно Хан-Гирей осуждал чрезмерную власть князей: «Князья, — писал он, — в своих владениях имеют право захватывать людей, угнать лошадей и скот из аулов... Это вредное обыкновение доставляет князьям возможность всегда щедро дарить приятелей и гостей, разоряя своих подвластных»⁶³.

В качестве орудия своей власти князья использовали особых должностных лиц, так называемых биеколов, пещадно притеснявших крестьян. «Князья, — отмечает Хан-Гирей, — желая, чтобы их воля всюду исполнялась беспрекословно, этих биеколов уполномочивают, так сказать, представлять особу их самих... следствием же этого бедные земледельцы, видя в биеколах особы самих князей, пред ними трепещут, а сии варвары свирепствуют в полном смысле этого слова (выделено нами. — В. Г., Г. М.) в аулах, подвластных князьям»⁶⁴.

Хан-Гирей верил, что существующие недостатки общества можно изменить путем распространения просвещения. Он склонен был объяснять многие общественные пороки лишь невежеством людей. Поэтому он очень

⁶⁰ Хан-Гирей. Записки о Черкесии, ч. 2, стр. 252—253.

⁶¹ Там же, ч. 1, стр. 121, 124—126.

⁶² Там же, стр. 126.

⁶³ Там же, стр. 129—130.

⁶⁴ Там же, стр. 121—122.

сожалел, что «черкесы на собственном языке не имеют книг, ибо лишены лучшего приобретения человеческого разума — письмен»⁶⁵.

Хан-Гирей придавал большое значение созданию черкесской письменности, неоднократно возвращался к этому вопросу и подчеркивал, что «это совершенно возможное, даже и легкое дело»⁶⁶. Высказывая сожаление, что многие события черкесской истории можно восстанавливать лишь предположительно или на основании «темных преданий», он замечает: «Такова жалкая участь народов непросвещенных: их бытие и дела проходят безмолвно и теряются во мгле забвения»⁶⁷.

Описывая многочисленные суеверия, распространенные среди черкесов, Хан-Гирей указывал, что они являются результатом невежества народа. «Народы непросвещенные, — пишет он, — обыкновенно бывают суеверны: они, все минувшее облекая грубым баснословием, ищут более сверхъестественных чудес, чтобы им приписать **события**, нежели простым рассудком объяснить их естественными причинами»⁶⁸. Хан-Гирей отмечал, что феодалы и духовенство в своих интересах использовали суеверие народа⁶⁹.

Придерживаясь прогрессивных для своего времени исторических взглядов, будучи по своим воззрениям убежденным сторонником просвещения, Хан-Гирей при описании различных сторон черкесского хозяйства и быта не упускает случая подчеркнуть, что адыги, как и другие горцы, больше всего страдали от темноты и невежества, от экономической и культурной отсталости. Указывая, что земля черкесов плодородна, удобна для земледелия и скотоводства, богата полезными ископаемыми, лесами и другими природными ресурсами, он вместе с тем отмечает, что адыги не умеют должным образом использовать природные богатства своей страны, а правительство им в этом не помогает⁷⁰.

Не ограничиваясь констатацией отсталости экономической жизни адыгов, Хан-Гирей со своей стороны пред-

⁶⁵ Хан-Гирей. Записки о Черкесии, ч. I, стр. 105.

⁶⁶ Там же, стр. 95.

⁶⁷ Там же, стр. 100.

⁶⁸ Там же, стр. 118.

⁶⁹ Там же, стр. 101—102.

⁷⁰ Там же, стр. 61.

лагает ряд мер, с помощью которых можно поднять народное хозяйство Черкесии, лучше использовать ее производительные силы. Так, он указывает, что можно устранить острый недостаток в соли и сократить ее вывоз в страну адыгов, если усовершенствовать добычу соли из соляных источников: «...извлекать из них соль по тем правилам, которые употребляются в Европе...»⁷¹

Точно так же он указывает на необходимость технического усовершенствования добычи железа, свинца, селитры и серы.

Замечательно, что Хан-Гирей предлагает в своих «Записках» даже запрудить реки Черкесии (Кубань, Пшишь, Псекупс) с тем, чтобы они стали судоходными и открыли путь для сбыта продуктов горных черкесов⁷².

Не имея возможности рассмотреть все высказывания Хан-Гирея о необходимости усовершенствования хозяйства черкесов, мы опускаем многие другие места в «Записках о Черкесии», где Хан-Гирей выступает как широко мыслящий реформатор. Вызывает удивление, что Хан-Гирей, будучи еще совсем молодым человеком, которому к концу его работы над «Записками» исполнилось только 27 лет, мог с таким знанием дела судить о самых разнообразных отраслях хозяйства адыгов и предлагать конкретные меры по их рациональному развитию.

* * *

Важнейшей частью «Записок о Черкесии» являются специальные этнографические главы, содержание которых не потеряло своего научного значения до сих пор. Более того, они являются незаменимым источником для всех изучающих этнографию адыгов XIX в.

Следует отметить, что Хан-Гирей чрезвычайно широко понимал задачи этнографического описания народа и не ограничивался такими традиционными для этнографических сочинений темами, как занятие населения, жилище, пища, одежда, свадебные и похоронные обряды, а включил в свой труд специальные главы, посвященные рождению и воспитанию ребенка, присвоению ему имени, празднествам, музыке, танцам, играм, спортивным упражнениям, содержанию раненого и мно-

⁷¹ Хан-Гирей. Записки о Черкесии, ч. 1, стр. 58.

⁷² Там же, стр. 54.

гим другим сторонам жизни адыгов. В «Записках о Черкесии» дается и специальное описание устнопоэтического творчества адыгов. Адыгский фольклор и, в частности, парусский эпос могут считать Хан-Гирея своим первооткрывателем.

В «Записках» Хан-Гирей дал и первые, записанные нотными знаками, образцы адыгских напевов.

Такое разнообразие содержания труда Хан-Гирея представляется уникальным не только на фоне тогдашних этнографических работ, но и при сравнении с современными монографиями историко-этнографического содержания.

Исключительной заслугой Хан-Гирея как этнографа адыгского народа являлась его объективность в описании черкесских нравов и обычаев. Он старался по возможности проверить все сообщаемые ими этнографические данные и строго придерживался истины. Несмотря на свой патриотизм и горячие симпатии к родному народу, Хан-Гирей в своих описаниях черкесского быта был, по справедливому замечанию М. О. Косвена, «совершенно чужд какой-либо идеализации» и не останавливался перед критикой отрицательных сторон этого быта с позиции ученого-просветителя.

Подводя итоги характеристики Хан-Гирея как ученого, исследовавшего историю и этнографию своего народа, следует подчеркнуть, что появление его «Записок о Черкесии» стало возможным лишь в результате освоения им передовой русской культуры. «Хан-Гирей, — писал М. О. Косвен. — вырос среди русских, в России. Русской культуре, в ее сочетании с национальными традициями своего народа, обязан он был своим образованием, развитием, формированием личности и характера, развитием своих природных дарований»⁷³.

Высоко оценивая значение «Записок о Черкесии» Хан-Гирея, мы не должны забывать, что в этом труде содержится немало ошибочных высказываний и рассуждений, обусловленных классовой принадлежностью автора. Хотя Хан-Гирей был для своего времени передовым человеком и видел многие недостатки современного ему адыгского общества, он не выступал против его основных устоев и не мог окончательно преодолеть

⁷³ М. О. Косвен. Указ. соч., стр. 208.

взгляды и психологию адыгской феодальной знати, к которой он принадлежал. Этим объясняется классовая ограниченность предлагавшихся Хан-Гиреем преобразований общественного быта адыгов.

* * *

Печатаемая ниже рукопись «Записок о Черкесии» Хан-Гирея состоит из двух частей, каждая из которых была переплетена в отдельную книгу с самостоятельной нумерацией листов. В рукописи был пронумерован лишь основной текст «Записок»; предисловие, а также оглавление и примечания к первой и второй частям не имели нумерации.

Таким образом, в первой части «Записок» был пронумерован 251 лист*, что составляет всего 501 страницу, так как последний, 251-й, лист основного текста этой части не имеет оборота. Кроме того, в первую часть «Записок» входит: 1) оглавление — 2 листа с оборотом (4 страницы); 2) предисловие (в рукописи — «Вместо предисловия») — 2 листа с оборотом (4 страницы); 3) примечания (40 примечаний) — 17 листов, из которых последний без текста на обороте (33 страницы). Во второй части «Записок» пронумеровано основного текста 152 листа с оборотом (304 страницы). Кроме того, вторая часть содержит: 1) оглавление, в котором один лист не имеет текста на обороте; 2) примечания (18 примечаний) — 6 листов с оборотом (12 страниц). Следует также отметить, что каждая часть имеет свой титульный лист, а примечания — особый заглавный лист.

Текст «Записок о Черкесии» написан крупным широким почерком на плотной писчей бумаге форматом 32 на 20 сантиметров.

Текст печатается по правилам новой орфографии и пунктуации, но с сохранением особенностей написания слов.

Необходимо отметить, что, несмотря на редактирование «Записок о Черкесии» В. П. Буриашевым и

* В оглавлении рукописи Хан-Гирея листы названы «страницами», хотя нумерация дается только лицевой части листа («страницы»).

Н. И. Гречем, текст имеет значительные погрешности стиля и отступления от тогдашних грамматических правил русского языка. Особенно это выражается в синтаксических конструкциях, которые в большинстве случаев весьма сложны, что нередко затрудняет понимание смысла фраз. По-видимому, В. П. Бурнашев и Н. И. Греч не успели как следует отредактировать текст из-за срочности работы, которую пришлось завершить менее чем за полтора месяца. И сам автор, Хан-Гирей, должен был спешить с завершением своих «Записок», часть которых у него имелась лишь в черновом варианте, а отдельные главы даже еще не были написаны.

Печать списка лежит на многих страницах рукописи. Она, в частности, проявилась в разночтениях, которые отмечаются в наименовании ряда глав в оглавлении «Записок» и в самом тексте «Записок». Видимо, оглавление было составлено до того, как текст рукописи подвергся окончательной доработке, в процессе которой названия некоторых глав были уточнены. Так, в первой части «Записок» глава XIII первого отделения в оглавлении названа: «Исчисление рек и речек», а в тексте к этому добавлено: «орошающих черкесские земли»; глава III отделения второго в оглавлении названа: «История», а в тексте «Записок» имеет название: «Взгляд на общую историю», что более соответствует содержанию главы, и т. д.

Чтение текста рукописи затрудняет также принятая Хан-Гиреем транскрипция топонимических, этнических и социальных терминов, которые он дает исходя из правил родного для него бжедугского диалекта адыгского языка*. Стремясь с помощью русских букв возможно точнее передать фонетические особенности бжедугского диалекта и, в частности, характерное для него стечение нескольких согласных в начале и середине слов, Хан-Гирей весьма усложнил написание адыгских терминов, особенно этнических, которые в «Записках о Черкессии» нередко отличаются от принятых тогда в литературе и официальных документах.

В. К. ГАРДАНОВ, Г. Х. МАМБЕТОВ

* Переводчик воспроизводил эту транскрипцию весьма небрежно, допуская различное написание одних и тех же терминов, что внесло в текст рукописи дополнительную путаницу.

ЗАПИСКИ

ЧЕРКЕСИИ

Сочиненная

Ханъ-Гиреемъ.

ЧАСТЬ 1.

С. Петербурга.

1836.

Обложка рукописи Хан-Гирея «Записки о Черкесии». Часть I.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Обязанности мои по службе в течение пребывания моего здесь, в С.-Петербурге, доставляли мне неоднократно случай быть свидетелем тех пожертвований, которые правительство делает для блага кавказского края... С одной стороны, это обстоятельство, с другой, совершенная мне **известность** Черкесии, вменяют мне в священную обязанность представить высокому моему начальству о гражданственном устройстве сей страны мои **мнения**, которые заключаются — или почти заключаются — в последней главе сего сочинения; но дабы вместе с тем доставить начальству и возможность яснее рассмотреть этот предмет, и притом, будучи убежден совершенно, что познание законов, прав, обычаев этого народа и им занимаемой страны, весьма мало Европе известных, сколько любопытно каждому образованному человеку, столько же и необходимо для просвещенного начальника, желающего мудро управлять этим краем, я присовокупил полное описание народа черкесского, описание, которое составлено мною со всевозможною добросовестностью и без всякого притязания на литературную известность.

Не знаю, будут ли когда-нибудь изданы в свет здесь предлагаемые **Записки**: я их писал не для публики. Почему, не распространяя это предисловие на все предметы, которые я почел бы нужным пояснить, издавая в свет мое сочинение, не могу, однако ж, умолчать о некоторых его недостатках.

Мои **Записки**, по незнанию моем грамматических правил русского языка, не могли быть представлены в таком виде, в каком они вышли из-под слабого пера моего, и потому все погрешности в них противу грамматики

исправлены двумя моими знакомыми, которым изъявляя чувствительнейшую мою благодарность, долгом почитаю их оградить от упрека, который читатель мог бы сделать им, найдя неясность в описаниях любопытных предметов, сказав здесь, что они, исправляя единственно погрешности в правописании, не прибавляли ничего собственного; следовательно, все темные места и вообще недостатки, как равно буде читатель найдет что-либо заслуживающее внимания, принадлежат мне одному. Такое строгое объяснение не должно показаться странным: истина и справедливость, в важных, как и в маловажных делах одинаково священные, сего требуют.

Относительно географических и вообще ученых сведений, равно и некоторых других предметов, я с признательностью пользовался сочинениями: Дебу и, в особенности, Броневского, и все заимствованное из этих сочинений старался оставить в первоначальном виде там, где это можно было сделать: желания, побудившие меня трудиться, чужды чувства, заставляющего людей нередко, описав чужие труды другими словами, выдавать их за собственные произведения.

Если высокое мое начальство удостоит труд, который я имею честь представить, лестным для меня вниманием, то почту себя вполне вознагражденным за долговременные занятия, посвященные мною на сочинение **Записок о Черкесии**. Заслужить хорошее внимание начальства я поставлял всегда первойшею целью моей жизни и буде не всегда успевал в том, то недостаток усердия к службе государя и истрадение к исполнению обязанностей, на меня начальством возлагаемых, не были тому причиною; душевное в этом убеждение будет оставаться величайшим для меня утешением.

ЗАПИСКИ О ЧЕРКЕСИИ

[ЧАСТЬ I]

ОТДЕЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

СОДЕРЖАНИЕ:

Положение, границы и наружный вид страны. Климат. Воды. Источники. Селитра и сера. Металлы. Произрастения. Животные четвероногие. Птицы. Рыбы. Насекомые. Достопамятности. Исчисление рек и речек, протекающих черкесские земли.

ГЛАВА I

ПОЛОЖЕНИЕ, ГРАНИЦЫ И НАРУЖНЫЙ ВИД СТРАНЫ

Черкесские земли лежат между 55° и 63° долготы от острова Ферро и между 45° и 44° северной широты и, следовательно, простираются в длину слишком на 600 верст, начиная от устья Кубани вверх по этой реке, а потом по Куме, Малке и Тереку до границ Малой Кабарды, которые простирались прежде до самого слияния реки Сунжи с рекою Тереком. Ширина различна и заключается от вышеупомянутых рек на полдень по долинам и по скатам гор в разных кривизнах, имеющих от 20 до 100 верст расстояния, составляя таким образом длинную узкую полосу, которая, начиная от восточного угла, образуемого сли-

инием Суижи с Тереком, то расширяется, то опять стесняется, следуя на запад вниз по Кубани до берегов Черного моря. Черкесские земли граничат к северу с землею черноморских казаков и Кавказскою областью; к западу с Черным морем; к востоку с землями, занимаемыми аксаевскими кумыками, Брагунскою деревнею и чеченцами; к югу с землями кистов, осетинцев, балкарцев и абхазцев, неопределенною чертою.

Название **горцев**, даваемое черкесам в числе прочих кавказских народов, не должно подавать мысль, что земли черкесов заключаются в одних горах, ущельях и небольших долинах, между краями гор лежащих, ибо и половина земель черкесских не покрыта горами, а прочие части состоят в пространных и прекраснейших равнинах, лежащих с северной стороны гор, начиная с запада от берегов Черного моря, где река Кубань впадает в него, на восток до самой границы, т. е. до слияния рек Суижи с Тереком. Равнины эти, по беспокойному образу жизни туземцев, остающиеся почти без всякой пользы, также не состоят из единообразных утомительных для глаза степей, и путнику не встречается там бесплодных долин; напротив того, во многих местах здешние долины покрыты лесами и перерезываются высокими холмами, да и вообще они волнисты и испещрены курганами. Берга многих рек, их орошающих, утесисты и величественны. По местам находятся болота с растущим в них камышом, и вся страна покрыта растениями. Вообще наружный вид прекрасной этой страны, облагодетельствованной природою, превосходен: передовые горы увенчаны дремучими лесами, из-за них возвышаются до облаков снежные вершины горделивых белков*, этих Альп Кавказа; сотни речек и ручьев, с шумом вытекая из гор, наполняют ущелья и равнины, и все это представляет глазам пленительную и величественную картину, которая заставляет просвещенного путника сожалеть о народе, чуждом хозяйственного трудолюбия и не наслаждающемся прелестями роскошной природы, не умея пользоваться благотворными ее дарами.

* Так в подлиннике. (Ред.)

КЛИМАТ

По общему систематическому разделению, климат в Черкесии находится в умеренной полосе, говорит г. Броневский, который полагает причиною его суровости значительное возвышение равнин от морского горизонта. Во многих местах, отстоящих одно от другого не в дальнем расстоянии, примечаются большие перемены в атмосфере, так что на одной стороне возвышенного кряжа среди довольно суровой зимы табуны лошадей и овец пасутся без нужды на подножном корму; между тем как в то же время на другой стороне свирепствуют бури и стужи. Эту перемену приписывают различным переломам гор, направлениям ущельев, низменным и болотистым местам; влиянию моря и морских ветров. Так полагают по правилам географии. Судя же сообразно с понятиями самих жителей — туземцев, вообще климат этой страны, кажется, было бы прилично разделить примерно на три полосы, а именно: на суровую или холодную, на сурово-умеренную и на умеренную. К первой полосе должно отнести высокие хребты гор; к второй — возвышенные равнины, отстоящие далеко от берегов моря, и гористые места, где летом обыкновенно пасутся табуны лошадей и овец и не бывает жаров; к третьей — принадлежат берега Черного моря, низкие долины внутри гор и ущелья, защищенные от ветров и несколько отдаленные от снежных вершин. Из этого расположения по полосам не видно еще, чтобы в Черкесии находились места, подлежащие жаркому климату, однако во всех равнинах, исключая гористые возвышения, летом бывают сильные жары, от которых делаются на земле большие трещины; иногда и рабочий народ принужден бывает укрываться от нестерпимого зноя, хотя здесь жары и не доходят до такой степени, как в Моганских и других степях Закавказского края.

Впрочем, в какой части страны, черкесами занимаемой, до какой именно степени простираются жары и стужи, еще не исследовано надлежащим образом, и все замечания относительно этого предмета, здесь помещаемые, сделаны лишь по тому влиянию, какое чувствуют жители, которые не имеют и понятия о том, каким образом опре-

делять должно состояние атмосферы, и суть не что иное, как предположения, дающие, однако ж, понятие о тех местах, которые более других избираемы туземцами для жительства: на местах, подведенных под первый разряд, не селятся без величайшей нужды; места, под второй разряд подведенные, более предпочитаются для пастбищ летом, нежели для жительства, по причине стужи; места же третьего разряда в особенности избираются для жительства.

ГЛАВА III

ВОДЫ

Воды прекрасной страны, занимаемой черкесами, состоят из трех главнейших рек, множества речек, трех небольших озер и одного моря.

а) РЕКИ

Ниже этого я наименовал в особенной статье (см. сего отд[еления] глав[у] 13) все реки и речки, орошающие земли здесь описываемого народа, с кратким примечанием о том, какие из мест, омываемых ими, заслуживают особое внимание; описание же главнейших рек, более подробное, здесь предлагается.

Главнейшие реки Черкесии суть: 1) Терек, 2) Кума и 3) Кубань.

1. Терек

Терек есть одна из величайших рек кавказских; река эта берет свое начало из восточной стороны снеговых гор, служащих подножием и протяжением **Эльбруса**, и течет на восток до Коби; оттуда поворачивает на север и выходит через ущелье, называемое собственно Кавказским, у Владикавказской крепости на обширную равнину и, протекая по ней, извивается разными кривизнами, поворачивая большей частью на северо-запад до совокупления с Малкою у Екатериноградской станицы, потом направляет течение свое на юго-запад до приятия в себя реки Сунжи, наконец, обращается на северо-восток и в этом направлении изливается в Каспийское море многими рукавами в 60 верстах от Кизляра. Течение Терека заклю-

часть в себе не более 400 верст. От выхода из гор до принятия реки Суинжи Терек течет через земли черкесов, разделяя Большую и Малую Кабарды, до принятия в себя Малки; потом отделяет земли последней от Кавказской области до принятия в себя Суинжи; дальнейшее же течение Терека до устья Суинжи не имеет более связи с землями народа черкесского.

Терек в течении по Черкесии принимает множество рек, из коих важнейшие: а) Суинжа и б) Малка.

а) **Суинжа** (по-черк[есски] Сунтчь) берет свое начало от Кавказских известковых гор, между которыми течет более к северу и потом в средних горах и близ оных — к северо-востоку и впадает подле Шадрина в Терек с правой стороны, весьма приметно его наводняя. В дни могущества кабардинцев Суинжа служила настоящею границею на восток между Черкесисю и землями кумуков и чеченцев.

б) **Малка** (по-черк[есски] Балк) вытекает из северной подошвы Эльбруса не в дальнем расстоянии от истоков **Кумы** и **Кубани**. Сначала течет на северо-восток, потом поворачивает на с[евер]-с[еверо]-в[осток] и, приняв в себя несколько речек, сливается с Тереком ниже Екатеринограда, где не уступает этому последнему своей величиною.

2. Кума

Вершины Кумы находятся у северного подножия Эльбруса между источниками* Малки и Кубани. Кума разливается по беспредельным равнинам, лежащим на севере гор, и, соединяясь с Малою Кумою, течет мимо достопамятных развалин, называемых **Большие Маджары**. При **Нижних Маджарах** разделяется на многие рукава и болота, опять соединяется в одну желобину, потом опять разливается на болота и озера; наконец, в 15-ти верстах от Каспийского моря теряется в песках, разливаясь на многие озера, которые во время вешних вод при высокой морской воде сообщаются с заливом Каспийского моря, называемым **Кумской култук**. Озера, преимущественно почитаемые за устья Кумы, суть: Худоцкое, Малая и Средняя Кума. Длина течения Кумы содержит в себе более 400 верст.

* Так в подлиннике; следует читать: «истоками». (Ред.)

Вершины Кумы, по выходе ее из Черных гор, славятся местами, превосходными для пастбищ, куда сгоняют табуны свои кабардинцы, абазинцы, алтикесские и тахтамышские нагайцы, если опасность от набегов тому не препятствует. Лес растет в вершинах ее в изобилии. Однако ж, несмотря на все эти выгоды земель черкесских, по вершине Кумы лежащих, они не заселены по причине частых набегов. Одни лишь пастухи там наслаждаются в летнее время прекрасным воздухом.

Г. Броневский полагает, что народ куманы, или половцы, который до XIII столетия кочевал на равнинах, в окрестностях Кумы лежащих, от этой реки и получил это название.

Сарматы называли Куму Удоном, черкесы именуют ее Кумшхо (Большая Кума) для различия от Малой Кумы, впадающей в нее. В Куму также вливаются разные речки, но главнейшее свое приращение получает она от Малой Кумы, называемой русскими Подкумок, а черкесами Кумцкор, т. е. Малая Кума.

Малая Кума, или **Подкумок** (по-черк[есски] Кумцук), выходит из одного края с Большою Кумою, но восточнее этой последней и почти смежно с ее источниками*, потом выливается на северные равнины и, обошед** Бештовские горы, впадает в Большую Куму, приняв в себя несколько речек, и в том числе **Нартсан**, своим названием напоминающий черкесам о славных нартах или богатырях --- героях народных их преданий (см. ниже прим. 1)***.

3. Кубань

Эта река, в древние времена у разных народов под разными названиями известная (см. ниже прим. 2), есть важнейшая и величайшая из всех рек Черкесии. Она берет свое начало из северо-западного подножия горы Эльбруса и выходит на северные равнины, делая разные изгибы в разных направлениях и, постепенно наклоняясь к западу, отделяет черкесов (исключая черкесов Боль-

* Так в подлиннике. (Ред.)

** Так в подлиннике. (Ред.)

*** Примечания Хан-Гирея. В подлиннике цифры в примечаниях у Хан-Гирея заключены в скобки.

шой и Малой Кабарды) от Кавказской области и Черноморского казачьего войска.

Таким образом, составляя в настоящее время границу, Кубань, протекши около 500 верст от своего истока, вливается одним главнейшим или юго-западным рукавом в Черное море, где образует обширный залив под названием **Кизильташского** лимана, известного у греков под именем **Синдикос** лимана; а посредством одного из северных рукавов, начиная от Капыла, сообщается с Азовским морем, а другим — с Темиргойским лиманом. Это разделение Кубани образует острова, известные под общим именем Тамана (см. ниже прим. 3).

Кубань всякую зиму замерзает, вскрывается же в марте месяце; в верховьях своих она быстрее, далее же к своему впадению в море имеет течение тихое. Река эта довольно глубока и во время своего полноводья (особенно весною) выходит из берегов и в это время представляет удобное плавание и для больших плоскодонных судов на 200 и более верст; во время же мелководия (обыкновенно осенью) и на этом расстоянии находятся на ней во многих местах броды.

Северный берег Кубани, говоря вообще, безлесен, напротив, южный — изобилует лесом. Кубань принимает в себя все реки Закубанской Черкесии, вытекающие из гор на северные равнины. Из числа этих рек главнейшие, начиная с востока к западу, суть следующие:

1) **Большой Зеленчук** (по-черкесски Инчидьшо) быстрая и каменистая река; она впадает в Кубань у Невинного мыса; туда же впадает при Старом Окопе и Малый Зеленчук (по-черк[есски] Инчидьзий).

2) **Уоарп** количеством вод и длиною своего течения знатнее обоих Зеленчуков. Река эта течет разными извилинами и вливается в Кубань между Западного поста и Прочно-Окопа. При выходе из гор в самых вершинах желобина Уоарпа образует глубокое и неприступное ущелье.

3) **Лаба**. Эта река есть важнейшая из кубанских рек; она имеет в длину более 200 верст и образуема двумя реками, из коих восточная называется **Малая Лаба**, а западная — **Большая Лаба**, которые по взаимном слиянии получают собственное свое название и впадают у Устьлабинской крепости в Кубань, которой доставляют

величайшее приращение, ибо сами принимают в себя множество речек.

В вершинах Лабы, между утесистыми берегами, есть мрамор, также в изобилии растет тисовый, или негнойный, лес, в особенности между обоими Лабами.

4) **Шххакоаше** не менее знатная и чрезвычайно быстрая река; она в 25-ти верстах от устья Лабы впадает в Кубань против Воронежского редута, имея течение на северо-запад.

5) **Пишишь** и 6) **Псекупс** тихие свои воды вливают в Кубань: первый—противу Константиновского, второй — Павловского кордонов в Черноморском казачьем войске. Берега их покрыты дремучими лесами. Если бы оказалось удобным запрудить устья этих рек и соединить с ними текущие в окрестностях их речки, то они, наполняя свои берега обильными водами, могли бы открыть с горами водяное сообщение, которое принесло бы ту пользу, что черноморские казаки могли бы получать от черкесов строевой лес и камень по дешевым ценам.

7) **Афипс**. Эта река гораздо значительнее двух предыдущих и впадает в Кубань повыше Велико-Лагерного кордона, что в Черноморском же казачьем войске.

8) **Адекум** весьма значительная река. По выходе из гор на северо-восток круто поворачивает на северо-запад и течет параллельно с Кубанью. Одним протоком она соединяется с рукавом Кубани, называемом **Кара-Кубань**, а пониже — правым берегом принимает отделение Кара-Кубани, называемое Ерлы, и в то же время, приняв с обеих сторон множество малых речек, которых взаимное совокупление производит множество островов, озер и болот, впадает в юго-западное устье Кубани.

Здесь упомянутые кубанские реки, можно сказать, служат рукавами, через которые множество речек и ручьев, напоющих ущелья и равнины, с северной стороны гор лежащие, вливаются в Кубань.

Во время пребывания турок в Анапе нередко черкесы, живущие вверху Кубани, водою по этой реке доставляли в Анапу произведения своей земли для продажи; и ныне, при водворении в этом крае тишины и порядка, водяные сообщения, при маловажных трудах и издержках в сравнении с теми, которые употребляются для рытья каналов, могли бы способствовать торговой деятельности, и нет сомнения, что во время обширной торговли черкес

и кубанских татар с Крымом (см. 2 часть, отд[еление] 2, глав [у] 7) Кубань служила величайшим для этого облегчением.

Таким образом, Терек, Кума, наконец, и Кубань, поглощая в себя реки, орошающие северные равнины Кавказа, несут их воды в моря Черное и Каспийское.

б) ОЗЕРА

Несмотря на множество вод, орошающих земли черкес, там нет значительных озер. Впрочем, три небольших озера, находящихся в пределах Кабарды, заслуживают внимания по свойству их вод. Озера эти:

1) Етдакко-коль.

Вода в этих небольших двух озерах, одно подле другого находящихся, имеет вкус соленый, почему и служит лишь пойлом для скота.

2) Демхгетле-коль.

Вода здешняя имеет такое же свойство, как и предыдущая.

3) Тамбий-коль.

На этих двух озерах, одно от другого не в дальнем расстоянии отстоящих, иногда садится соль; вода в них служит также для напоения скота. Грязь, на дне их находящаяся и называемая сас, привозима бывает и в дома, ибо она содержит соляные частицы и заменяет употребленные соли, но только для скота.

4) Абрахго.

Это озеро находится близ берегов Черного моря в пределах Натхокоадьского племени. Оно заслуживает внимания лишь по прелестному своему положению среди прекрасных и плодоносных гор. Ширина его простирается на расстояние пушечного выстрела, а в длину еще более; речка, вытекающая из озера под ее же названьем, впадает в Черное море; в ней вода пресная. Кроме этих озер есть еще несколько ничего не значащих озер, образуемых рукавами некоторых рек; озера эти не заслуживают особенного внимания.

в) МОРЕ

Черное море по естественному своему положению входит в систему вод Черкесии, но подлежащее описание моря было бы здесь неуместным, да оно и превосходит

мой познания; однако ж я почитаю нензлншнм сказать несколько слов о пристанях, находящихся у берегов Черного моря, прилежащих к Черкесии.

Анапа, крепость и пристань, лежит в 30-ти верстах от западного устья Кубани (Бугаз) при впадении в море речки **Бгхур**. Крепость расположена на скате предгория, несколько вдавшегося мысом в море на северо-запад от гор, начинающихся в расстоянии около одной версты на юго-восток от крепости, которая примыкает стенами своими к самому морю и в окружности имеет около трех верст. Крепостное строение и ров от одного берега моря до другого одеты камнем; со стороны же моря высокий утесистый берег служит лучшею защитою. Пристань Анапская есть открытый рейд. На южной и юго-западной стороне от крепости морской берег состоит из высоких известковых скал; тут морская глубина весьма значительна. К северу и северо-западу берег понижается вполовину, море становится мельче и показываются отмели наружу.

Осада и покорение Анапы во время последней войны с турками (1828 год) есть один из блистательных подвигов российского оружия. Малочисленный наш отряд должен был вести правильную осаду противу крепости, довольно хорошо укрепленной и снабженной военными и съестными припасами, крепости, в которой сильный и вдвое превосходивший числом российское войско гарнизон защищался с упорностью, свойственною туркам при выдерживании и самой страшной осады. В то же время осаждающий отряд, можно сказать, с другой стороны был сам осаждаем. Многочисленная и лучшая в мире для партизанской войны черкесская конница неоднократно угрожала ворваться в самый стан наших войск, и, несмотря на удачные ее отражения, мы принуждены были от быстрых и неожиданных нападений черкес оградить тыл нашего лагеря разными земляными укреплениями. Кавалерия же наша была безопасна лишь среди наших пехотных колонн. Однако ж глубокое познание в военном искусстве вождя русских войск, храбрость воинов, его примером и ласковым обхождением поощряемых, удачное действие артиллерии преодолели все опасости и все преграды. Анапа пала, и флаг победителей водружен был на сокращенном бастионе крепости после упорной осады, подтвердившей слова знаменитого Суворова: «Порядок и устройство все робеждают».

Сунжук-Кале - - четырехугольный замок с кирпичными стенами, имеющий в каждой стороне не более ста сажен длины, лежит в 35 верстах сухим путем от Анапы на юго-восток. Сунжукская гавань почитается за изрядную; она углубляется в берег на 5 верст длины и на 3 версты ширины; с южной стороны прикрыта высокими утесами. В нее впадает речка **Цемез**. От Сунжук-Кале на расстоянии около 5 часов езды на юго-восток лежит Геленджикский залив, довольно обширный, но мало посещаемый. От этого залива на юго-восток же расстояние до границы Черкесии с Абхазиею простирается около 30 верст.

ГЛАВА IV

ИСТОЧНИКИ

а) Теплые

На землях, ныне населяемых черкесами или им принадлежащих, кроме Павловских теплиц, находящихся в Малой Кабарде и уже известных из ученых исследований г. Гильденштета, есть еще два теплых источника по реке Псекупсе*, что за Кубанью в горах, занимаемых абедзахами.

Эти теплицы состоят из двух источников, один подле другого находящихся. Края обоих обложены срубленными дубовыми досками; один из них имеет в окружности около 4 сажен, другой еще меньше, однако ж в последнем вода более горяча, нежели в первом. Впрочем, состояние и составные части этих теплиц еще не исследованы никем; истекающая из них вода вливается в реку Псекупсе (см. сего отд[еления] глав[у] 13).

К этим источникам привозят больных, одержимых дотою и прочими болезнями, и уверяют, что действие их чрезвычайно целительно.

б) Соленые

Черкесы, как известно, ни в одном из произведений природы не имеют столь большого недостатка, как в соли, и потребность ее есть главнейшее обстоятельство, при-

* В подлиннике опечатка; следует читать: «Псекупсе». (Ред.)

нуждающее их сблизаться с соседями в торговом отношении; но из этого еще нельзя заключать, чтобы их страна была вовсе лишена этого произведения земли; напротив того, на многих местах, населяемых черкесскими племенами, находятся соляные источники. Исследование свойства и составов этих источников оставив времени и трудам ученых людей, объясним здесь пользу, извлекаемую из них туземцами.

Весною и осенью сгоняют к соляным этим источникам табуны лошадей, овец и рогатого скота для поила, что совершенно заменяет потребность соли для скота и тем много облегчает владельцев. Для домашнего же употребления также пользуются с большею выгодой солью, которую вываривают, кипятя воду в котлах, по тем не менее средства, доставляемые жителям этими источниками, для удовлетворения ежедневных нужд народа вовсе недостаточны, хотя, быть может, при умении извлекать из них соль по тем правилам, которые употребляются в Европе, соль эта заменила бы ту, которую ныне черкесы для большего числа жителей из других стран добывают.

в) Нефтяные

Черкесы из нефтяных источников не делают никакого почти употребления, исключая малого числа окрестных жителей, которые иногда употребляют нефть для смазки осей в арбах, т. е. в двухколесных своих телегах, а некоторые лечат нефтью коросту на лошадях и на рогатом скоте.

Места же, где находятся эти источники, показаны при исчислении рек, паюющих Черкессию (см. сего отд[еления] глав[у] 13).

ГЛАВА V

СЕЛИТРА И СЕРА

В горах, на вершинах многих рек есть пещеры, внутри которых находятся песок, имеющий блестящий цвет и содержащий в себе селитряные частицы. Песок этот варят в воде и, когда дадут остыть, оказывается на поверхности воды осадок селитры.

На вершинах же рек в горах находятся также и серные ключи. Вещества эти употребляются преимущественно на приготовление пороха.

ГЛАВА VI*

МЕТАЛЛЫ

Железо есть важнейший металл, добываемый у себя черкесами; на некоторых вершинах рек и в кряжах гор находят камень, имеющий железные частицы; этот камень, говорят, мелок, имеет цвет темно-красноватый. Наверху собранной кучи камней этого рода складывают целые сажени дров удобно для сгорания, потом зажигают их и тогда от влияния огня складенные камни приходят в такое состояние, что их можно разбить в мельчайшие куски, которые потом кладут в печь, для этого нарочно приготовленную, и вылавливают их с помощью угольного огня и мехов.

Кроме железа, свинец есть металл, находящийся на землях черкесов и добываемый из камней же таким образом, как и железо.

Однако ж, несмотря на возможность приобретать эти металлы, черкесы имеют в них большой недостаток: малое количество, ими добываемое с таким трудом, не удовлетворяет потребность жителей, которые без всякого сомнения имели бы у себя много железа и свинца, быть может, и других металлов, если бы знали способ, как обрабатывать металлы (см. ниже прим. 4).

ГЛАВА VII

ПРОИЗРАСТЕНИЯ

а) Хлеба

Три рода пшеницы, жито или рожь, ячмень и три рода проса — суть главнейшие хлеба, из числа которых просо есть продукт столько же необходимый в Черкесии, как пшеница и рожь в других странах.

* В подлиннике ошибочно обозначено: «Глава IV». (Ред.)

б) Огородные овощи

Капуста, свекла, редька, морковь, перец, горчица, лук, чеснок, бобы, тыква, арбузы, дыни, огурцы составляют главнейшие огородные овощи.

Сверх этих произрастений достойна примечания конопля, разводимая в изрядном количестве в иных местах. В лесах растет много хмеля, но из него черкесы не делают никакого употребления.

в) Деревья и фрукты

Целые леса состоят из дубов, лип, тополей, клена, ясеней, ольхи, березы, сосны и ели; эти три последних рода растут в особенности в горах. Сверх этого в горах же есть много таких деревьев, которых названия на русском языке мне не известны. Деревья эти суть:

Пчьё. Из этого дерева делают столы. **Хешай,** из которого преимущественно делают ложки и другую домашнюю утварь. **Хгоапххь,** будучи выварено, дает прекрасную желтую краску. Еще замечательно негниющее дерево, или тис, имеющее темно-красный цвет и называемое черкесами **Пххемифи.**

Баргамоты, яблоки, сливы, персики, абрикосы, черешня, вишни, грецкие орехи, каштаны и виноград в изобилии растут в горах. В лесах же, на горах и равнинах, во множестве произрастают: дикие сливы и виноград, кизил, кистница, груша, орехи, калина, ягоды лесные и степные и проч. Шелковичные, или тутовые, деревья произрастают вдоль по берегу Черного моря; бабочек шелковичных здесь не водится. Без всякого сомнения это дерево могло бы быть разводимо в значительном количестве во всех местах, черкесами занимаемых, и народная промышленность могла бы из этого предмета извлечь огромные выгоды, если бы беспечность жителей этой страны, одаренной щедро природою, не упустила из виду всех этих даров, столь драгоценных для народного богатства.

г) Травы

Травы в низменных местах растут большие; в степях же и возвышенных местах обыкновенно не так высокие. В болотистых местах и стоячих водах растет камыш или

тростник в большом количестве и нередко водяные орехи. Вообще земли черкесов изобилуют травой, и нигде нет бесплодных мест, какие встречаются в других странах и за Кавказом.

Все то, что мы говорили о произрастениях на землях черкес, показывает, сколько почва их удобна как для земледелия, так и для скотоводства. Если к этому присовокупим, что там рука попечительного земледельца не забывается об удобрении пив, готовых принять семена и с избытком принести плоды; и дальновидная заботливость владельца не ограждает леса от губительных пожаров и не очищает корни плодовых деревьев, чтобы ветви их развивались под влиянием благотворного неба, и что благотельность правительств не поощряет народную промышленность, не привязывает жителей к земледелию, тогда можно себе представить, какое изобилие разлилось бы в этой роскошной и прекрасной стране при благотворительной помощи устройства и трудолюбия.

ГЛАВА VIII

ЖИВОТНЫЕ ЧЕТВЕРОНОГИЕ

а) Домашние

Домашние животные у черкесов суть: лошадь, корова, буйвол, овца, коза, лошак и осел.

Последние две породы плодятся лишь в горах, где они необходимы для перевоза тяжестей, а на равнинах весьма редки и так, что иной житель равнин даже никогда не видывал их.

б) Дикие

Главнейшие дикие животные четвероногие суть: олень, коза, тур, дикий бык (см. ниже прим. 5), попадающийся изредка в горах. Зайцы водятся также в большом числе. Медведь и куница находятся в горах, а волк, лисица, дикая кошка — повсюду, чакалы* же — на берегах Черного моря; выдры и бобры водятся в воде и на берегах, веспи — болотистых местах, барсуки — большею частью на равнинах и прот.

* Так в подлиннике. (Ред.)

ГЛАВА IX

ПТИЦЫ

а) Домашние

Из домашних птиц куры составляют необходимость каждого хозяина и приносят чрезвычайную пользу. Индейки, утки и гуси также плодятся, в особенности же последние у жителей, обитающих на берегах рек.

б) Дикие

Главнейшие из диких птиц, которых мясо употребляют черкесы в пищу, суть: лебеди, гуси, утки, водящиеся в местах, где находятся стоячие воды; фазаны, тетерева, дрохвы, или дудаки, журавли, перепелки и многие другие. Вообще дичь изобильна во всех черкесских землях.

Из хищных птиц главнейшие: орел, живущий в горах и лесах, коршун, сокол, ястреб и проч.

ГЛАВА X

РЫБЫ

Все порялочные реки в землях черкесов изобилуют мелкою рыбою разных пород: в реках с каменистым дном водятся форели, а в других — сазаны, щуки, лини, карпы, усачи, сомы и проч. В устьях же Кубани находятся в большом количестве те же самые породы рыб, которые свойственны Черному морю; в верховье же этой реки до самой Кавказской крепости, равно как и Терека до Моздока, заходят из Черного и Каспийского морей не в большом количестве осетры, севрюга, лососи, стерляди, далее же попадает лишь мелкая рыба.

ГЛАВА XI

НАСЕКОМЫЕ

Пчелы дикие во множестве водятся в горах и лесах, а домашние — как в горах, так и по всему пространству черкесских земель.

Из числа вредных насекомых примечательна саранча, производящая иногда гибельные опустошения, но мушкет, тарантула, скорпион и тому подобные, водящиеся в Персии, Индии и некоторых местах за Кавказом, к счастью жителей, здесь не водятся.

Черепахи и змеи разных пород во множестве водятся, в особенности в болотистых местах. Последние, говоря вообще, ядовиты. Обыкновенный огородный червь причиняет много вреда овощам.

ГЛАВА XII

ДОСТОПАМЯТНОСТИ В ЧЕРКЕССКИХ ЗЕМЛЯХ

«Древность, — говорит г. Броневский, — не оставила здесь великолепных памятников, но исследователи происхождения народных найдут в стране сей довольно предметов для любопытства». Действительно, много на землях черкес находится любопытных мест, которые служат основанием народных песен и повестей, сочиняемых туземцами, повестей и песен, само по себе разумеется, изустных и обыкновенно большею частью баснословных. Все эти остатки описать было бы полезно для исследования многих темных понятий о племенах, в этом краю в разные эпохи обитавших, но это составило бы огромное занятие, требующее долговременных исследований, почему и помещаю здесь лишь некоторые известия относительно этого предмета.

На вершине Кубани, на высотах Ушь-Куль называемых, с восточной стороны реки находится гробница одного из предков фамилии Тагановых, нагайских мурз, по имени **Мрзбека**. Время построения этой гробницы определяют до ста лет, но тело, там положенное, по сие время лежит невредимо так, что даже волосы на голове, усы и брови находятся в прежнем состоянии. Черкесы, посещающие эту гробницу, бросают на тело по одной тряпке, в которой бывает завернута пуля; не соверша сего обряда, никто не выходит из гробницы. Причины этого странного обыкновения, предрассудками выдуманного и невежеством поддерживаемого, неизвестны. Рассказывают целую сказку, что в прежние времена ежегодно обрезывали ногти на ногах и руках этого сущего мертвеца, у головы которого стоит маленький каменный гроб, в ко-

тором положено тело дочери одного крымского хана, которую Мрзбек воспитывал. Никогда и ни одному черкесу не приходила мысль исследовать, отчего бы могло тело сохраниться невредимо столь долгое время. При этом надобно заметить, что хотя черкесы и приписывают уцеление тела сверхъестественному действию, но не имеют к остаткам этим никакого уважения; напротив того, некоторым образом гнушаются, полагая, будто бы тело это не тлеет по причине грехов покойника.

Остатки старинного города **Татар-Тула** в Большой Кабарде находятся на западном берегу Терека. Кабардинцы много рассказывают об них чудес. Время же построения этого города неизвестно. По названию и народным поверьям относят к временам владычества татар; гора же, подле сих развалин возвышающаяся, также называется **Татар-Тупом**, и в ее пещере кабардинцы во времена грубого их язычества совершали клятвы.

Около Пятигорска на ручье **Етакко** находится каменный поясный пестукац, вышиною в 8 футов 8 дюймов. Он называется **Дуукко-хе-ясин**, имеет надпись, которой буквы схожи с греческими или с славянскими, и испещрен разными изображениями людей и зверей, высеченными на подножии его. Надпись не могут разобрать, и кому воздвигнут памятник, неизвестно (см. ниже прим. 6).

За Кубанью, между речками Песф и Илль, лежит четвероугольное земляное укрепление, валом и рвом обнесенное, с четырьмя выходами, наподобие римского лагеря. Это древнее укрепление имеет в окружности около трех верст; оно на восток к первой, а на запад ко второй из упомянутых речек примыкает. В окрестностях видны насыпные курганы, издали походящие на укрепления. Место это именуется **Шанхрское** старое укрепление (Шанх-р Кеисзе-р). Г. Броневский замечает, что тут был город Тчемиргойского владельца по имени Шанджир и что место это почитают упоминаемые и другие колена за древнюю свою родину.

Близ минеральных источников на реке Псакулсе, сказывают, находятся высеченные на грапите шахматные доски и изображение конских копыт, сабель и проч., а на вершине Кубани действительно есть огромный камень, на котором высечены разные фигуры, подтверждающие народные предания черкес о партах, некогда там живших (см. ниже прим. 1).

Часто при обрушении берегов рек и раскапывании возвышений находят человеческие остовы и при них исполитские древние оружия, равно как каменную и иногда металлическую посуду разного рода. Остовы, оружие и вещи предания приписывают принадлежностями упомянутым нартам.

Гробниц с греческими надписями и разными изображениями много встречается; с такою же надписью известен столб на берегу Большого Зеленчука за Кубанью, а на вершине той же реки находится каменная церковь.

Во многих местах встречаются поясные истуканы, принадлежащие, как полагают, к ламайскому идолопоклонству (см. ниже прим. 6) и доказывающие пребывание здесь монголо-татар до принятия ими магометанской веры.

На вершинах Кубани есть величайший истукан, воздвигнутый, как полагают, в честь нарта Ершхсу.

Кроме каменных памятников в Закубанских горах находится на каждой реке вековые дубы, роши, пещеры, которые служили святынею для жителей тех мест во времена грубого их язычества. Исследование этих предметов, вероятно, способствовало бы отчасти к открытию того, в какие времена эти племена принадлежали какому исповеданию.

ГЛАВА XIII

ИСЧИСЛЕНИЕ РЕК И РЕЧЕК, ОРОШАЮЩИХ ЧЕРКЕССКИЕ ЗЕМЛИ

Подробное и верное описание рек и речек, орошающих черкесские земли, было бы любопытно и полезно человеку, желающему иметь к стране, здесь описываемой, удовлетворительные во всех отношениях сведения; но приобретение столь пространных и неподверженных сомнениям сведений требует долговременных исследований на самих местах, через которые эти реки и речки протекают. Сведения же, в следующей таблице предлагаемые, собранные мною наскоро, по разным показаниям, — неудовлетворительны; лица, которые сообщали мне эти сведения, во многом между собою противоречили, а из этого следует заключить, что впадения некоторых рек и речек показаны неверно. Однако ж я почел излишним здесь поместить эти сведения в той надежде, что они принесут

сколько-нибудь пользы просвещенным путешественникам, посещающим Черкесию, где, посвятив свободные часы полезным изысканиям, они составят более [полное] описание рек и таким образом удовлетворят справедливое любопытство публики.

Порядок, который я имел в виду при исчислении рек и речек, черкесские земли орошающих, состоит в следующем. Все реки и речки, здесь поименованные, распределены на четыре отделения: **В первом** — заключаются находящиеся между Сунжей (р[ека] №1) и Малкою (р[ека] № 72). **Во втором** — протекающие через земли, лежащие между этою последнею и Кубанью (р[ека] № 140). **В третьем** — от вершин Кубани до ее устья, напояющие равнины, на южной ее стороне лежащие. При исчислении рек и речек, находящихся в этих трех отделениях, сперва поставлены, начиная от востока на запад, те из них, которые берут свое начало из подножия снежных и передовых гор, а потом прописаны речки, получающие свое начало на равнинах из болотистых мест, начиная же с востока. Наконец, и **четвертое** заключает в себе впадающие в северо-восточный берег Черного моря, прилежащего к Черкесии.

Места, находящиеся на этих реках и речках и заслуживающие почему-либо особенное внимание, отмечены.

ТАБЛИЦА,
показывающая число и названия рек и речек, орошающих черкесские земли, с примечаниями, куда впадают и какие места, лежащие в их окрестностях, заслуживают особенного внимания

№	Названия рек и речек	Куда впадают	Примечание
1	2	3	4
1	Сунжа	Терек	Смот[ри] выше глав[у] 3. Сказывают, что близ его берега стоит гробница, в коей лежит нетленное тело
2	Несрэн	Сунжа	
3	Ххунбелей	»	
4	Ашьанкю	Не доходя до Террека, теряются на равнинах. Полагают, что имеют подземное сообщение с Тереком	
5	Пехгоабже		

1	2	3	4
6	Курп	Терек	Вода этой реки солоната
7	Ккс-кем	Курп	
8	Жеман Ккул	»	
9	Депс	Аккбашь	
10	Аккбашь	Женече-у	
11	Женече-у	Терек	
12	Куин	Теряется на равнинах	Грунт имеет вязкий. За исключением первых трех, вытекающих из Черных гор, прочие берут свое начало из темного леса, покрывающего кряж, называемый Асс-ккой, который возвышается среди равнин Малой Кабарды
13	Терек	В Каспийское море	Смотри выше главу 3
14	Блеккан	Терек	
15	Архоан	»	
16	Кьццль	»	
17	Арден	»	
18	Псезжнякко	Псхужь	Между ними находятся развалины старинного города Татар-Тупа, тут и гора под сим именем. Смот[ри] предшествующую главу
19	Псхужь	Терек	
20	Бэжхуцкко	»	
21	Шоколь	»	
22	Урух	»	
23	Хуорэжние	Урух	
24	Шекер	»	
25	Лескен	»	
26	Аргудан	Терек	Действительно, сия река находится в Кабарде, хотя г. Броневский сомневался в том, опровергая упоминание о сей речке, сделанное Гильденштетом.
27	Мархгушее	Аргудан	
28	Вхгетцкко	Пскоинис	Во время командования полковника Коцерова отрядом в Кабарде на сей реке происходило сражение

1	2	3	4
29	Пскоипсу	Шерель	
30	Жемтххале	Пскоипсу	
31	Кклекхурт	Шерель	
32	Шерель	Терек	На вершине ее находящееся неприступное место называется Ккошкеттау, где стоит каменный дом, построенный князем Асланбеком Ккитокковым, подвиги которого кабардинцы с удивлением и ныне рассказывают
33	Шедем хахо	Шерель	
34	Ккересу	»	
35	Ххъ-у	»	
36	Пскеху	Нальчик	
37	Мшьххидь	Арвань *	} На ее берегу построена крепость Нальчик, где находится и Кабардинский временный суд
38	Нальчик		
39	Шеккофпе	Шххаликко	
40	Кеиже	»	
41	Шххалькко-шхо	Арвань	
42	Шххалькко-цуко	Шххальккошхо	
43	Шекем	Баххсен	
44	Кшьбечь	»	
45	Фенд-кко	Кшьбечь	
46	Ккардент-ххале	Баххсен	
47	Афебхго	»	
48	Ерхгипкко	»	
49	Лашкудте	»	
50	Кьсант	»	
51	Баххсен-шхо	Малка	
52	Баххсенижь	Баххсен-шхо	
53	Ккулькку-жин	Оканчивается ли-маном	Между ею [Ккулькку-жином] и Малкою есть протекающий пространство около 2-х верст и сделавшийся знаменитым для кабардинцев ги-

* Так в подлиннике. (Ред.)

1	2	3	4
---	---	---	---

			белю лучшего их воинства в сражении, происходившем между ними и русским отрядом. В песне, посвященной этому событию, под названием «Ночное нападение», разпительно изложены подвиги кабардинских воинов
54	Кркукко	Ккульккужш	
55	Сермак	Малка	
56	Кизжькь-т	Баххсен	
57	Хурхужян	»	
58	Ххалкко	»	
59	Табшьнь	Кунделен	
60	Кунделен	Баххсен	
61	Урды	Кунделен	
62	Екехпцакко	Малка	
63	Ккуррате	»	
64	Мезьхе	»	
65	Кертмен	»	
66	Кедмшк	»	В вершине ее находят селитру и серу
67	Ккендяльши-ко	»	
68	Ккендямшко	»	На вершине ее выплавляют свинец, железо и селитру
69	Тзиль	»	
70	Хгелеххукко	»	
71	Жьварген	»	
72	Малка	Терек	Смот[ри] выше глав[у] 3-ю. Выше поименованные р[еки], начиная от Терека (р[ека] № 13), берут свое начало из Черных, или из Передовых, гор и по разным направлениям текут на северные равнины
73	Озерель	Терек	
74	Туменико	»	
75	Бенсанже	Шерель	
76	Ешерикко	»	
77	Ккеххун	»	
78	Пженикко	»	
79	Нальчиккиж	Арвань	
80	Кяш	Баххсен	

1	2	3	4
81	Жемапязь	Балхсен	
82	Дедиакко	»	
83	Жемап-су	»	
84	Етдеужь	Малка	
85	Ккелезжикко	»	
86	Ккертеть	»	
87	Шоккой	»	
88	Шекк-межь	Шекем	
89	Мамкшше	Арвань	
90	Мрзерххо	»	
91	Зекече-у.	»	Эти последние, начиная от Озередя (река № 73), все берут свое начало из болотистых подножий кража и возвышений на равнинах и болотах в лесах
82	Ххарб-з	Малка	На вершине ее истекает источник
93	Кенрлген	»	
94	Мушьт	Ххесаут	У ее устья есть густой источник
95	Ххесаут	Малка	
96	Леххрен-шхо	»	
97	Леххренже	»	
98	Пибхгунжь-шхо	Кшь-баллк	
99	Пибхгунжье	»	
100	Кшь-баллк	Малка	Древнее земляное укрепление. Огромная скала, называемая Жерпежеже. Могила знаменитого в преданиях черкес воина Ппакокко Тетер-шава, последнего нарта
101	Ккашлукко	»	
102	Пцеликко (крайний)	} Подкумок	
103	Пцеликко (средний)		
104	Пцеликко (третий)		
105	Пентчекко	Пцеликко	Иногда высыхает
106	Етдеккошхо	} Подкумок	
107	Етдеккодикко		
108	Дьцу (крайний)	} Дьцу (большой)	
109	Дьцу (средний)		

1	2	3	4	
110	Дьпу (большой)	Подкумок	Здесь находится большой источник, называемый Псехгоахго	
111	Жемжи-кко	Дьпу	На ней стоит Кисловодская крепость	
112	Нарт-сан	Подкумок		
113	Кковв	»	} См. выше глав[у] III	
114	Емпакко	Нарт-сан		
115	Ешко-коч	Подкумок		
116	Ххаташге	»		
117	Брунг-саньт	»		
118	Кумшико (Малая Кума, или Подкумок)	Кумшико (Большая Кума)		
119	Кума (Кумашхо)	Каспийское море		
120	Шьххе-кко	»		
121	Ссепти-го	Подкумок		
122	Ххурмгъ	»		
123	Бхе-кко	Кума		
124	Шокогор	Кума		
125	Псекефх	»		
126	Тапльек	»		
127	Ккумашь-кко	»		
128	Щеберте	»	На ее берегу стоит каменный женский истукан, называемый Етдеркешо	
129	Ккойдан	Кубань		
130	Дяккес	»		
131	Деготе	»		
132	Етдеркешь	Деготе		
133	Ушь-Ккудль	Кубань		На ней стоит каменный женский истукан, называемый Кошегхгхг
134	Мере	»		
135	Ххумерен	»		
136	Кошегхгхг	»		
137	Мердесен	»		На сей реке есть страшный спуск в пропасть. Все поименованные р[еки], начиная от Малки (р[ека] № 72), берут свое начало из Черных гор
138	Дьлан-Кколь	»		
139	Хх-неко	»		

1	2	3	4
140	Кубань	В Черное море	или из подножий их и наполняют прекрасные равнины, лежащие между Малкою и Кубанью Закубанскую Черкесию отделяет от Кавказской области и Черноморского войска. Смот[ри] выше глав[у] 3.
141	Тейберди	Кубань	
142	Шьоне	»	
143	Ккубь-шь	»	
144	Шьшььрхног	»	
145	Кказдевиць	Иичидьне	
146	Ххесаут	»	
147	Марухх	»	
148	Иичидьне (Малый Зеленчук)	Кубань	
149	Иичидьно (Большой Зеленчук)	»	
150	Кефер	Чарп	
151	Пзьжгон	Кефер	
152	Уарп	Кубань	
153	Кюове	Уарп	
154	Етчеттакко	Лаба (малая)	
155	Кунчь	»	
156	Ккелемша- кко	»	
157	Лебецко (Малая Лаба)	Лаба (большая)	См. выше глав[у] 3
158	Шердь	»	
159	Ошхкоц	Шердь	
160	Ккузжабе	Лаба (большая)	
161	Лебицко (Большая Лаба)	Кубань	Смот[ри] выше глав[у] 3
162	Федз	Лаба (большая)	
163	Щедокко	»	
164	Пефр	Фарз	
165	Хгунс	Федз	
166	Арден	»	
167	Ошхаме- факко	Лаба	
168	Недидь	Лаба	
169	Демшакко	»	
170	Аицдаркко	Лаба	

1	2	3	4
171	Псбхгундъ	Уарп	
172	Лзэжннчко	Лаба	
173	Оккоарт	Шальбийкко	
174	Шальбийкко	Оккоарт	
175	Ххаре	Шальбннчко	
176	Етдакко (первый)	Ххаре	
177	Етдакко (второй)	»	
178	Алерехгундъ	Деден	
179	Деденншхо	Уарп	
180	Деден-эжне	»	
181	Псезжнякко	Деден-эжне	
182	Терелемакко	Уарп	
183	Фарз	Лаба	Служит границей между абедзахамц и абазннскими (абхазскими) коленами. На восточной стороне ее нет значительных мест, обитаемых первыми
184	Ксенаккта-у	Лаба	
185	Финтор	Шххакоаше	
186	Камлыкка	»	
187	Шххакоаше	Кубань	См. выше глав[у] III
188	Детчжелезхакко	Фара	
189	Ввидн-кко	Шххакоаше	
190	Ххатккочотц	Курдь-пе	На ней находится прекрасная равнина Чьбзине и огромный дуб Цацентчнг
191	Курдь-пе	Шххакоаше	
192	Тххеги	Курдь-пе	
193	Дэже	Пчхха	
194	Пчхха	Шххакоаше	Между сими реками лежит равнина, называемая Хгохппе . На западе последней равнина Анбаш и Бискканне
195	Тхьдго	Пчхха	На ее вершине есть возвышение: Нехгойшико , где выплавляют железо
196	Цне	»	
197	Дакго	»	
198	Кубань	Хх-дэжь	
199	Хх-дэжь	Пчншь	
200	Тершепс	»	

1	2	3	4
201	Ккойнскко	»	На ней находится соленый источник
202	Шальбий	»	
203	Сшепе	»	
204	Дьвьдьфис	Пишишь	
205	Шххаликко	»	
206	Шоизжь	»	
207	Зис-зжь	»	
208	Пишишь	Кубань	Значительная река; по обоим сторонам ее верховья лежат равнины: Шедькаре, Дферкоокк и Сшекесшь ; ближе к ее устью, между ею и Шххакоашем находится дремучий лес, называемый Ккурхгу
209	Азжьхе	Пишишь	На ней находятся нефтяные источники
210	Хгоакко	Пишишь	Большой соляной источник находится на сей речке
211	По-диль	»	
212	Онепе	»	На ней лежит соляной источник
213	Ххатрамекко	Онепе	
214	Етрукко	Пишишь	
215	Бжеххоакко	»	
216	Ц-се	»	Близ ее течения лежит равнина Тоххошекко
217	Кутеккакко	»	
218	Пухефль	»	
219	Ккейдчих	»	
220	Дхгузжьбекка	»	
221	Песякко	»	
222	Адлай	»	
223	Пемхгор	Пишишь	
224	Течеххунакко	»	
225	Бедаепс	Ц-се	На вершине ее находится известная гора, под названием Ххотх
226	Сьыилс	Псеккупс	
227	Ххотипс	»	
228	Мемате	Птчасшь	
229	Феникко	»	

1	2	3	4
230	Птчасшь	Псеккупс	На ней находится возвышение, называемое Пс-унь
231	Шьслляь		На этой речке есть большой соляной источник
232	Ошьхоаьго		
233	Псеккупс	Кубань	На вершине ее находятся две теплицы (смот[ри] выше глав[у] 4). Тут же есть скала из прекрасного белого песка, ломкого или каменного. При ее выходе на северные равнины лежит долина Дченип. При впадении в Кубань большой лес, Ххамтефни называемый. Близ устья, с запада находится низменная равнина, среди которой стоит усиденный курган, на котором возвышается гробница (из белого камня) Султана Мгамет-Гирея и его жены, отца и матери сочинителя этих записок. На большой дороге, мимо кургана проложенной, стоит и каменный памятник покоящихся в сей гробнице
234	Джепси	Псеккупс	
235	Ххоарз	»	
236	Тьтоаптч	»	
237	Дяшь	»	
238	Лебекко	»	
239	Онеубат	Ттоабмо	
240	Дуаххо	»	
241	Уличь	»	
242	Дьябий	»	
243	Суп	»	
244	Фетеугатко	Суп	
245	Декоай	Шебжь	Служит границей между абедзахами и шапсхцами.
246	Пеккабе	»	Здесь есть соленый источник, из коего добывают соль

1	2	3	4
247	Адгакко	»	
248	Етчеппакко	»	
249	Шебжь	Афисе	
250	Бедзепс	Шебжь	
251	Дчерле-у	Бедзепс	
252	Нхгись	Афисе	
253	Афисе	Кубань	Знатная река (см. выше глав[у] 3), на вершине ее находится соленый источник. Вышеупомянутые реки, начиная от Кубани (№ 139)*, берут начало свое из Черных, или из Передовых, гор и по разным направлениям текут на северные равнины; в вершинах их живут и абхазы и шапсуги**, а на некоторых и абхазы; равнины же, где многие из сих рек протекают, заняты княжескими владениями
254	Ккель	Кубань	
255	Псефпхг	Лаба	
256	Дяле	»	
257	Псеппер	Шххакоаше	
258	Дехгу	Лаба	
259	Уэль	»	
260	Ар-м	Уэль	Эти последние рр., начиная от Ккель (№ 262)***, берут начало от болотистых подножий. Холмы на равнинах и болоты в лесах****
261	Кудер	Серале	
262	Серале	Фарз	
263	Дендю	Шххакоаше	
264	Ккур-хгу	Пипшь	
265	Кканлихг	»	

* Описка; Кубань в таблице стоит под № 140. (Ред.)

** Так в рукописи; подразумеваются шапсуги. (Ред.)

*** Описка; р. Ккель в таблице стоит под № 254. (Ред.)

**** Так в рукописи. (Ред.)

1	2	3	4
266	Дчет-укко (первый)	}	В лиман, назы- ваемый Т-Тоабх- го
267	Дчет-укко (второй)		
268	Ккоремгуа- кко	Афице	
269	Тавке-икко	»	
270	Штеутчакко	»	
271	Мешеккоккой	Убин	
272	Кка-мликко	»	
273	Нефаякко	»	
274	Тхамефель- якко	»	
275	Мвведзбэже	»	
276	Кетчинкко	»	
277	Пиделкко	»	
278	Убин	Афице	Знатная река, при ее впа- дении в Афице есть большой соленый источ- ник; на берегах сей реки назад тому около 40 лет происходило между русским отрядом и черкесами сражение*, знаменитое потому, что это происшествие сдела- лось у туземцев эпохою
279	Ккурхгенер	Убин	
280	Дчулакко	Иньль	
281	Битсирякко	»	
282	Дчерпаде-р	»	На ней находится знат- ный соленый источник, из коего вытекающий ру- чей называется Хгоне- зикко . Пониже сего ру- чья находятся нефтяные источники. Между сею рекою и Убином лежит прекрасная равнина под названием Эмтхатч
283	Иньль	Аушедз	
284	Шккешкко	Иньль	

* Имеется в виду Бзюкская битва 1796 года между адыгейскими крестьянами и дворянами, в которой царские войска участвовали на стороне дворян. (Ред.)

1	2	3	4
285	Датчелххоу	»	} На многих из этих рек находятся соленые ис- точники, а на некоторых плавится и железо
286	Хаапчякко	»	
287	Зерьдь	Эзжипс	
288	Б-хгоай	»	
289	Эзжиас	Аушедз	
290	Ххарбзе	Эзжипс	
291	Кк-тчеххури	Хааплизп	
292	Ххапль	Аушедз	
293	Мезмаф	Ххапль	
294	Отчелакко	Антхх-р	
295	Пемхгузжь	»	
296	Ххапльтейор	»	
297	Антххр	Пшедшизж	
298	Тчепедяф	Антххир	
299	Бжхакку- ладь	Убин	
300	Етчепшакко	Бехгундр	} Теряются в лима- нах, лежащих на южном берегу Ку- бани, Аушедски- ми называемых
301	Бехгундрицхо	}	
302	Бехгундр- зжис		
303	Аушедз		
304	Чехийкко	Абин	
305	Хгугчсфея- кко	»	
306	Кушнешхоу	»	
307	Штеутчакко	»	
308	Кьомезуя- лсиа	»	
309	Абин	Теряется в лима- нах на южном берегу Кубани	Значительная река
310	Сшххабалий	Адеоахго	
311	Адеоахго	Абин	
312	Азеелс	»	
313	Бехгикко	»	
314	Шузжиякко	»	
315	Печчетикко	»	
316	Вещххаффе- чер	»	
317	Етдехгоа- кко	Оаф	
318	Оаф	Шебидь	
319	Шебидь	Шьпс	
320	Шьпс	Адекум	
321	Шпсхгур	Шелс	

1	2	3	4
322	Бехгехги	Ибедяй	
323	Ибедяй	Адекум	
324	Тчшпзжькку- ладь	»	
325	Адекум	На южном берегу Кубани разливается в обширные лиманы и одним рукавом сообщается с Кубанью	Весьма значительная река (смол[ри] выше главу] III), служит границей между шапсхцами и натххоккоадьцами с северной стороны гор
326	Беккен	Адекум	Значительная река. Около сей реки есть подъем, называемый Птчехголубжь
327	Даугчен	Беккен	
328	Мвветчшшь	»	
329	Зейкорнко	»	
330	Атедчей	»	
331	Пдчякко	»	
332	Зе-змез	Кечпс-н	
333	Мечеретикко	»	
334	Кечпс-н	Оканчивается лиманом на южном берегу Кубани и при мелководии сообщается с оюю	
335	Шххаликко	Кечпс-н	
336	Кудаккошхо	»	На берегу первой есть нефтяной источник, отчего обе получили и название
337	Кудаккозжи	»	На всех сих реках живут большею частью шапсхцы, но как натххоккоадьцы заняли восточнее их лежащие места до Адекума (река] № 325), то сия река почитается, как сказано выше, границей между сими обоими коленами, со стороны северных равнин
338	Ошхадто- аркко	Кечпс-н	
339	Пс-ф	Оканчивается лиманом	
340	Бжтцзай	Пс-ф	
341	Псешакко	»	

1	2	3	4	
342	Дюбат	Вливаются в большой лиман на южном берегу Кубани, соеди- няющийся с Ку- банью разными протоками во вре- мя половодья		
343	Зжеггеси-и			
344	И-и-ль			
345	Ежеоаихх- Псбелс			
346	Шешь		Псбелс	
347	Декоешь	Чийлемдь		
348	Шхго			
349	Джэкупс			
350	Шекков			
351	Фемай	Нарт-психхо		
352	Остхгай	»		
353	Унелсуххрай	»		
354	Тххавишь	»		
355	Нарт-псххо	Псс-эфв, кото- рый образует род озера у устья Кубани		
356	Кумандр	Мезтчаххе		
357	Кюпсшахх	»		
358	Пелчахх	»		
359	Чийлемдь	»		
360	Щеккоай	»		
361	Бль	»		
362	Шьм	»		
363	Зеелси	»		
364	Мезтчахх	Бхгур		
365	Бхгур	В Черное море	У ее устья стоит кре- пость Анапа (см. выше глав[у] 3)	
366	Хидрий	Сшкко		
367	Сшкко	В Черное море		
368	Нольир	В Черное море	На ее вершине есть дре- мучный лес, от которого она получила и назва- ние. Сказывают, что он годен для кораблестрое- ния	
369	Дрфе	В Черное море		
370	Абрахго	В Черное море	Она вытекает из озера: Абрахго (см. выше гла- в[у] 3).	
371	Бедяхго	Озередь	Между вершинами сих рек находящаяся гора называется Срхгей	
372	Озередь	В Черное море		

1	2	3	4
373	Бжелакко	В Черное море	
374	Мстехакко	»	
375	Цемеэ	»	При устье ее стоит крепость Сунджук-Кале (по-черкесски Цхгдзуэ). См. выше глав[у] 3
376	Добе	»	
377	Ацезжибхгу	»	
378	Ххульзжий	В Геленчикский залив	Около устья сей реки стоит на прекрасном лугу Геленчикское укрепление
379	Мезрибе	В Черное море	
380	Адрбе	»	
381	Коакузжь	»	
382	Федичезжь	»	
383	Пшад	»	
384	Шепс	Пшад	
385	Ввелс-п	В Черное море	Полагают, что ввелсицы получили свое наименование от названия одной из этих рек (см. отделение 4, глав[у] 10)
386	Ввелси	»	
387	Ххолоех	В Черное море	
388	Дубхго	В Черное море	Большая часть рек, впадающих в море, от Багура (река] № 375) до Дьухго (399)*, берут свое начало из гор, называемых Мер-Коргх и Кеахгур с юж[ной] или ю[го]-з[ападной] их стороны. Здесь по берегу моря, по южной отлогости горы Меркотх, лежит нагорная дорога на 5 часов езды, где растет лес, а по местам прекрасные луга, всюду орошаемые журчащими источниками
389	Шайпсххо	В Черное море	Полагают, что шайпсхское племя получило свое наименование от сей реки
390	Дефи-н	Шайпсххо	
391	Коаво	»	

* Следует читать: 365 и 388. (Ред.)

1	2	3	4
392	И-деисххо	В море	
393	Дтуо	»	
394	Шепс	»	
395	Тдоанс	»	Древнее обиталище бже- духского поколения (см. сей части отд[еление] 4, глав[у] 7)
396	Акве	»	
397	Шепс	Тдоанс	
398	Небхго	В Черное море	
399	Пчи-кко	»	
400	Аше	»	
401	Аше (дру- гая)	»	
402	Псф-оз		
403	Остхедчей	»	
404	Ххоеех	»	
405	Виххуль	»	
406	Сшьмдекко- лепсер	»	
407	Шахе	»	На ее вершинах живут абхазцы, а при устье шапсхцы и патххокко- адыны
408	Буо	»	
409	Ххазжкс	»	Все три в совокупности называются Хзепогуишер ;
410	Хзе	»	на вершинах их живут абхазцы, а при устьях шапсхцы и патххокко- адыны
411	Орланс	»	На этой реке живут сме- шанно шапсхцы, патххо- ккоадыны и абхазцы, ре- ка эта служит настоя- щей границей на берегу Черного моря между Черкесией и Абхазией, хотя и предшествующие три реки считаются та- ковыми

Если присовокупить к этому числу рек все безымян-
ные реки и речки, во множестве в Черкесии находящиеся
и туземцами вообще называемыми черными водами
(пенце), равно как и прекрасные небольшие источники,
которых число чрезвычайно велико, то легко себе пред-
ставить, как страна эта богата текущими водами, кото-
рых извилистые берега и прелестные окрестности восхи-
щают зрение.

ОТДЕЛЕНИЕ ВТОРОЕ

СОДЕРЖАНИЕ:

Народонаселение. Наименование. Взгляд на общую историю. Язык. Религия. Физические свойства. Просвещение. Поэзия и музыка.

ГЛАВА I

НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ

В следующей таблице, означая число народонаселения в племенах, составляющих Черкессию, я руководствовался лишь предположениями, основанными на сведениях, мне сообщенных несколькими из тех же племен лицами, которые между соотечественниками своими пользуются уважением, доверенностью и почитаются многосведующими. Однако ж сведения эти нельзя выдавать за достоверные и они подвержены еще большим сомнениям: владельцы **аулов** (см. ниже прим. 7) и старшины **со-братств*** тогда только приводят в известность число семей или дворов своих подвластных и соположенников, когда важные обстоятельства принуждают их делать раскладки обязанностей и платы посемейно, но о числе душ в семействах никогда не знают; даже число воинов не иначе бывает определяемо, как при поголовном вооружении для нападения на противников или для защищения себя от них, что почти никогда не может случиться

* Смотри ниже отд[еление] 4, глав[у] XV.

в племенах, имеющих народное правление (см. сей части отд[еление] 4, глав[у] 1) по причине значительности пространства, ими занимаемого. Также княжеские владения по причине непрерывных волнений постепенно уменьшаются, междоусобная и всегдашняя война, часто поглощая целые деревни, приводит в слабость владельцев. Таким образом эти владения находятся в беспрепятственной тревоге, что уменьшает постепенно их численность. Следствием этих обстоятельств, верное исчисление народонаселения Черкесии делается не только затруднительным, но даже невозможным. Однако ж, предположив, что с уменьшением числа семей в одном племени, не происходит никакого или, по крайней мере, значительного уменьшения в общей численности всей Черкесии (как оно на самом деле и есть: ибо семейства, составляющие по обстоятельствам свои племена, переселяются к другим, где находят защиту, почему с уменьшением народонаселения в одном племени оно увеличивается в другом), можно думать, что исчисление общей численности всей Черкесии, если не совершенно верное, то, по крайней мере, весьма приблизительное, есть дело возможное при продолжительном исследовании этого предмета на самых местах жительства черкасских племен или на границах русских с землями, им сопредельными. Здесь должно заметить, что при таком предприятии благоразумие требует большой осторожности, дабы изыскание столь любопытных и полезных сведений не обратилось во вред, ибо большая часть этих... племен, расположенных вообще к подозрению, может быть приведена в волнение одним словом «неренсь» не менее... киргизцев (см. ниже прим. 8). Ни досуг, ни обстоятельства не позволили мне во время нахождения моего на Кавказе собирать подробнейшие сведения о численности Черкесии таким образом, как это должно бы было делать по всей строгости отчетливого собирателя статистических сведений о крае малозвестном. Здесь же, в Петербурге, находясь в отдаленности, не имел я возможности удовлетворительно пополнить материалы, прежде мною собранные относительно численности Черкесии, почему и счел за лучшее представить народонаселение этой страны в виде уменьшенном противу мнения лиц, уже писавших об этом

предмете, и других, может быть, преувеличенных известий. Это, мне кажется, есть средство не впасть в грубые погрешности, потому что, по моему мнению, лучше представить в меньшем размере предмет большой, нежели преувеличить и через то ввести читателя в значительную погрешность, показав ему несуществующее в огромном виде.

В таблице показано: в аулах княжеских владений по 40, в племенах же, имеющих народное правление, в каждом собрательстве по 150 дворов, или семей, а в семье по 5 душ обоего пола круглым числом.

Название владений и племен	Число			Отметки
	дворов	домов	душ	
1	2	3	4	5

I				
Колена, зависящие от власти князей				
Большая Кабарда	94	3 760	18 800	По показанию г. Броневского, во всей Кабарде 1300 дворов; следовательно, в одном этом поколении 65000 душ обоего пола, полагая на каждый двор по 5 душ круглым числом, и это показание должно быть весьма приблизительно, судя по тому, что этот писатель мог иметь верные сведения о кабардинцах через пограничное начальство
Малая Кабарда	20	800	4 000	
Кабардинцев, переселившихся за Кубань	62	2 480	12 400	
Бейсенвийское	34	1 360	6 800	
Меххонское	10	400	2 000	
Тьемргойское	28	1 120	5 600	
Ххатиккоайское	15	600	3 000	
Черченайское	34	1 360	6 800	
Ххмшийское	21	840	4 200	
Жапниское	1	40	200	

1	2	3	4	5
Вепсское	1	40	200	
Хехгатское	1	40	200	
Итого...	393	15 328	76 640	
2				
Племена, имеющие народное правление	Соборатств			
Абедзахское	69	10 350	51 750	
Шапсугское	86	12 900	64 500	
Нагххоккоадское	54	8 100	40 500	
Итого...	209	29 350	156 750	
3				
Колена, обитающие между черкесами				
Абхазские		1 420	7 100	
Нагайские		2 000	10 000	
Итого...		3 400	17 000	
Всего...		48 078	250 445*	

Так как в Черкесии нет мужчины, который не имел бы оружия, а по крайней мере в четвертой части домов считается несколько вооруженных людей, то можно полагать число хорошо вооруженных примерно до 60 тысяч человек. Если же положить в каждом семействе по 6 душ круглым же числом, то выйдет число народонаселения 298 523 души обоего пола. И это исчисление будет близко к сведениям новейших собирателей статистических данных о кавказском крае, которые насчитывают населенность Черкесии до 300 000 душ. Допустив же такое увеличение населенности, должно полагать и число вооруженных примерно около 72 тысяч человек.

* В итоговых подсчетах ошибки. (Ред.)

ГЛАВА II

НАИМЕНОВАНИЕ

Племена, составляющие здесь описываемый народ, в настоящее время имеют два общих главнейших наименования: **адгхе** и **черкесы**. Первыми они сами себя именуют, разумея под этим колена, говорящие одним черкесским языком, несмотря на различие наречий оного. Второе дают им: россияне, турки, грузины и другие народы. Кроме этих наименований, осетинцы и абхазцы, поколения, с ними соседственные, называют их: первых «кассах» и последних «акуккао».

Рим, дававший вселенной законы, дал и народное имя римлянам; много ли народов, которых, подобно этому, источник наименования истории нам изъясняет? Итак, не станем отыскивать верных источников этих наименований: они покрыты мраком неизвестности, и все, что любопытство может предполагать по этому предмету, уничтожается истиною заключения знаменитого историкографа России, сказавшего, что «малейший случай, малейшее обстоятельство, совсем неизвестное по летописям, рождает иногда народное имя, которого никакая историческая ученость изъяснить не может».

ГЛАВА III

ВЗГЛЯД НА ОБЩУЮ ИСТОРИЮ

История народов есть предмет важный; его изучать не только любопытно, но даже необходимо, чтобы иметь об них удовлетворительные понятия. Но, к сожалению, этот предмет, священный для потомства, которое в нем одном познает бытие и деяния предков, у народов непросвещенных погружен в мгле неизвестности, из мрачной пучины которой обманчивое эхо баснословных преданий едва доходит до позднего поколения, почему составить общую систематическую историю здесь описываемого народа, не только не просвещенного, но даже не имеющего и тени понятия об этом источнике блага человечества и, следовательно, не представляющего собою историка ясных и удовлетворительных материалов, есть дело, превос-

ходящее мои познания; притом в сочинении, преимущественно посвящаемом настоящему состоянию в нем описываемого народа, неуместно входить в слишком отвлеченные изыскания; однако ж, пользуясь достойными трудами г. Броневского, почитаю не излишним помещения здесь выписки относительно истории черкес из сочинения этого писателя, тем более, что я должен в других случаях ссылаться на эту выписку.

«Сколько можно проникнуть с вероятностию в древнейшую историю сих мест, вначале обитали между Доном и Кубанью многие народы под названием скифов и сарматов. Около устья Кубани, купно с другими народами, вероятно, происходившими из поколения фраков или кимвров, жительствоваали синдры. Берега сии наидревнейшие посещаемы были финикийцами и кариянами, а после греками. Около 600 лет до Рождества Христова ионияне и солляне, перешед из Малой Азии к устьям рек Дона и Кубани, построили в разных местах города и купеческие гавани, из коих главнейшие были Танаис, Фанагория и Гермонасса; первый на Дону, где ныне Азов, другие два на островах реки Кубани. Чрезвычайное изобилие рыбных промыслов в сих реках, равно как и в морях Азовском и Черном, а паче способное сообщение между селениями и выгодная торговля с соседственными народами сделали сии города вскоре цветущими и богатыми. За 480 лет до Р. Хр. лежащие по Кубани города вместе с Крымскою Пантикопеею подпали под власть эрхнанактидов, кои родом были лезбияне, поселившиеся в Гермонассе. Спартак после того управлял ими 42 года, а потом преемники его, короли Босфорские, имели их во власти своей до времени Великого Митридата. Сын его и отцеубийца Фарнас, утвержденный римлянами в царстве Босфорском, вскоре от них отложился, взял голодом город Фанагорию, который от Помпея получил название республики, и с помощью аорсов и сираков прошел в Малую Азию; наконец, при городе Зеле побежден был Юлием Цесарем*. Аннан в жизни Митридата упоминает, что Фарнас в наказание ему непослушных скифов** затопил их поля, прокопав правый берег Кубани, коей воды стекли на низкие равнины и произвели своим стоянием вред-

* У С. Броневского: «побежден был от Юлия Цесаря». (Ред.)

** У С. Броневского: «в наказание непослушных ему скифов». (Ред.)

ные испарения. Сей проток, соединяющийся с Азовским морем, и до ныне называется Черным протоком (Кумли Кубань, Кара-Кубань?*), места, около него лежащие, от болот почти непроходимы и весьма нездоровы»**.

«За пять лет до Александра Великого сарматская земля, из коей большая часть жителей перешла в Европу, обитаема была яксаматами, или язаматами, народом, славившимся своим могуществом даже за несколько сот лет после его кончины. За ними показались в этих местах*** разные малочисленные народы, происходящие от разных колен и говорящие различными языками, под именем аланов».

«Знатнейшие из сих народов были аорсы, поселившиеся на Дону и потом рассыпавшиеся по всей Европе, и сираки, занимавшие места пониже аорсов на полдень, между Азовским морем и Волгою. Около 19 года после Р. Хр. различные черкесские колена мало-помалу овладели лежащими на полдень от Кубани странами, то есть **цихи**, или **джихи** (ассы, язы, адиги), землями сиңдиров****, лазов и керкетов; **абазги**, нынешние **абазы** или **абхазы**, страню **гениохов**, **санигов** и проч. Что же касается до побежденных народов, то они или все перешли в Колхиду, или малое число их осталось, скрываясь в неприступных убежищах».

«Нашествие гуннов в 375 году по Р. Хр. есть не менее важная эпоха для кавказских народов. Множество аланов прогнаны***** были в Европу, остальные подались ближе к подошве Кавказа или укрывались по ущельям. Босфорское царство уничтожилось. Через 90 лет за гуннами последовали **онгры** и **булгары**, которые с сей стороны покорили Крым и лежащие между Доном и Днестром земли. **Утигуры**, одна из Онгрских орд, возвращаясь из покоренных мест обратно в Азию, вывели с собою множество крымских готфов и поселили на острове Тамане;

* Слово «Кара-Кубань?» вписано в текст С. Броневского Хан-Гиреем. (Ред.)

** Хан-Гирей закрывает здесь кавычки цитаты из сочинения С. Броневского, а в следующем абзаце их вновь открывает, несмотря на то, что выписка из С. Броневского продолжается им без каких-либо пропусков. (Ред.)

*** У С. Броневского: «в сих местах». (Ред.)

**** Так у С. Броневского и Хан-Гирея; имеются в виду «сиңды». (Ред.)

***** У С. Броневского: «прогнаты». (Ред.)

сами же остались на степи между Доном и Кубанью. Прокопий называет землю их Евлизиею. Прежде половины шестого столетия они лишились некоторой части своих владений от **равиров**, а потом и вовсе были покорены **варами** и **хунами** (аварами). В последующие времена они подпали под власть Куврата, владельца европейских онгров и болгаров, который освободил их из-под ига варов и хунов в 635 году. Котраг, один из сыновей его, царствовал над утигурами. Но в 679 году **хазары** покорили все обитавшие по морскому берегу между Азовским проливом и Доном народы, и распространили потом свои завоевания от Каспийского моря даже до Днепра. Основанное ими царство продолжалось 336 лет».

«В то время христианский закон утвердился между **чихами** и **абхазами**, иапшае в царствовании Юстиана Великого. В 536 году **чихи** имели уже у себя епископа в Никопсисе*. В 840-м году сие епископство было переименовано в архиепископство и перенесено в Тамань (Метраха) в конце одиннадцатого века; а в четырнадцатом названо Митрополиею. Служба там отправлялась на греческом языке и по обряду Греко-Восточной церкви, но попы были такие невежды, что христианское служение обезобразили** многими языческими обрядами. В начале владычества хазаров греческие города по Кубани все еще существовали, и в сие то время впервые видим мы упоминаемое имя города Тамана, по-гречески Томс».

«В числе подвластных земель византийским императорам находилась и **Чихия**; но действительную власть там имели хазары до 1016 года. Россияне, соединясь с византийскими греками, напали на хазаров и при помощи волновавшихся жителей изпровергли хазарское владычество и учредили на острове и в городе Тамане Российское княжество под именем Тмутараканского, коему хазары и чихи (язы) пребыли некоторое время данниками. Должно думать, что и прежде сего великие князья Киевские имели уже там довольно важную власть посредством тесных связей с коренными жителями, ибо мы находим в Несторовой летописи, что при разделении уделов Влади-

* Здесь у С. Броневского имеется примечание: «Байер производит название **Никопс** от славянского языка **неделанный, некопанный**, так как **перекоп** означает противоположный оному смысл, то есть искусством сделанный ров, **перекоп**».

** У С. Броневского: «безобразили». (Ред.)

миром между сыновьями в 989 году княжество Тмутараканское досталось сыну его Мстиславу, который и действительно княжил там в начале одиннадцатого века».

«Междоусобия удельных князей были причиною, что сие княжество отпало от России в конце одиннадцатого столетия. На Северо-Восточную страну Кубани напали куманы, или половцы, а на Южную и Западную — чихи и другие черкесские колена*, кон распространялись на Северной стороне Кавказа**, подвигаясь все далее к северу в степь между устьями Дона и Волги. Однако Азов и Тамань, чаще под именем Матриги упоминаемый, посещаемы были даже до 1204 года итальянскими купцами».

«Нашествие монголо-татар в 1221-м году есть знаменитейшая эпоха в происшествиях сей страны. Необъятная сила сих варваров истребила в 1237 году команов; но кубанские чихи противостояли им весьма упорно и не прежде были укрощены, как в 1277 году ханом Мангу-Тимуром и славным Ногаем. Таким образом монголы сделались владетелями Азова и Тамана; равно как и многих областей внутри Кавказа, однако покорность черкесов всегда была сомнительна или [держалась] на крепких уговорах. Они сохранили независимость свою даже в рассуждении гор и лесов, в их землях находящихся; а живущие по открытым местам признавали над собою татарскую власть не иначе, как будучи к тому принуждены силою. Они удержали за собою восточный берег Азовского моря до Дона, овладели Керчею в Крыму, делали частые набеги как и в сем полуострове, так и в других странах Европы. От них произошли сии шайки казаков, в то время появившихся: они же основали в Египте славную династию султанов под именем **Боргитов**, или **Черкасов**, коих родоначальником был султан **Баркок**».

«Французские монахи*** ввели между чихами католическую веру. Верзахт, один из чихских князей, в 1333 году принял римско-католический закон, а в 1439 имели уже сии народы одного католического архиепископа в Тамане (Матриге) и двух епископов в Сибге и Лукуке, однако большая часть черкесов осталась в греческом исповедании».

* У С. Броневского: «Черкаские колена». (Ред.)

** У С. Броневского: «по Северной стране Кавказа». (Ред.)

*** У С. Броневского: «Францисканские монахи». (Ред.)

«В 1395 году* Тимур-Ленг, разбив на Тереке соперника своего Токтамыша, хана Кипчакского, напал на черкесские земли, разграбил их селения, разорил город Кубань (Тамань?)** и страшное учинил опустошение, но черкесы при том не ослабевали и защищали свою вольность упорно».

«В 1484 году, после совершенного разрушения власти генуэзцев в Крыму, что последовало*** со взятием Кефы (в 1475 году), турки Оттоманского колена не встретили большого затруднения занять города и крепости Тамань, Темрюк, Ачук, при устье Кубани лежавшие, и даже подвергли при сем случае игу своему остатки таманских готфов; но не могли покорить черкесов, хотя, впрочем, должно думать, что турки главнейше домогались обладания Азовским проливом, не имея в предмете дальнейших в черкесские земли походов».

«С начала владычества в сих областях крымские ханы не имели никакой власти над Кубанью; но астраханские ханы или цари присвоили себе власть над черкесами, основываясь на предлоге, что между ними смешанно обитали кочевые татары пагайского колена, по временам туда перешедшие».

«Из крымских ханов Магмет Гирей был первый, который начал в сию сторону расширять свои пределы; преемники его последовали ему в сем предприятии и угнетали черкесов больше и больше, замещая опустевшие места многочисленными поколениями астраханских пагайцев, то во время войны в плен захваченных и на Кубань переселенных, то во время падения царства Астраханского добровольно под покровительство крымского хана приходивших. Наконец, умножившиеся притеснения от крымцев принудили черкесов просить защиты от царя Ивана Васильевича Грозного и покориться его державе в 1552 году».

* «Так как мы последовали здесь Академическому известию о Кубани, помещенному в месяцеслове на 1791 год, то и летоисчисления, там показанного, держались, хотя Шерефедди в жизни Тимур-Ленга полагает то же происшествие десятью годами позже и относит оное к 1405 году. Смотри: Histoire de Timur-beg, traduit par Petit de la croix. Delft. 1723» (примечание С. Броневского приведено у Хаи-Гирея. — *Ред.*).

** Слово «Тамань?» вписано в текст С. Броневского Хаи-Гиреем. (*Ред.*)

*** У С. Броневского: «воспоследовало». (*Ред.*)

Отсюда почтенный автор переходит к истории кабардинцев, одного из сильнейших в прежние времена колен черкесских, и мы, следуя его примеру, прервем здесь общую историю черкес и постараемся при описании племен, составляющих сей народ, каждого в особенности, поместить исторические сведения об них, находимые в известных на русском языке сочинениях; равно и любопытные народные исторические предания, не допускаемые, однако, за пределы вероятности, о событиях, означавших эти племена.

Между тем заметим здесь, что некоторые черкесские колена, согласно с народными преданиями, полагают предков своих старожилыми, или первобытными, то есть коренными, древнейшими обитателями ныне ими занимаемой страны; в то же время почитая предков других [народов Черкесии] пришельцами*, в позднейшее время к первым (черкесам. — *Ред.*) присоединившимися. Приняв же за достоверную основательность выше приведенную выписку из сочинения писателя, пользовавшегося важными историческими источниками, кажется, можно с вероятностью предположить, что та часть предков черкесских колен, почитаемая за древнейшую, происходит от аланов; и эта часть получила важнейшее приращение от венгров и в особенности от хазаров, которых царство, более трех веков процветавшее между морями Черным, Каспийским и Азовским, будучи сопредельно с Черкесиею, властвовало и над черкесами, обитавшими на северных равнинах Кавказа; но горные черкесы не подвергались тягостному игу иноплеменников, следовательно, и скрывавшиеся к ним в горы пришельцы могли вдоваряться там и, смешавшись с туземцами, впоследствии составить один с ними народ.

ГЛАВА IV

ЯЗЫК

Черкесский язык делится на два главнейших наречия, из коих первое, которым говорят кабардинцы и беслинейцы, почитается за чистейшее, в особенности у последних, для песнопения. Второе есть общее у всех прочих племен,

* Здесь и далее в подлиннике: «пришлецами». (*Ред.*)

составляющих черкесский народ, и называется наречием **низовым**, т. е. которым говорят низовые черкесы. Это разделение можно уподобить разделению русского языка на наречия: **великороссийское** и **малороссийское**. Эти два главнейших наречия еще подразделяются на многие так, что наречие каждого племени имеет свои отличительные свойства. Вообще же язык черкесский есть коренной и не имеет никакого сходства ни с каким другим, но в абазинском или абхазском языке употребляются черкесские слова, которые, вероятно, приняты абазинцами от черкесов. В древние времена черкесский язык лучше был обработан, или, так сказать, был возвышеннее в красноречии, нежели как в настоящее время. Это доказывается тем, что ныне в разговоре язык этот небогат красноречием, между тем как древние песни неистощимы красотой слога и силою выражений. Впрочем, превосходство поэтического языка перед разговорным, конечно, произошло от того, что **певцы** (см. сего отделения глав[у] 12), составлявшие древние песни с тщанием, были приучаемы к красноречию и высший класс, обращавший внимание к такому роду образования в красноречии, приобретал познания в нем, почему песни тех времен имеют прежнюю силу и выразительность. Когда же ослабевшие князья не в состоянии были содержать **песнопевцев**, то и красноречие черкесского языка упало и впоследствии этого черкесы теперь удивляются слогу древних песен, не видя среди себя красноречивых мужей, между тем как ныне люди иногда низкого происхождения, но одаренные от природы способностью сильно и красноречиво излагать свои мысли, давая им всегда желаемый оттенок истины, на съездах (см. следующего отделения главу 3) располагают общественными делами по своему произволу. Однако ж и ныне между черкесами есть еще красноречивые старцы, но их очень мало, почему черкесы терпят большой недостаток в **витиях**, которые убедительностью своего красноречия нередко спасают целые племена и сотни лучшего воинства от явной гибели междоусобия, примирив враждующие партии своим посредничеством. Если бы черкесы имели письмо, то их язык скорее получил бы образование, в особенности поэзия их достигла бы высокого совершенства. В этом согласится всяк тот, кто только может постигать силу выражения и красоту слога черкесских древних песен.

Что же касается до вопроса, часто слышанного мною: можно ли приобрести **письмо** или азбуку для этого языка? — то смело можно отвечать, что это совершенно возможное, даже и легкое дело. Следующие опыты меня в том удостоверили.

Назад тому около 15 лет Магомет, эфендий шапсхтского племени, было составил азбуку на черкесском языке, посредством которой [черкесы], выученные им значению букв, свободно могли между собою переписываться по-черкесски. Однако ж его предприятие, ввести грамоту, не могло быть увенчано желанным успехом потому только, что невежество черкесского духовенства воспрепятствовало тому. Муаллы говорили, что такое нововведение противно законам религии; и тщетно этот благонамеренный эфендий старался уверить заблужденное духовенство в противном, он, наконец, не избегал названия **неверного** за счастливые свои таланты. Назад тому несколько лет кабардинский уздень Шоре Некуме*, достаточно знающий турецкую грамоту, также составил было азбуку на черкесском языке, избрав для этого арабские буквы и прибавив к ним необходимые для произношения черкесские безгласные выражения. Начало было довольно успешно: он перевел на черкесский язык Катехизис арабский. Но его старания, как старания частного человека в деле народном, были недостаточны для того, чтобы ввести грамоту в употребление там, где всякой новизне невежество противостоит непреодолимою преградой, почему и это похвальное предприятие осталось без успеха. К этим опытам я могу еще присовокупить и собственный: мною была составлена азбука для этого (т. е. черкесского. — *Ред.*) языка и первоначальный успех, состоявший в том, что я мог новыми буквами писать черкесские предания, меня совершенно уверил в возможности этого столь важного приобретения, без которого народ черкесский никогда не достигнет благодетельной степени гражданской образованности. Между прочим, заметим здесь, что аварский язык также чрезвычайно труден для выговора и в произношении сходен с черкесским, однако ж аварцы пишут на своем языке и имеют книги. Буквы, ими употребляемые, те же арабские с прибавлением к ним разных знаков.

* Шора Погмов. (*Ред.*)

Все, что я говорил здесь об этом предмете, доказывает возможность приобретения азбуки для черкесского языка, но не одними трудами частных лиц, а посредством благотворительности правительства. Следовательно, нет никакого сомнения, что это событие, спасительное для описываемой здесь страны и народа, совершится в наше время...

ГЛАВА V

РЕЛИГИЯ

Едиственное вероисповедание всех племен, составляющих Черкессию (за исключением весьма малого числа жителей внутри гор, и поныне придерживающихся язычества), есть магометанское суннитской секты. Беспокойный образ жизни черкесов причиною того, что они слабо исполняют обряды, этою религиею предписываемые, хотя каждый из них готов отдать жизнь за малейшее оскорбление его исповедания; впрочем, те из них, которые поддерживают обряды религии, превосходят и самих турок религиозным фанатизмом и прилежанием в исполнении правил вероисповедания, которым духовенство изучает их*. Черкесы единодушно говорят и веруют, что за грехи свои подвергнутся в будущей жизни наказаниям соразмерно беззаконным их деяниям, но, будучи магометанином**, не сделаются вечною их жертвою, а возвратятся снова к блаженствам рая — вот главный догмат веры черкесов.

Что же касается до древнего исповедания, испровергнутого введеннем между черкесами магометанской религии, то оно было, как и везде, языческое (см. ниже прим. 9): верили многобожеству, совершали празднества во имя грома, воздавали почести божеские существам тленным и другими подобными обрядами идолопоклонства ознаменовывали свое заблуждение. В эти времена язычества черкес главнейшие их божества были:

1) **Мезитх** (бог лесов). Они молили божество это, располагавшее, по их мнению, судьбою зверей, об успехе на ловле. В слепых поверьях их божество это изобра-

* Так в подлиннике; следует читать: «обучает». (Ред.)

** Так в подлиннике; следует читать: «магометанины». (Ред.)

жалось ездещею* на златошестинистой свинье, и его поведением олени сходились на лугах и там какие-то девы их допли.

2) **Зейкутхх** (божество наездничества). Воображение черкесов создало это божество, которое должно было покровительствовать любимейшее их занятие (т. е. наездничества. — *Ред.*), но предания не осуществляют его в формах**.

3) **Пскоашь** (княгиня вод) — божество, повелевавшее водами. Если бы черкесы знали живопись, то, конечно, божество это изобразили бы в виде прекрасной богини, ибо их воображение представляло княгиню вод — девицею.

4) **Ахин**. Божество это [черкесы] представляли себе существом весьма сильным, и надобно думать, что они его почитали в особенности покровителем рогатого скота потому, что и по сие время есть в горах одно семейство, которое в известное время осени обыкновенно выгоняет одну корову из своего стада к священной роше или дереву (см. прим. 32), привязав к ее рогам сыр и хлеб. Жители окрестностей сопровождали эту жертву, которую называли **самошествующая Ахинова корова**, и по достижении того места зарезали ее. Замечательно, что при совершении этого жертвоприношения на месте заклания не сдирали кожи; на том же месте, где снимали кожу, не варили мяса; а где варили, там не ели, а постепенно перенесли с одного места в другое, и в продолжение времени приготовления яств народ, собравшийся под деревом жертвоприношения, плясал с обнаженными головами, при громком пении особенных молитвенных песен (см. ниже сего от[д]еления] глав[у] 12). Уверяют, что корова из стада того семейства по наступлении времени Ахинова праздника сама шла к месту жертвоприношения, почему и получила название **самошествующей**. Во время же разлития рек народ, сопровождающий **Ахинову корову**, медлил на пути, обходя по вершинам рек; а между тем корова, переплыв реки, достигала сама до **древа жертвоприношения** и там ждала прибытия хозяина с народом; и будто бы при приближении того времени корова, Ахином избранная, ревом и разными движениями давала хозяину заметить, что она избрана в жертву

* Так в подлиннике; следует читать: «ездящим». (*Ред.*)

** Так в подлиннике. (*Ред.*)

Ахино. Само собою разумеется, что все эти рассказы о сверхъестественности Ахиновой коровы не что иное, как нелепости, но справедливо, что этому божеству приносили в прежние времена жертву с величайшим благоговением.

5) **Созересшь.** Божество это почиталось покровительством хлебопашества. Из дерева, черкесами называемого «Хамшхут», обрубок с семью сучьями хранили в хлебом амбаре. По наступлении известной **Созересшевой** ночи (после уборки хлеба) семейства, собравшись в своих домах, приносили **идола** и ставили его среди дома на подушках. К сучьям прилепляли по одной восковой свечке, и тут семейства с открытыми головами совершали молебствие.

6) **Емишь.** Язычники почитали это божество покровителем овцеводства и в честь его совершали празднество осенью при случке баранов.

Однако ж все эти грубым заблуждением выдуманные божества, которых черкесы чтили, не мешали им постигать сущность существа Всевышнего творца вселенной и, говоря **Тхашхо** (Великий бог), кажется, они понимали* его. Также достойно замечания, что черкесы не приносили, подобно славянам и другим язычникам, в жертву людей, не пили их крови и не делали из их черепов заздравных чаш.

Во времена язычества черкесы кроме божеств имели и святых из партов (см. прим. 1). Из них Саусрок был более всех чтим: в известную зимнюю ночь совершали в честь его пиршества, причем относили в гостинный дом лучшую пищу и питье для Саусрока, а в конюшне приготавливали сено и овес для его лошади. Разумеется, Саусрока не бывало, но случайно заехавший гость замеснял его, и пирующее семейство, приезд гостя почитая за хорошее предзнаменование, с радостью угощало его; когда же не случалось приехать гостю в ту ночь, то радость семейства не столь бывала торжественна. Таким образом, и самое суеверие содействовало черкесов хлебосолами. Достойно замечания, что в песне об этом мнимом святом упоминается о старане ** **Урис, или Русь.**

Кузнецы почитали некоторого **Лепша** своим покрови-

* Так в подлиннике; видимо, следует читать: «подразумеваши его». (Ред.)

** Так в подлиннике; следует читать: «стране». (Ред.)

телем, кажется, и весь народ имел к нему особенное благоговение; и поныне при содержании раненого (см. 2 част[ь], отд[елении] 3, глав[у] 10) поют песнь, в которой молят **Лепша** о выздоровлении больного.

Подобных обрядов верования чрезвычайно много осталось в своей памяти горных черкесских племен, и собрание подробного описания их было бы весьма любопытно, но мы покуда и этим ограничимся. Однако ж заметим, что по странному стечению обстоятельств по принятии черкесами магометанской веры некоторые из святых или слышавших у них такими во времена их язычества, в особенности из партов, обратились в знаменитых воинов и других богатырей аравийской истории. Например, рассказывают, что из партов черкесских **Альбечкоко Тугтариеш** был тот же, что в повестях аравитян «Хамзе Пеглеван»; что халиф Абубекир то же, которого они называли **Орземед**; что халиф Алий, зять Магомета, тот же, что и **Метерез**; что какой-то из египетских царей или фараонов был тот, которого они именовали **Саусроко**. Надобно думать, что черкесы, первоначально научившиеся истолкованию магометанских книг, с умыслом ли или без того, своих святых и богатырей времен язычества, которых они тогда еще не совсем переставали чтить, так сказать, переобразили в знаменитые лица, в аравийских сказаниях ими находимых.

Между тем, рассматривая остатки обрядов язычества предков нынешних черкес, находим явные следы христианства; таковы, например, песня в честь святой Марии, в которой поют эти слова: «Мария Великая, Великого Бога мать». Также названия дней (см. прим. 11). Сверх того, употребление изображения креста — несомненный знак христианского исповедания (см. ниже прим. 10). Все это удостоверяет нас в том, что предки нынешних черкесов были христианами. Но здесь кажется странным то, что в остатках древнего исповедания этого народа являются признаки христианства и идолопоклонства в одних и тех же служебных обрядах. Это обстоятельство заставляет думать, что не все черкесы были христианами, вопреки мнению некоторых писателей, но лишь некоторые колена, принявшие христианское исповедание по влиянию греков. И когда эти последние не могли поддержать ими введенную веру, то она, ослабевая постепенно, наконец обратилась в идолопоклонство, образовав особенную секту,

обряды которой составились из обрядов язычества, смешанных с обрядами христианской веры. И таким образом преобразившееся идолопоклонство, в которое были опять долгое время погружены предки нынешних черкес до принятия ими магометанской веры, не оставило ли между их потомками ныне видимые ясные следы христианства и идолопоклонства? Так должно думать, ибо христианская религия не могла иметь обрядов идолопоклонства; а идолопоклонство — христианских. Впрочем, какое найдем средство, чтоб открыть прошедшие вековые события там, где все минувшее поглощается в бездне неизвестности, где любопытство потомства тщетно вникает обманчивому эху темных преданий?.. Такова жалкая участь народов непросвещенных: их бытие и дела проходят безмолвно и теряются во мгле забвения.

Говоря о веровании народа, не излишне упомянуть и о суевериях его, и потому предложим здесь описание некоторых суеверных обрядов, оставшихся у черкес от времен их язычества.

Гадание на бараньей лопатке есть некоторым образом общее у черкес обыкновение: смотря по чертам на плоскостях и выпуклостях бараньей лопатки, предсказывают в скором времени предстоящие военные действия, голод или урожай в будущее лето, стужи и снега наступающей зимы; словом, предсказывают о всех предстоящих благополучаях и бедствиях. Разного рода случаи подкрепляют верования народа в подобных прорицаниях.

Один черкесский князь, имея ночлег в одном ауле, за ужином смотрел на **гадальную кость** и, сказав тут бывшим, что в наступающую ночь будет тревога, лег спать не раздеваясь. Действительно, в полночь партия разбойников из соседственного племени напала на аул, лежащий близ места ночлега князя-прорицателя, который, будучи готов, пустился за партией разбойников и, догнав их, принудил оставить захваченных ими пленников и искать спасения в бегстве, бросив тела убитых их товарищей. Никто из черкес не помышляет, что князь мог быть предупрежден о намерении неприятеля, и все уверены, что он это предузнал посредством гадания.

Рассказывают, что недавно были два брата-гадателя по костям, которые предузнавали будущее таким же гаданием. Однажды находились они оба в гостях в соседнем ауле и в одной квартире. Вечером старший ужинал

в гостиллом доме соседа и, возвратясь, не застал брата в квартире. На вопрос о причине его отсутствия, хозяева отвечали, что его брат за ужином, взглянув на гадательную кость, велел оседлать лошадь и поспешно уехал неизвестно куда. Старший брат спросил ту кость и, рассмотрев ее прилежно, со смехом сказал его окружающим, что эта кость показала его брату мужчину, с его женою в его доме ночующего, почему он и поспешил туда ускакать, и что ревность ослепила его, ибо находящийся мужчина в его доме, есть малолетний брат его жены. Удивленные таким предугадыванием, хозяева послали нарочного вслед за младшим братом прорицателя, и посланный возвратился с известием, что все так случилось, как было предсказано. Этот рассказ есть конечно явный вымысел какого-нибудь любителя подобных чудес, однако ж не менее того он вскоренил еще более в черкесах этого рода предрассудки.

Другого рода гадание производится на бобах, и им занимаются одни женщины, преимущественно старухи. Их предсказания еще смешнее, ибо, несмотря на то, к ним часто прибегают при разных случаях.

Самое ужасное порождение суеверия состоит в подозрении людей в сношениях с какими-то злыми духами, что в Черкесии, как и в других непросвещенных народах, бывает источником ложных гонений: думают, что люди, имеющие связи с духами, могут превращаться в волки, собаки, кошки* и ходить невидимкою. Их называют «удди» и приписывают им медлительные детские болезни и головную боль хорошеньких девочек и мальчиков; и падеж телят, ягнят и вообще красивого скота, который они будто бы сглазывают. Наконец, несчастных подозревают в умерщвлении собственных их детей. Есть поверье у некоторых племен, что эти удди в известную весеннюю ночь слетаются на гору, называемую **Сбрьоашх**, находящуюся в пределах шапсугского племени, верхом на разных животных, домашних и диких. Там пируют всю ночь. Перед рассветом же, расхватав несколько мешков, из которых в одном заключен урожай, а в других — разные болезни, разлетаются по домам. Те же, которым не досталось мешка, голятся за другими. Из этого можно догадаться, что все болезни, которыми весною страдают, приписываются

* Так в подлиннике. (Ред.)

этим уддам, которых в прежние времена нередко подвергали всем ужасам пытки: клали между двумя огнями связанного удда, секли колючими розгами. Терзаемые жестокими ударами, полуспеченные страдальцы сознавались в вине, разумеется, и им самим неизвестной, и тогда приуждали их клясться впредь не **глазить**.

Здесь нельзя не повторить слова красноречивого и ученого г. Левшина: «Невежество, суеверие и обман всегда подают друг другу помощь и везде, хотя в разных видах, но соединенными силами, угнетают род человеческий»*.

Каждый народ имел и имеет более или менее суеверия, и мы не будем уже распространяться об этом предмете, только скажем в заключение, что со времени распространения в Черкесии магомстанской религии суеверие духовенства, хотя увеличило предрассудки народа, но дало им более человеколюбивые направления: уже не видны ни пытки, ни тому подобные жестокие следы ужасного заблуждения — молитвы и талисманы их заменили.

ГЛАВА VI

ФИЗИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА

«Италианцы, евреи, греки, грузины, армяне, монголо-татары и некоторые другие народы носят в физиономиях своих, так сказать, печать национальности, но черкесы не имеют отличительных черт в наружности»**. Они более нежели среднего роста, бодры, стройны, в одежде опрятны, толстоту почитают за тягостное излишество, дарованною природою, и следствием невоздержанной жизни. Все большею частью худошавы, глаза имеют быстрые и пронизательные; волосы темно-русые, физиономию остроумную***.

* А. Н. Левшин. Описание киргиз-кайсацких орд и степей, ч. III. Этнографические известия. Спб., 1832, стр. 68. (Ред.)

** Хотя эта фраза, взятая Хан-Гиреем в кавычки, должна была бы принадлежать С. Броневскому, однако в тексте С. Броневского ее нет. (Ред.)

*** У С. Броневского эта часть текста читается так: «Черкесы больше, нежели среднего роста, бодры, стройны, в одежде опрятны; толстоту почитают за порок и за следствие невоздержанной жизни; глаза имеют быстрые и пронизательные, волосы темно-русые, физиономию остроумную». (Ред.)

«Красота женского пола, издревле прославляемая, заслуживает в полной мере те похвалы, кои ей приписывают: у черкешенки глаза черные, волосы темно-русые, нос продолговатый без горбинки, рост небольшой, словом, весь склад лица антиковый греческий при белизне, смешанной с легкой тенью и румянцем. Если к сему присовокупить полную, высокую грудь, стройный стан, ноги малые, то мы будем иметь общее понятие о чертах лица и телосложения черкесских красавиц; разумеется, не все из них достигают до сего образца, взятого в изящном виде»*. Так говорит г. Броневский. К этому прибавим — черкесы телосложением крепки; рожденные, так сказать, на поле ратном, войною снискивая славу и уважение соотечественников, войною же питаются, они привыкают к перенесению трудов неизменных: голод, стужа, жар, усталость, жажда им ничем; они свыклись со всеми этими необходимыми спутниками военной жизни.

Всегдашняя привычка жить под открытым небом немало способствует к их здоровью, которому изнеженные люди должны завидовать. Черкес зимнею порою, когда реки замерзали около своих берегов на сажень и более расстояния и покрыты большими льдинами, несомыи течением воды, переплыв даже чрез большие реки, при весьма обыкновенных случаях и, как будто бы ничего не бывало, отправляются в путь. Мужчины головы бреют, оставляя по примеру турок, на теме клок длинных волос. Женщины носят длинные волосы, закинутые на плечи, а над лбом и висками со тщанием их подстригают. Черкесы чистоплотны. Не говоря уже об обыкновенном умовании магометан, зимою и летом всегда ими соблюдаемом, они моют себе лицо раз по утру, а руки в день несколько раз, причем полощат и рот свежою водою. Во всем они любят чистоту и одеваются со вкусом. Храбрость есть врожденное качество человека, а отнюдь не приобретаемое опытностью, почему и другие кавказские народы могут оспаривать это достоинство у черкесов: но через ловкость, провор-

* Этот отрывок, хотя и более совпадает с текстом С. Броневского, имеет, однако, ряд отклонений и несколько редакционных поправок. (Ред.)

ство и некоторую горделивую возвышенность духа, равно как особенное, неподражаемое умение владеть оружием, черкесы приобретают поверхность над соседними с ними племенами и превосходят всех кавказских народов, которым могут служить образцами относительно вкуса, одежды, оружия, людскости и воинственности характера, расторопности и понятливости и во многом другом.

Болезни, которым, говоря вообще, подвержены черкесы, суть простудные, несмотря на их привычку к открытому воздуху, причиняемые, впрочем, совершенною небрежливостью. Весною и осенью всюду свирепствует лихорадка, которая нередко превращается в горячку. Кашель и неопасная опухоль гортани — весьма обыкновенные болезни, зимою посещающие их аулы. Небрежливость есть источник всех подобных болезней, черкесами называемых **ходячими болезнями**. Черкесам неизвестно прививание оспы, которая похищает у них много детей. Чумная зараза, заносимая из Турции, а иногда из внутренних гор Кавказских, производила в разные времена ужасные опустошения. Черкесы достигают нередко до весьма глубокой старости, еще сохраняя удивительную силу и крепость.

В заключение скажу, что умственные способности черкеса, так сказать, не знающего ничего далее своей земли, удивительны, судя по его состоянию, более близкому к дикому, нежели гражданственному. Я знал много старцев, которых обширные, глубокие и основательные суждения о предметах, выходящих из круга их ума, не образованного учением, поистине были разительны, но, к сожалению, подобные старцы ныне стали редки. Здесь нельзя не припомнить эти слова: «И земля, мать всего живущего, гнушается принять сосуды скверных и подлых душ!» Так говорили предки нынешних черкес, видя гнусных людей, доживающих до глубокой старости, и оплакивая трупы юношей — надежд семейства, погибших на кровавом поле брани.

ГРАМОТА И ПРОСВЕЩЕНИЕ

Черкесы на собственном языке не имеют книг, ибо лишены лучшего приобретения человеческого разума — письмен. Об них можно сказать то же, что г. Левшин говорит о киргизах: «Все их просвещение ограничивается слабыми лучами, озаряющими человека, который, хотя немного мыслит, имеет воображение и принимает впечатление окружающих предметов»*.

Однако ж древние обычаи черкесов, соблюдаемые ими и поныне и требующие вежливости в обхождении, услужливости к старшим и другие приличия общежития, так сказать, образуют между ними особый класс людей, которые отличаются от других благородными понятиями и вкусом. И эти-то люди — просвещеннейшие в этом народе.

По принятии черкесами магометанской религии им были необходимы проповедники веры, почему у них явились и собственные эфендии, кадии и муллы.

Эти духовные особы пишут и читают на арабском и турецком языках; но весь предмет их знания заключается в толковании догматов религии и упражнении в изучении ветвей **шариата**. Князья и дворяне редко обучаются грамоте, почитая такое занятие неприличным своему званию.

«Однако ж, судя по врожденной понятливости и остроумию, замечаемых в черкесах, должно думать, что в непродолжительном времени они могли сравняться с просвещеннейшими народами, если бы победили свои закоренелые предрассудки»**.

Это замечание г. Броневского весьма справедливо, и действительно черкесы совершенно способны к просвещению. Если бы ни одна просвещенная держава не имела сношений с черкесами, тогда бы появлению среди них какого-нибудь самого высокого **гения** предстояло бы произвести их преобразованию, чего нельзя было бы ожидать скоро, но в настоящее время... мы не

* А. И. Левшин. Указ. соч., стр. 132. Текст Левшина воспроизведен с некоторыми отступлениями. (Ред.)

** С. Броневский. Указ. соч., стр. 141. Текст воспроизведен с некоторыми редакционными поправками. (Ред.)

должны терять надежды, что и этот народ в наш век получит, так сказать, новую, изящную жизнь посредством образования.

ГЛАВА VIII

ВРАЧЕБНОЕ ИСКУССТВО

Класс людей, в Черкесии занимающийся врачебным искусством, делится на два разряда. Первый составляют духовные: они большею частью лечат больных, читая молитвы над ними; дают им пить воды, в которую положены ими писанные молитвы, и пришивают молитвы к платью больных. В особенности их лечению подлежат больные, одержимые горячкою. Суеверное ли воображение действует на больных или эти врачи более обязаны случаю, но действительно они многих вылечивают от болезней, особенно же от сумасшествия. Достоинно замечания, что больных, одержимых лихорадкою, окутав хорошенько, курят сосною дощечкою, исписанною молитвами, и нередко после троекратного подтверждения такому курению болезнь исчезает. В 14, 15 и 16 ночи Рамазана (поста) эти врачи пишут талисманы, которые пришивают к тому месту тела, где оказывается ломота.

Другой разряд врачей состоит, так сказать, из доморощенных лекарей. Главнейший предмет, лечению этих последних подлежащий, составляют раны. Само по себе разумеется, что их искусство в лечении вообще весьма ограничено; однако ж они нередко с большим успехом лечат тяжело раненных и даже умеют, в случае нужды, отпиливать поврежденные кости; но никогда не отнимают целых суставов, хотя и мастерски иногда совершают страшные операции, до чего они достигают посредством частой практики. Черкесы никак не хотели верить искусству европейских докторов, но на опыте узнали, что долговременное занятие способно усовершенствовать искусство. Генералом Власовым был послан к закубанским черкесам лекарь для осмотра раненых; лекарем этим закубанцы чрезвычайно были довольны и с тех пор русских лекарей в тех местах предпочитают своим. Лекарства, употребляемые ими, готовятся из разных растений, в своих землях добыва-

емых; к этому присовокупляют они разные потребности*, привозимые из Турции или из России. Инструменты их чрезвычайно грубы, почему легко себе представить, какую ужасную боль претерпевают больные при операциях.

К этому же разряду должно причислить людей, занимающихся врачеванием тяжелых и продолжительных болезней, как-то: опухолей на теле, нарывов и тому подобных. Одержимых этого рода болезнями запирают, как сами черкесы говорят, в тюрьму, т. е. в особенный дом, на 40 дней и не дают им в продолжении этого времени пить воды и ничего соленого, что, по их мнению, значит соблюдать строгую диету. Лекарства, и при этих леченнях употребляемые, самые обыкновенные и состоят из растений же. Впрочем, они приносят нередко пользу. Нередко и женщины такими леченями упражняются. Лекарям особливо платится за лекарство; в случае выздоровления больного дается им договорная плата. Заметим, что эти лекари со тщанием скрывают способы своего лечення и в их роду переходят эти способы от предков к потомкам; почему и есть растения, которые получили свои названия от фамилии первоначально их употреблявшего человека.

ГЛАВА IX

ИСЧИСЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Между черкесами ученые, то есть знающие читать и писать по-арабски и по-турецки, ведут летосчисление согласно арабской и турецкой хронологии. Но, говоря собственно о черкесах, они этого не знают, хотя и сами год разделяют на двенадцать лунных месяцев, из коих некоторые со времени принятия черкесами магометанской веры, получили татарские названия, например, март, апрель, май и другие; иные же сохранили названия на собственном их языке. Естественное же разделение года на четыре времени само по себе разумеется, что и черкесам известно: весна (хгатхе), лето (бедзеогх), осень (бжихха), зима (тчмафх). Сверх то-

* Так в подлиннике. (Ред.)

го они называют, по примеру татар, 40 дней среди лета и 40 дней среди зимы **шыле**, в которые свирепствуют жары и стужа. Неделю черкесы составляют из семи же дней, которых названия (см. прим. II), ими на собственном языке сохранные, доказывают некогда соблюдение их предками христианского исповедания, как замечено выше.

Монгольские юбилеи собственно черкесам неизвестны, но есть между ними знающие это неверное средство исчислять время, чем и обязаны они нагайцам, между ними живущим. Относительно эры собственно черкесы не имеют никакого понятия (за исключением духовенства, которое ведет летосчисление по магометанской эре): эпохами у них служат необыкновенные в природе явления, как-то: чрезвычайные наводнения, непомерные стужи и засухи, голод, заразные болезни; также кровопролитные сражения и другие знаменитые события. Каждый черкес год своего рождения относит к подобным происшествиям, а потом вычисляет, сколько раз от того времени снимали хлеб, следовательно, сколько лет протекло с тех пор; из чего явствует, что редкий черкес знает безошибочно, сколько лет ему от роду, и невозможность определить времени событий, в этой стране совершившихся.

ГЛАВА X

МЕРЫ И СПОСОБЫ ОПРЕДЕЛЯТЬ КОЛИЧЕСТВО ВЕЩЕЙ

Черкесы собственных денег не имеют и вообще не употребляют монет в торговых оборотах. С тех пор, как они находятся в сношениях с турками и татарами, от них приняли обыкновение считать тканый товар «топами»; вещи же, продающиеся весом: воск, мед и проч., — определять «оками» (3 фунта). Расположение строения, его длину и ширину измеряют локтями.

Количество хлеба, в зернах и в муке, определяют обыкновенно мерою, в которой помещается 15-ть оков. Рогатый скот некоторым образом заменяют в домашнем, т. е. собственно в Черкесии, употреблению монет;

ценою посредственной штуки рогатого скота определяют цены и прочим товарам. При платежах же за кровь и за жену (см[отри] след[ующее] отд[еление], глав[у] 2) цены вещей, принимаемых в платеж, считаются **головами** (см[отри] прим[ечание] 24).

Протяжение расстояния измеряется действительно так же, как и у киргизов, которые, по словам г. Левшина, когда говорят о большом пространстве, то означают во сколько или в какую часть дня можно его проехать на лошади. Определяя же места близкие, принимают за меру расстояние, на котором может быть слышен крик человеческий или где глаз перестает видеть и пуля ружейная не долетает. Со времени принятия черкесами магметанской религии они сутки делят на 5 частей следующим образом: с возстания* от сна, или от зари до полдня, а от этого времени за два часа до захождения солнца; далее же — время захождения солнца и, наконец, по заходе солнца два часа; в какие эпохи суточного времени и совершаются установленные пятивременные молебствия.

ГЛАВА XI

ПОНЯТИЕ ОБ АСТРОНОМИИ И МЕТЕОРОЛОГИИ

Познание астрономии — науки, требующей во всех отраслях величайших и долговременных наблюдений, само по себе разумется, не свойственно настоящему состоянию здесь описываемого народа, однако ж многие небесные тела, как-то: Полярная звезда, Венера, Большая Медведица, Млечный Путь и другие, из которых каждое имеет свое название на черкесском языке, служат черкесам путеводителями в ночных наездах: вожатые рыскающих по пустыням партий наездников, высматривая течение планет, соображаясь с их движениями и неподвижностью, переезжают пустыни. В прежние времена, когда земли, лежащие между Кубанью и Доном, были большею частью необитаемы и когда отчаяннейшие наездники искали славы и добычи на берегах Дона, угоняя табуны лошадей там кочевавших пагайцев и других орд, многие **вожатые** (хго-

* Так в подлиннике. (Ред.)

азе) прославляясь необыкновенными знаниями чуждых стран и суеверие народа почитало их людьми, имеющими связи с мнимыми духами, не постигая того, что эти **вожатые** со тщением наблюдали небесные светила. Старцы, которые помнят те времена, рассказывают, что известные тогда **вожатые** знали, какой ветер постояннее и сильнее дул в продолжении осени, почему в позднее время года в пустыне соображались, куда им должно направить луть, рассматривая, в какую сторону легла трава от сильного и продолжительного дуновения ветров.

Метеорология черкесов заключается в опытах старцев, которые, соображаясь с переменами в атмосфере, делают свои заключения, само по себе разумеется, весьма недостоверные. Также некоторые из духовных лиц, рассматривая метеорологический календарь, предсказывают будущность. Их прорицания не заслуживают более тех вероятия.

ГЛАВА XII

ПОЭЗИЯ И МУЗЫКА

Природа дает человеку ум и пылкое воображение, и хотя эти дары производят счастливые плоды только под благотворным влиянием просвещения, развивая свои ветви, но не менее того достойно замечание, что изящное искусство — **поэзия** сродни и самым диким народам. Величественные горы, вечно ропотные воды и прекрасные равнины, ими орошаемые, леса дремучие, обширные пустыни и самое небо, под недосыгаемым сводом которого эти народы проводят всю жизнь, — небо, подернутое то пурпуровыми облаками, то угрюмо плывущими тучами, то непостижимо испещренное вечно горящими светилами, — вот предметы грозные, величественные, — вот предметы поэзии — предметы, вечно окружающие полудикие племена и естественным образом производящие поэтические впечатления под чувствами существа мыслящего.

Если поэтические способности ума и воображения киргизов могут служить новым доказательством того, что человек рождается поэтом и музыкантом, как говорит

г. Левшин*, то эти способности у черкес многократно могут служить этому мнению новыми подтверждениями. Черкесы не только с жаром воспевают жизнь и подвиги героев, ярко изображают кровавые события и природу, с восторгом описывают любовь и наслаждение, а страдания — самым трогательным образом, но даже все такие поэтические мысли свои излагают стихами, которые имеют гармонические созвучия и подчинены правилам как бы некоторого рода искусства. Однако ж их стихотворение особенного рода: начало звука окончательного слога предыдущей рифмы имеет одинаковый звук со звуком же начального слога последующей рифмы. Например:

**Герой в брани был
Был облит кровью.**

Все песни черкес обыкновенно поются нараспев, более или менее протяжный, а без того они теряют всю красоту слога, да и петь их почти нельзя без того напева, который дает песням гармоническую форму и приводит стихи в надлежащие размеры.

Говоря о поэзии черкес, нельзя не упомянуть о поэтах или певцах их. В прежние времена было в Черкесии особое сословие, так называемые **декоако**, которые исключительно занимались стихотворством, воспевали кровавые события, пародные и славные деяния отличившихся воинов, составляли жизнеописания знаменитых мужей и пели вековые песни; таким образом эти певцы подвиги предков передавали потомкам и в таких занятиях находили не только пропитание, но даже и богатство. Каждый князь, пользовавшийся уважением своих подвластных, имел при себе таких певцов, содержал их в довольстве и обогащал дарами.

Силы и красоты слога произведений поэтического воображения этих певцов чрезвычайны. Нельзя без ужаса слышать, как в этих древних поэмах воспеты страшные битвы и бедствия народов: кажется, вы видите перед собою ужасное пламя, пожирающее засеянные поля, жилища и все достояние побежденного племени, видите трупы растерзанных воинов, плавающие в крови

* А. Н. Левшин. Сказ. соч., стр. 136.

своей; слышите звуки оружия с остервенением режущихся врагов и стук щелей, влачимых обреченными на вечное рабство. Потом вы слышите стоны умирающих воинов и вопли несчастных жен и детей, безжалостно в плен влекомых. В то же время являются победителем в блеске славы и в величии благородной скромности рыцаря, нося в сердце чувство отважных воинов с возвышенным духом, умирающих славною смертью, гнушаясь жизнью бесславною.

Заметим, однако ж, что в произведениях этих древних певцов все ужасное в событиях и в природе представлено в грозной красоте; картины же благоденствия народа и описания всего тихого, скромного, мирного очень слабы в сравнении с первыми огневými очерками. Впрочем, этим певцам и их современникам делает честь то, что они не употребляли выражений грубых и неблагоприятных, воспевая события частные и народные, хотя и передавали имена людей, достойных презрения и поношения потомства. Если бы в древних песнях черкесских (которые содержат в себе драгоценные для любопытства потомков события, современные их предкам, и черты характера людей минувших веков) означались эпохи происшествий, в них воспетых, то они могли бы во многом заменить историю предков настоящего поколения (см. ниже прим. 33).

Черкесские песни разделяются в следующем порядке:

1. Жизнеописательные (Тльзекка пшьналь). В древние времена по смерти славного воина его наследники, родственники или друзья, желая увековечить память покойника, поручали певцам изложить деяния его в песне. Певцы, окончив составление жизнеописания, пели его в присутствии знатоков, которые, если находили что-либо противное современным приличиям, приказывали это выкинуть, и таким образом очищенную песню жизнеописательную потом обнародовали.

2. Описание битв. (Зео оред или Лбе пшьналь).

После каждого знаменитого сражения составляли в древние времена песню, в которой излагали подвиги участвовавших в этом сражении воинов, которых и ныне с удивлением и благоговением произносятся и поныне в устах потомства. Сказывают, что бывали примеры, когда две враждебные фамилии из одного племени, при-

ступали к примирению, то одна из них доказывала виновность своего происхождения, в то же время унижая достоинство той, с которою враждовала, чтобы тем уменьшить плату или цену за кровь, требуемую от него (см. след[ующие] отд[еленные] глав[у] 2). И в этих случаях песни народные заменяли родословные истории: были призываемы певцы и заставляли их петь народные древние бытоописательные песни, и та сторона из спорящихся, которой предки более оказали услуг родне и которой подвиги более упомянули в народных поэмах, приобретала более успеха в спорном деле. Этого рода песни суть важнейшие произведения народных певцов черкесских.

3. Плачевные песни (Хгбзе).

В настоящее время не составляют уже жизнеописательных песен по форме напева и слогу древних, а их заменили так называемыми плачевными песнями, которые слагаются друзьями война, погибшего несчастным образом, а равно после каких-либо несчастий, как-то: моровой язвы и других истреблений, постигших целые аулы и племена; и вообще воспевают жизнь и дела знатных людей, которых народное сожаление сопровождает во гроб и память которых священна друзьям и благолетельствованным им людям, по форме напева этого разряда песен. Эти песни чрезвычайно трогательны, но слог их не так силен, как древних песен.

4. Песни наезднические (Зейко оред).

Во время отправления в наезды войны, составляющие партию, поют песни наезднические; из этих песен некоторые поются с особливым благоговением, и, пропев один куплет, войны призывают на помощь счастливых некоторых знаменитых в преданиях предков своих князей: нередко, склоняясь на гриву коня и сняв шапку, а в других [случаях] моля бога о даровании успеха им в предприятиях. Песни эти возбуждают в наездниках желание испытать опасности и прославиться. Они почти все также жизнеописательные песнопения об отличившихся наездничеством войнах, но принято в обычае их петь преимущественно тогда, когда отправляются в наезды. Форма этих песен имеет некоторые особенности.

5. Песни колыбельные (Кушеко оред).

Воспитатель сына знатного человека поручает пев-

цам сложить песню его воспитаннику, за что и делает им подарки. В песнях этого разряда упоминают о знатности и подвигах предков и родственников воспитанника и предрекают будущую его славу. Тут же посылают его в наезды и делят его добычи воспитателям и служителям. Младенец-воспитанник, приходя постепенно в юность, узнает ему предреченные деяния почти прежде имен родителей; а между тем, войдя в лета возмужалости, старается оправдать сколько возможно предреченные ему подвиги.

После этого можно ли удивляться, что полудикий черкес от колыбели до гроба гоняется за славою храброго воина. Можно ли, когда честолюбие всасывает он в себя с маком матери и когда оно растет в нем вместе с годами?

6. Песни, которые поют при одре раненого (Дженше оред).

Этого разряда песни многообразны. Они имеют то отличие от других, что их поющие разделяются на две партии и одна партия старается превзойти другую. Также в одной главнейшей из этих песен необходим запевала, который в других песнях не употребителен. Вообще эти песни поются громко, протяжно и с особливый папевом. Везде они употребительны, как при содержании раненого (см. 2 часть, отд[еление] 3, глав[у] 10), так равно и во время болезни родильницы.

7. Песни, которые исключительно поют при теле усопшего (Сахгенъ).

8. Песни, которые поют при пиршествах в честь грома, при жертвоприношениях и прочих языческих празднествах (Тххашъ оред).

Со времени принятия черкесами магометанской веры употребление песен двух разрядов, которые ими были весьма уважаемы во время язычества, постепенно совершенно вывелось, но не менее того собрание их было бы любопытно, ибо из них можно узнать, какого рода предки нынешних черкес имели какое исповедование и понятие о Творце. Здесь достойно замечания то, что в одной из песен последнего разряда поются слова в честь Божией матери, как выше упомянуто. Обстоятельство это заставляет думать, что греки, старавшиеся распространить между черкесами христианскую

религию, перевели на их язык псалмы, и как у черкес не было азбуки, то эти псалмы переложены на песни, к которым они (черкесы.—*Ред.*) всегда имели величайшую склонность; по крайней мере, этому впоследствии были примеры: некоторые духовные лица, более способствовавшие к распространению и утверждению магметанской веры между черкесами, сложили религиозные песни в виде перевода с арабского, и их певали во многих местах Черкесии ученики во время рамазана (поста).

9. Песни плясовые (Удь оред).

Песни эти имеют такой такт, с которым пляшущие соотножаются.

В Черкесии не бывает какого-либо примечательного происшествия по каким-либо причинам, которого не воспевала бы молодежь; любовные интриги и подвиги воинственные бывают главнейшими их предметами, и в несколько дней эти песни распространяются по всей Черкесии.

За исключением песен плачевных, прочие, в настоящее время слагаемые, обыкновенно имеют напев плясовых песен.

Мы едва не забыли сказать несколько слов о повестях и сказках черкес, которыми романтическое изображение этих воинственных обожателей прекрасного пола так пленяется. В повестях, называемых ими **старинными сказаниями**, обыкновенно играют роль героев и героинь лица невымышленные; из событий их жизни сложены длинные **повести**, украшенные, разумеется, вымыслами, которые, однако ж, несмотря на то, заключают в себе много истины. Кровавая война, отважные наезды, великодушные пожертвования, любовь и романтические приключения суть главные предметы этих повестей. **Сказки** же суть чисто* вымыслы без всякой примеси истины: в них волшебники и волшебницы играют важную роль, но главнейшими же их основаниями бывает обыкновенно романтическая любовь. Достоинно замечания, что как из повестей, равно и сказок выносятся нравоучительные заключения.

* Так в подлиннике. (*Ред.*)

МУЗЫКА

Приятная гармония музыки везде усладительна для чувств человека, и черкесы, несмотря на несовершенства своей музыки, пленяются ею; их пиршества сопровождаются музыкою и ею же оживляются их беседы. Музыкальные инструменты, употребляемые черкесами, суть следующие:

1) **Скрипки** (пшьне). Она делается обыкновенно продолговатой формы, устройства бывает очень простого, с двумя струнами из конских волос. На верхнем **деке** просверливается несколько дыр, чтобы звук явственнее и светлее издавался. На скрипке обыкновенно играют длинным смычком. Этот инструмент общепотребителен: в гостиных играют сами князья и дворяне; на празднествах во время плясок играют скрипачи низшего сословия.

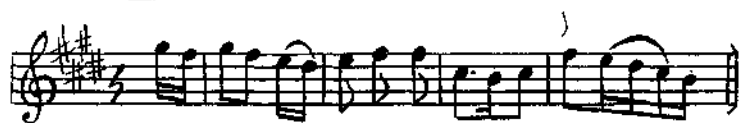
2) **Эпешьн** — род баладайки с двумя же струнами.

3) **Арфа** (пшьнетккоакко) видом и устройством похожа на обыкновенную арфу. Она имеет 24 струны из конских же, тонко перевитых волос. Эти два последних инструмента лишь употребительны в высшем классе.

4) **Флейта** (ккамиль). Инструмент этот есть принадлежность **певцов**, у которых бывают флейты, оправленные серебром под чернию и с позолотою. На них эти **певцы** играют в гостиных князей и дворян и во время торжества и плясок.

и 5) **Пхещичь**. Так называется особый инструмент, необходимая принадлежность при музыке и пении, состоящий из четырех дощечек примерно шириною в полтора, а в длину в четыре вершка, одним концом слабо привязанных к такой же дощечке с рукою; такой инструмент у певцов также бывает обделан в серебре с чернию и позолотою. Он употребляется самим певцом или человеком, который безотлучно при музыкантах находится и должность которого состоит в том, чтобы напевом вторить голосу певца, а правую рукою производить этим инструментом повторительный стук с соблюдением такта.

Говоря вообще, музыка есть в Черкесии душа веселья и необходимая принадлежность народных торжеств.



ОТДЕЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

СОДЕРЖАНИЕ:

Разделение народного состояния на классы. Права и обязанности классов. Образ управления. Образ судопроизводства и главнейшие законы.

ГЛАВА I

РАЗДЕЛЕНИЕ НАРОДНОГО СОСТОЯНИЯ НА КЛАССЫ

В настоящее время черкесский народ разделяется на пять главнейших следующих классов: 1) князья, 2) дворяне, 3) духовные, 4) вольные земледельцы и 5) крестьяне.

1) Князья, или пшы.

Народы испросвещенные обыкновенно бывают суевсны: они, все минувшее облекая грубым баснословием, ищут более сверхъестественных чудес, чтобы им приписать **события**, нежели простым рассудком объяснить их естественными причинами. И потому, конечно, никто не удивится, если здесь заметим, что настоящее поколение княжеского класса, в народе нами описываемом, едва ли признает основателей своего сословия людьми естественными, хотя и одно происхождение наименования этого класса доказывает, что он возник из общего источника властей, первоначальных в первобытном состоянии всех народов (см. ниже прим. 12). Этот источник первоначальных властей вероятностью разума естественным образом объясняется; однако ж приводить здесь эти объяснения

нахожу излишним: они не пужны образованному читателю и бесполезны здесь описываемому народу: мрак суеверного заблуждения исчезает только перед полным сиянием лучей просвещения!

2. **Дворяне**, или **оркк** (см. ниже прим. 13).

Основатели княжеского достоинства в Черкесии, стремясь к верховному господствованию, имели пужду в помощи других для достижения своей цели — присвоить себе верховную власть; почему, допуская одних, а других даже призывая в сообщество с собою, снискивали их усердие и привязанность к себе. Подобные сношения господствующих лиц с частью повинующихся неминуемо должно было последним доставить поверхность над большей частью подвластных первым; какие преимущества произвели и второй класс, который, завися от князей же, служил им на таких условиях, на коих основаны были их преимущества; служба такого рода произвела звание дворянин (оркк), на черкесском языке означающее в благородном смысле «служитель», что само по себе доказывается употреблением этого слова в выражениях, когда хотят изъяснить благородную услужливость, благородное обыкновение и т. п.

Впоследствии этот класс дворян разделился на разряды: а) первостепенные, б) второстепенные и в) третьестепенные.

а) **Первостепенные дворяне** (см. ниже прим. 14) подчинены князьям в виде великих вассалов. Права этого разряда дворян весьма важны; у некоторых из них равняются в иных случаях с правами, присвоенными княжескому достоинству, почему и полагают, что предки их были сами князьями, но бедственными обстоятельствами, как-то: истреблением в фамилиях лучших воинов, слабостью их наследников и тому подобными, принуждены были признать над собою власть внешних их владельцев — князей, вступив на весьма значительных условиях в один разряд с старожилыми дворянами того владельца. Между тем другие дворяне этого разряда, которых предки не почитаются князьями, будучи освобождены по каким-либо обстоятельствам: прекращения родов прежних их владельцев или неудовлетворения обид, последними им учиненных (см. следующую] глав[у]), перешли к настоящим их владельцам — князьям, признав, впрочем, над собою власть их

также на значительных условиях, на которые князья торжественно соглашались, да и ныне соглашались, гордясь тем, что имеют под своею властью подданных с высокими правами (там же)*. Таким образом, этого разряда дворяне составили в Черкесии **первостепенный** класс после князей.

б) **Второстепенные, или пшьчеу.**

Самое учреждение названия этого разряда дворян «**княжеская ограда**» дает нам понять его начало: князья, видя силу первостепенных дворян, покорствовавших им тогда только, когда собственные их выгоды того требовали, водворили у себя дворян второго разряда, дабы тем, заменяя услуги первых, оградить себя силою нового класса. Вероятно, этому способствовало отчасти и желание князей отличить щедрыми наградами усердных слуг, которые, получив преимущество от князей на условленных правах, хотя уступающих правам первостепенных дворян, но довольно значительных, составили третий класс в Черкесии.

в) **Дворяне третьей степени** (см. ниже прим. 15).

Сей разряд составляют те дворяне, которые, живущи** в деревнях князей, исправляют у них службу на известных маловажных условиях. Права родовые (см. след[ующую] глав[у]) этого разряда уступают правам предыдущего разряда. К ним можно причислить и дворян, князьями возводимых в достоинства мелкого дворянства, а равно и дворян, по бедности своей подчинивших себя другим дворянам и называемых обыкновенно **дворянин-дворянина**. Этих мелких дворян, несмотря на различия их прав, г. Броневский сравнивает с мелким шляхетством в Польше¹. Из этого исключим, однако ж, дворян, принадлежащих к разряду первостепенных, живущих, по слабости своей, в деревнях княжеских или у других дворян, ибо они и при самой бедности пользуются особенным уважением народа.

Высший класс этого **третьего** разряда дворян составляют те из них, которые, освободившись от власти князей по случаю ли прекращения отраслей сих по-

* Так в подлиннике: видимо, следует читать: «Смотри там же», т. е. следующую главу этого отдела, на которую только что была сделана ссыла. (Ред.)

** Так в подлиннике. (Ред.)

¹ С. Броневский. Указ. соч., стр. 112.

следних или по неудовлетворенно согласно с условиями обид, им нанесенных, и тому подобным причинам, не подчинили себя вторично власти других князей или дворян первостепенных на условиях и живут там, где им выгоднее, и, служа при князьях, принимают от них подарки не на условиях, а просто как дары (см. сего от[д]еления] глав[у] 3).

В других племенах сей класс, под третий разряд здесь подведенный, составляет **второстепенный** класс вообще дворянства, что должно, конечно, принижать их независимости, но сия же независимость причиною того, что они не имеют своих значительных аулов; ибо, будучи независимы от князей, они не находятся в связях посреднических с знатью и, следовательно, не ограждены безопасностью от влияния самой власти князей (смотри] следующую] глав[у]), и простой класс, не видя себя спокойным под их защитою, не селится вместе с ними. Сверх этого, если и имеют аулы, то и с ними они состоят под защитою других, каковое состояние непродолжительно бывает, потому что обыкновенно они подчиняют себя навсегда на условиях власти того, под покровительством которого находятся.

Еще есть один класс, который можно назвать **должностным** или, лучше сказать, которого достоинство приравнено его должности. Сей класс именуется **«биеколь»**. Каждый князь может иметь несколько таких, пожаловав в это звание людей из простого класса народа. Биеколы необходимы для власти князей: они, объезжая аулы, от имени своих князей собирают для этих последних все потребное от поселян из сельского их произведения; они же взыскивают пеню с вольных земледельцев, буде кто подвергнется штрафованию (см. сего от[д]еления] глав[у] II) и исполняют и другие поручения, которых князья не могут возлагать на дворян, ибо эти последние гнушаются должностью биеколов, возводимых в сие звание из низшего класса народа (см. ниже прим. 16). Князья, желая чтобы их воля всюду исполнялась беспрекословно, этих биеколов уполномачивают, так сказать, представлять особу их самих, то есть князь за обиду, биеколу наносимую, вступается, как за самого себя, следствием же этого бедные земледельцы, видя в биеколах особы самих князей, пред ними трепещут, а они варвары свирепствуют в полном

смысле этого слова в аулах, подвластных князьям.

3) **Духовенство**, или **едяг** (см. ниже прим. 17).

Естественное благоговение человека к величю Творца вселенной ему внушает почтение к духовным особам, проповедникам его законов. Черкесы имеют к духовенству величайшее уважение, которое доставляет этому классу владычество над умами народа. **Эфендий**, **кадий** и **мулла** с книгою в руках (коей содержание ни сам проповедник, за исключением немногих, ни слушатели, от религиозного восторга трепещущие, не знают), с нестумлением красноречия буйного фанатизма и с душею властолюбивою, может более успеть в несколько месяцев в этой стране, нежели несколько тысяч воинов с оружием в руках в несколько лет; что и доказали **Казы-Мулла**, последний, явившийся под ризою ожидаемого имама и погибший в Гимрах, причинив страшные и кровавые опустошения в Дагестане, и другие подобно ему, волновавшие народы Кавказа (см. ниже примечание 18). Все это показывает, сколь великое влияние имеет духовенство на умы жителей этой страны, которые исповедуют магометанскую веру. В каждом ауле стараются иметь муллу; высшее же духовенство: **эфендий** и **кадий** заставляют нередко решать дела по шарпату, отступая в этом случае от обычаев предков и, как эти духовные особы большею частью происходят из низшего класса (ибо дворяне, и в особенности князья, почитают неприличным учиться грамоте потому единственно, что по коренному у них предрассудку думают, что каждый знающий грамоту должен поступать в духовные звания), то и стараются ослаблять власть высшего класса, проповедуя равенство, в чем в последнее время, к несчастью, много успели. Однако ж при всем том духовенство между черкесами не имеет преимуществ, подобных дворянам, но, согласно с правилами магометанского закона, они освобождаются от всех повинностей и их доходы состоят из получаемого ими от деревенского прихода, в котором они живут, договоренного количества хлеба и прочих сельских произведений, что обеспечивает содержание их семейств.

Мы говорили, что князья и дворяне почитают неприличным учиться грамоте и что люди из простого класса, приобретающие познание книжного искусства, поступают в духовенство, из этого должно бы было, кажется,

заклучить, что одно духовенство лишь постепенно подвигается к просвещению, но напротив того — степень учености и просвещения черкесского духовенства находится в самом жалком состоянии: муллы, едва выучив паизусть катехизис и несколько правил деревенской проповеди, довольствуются такого рода познаниями и, будучи сами погружены в невежество, наполняют умы своих прихожан невежественными истолкованиями того, что поистине им самим вовсе не известно. Что же касается до высшего духовенства, эфендиев и кадиев, то по природной остроте и дарованиям умственных способностей они довольно приобретают знаний в языках: арабском, турецком и персидском, но по всегдашнему устремлению азиатцев верить более всего сверхъестественному или, по крайней мере, в том других уверить, обезображивают свои познания нелепыми толкованиями. Сверх того духовенство, не довольствуясь лечением душ, лечит, как сказано выше, и больных молитвами и нередко лекарственными травами. Черкесы веруют целительной силе их молитв. Зная, с какими трудами сопряжено учение черкесских юношей, посвятивших себя магометанскому законопознанию (ибо они отправляются в Дагестан и далее в Бухарию и там, питаясь одними подающими, испрашивая именем Божиим насущный хлеб, среди тяжких трудов несколько лет занимаются науками), нельзя им не простить их фанатическое невежество и не похвалить их благородные труды и рвение.

4) **Вольные земледельцы, или льфекотлы** (см. ниже прим. 19).

Для удобнейшего предложения здесь нынешнего состояния этого класса мы его разделим на две части, а именно: а) на вольных земледельцев в племенах, имеющих народное правление, и б) на вольных земледельцев, живущих в княжеских владениях (см. сей части отд[еление] 4, глав[у] 1).

а) **Вольные земледельцы в племенах, имеющих народное правление**, не зная над собою никакой власти иного класса, пользуются совершенною свободою и составляют собою, так сказать, самостоятельный парод; каждый из них есть член целого колена, и независимость одного сопряжена с безопасностью целого общества (см. сей части отд[еление] 4, глав[у] 15).

б) **Вольные земледельцы в княжеских владениях**, хотя и пользуются такою вольностью, которая их отделяет от класса крестьян или крепостных людей, и они под названием **льфекотлов** составляют и там особый класс, но состоят в зависимости от князей и дворян; одна часть из них суть подданные этих последних, хотя, впрочем, обязанности их подданства маловажны, другую же часть составляют вольные люди, находящиеся под покровительством князей и дворян; они не несут никаких определенных повинностей, однако ж не менее тем их положение бывает тягостно: для угождения своим покровителям приносят им добровольные, но значительные пожертвования; и одно обычное покровительство сохраняет им их независимость (см. 2 часть, отделенные] 3. глав[у] 8).

Мы не станем терять время в отвлеченных исследованиях начала этого класса, ныне под названием льфекотль составляющего в Черкесии самое могущественное сословие, но заметим, однако ж, что одна и важнейшая часть льфекотлов состоит из крепостных людей, освободившихся в позднейшее время от власти своих владельцев и вошедших в состав племен, имеющих народное правление, где обычные уставы собратства (см. сей части отд[еленные] 4. глав[у] 15) этих племен доставляют им полную вольность.

и 5) **Крестьяне**, или **пшьты** (буквально значит — княжеский человек).

Господствующий класс в Черкесии, почитая, как и везде, земледельческие работы постыдными для своего сана, и в древние времена представлял оные наемным людям, но не мог всегда ограничить свои нужды в услугах домашних, нанимая людей вольных, что и должно было произвести особенный класс людей, для домашних работ предназначенный; при набегах на соседние или отдаленные племена и на войне с ними захвачиваемых людей обращали в работники дворной службы, водворяя их у себя, и таким образом через насилье образовался класс людей, состоявший из невольников, потом названных **господскими** или **княжескими людьми**. Всякий, имевший состояние значительное, старался приобретать их покупкою у тех, которым наездничество доставляло людей в добычу. Вот начало этого класса, который впоследствии разделился на разряды:

а) на уволенных, б) дворовых внешних, в) дворовых внутренних и г) бездомных:

а) **уволенные**, или **пшыльт-азат**, суть те, освобожденные которых произошло следующим образом: по смерти значительного и с состоянием человека, по завещанию его или даже и без этого, наследники умершего отпускают обыкновенно людей на волю. Это обыкновение, магметанскою религиєю одобряемое и, вероятно, введенное при принятии черкесами этой религии, распространилось между ними по неутомимой деятельности духовенства, которое находило свои выгоды в освобождении людей, к сословию коих само принадлежало (смотри выше сей главы о духовенстве), столь сильно, что во время повальных болезней целыми семьями, даже деревнями отпускали на волю крепостных людей на условиях, состоявших в том, что жить там, где и господин будет находиться, с различными маловажными обязанностями, с тем сопряженными, также и без всяких условий;

б) **дворовые внешние**, или **ок-у**. Сей разряд крестьян некоторым образом соответствует русским оброчным крестьянам; они служат господину на особенных различных условиях, доставляя ему известное количество хлеба, сена, дров. При отдаче своих дочерей замуж из получаемого калыма или окупа (см. примечание) 25) известную часть отдают господину, который также иногда обязан помогать им при женитьбе их, заплатив известную же часть платы за жену крестьянина. Также при переселении с одного места на другое они должны строить господину дом и нести прочие тому подобные обязанности;

в) **дворовые внутренние**, или **дехефетейт**. Крестьяне сего разряда имеют собственные дома, равно как и первые, но обязаны более тех работать господину. Иные из них отдают ему половинное количество хлеба, соразмерного ими от посева; о продовольствии же их господин не имеет обязанности заботиться, также накапывают они потребное количество сена для господского скота, соразмерно с возможностью, и доставляют потребное количество дров для отопления. Сверх того они служат на кухне господина с различными должностями, пасут его стада и табуны и несут другие различные обязанности по произволу господина, но, однако ж,

согласные с условиями, на основании коих они водворены владельцем. Господин имеет право по своему усмотрению выдать их дочерей замуж, получив за них плату, из какого числа маловажную часть отдает обыкновенно матери крестьянки, выданной ими замуж. Сним правом пользуются господа нередко варварски, отдавая замуж крестьянских дочерей, даже продавая их по своему произволу, но оскорбить целомудрие девицы и вообще крестьянки они не смеют. Взамен сего господин обязан покупать крестьянам жен на таком же основании. Вообще сей разряд крестьян имеет собственность:

и г) **бездомные крестьяне**, или **унешхорис**. Крестьяне, к сему разряду принадлежащие, не имеют собственных домов, однако ж имеют собственность, состоящую в малом числе скота, работают же по произволу господина, довольствуясь от него всем нужным; заметим, что во избежание сих расходов иногда владельцы им предоставляют жить собственным домом, и тогда они отпращивают обязанности сходно с крестьянами предшествующего разряда.

Все вышепоименованные разряды крестьян пользуются собственностью и ограждены безопасностью, основанною на дарованных им правах от своих владельцев, правах, поддерживаемых посредничеством поручителей, называемых **коддохг** (см. ниже прим. 20). Следовательно, в Черкесии крестьяне не рабы, а под сим названием, унижающим человечество, состоят у них (т. е. у черкесов. — *Ред.*) невольники и невольницы, покупаемые для барыша, т. е. на продажу, и нередко оставляемые их покупателями для домашней услуги, так как они имеют право располагать ими по произволу своему. Но подобных рабов в целых семействах нет в Черкесии, ибо по принятому обыкновению там невольники, оставляемые их владельцами у себя для домашней услуги, получают от сих последних разные права собственности и безопасности, которые этих рабов обращают в сословие крестьян. Заметим, однако ж, что самовластные сильные владельцы, переступив условия, дарованные крестьянину при его водворении противу обычаев и законов своей земли, налагает на него оковы рабства, и семейство несчастного делается жертвою бесчеловечия владельцев.

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ КЛАССОВ

Показав в предыдущей главе разделение народного состояния на классы, вслед за тем надлежало бы пояснить **права и обязанности** этих классов, тем более, что на них основывают связи обществ и безопасность каждого в этой стране и потому-то они особенно важны; но права, которые родоначальники княжеских фамилий присвоили себе, желая через то соделать достоинства своих родов святынею неприкосновенная, равно и обязанности других классов в отношении к высшему сословию, столь многообразны и неопределительны, что собрание подробных и ясных сведений об них делается почти невозможным (см. ниже прим. 21), почему ограничимся относительно этих любопытных предметов тем, что предложим здесь главнейшие узаконения о **родовых правах** двух классов, а именно коренных дворян и льфекотлов или вольных земледельцев в племенах шапсугском и натххоккоадском (см. сей части от[деление] 4, главы 12, 13 и 14), установленные на бывшем там назад тому около **тридцати трех лет съезде или собрании** народном. Эти узаконения о родовых правах заключаются в следующем:

1) Буде кто убьет дворянина, то взыскать с убийцы пению за кровь (львас) 30 сшхха или голов (см. ниже прим. 22), в числе конх полагается 8 душ людей обоего пола и на 2 души оружия; остальные же затем 20 — платятся разными товарами, полагая каждую голову ценою в 4 штуки рогатого скота средних достоинств. Буде же совершится подобное убийство над льфекотлом, то взыскать с убийцы пению в третью часть менее того, что присвоено дворянскому роду, а именно 20 голов, в числе конх полагается 6 душ людей обоего пола и на 2 души оружия; остальные 12 платятся таким же образом, как и дворянам последние 20 голов. Заметим, что плата эта, установленная за кровь, или пеня, взыскиваемая за смертоубийство, служит, так сказать, мерою определения или указателем и в других случаях, например: судьи, соображаясь с этим установлением, приговаривают, сколько должно заплатить за увечья и раны. Также сообразно с этой платою получают окуп или

калым (см. ниже прим. 23) за дочерей при выдаче их в замужество и прочее.

2) Буде кто убьет крепостного человека, принадлежащего дворянину, то взыскать с виновного девять душ людей обоего пола в натуре или разными товарами. Когда же случится подобное убийство у льфекотла, то взыскать с виновного 7 душ обоего пола в натуре или за них плату разными товарами, как выше сказано. К сему прибавить должно, что с этим постановлением соображаются при взыскании всякого рода похищения, то есть дворяне берут в девять, льфекотлы в семь раз более того, что у них украдено; однако ж в таком только случае, когда уличенный в похищении не возвратит им украденного; буде же он возвратит его невредимо, тогда обязан только заплатить еще ту цену, что стоило им украденное; таким образом, владелец, у которого случилась покража, получает двойное вознаграждение и тогда, когда его собственность возвращают ему; каковым правилом руководствуются одинаково дворяне и льфекотлы.

3) Как дворянам, так равно и льфекотлам предоставлено право заступления за своих **гостей**, как за самих себя, то есть: буде кто убьет гостя, взыскать с убийцы пеню столько, сколько и за кровь члена своего рода, равномерно и за воровство чего-либо у гостя взыскать с уличенного похитителя столько же, сколько и за свою собственность (см. ниже прим. 24).

Впрочем, такие пени взыскиваются только за бесчестье, нанесенное дому, где причинена гостю обида, ибо сверх того убийца еще должен разделаться с родственниками убитого. Сия благодетельная строгость в отношении безопасности гостя тем более спасительна в этой стране, что она распространяется не только на гостей путников, но даже и на тех, которые ограждают себя покровительством посторонних лиц (см. 2 часть отд[еленне] 3, глав[у] 8).

В этих главнейших трех пунктах заключалось новое положение о родовых правах, установленное знаменитым в Черкесии съездом, известным там под названием **Печетиккозефеса** (см. ниже прим. 25). Все узаконения этого съезда торжественно были приняты льфекотлами, и дворяне единодушно согласились на оные (см. сей части отд[еленне] 4, глав[у] 15), ибо, потеряв

прежнюю власть, они не могли надеяться на приобретение лучших прав. Как первые, так равно и последние без изъятия присягнули над Алкораном неотступно соблюдать сии установления, признав их навсегда неизменными законами, и, дабы в целости предать эти ясные установления потомству, противу обыкновения сей земли поверили их писанию (смотри ниже примечание 26).

Следствием узаконений сего съезда внутренние беспоконья этих племен, производимые спорами о правах родовых, были прекращены до распространения в Черкесии шариата, который подорвал права и власть высшего класса и изменил выше описанные нами узаконения, как о том ниже сего будет сказано (см. общее примечание в конце 5-й главы сего отделения).

Здесь показанные узаконения о родовых правах двух классов, а именно — дворян и льфекотлов, хотя относятся только к племенам шапсугскому и натххоккоальскому, но они могут дать понятие о таких родовых же правах, существующих и во всех коленах, народ черкесский составляющих, ибо везде княжеские и дворянские роды за кровь, за похищение, за обиду гося взыскивают с виновного пеню в таком же точно виде. И вся разница состоит в том, что родовые права князей важнее первостатейных дворянских родов, а этих последних значительнее, нежели у второстатейных [дворянских родов], и так далее. К тому должно присовокупить, что вольные земледельцы в племенах, подчиненных власти князей, хотя и именуются льфекотлами, но не имеют значительных родовых прав, каковы присвоены этому классу в племенах, имеющих народное правление. Притом князь в своих владениях имеет право захватывать людей, угнать лошадей и скот из аулов, подвластных дворянам, в виде насильственного займа (см. ниже прим. 27)*, буде при совершении оного не встретится с членом дворянского рода, в каком случае честь обоих требует, чтобы князь взятое возвратил; в противном же случае удовлетворение может быть отложено до другого удобного времени. Это вредное обыкновение доставляет князьям возможность всегда щедро дарить приятелей и гостей, разоряя своих

* В подлиннике ошибочно поставлено 26. (Ред.)

подвластных. Впрочем, они и сих последних удовлетворяют впоследствии, ибо в противном случае обиженные дворяне могут переходить к другим князьям.

Некоторые роды из первостепенных дворян также могут захватывать людей и скот из аула княжеского, буде князь не удовлетворяет их справедливые требования. Дворяне же других степеней не имеют права на подобное самоуправство с князьями, а обязаны от них просить удовлетворения посредством законов. Сверх того, князья за малейшее оскорбление, нередко даже мнимое, взыскивают с виновного пеню, называемую швагх (см. ниже прим. 28). Так как родовые князья* некоторых родов из первостепенных дворян не определительны (см. ниже прим. 16), то вошло в обыкновение покорностию заглаживать свою вину перед князем следующим образом.

Виновный перед князем обязан пригласить его или его сына, иногда и брата через посредничество посторонних лиц, принимающих участие для восстановления согласия, к себе в дом, где вводят князя к жене пригласившего и там, в присутствии старейшин, он прикладывается к груди ее, что некоторым образом заглаживает прежде существовавшие обиды и соединяет враждующих навсегда, как они говорят, *млечною связью*; после чего водворяется между ними тесная связь дружбы, причем после нескольких дней торжества представляют князю людей, оружия и лошадей, из коих он берет себе и раздает его окружающим сколько ему заблагорассудится, а остальных возвращает поднесшему. Этим же поступком заглаживаются обыкновенно оскорбления, наносимые словами достоинству князя, и другие обиды.

Иногда для примирения с князьями, которые, будучи в кровавой вражде, на это средство не соглашались, прибегают к другому средству, а именно, похищают малолетнего княжеского сына, которому, сказав** все вышеописанные обыкновения, присоединив к ним еще и некоторые церемонии, возвращают его родителям и таким образом успевают примириться с ним. Однако ж

* Так в подлиннике; видимо, следует читать: «Так как родовые права князей...» (Ред.)

** Так в подлиннике; следует читать: «оказав». (Ред.)

заметить должно, что при последнем случае подносимые дары бывают весьма значительной цены.

К этому присовокупим, что связи между сословиями, основываемые на обыкновении водворения подчиненных классов под власти* высшего сословия, какое обыкновение, ограждающее безопасностью последних, состоит в том, что когда князь принимает из другого племени дворянина к себе в сословие своих дворян, то поступает таким образом.

Вновь поступающий под власть князя дворянин избирает из старожилых дворян того владения одного, двух и более (смотря по значительности поступающего в сословие тех дворян) себе, так сказать, соучастниками будущей жизни; в присутствии сих избранных князь и вновь к нему поступающий дворянин заключают окончательные условия, по силе которых князь признает родовые права дворянина, а сей последний — власть князя над собою на вечные времена; таким образом заключенные условия подтверждаются с обеих сторон присягою, причем иногда и детей их, если они находятся в совершенном возрасте, приводят также к присяге, чтобы соблюдать в целостности условия, заключаемые взаимно их родителями, ибо условия эти заключаются, как сказано, навсегда, причем избранные дворяне-старожилы дают также присягу вновь принятому в их сословие члену в том, что когда князь оскорбит его и не учинит надлежащего удовлетворения за обиды, то они вместе с ним, оставя этого князя, удалятся из его владения в другое, почему они и называются **кодохг** (см. ниже прим. 22). При сем случае князь делает значительный подарок новому вассалу, называемый **«оркктин»**, то есть **дворянский подарок**.

Если сей новый член дворянского сословия родом и родовыми своими правами равен тем дворянам, которые дали присягу, так сказать, быть соучастниками его судьбы, тогда он делается некоторым образом их собратом; когда же он родом и родовыми правами ниже их, то поступает более под их покровительство, нежели в собратство с ними.

Когда бывает много членов в княжеских домах, тогда каждый составляет особую партию дворян, дела

* Видимо, следует читать: «под власть». (Ред.)

всякому из них дворянский подарок. Причем заключает условия, которые обыкновенно состоят в том, что дворяне не перейдут к другим князьям в службу, что врагов своего князя почитать будут своими врагами, а друзей друзьями и прочее. Князья также со своей стороны делают соответственные обещания, которые с обеих сторон и подтверждаются присягою. Ежели и дворянин, таким образом приставший, предпочтительно служит одному князю, потом отложится от него, то князь имеет право потребовать от дворянина обратно все то, что ему подарил; но это редко делается, ибо почитается за стыд подаренное взять назад. Следствия этого обыкновения весьма пагубны, ибо, раздробляя владения, в коем много князей, на партии, не только производят раздоры и несогласия, но даже и кровавые междоусобия. К сему присовокупим еще, что дворянин, однажды принявший от князя так называемый дворянский подарок, не может подобного подарка принимать от другого князя; в противном же случае он может подвергнуться гонению прежнего князя, от которого он уже получил однажды условные дары, то есть так называемый дворянский подарок, ибо другого рода дары, не имеющие особенного условия, может принимать и от других князей.

ГЛАВА III

ОБРАЗ УПРАВЛЕНИЯ

В племенах, зависящих от власти князей, или в так называемых княжеских владениях (см. сей части отделение] 4. глав[у] 1) старшему князю присвоено обычаями, заменяющими там законы, звание **князя-старшины** (пшь-тххамеде), с каковым званием сопряжена власть и обязанность, так сказать, председательствовать в управлении владением: младшие его летами князья должны ему повиноваться в общественных делах.

Из дворян избираются в судьи наиболее пользующиеся уважением их сословия. Эти судьи, по избранию обществом князей и дворянства, приводятся к присяге, состоящей в том, чтобы соблюдать в делах всегда истину и производить суд по крайнему разумению спра-

ведливо, не увлекаясь корыстолюбием и пристрастием, почему эти судьи и называются **присяжными судьями** (тххарьохас).

Князь-старшина назначает съезд, принимая в уважение стечение дел и обстоятельств, того требующих, в каком-нибудь из аулов владения, куда съезжаются князья и все дворянство, иногда же и старшины вольных земледельцев (льфекотлов), если обстоятельства требуют их присутствия. Каковые съезды весьма часты, потому что беспорядки, волнующие владения, того требуют.

Главнейшие предметы относительно общественного благосостояния, подлежащие на съездах общему рассмотрению, суть следующие:

- а) переговоры с соседними племенами;
- б) искоренение воровства и разбоев внутри владений;
- в) всеобщее удовлетворение и водворение тишины во владении;
- г) меры предосторожности.

а) Переговоры.

Переговоры с соседними племенами обыкновенно ведутся таким образом: старшины обоих племен съезжаются в одно место и располагаются одна сторона не в дальнем расстоянии от другой. Заметим здесь, что если переговаривающиеся племена неприязнены и переговоры идут о заключении мира, то перед их съездом посредничающие лица, совершенно посторонние, вступая сами в посредничество, сближают воюющие стороны. Потом с обеих сторон назначаются по одному красноречивому мужу, которых называют **пересказателями** или **послами** (тлько), и по одному **объяснителю общего дела** (кушеако). Эти последние, которых знанию дел и силе красноречия поручается судьба сопколенников, ведут переговоры через **пересказателей** (которые большею частию суть посторонние, не причастные к делу лица), из коих на одном лежит в особенности обязать **пересказывание** того, что от обеих сторон ему поручается; другой же есть его помощник. Пересказатели эти непрестанно ходят (если расстояние большое, то и ездят верхом) от одной партии к другой, и главный из них пересказывает на них возложенное от одного общества к другому. Таким образом продолжаются пе-

переговоры до окончания дела. Достоинно замечания, что эти пересказатели владеют такою силою памяти, что ни одного слова не забывают, и в доказательство того главный пересказатель, возвращаясь к каждой партии, повторяет с начала и до конца все то, что ему от нее поручено было; по окончании же такого повторения спрашивает объяснителя: так ли ему было от него сказано? И, получив удовлетворительный ответ, объясняет вновь им принесенный от противной стороны ответ или запрос. В продолжении этого объяснения пересказатель спрашивает своего товарища: «Не забыто ли им что-нибудь?», тогда товарищ напоминает ему, если в самом деле забыто, что, однако ж, случается реже, чем должно бы предполагать.

За неприличие почитается, если объяснители, пересказатели или другие лица, участвующие в переговорах, горячась, приходят в некоторое исступление.

Когда переговоры оканчиваются заключением мира или союза, то обе стороны подтверждают присягою те условия, на коих были решены спорные дела или, лучше сказать, решаются согласиться с обеих сторон. И если были лица, подвергшиеся обидам до заключения мира или союза, то они получают удовлетворение или немедленно, или в назначенное время, смотря по обстоятельствам; условия союза обыкновенно заключаются в том, что ежели постороннее племя объявит войну одному из союзнических племен, то вооружаться и действовать заодно; членам одного племени не делать набегов на аулы другого и прочие мирные расположения и союзные вспомоществования оказывать между собою. Таким образом мирные связи водворяются между племенами.

Когда же переговоры кончаются без успеха, то неприязненность между обоими племенами продолжается двойким образом: владельцы воюющих племен поголовно вооружают своих подвластных и нападают на противников, избрав для сего удобное время. Когда же такому решительному действию препятствуют какие-либо обстоятельства, как-то: слабость владельцев, внутренние беспорядки их владений и прочее, тогда предоставляют удачеству делать набег, захватывать скот и пленников и прочее, таким образом возжигается пламя мщения и кровь повсеместно льется до тех пор, пока

посредничество соседей и лиц значительных не потушат ужасное междоусобие миром или перемирием. Это последнее обыкновенно состоит, как и везде, в том, чтобы прекратить неприязненные действия до назначаемого времени для заключения совершенного мира. В заключение того, что здесь сказано относительно образа переговоров и их последствий, должно прибавить, что съезды для подобных переговоров назначаются на границах владений, даже иногда и в деревнях соседственных племен. Также до заключения мира бывает расставлена стража в опасных местах, дабы не подвергнуться неожиданным нападениям.

б) Искоренение беспорядков.

Для искоренения воровства и разбоев и для предупреждения от этого происходящих бедствий весь народ, без изъятия звания и состояния, приводится к присяге, состоящей в том, чтобы каждый открыл проступки свои перед лицом всего собрания, а равно и впредь не делать подобных проступков. Признающиеся в воровстве и разбое удовлетворяют убытки тех лиц, у которых похищена была ими собственность.

Здесь надобно заметить, что при подобных удовлетворениях похитители возвращают только украденное или отнятое, буде вещи сии отыщутся; в противном же случае платят без прибавления **пени** (смотри предшествующую глав[у]) за оскорбление того рода, у которого учинено похищение, хотя бы понесший потерю был даже князь. Это обыкновенно введено для того, чтобы похитители из опасения слишком тягостного штрафа не сделались бы клятвопреступниками. Без сомнения сия человеколюбивая снисходительность высшего класса есть следствие той мысли, что если вору содеяются клятвопреступниками, то уже никогда нельзя будет отыскать похищенного ими: напротив же того, когда будут верить присяге, то по сему влиянию они возвратят похищенное без всякого другого вынуждения. Впрочем, как бы то ни было, эта мера есть следствие благоразумия, но она и не во всех владениях одинаково принята.

в) Всеобщее удовлетворение.

Мы выше этого сказали, что князьям присваивается древними обычаями странное преимущество, состоящее в праве отнимать, хотя с некоторыми ограничения-

ми, у многих владельцев то, что ему нужно, делая это в виде насильственного займа. Пользуясь этим правом, князья отнимают в виде, как сказано, насильственного заимствования у подвластного их дворянам народа лошадей, скот, даже захватывают нередко и людей из сего класса; таким образом захваченных не возвращают их владельцам под разными предложениями и не делают дворянам удовлетворения, присвоенные достоинством их родов за разные оскорбления. Вследствие таких обстоятельств, владение приходит в волнение: оскорбленные дворяне решаются оставить свое отечество. Равномерно ненависть князей, между собою порождаемая большею частью лукавством их дворян, и от того происходящие междоусобные распри волнуют владения, причиняя жителям тяжкие разорения. Прекращение этих беспорядков есть важнейший предмет, подлежащий рассмотрению съезда: тут неприязненных между собою князей и дворян примиряют. Оскорбленным доставляют удовлетворения и понесшим убытки — вознаграждение. Таким образом, учинив общее удовлетворение, нередко с успехом водворяют тишину, по крайней мере, на некоторое время.

г) Меры предосторожности.

Главнейшие меры предосторожности заключаются в следующем.

В случае опасения повсеместного в окрестностях голода воспрещают вывоз хлеба во всем владении.

В случае появления заразительных болезней в соседнем племени воспрещают сообщение с зараженными аулами.

В случае опасностей неожиданных набегов неприязненных племен учреждают посты, где аулы поочередно содержат конные караулы. Заваливают дороги, лежащие сквозь лесов, для препятствия проходу неприятеля. Также нередко строят укрепления, если местность и обстоятельства того и другого требуют.

Как эти меры предосторожности, равно и все повеления съезда касательно блага и дел владения, как-то: поголовного вооружения для нападения на врагов или их отражения, исполнения условия мира или союза с соседними племенами и т. п., приводятся в действие посредством штрафования ослушников. Также воровство,

разбон и другие беспорядки внутри владений прекращают страхом тяжкого штрафования, которое съезд налагает на нарушителей его установлений. Словом, вся пружина исполнительной власти основана, так сказать, на страхе взыскания штрафа; наложение же штрафа и взыскание оного приводится в исполнение таким образом.

Князь-старшина по положению съезда обнаруживает его повеления, налагая на ослушников воли съезда штрафования (жкоди) соразмерно с обстоятельствами более или менее тяжкие. Взыскание же штрафа представляется обыкновенно одному или, смотря по важности дела, нескольким князьям, которых народ уважает и страшится. Эти взыскатели, которым непокорность других приносит важные выгоды (см. ниже прим. 29), никогда не упускают случая воспользоваться им предоставленным правом, каковая их строгость способствует тому, что повеления съезда нередко беспрекословно бывают исполняемы; следовательно, величайшая, строгость взыскателей должна служить к общей пользе, если несправедливость их эти выгоды не обратит во вред.

Все, что мы говорили в этих четырех главнейших пунктах, есть, так сказать, ось правления племен, зависящих от власти князей, на которой основывается весь ход общественных дел. С этим порядком управления, утвердительно можно сказать, соглашается и порядок управления **«частно-общественного»**, т. е. образ управления владельца каждого аула: в каждом ауле есть или, по крайней мере, должны быть присяжные судьи из старшин льфекотлов, или вольных земледельцев, с которыми владетель, совещаюсь, управляет аулом, дает разные повеления, налагая также штрафы на ослушников его воли.

Этот же самый образ управления княжеских владений может дать понятие о порядке управления племен, имеющих народное правление, но как у этих последних есть отличительные устройства или, лучше сказать, **обычай** в образе управления, то здесь представим главнейшие очерки образа их управления.

Племена **абедзахское, шапсхское и натххоккоадское** (см. сей части отд[еление] 4, глав[ы] 11, 12, 13 и 14) также избирают старшин в присяжные судьи, каковых

судей каждый **тххапшь**, или приход (см. ниже прим. 50), имеет по несколько человек; они разбирают частные дела своих соприсяжников. Когда же бывают дела, касающиеся до всего племени, то старшины эти съезжаются в одно место, где каждый из них, будучи представитель своего рода, или колена, рассматривает предметы требований общественного благосостояния; здесь же предпринимают переговоры о заключении мира или союза с соседями на таких же основаниях, как это описано выше, а равно и меры предосторожности и искоренения воровства, разбоев и других беспорядков суть главнейшие предметы, подлежащие рассмотрению **съезда** этих старшин. В таких собраниях красноречивые старшины льфекотлов, вольных земледельцев, заменяющих в этих племенах князей и дворян, располагающих делами в княжеских владениях, управляют умами народа по произволу своему и всегда ко вреду высшего класса — дворянства, которое ныне, по-видимому, потеряло наконец свои права именно на сих собраниях. Эти буйные старшины также налагают штрафования на ослушников законов блага своего племени, или изреченных, и взыскивают с виновных приговоренные ими штрафование. Каждый род из составляющих эти племена, как член самостоятельного общества, имеет голос на сих собраниях, и как все эти члены, за исключением малого числа старшин, чрезмерно грубы, то и собрания их всегда бывают шумны и гремят бранью. Однако ж старшинам этих племен делает величайшую честь то, что в недрах их отечества воровство, разбой и всякого рода насилия, можно сказать, судя по нравственному их состоянию, редки, чем они и обязаны уставам их собратства, защищающим каждого (см. сей части отд[еление] 4, глав[у] 15). К этому же немало способствует и то, что роды вольных земледельцев, составляя каждый особенную маленькую республику, действуют заодно с членом, понесшим оскорбление или убыток, вследствие чего в сих племенах убийца находит редко пристанище в своем отечестве, подобно тому, как в княжеских владениях, и непременно бывает принужден скрываться в чужом племени в течение того времени, в которое родственники его успеют, удовлетворив родственников убитого, примириться с ними; после какового удовлетворения и примирения убийца может возвра-

тяться на родину. Но так как они сильно привязаны к отечеству, то им кажется всегда ужасным решиться, оставив родных и родину, удалиться в чужую землю.

Вот главные очерки образа управления племен, имеющих народное правление; прочие же все одинаковы с племенами, зависящими от власти князей; если за этим и есть какие-либо отличия, здесь не упомянутые, то уже, верно, такие, которые не заслуживают особого внимания или подлежат другим статьям, в этих записках содержащимся.

ГЛАВА IV

ОБРАЗ СУДОПРОИЗВОДСТВА

В предыдущей главе я говорил, что княжеские владения, а равно племена, подчиненные народному правлению, имеют **присяжных судей**, которые в важных делах суть и судопроизводители. Перед сонмом этих судей, созованных для рассмотрения и решения дела, являются оба тяжущиеся лица, а равно и общества или партии. Истец первый объявляет судьям свои претензии, потом и ответчик — свои оправдания. Судьи, выслушав сущность дела, предлагаемого их решению, удаляют присутствующих, и когда они остаются одни, то приступают к рассмотрению дела: младшие судьи по настоящим обычаям сперва подают свои голоса или мнения и, наконец, большинством голосов решают рассматриваемое дело, сообщаясь с обычаями, служащими узаконениями. По решению же призывают опять тяжущихся для объявления им приговора, что поручается одному из судей. Но прежде объявления решения суда тяжущиеся стороны приводимы бывают к присяге, состоящей в том, что они исполнят приговор судей, в чем бы он ни заключался; после чего объявляется им решение суда.

Когда дело, рассмотрению подлежащее, такого рода, что противники находятся в неприязненном отношении один к другому (например: когда оно заключает в себе кровомщение и тому подобное важное обстоятельство), то тяжущиеся вместе присутствовать не могут перед судьями для объяснения своих дел, и тогда истец остается в присутствии судей, а со стороны ответчика назначается уполномоченное лицо, которое представляет (сло-

весно) оправдание доверившего ему свое дело; и в таком случае всегда влияние посредничающих лиц соглашает исцов на примирение и, так сказать, служит пружиною хода дел между неприязненными лицами, а равно и партиями.

Присяжные судьи, рассматривающие дело, часто отлагают его решение, назначая для того другое время, в которое приказывается вторично собрать судей по несколько человек от обеих сторон и, представив им на рассмотрение дело, привести в исполнение их приговор, а до того времени не открывать никаких с обеих сторон неприязненных действий; также иногда в таком случае до приступления к вторичному судопроизводству определяют возвратить захваченных людей, лошадей и прочее, буде такое насильство между тяжущимися было учинено. К такому отлагательству нередко присяжные судьи принуждены бывают силою одного из тяжущихся; видя несправедливость его дела и не желая навлечь на себя его ненависть, предоставляют дело вторичному рассмотрению, когда, само по себе разумеется, действует пристрастие, ибо каждая сторона избирает себе в судьи таких людей, на которых наиболее полагается и которые действуют в пользу своих избирателей.

Образ судопроизводства и в маловажных обстоятельствах тот же, как и в важных случаях: оба тяжущиеся представляют разбирательство своего дела двум или нескольким лицам, которых приговор должен быть обыкновенно окончательным решением; но в этом случае обыкновенно тяжущихся не приводят к присяге, состоящей в том, что они исполняют приговор судей, а просто от них требуют честное их слово или чтобы они назначили одного или двух человек за себя поручителями, которые отвечают за неповинующихся по приговору судей; что допускается иногда и в важных случаях.

Кстати здесь же заметить, что черкесы, когда платят скотом, оружием и прочими вещами, равно как и людьми, по приговору судей, то платящий, равно как и получающий соглашаются предлагаемые предметы представлять на оценку также нескольким посторонним лицам, которые подвергают вещи оценке, и приговор их с обеих сторон принимается.

ГЛАВНЕЙШИЕ ЗАКОНЫ

Мы здесь на нескольких страницах можем изобразить, описывая черкес, то, что у народов просвещенных составляет блистательный и священный предмет человеческого разума, а именно — **законы**.

Писаных законов, как уже известно нам, у черкесов нет. Главнейшие же, так сказать, обыкновения и советы старшин, принимающие форму закона, суть единственные постановления, которыми при судопроизводстве дел обыкновенно руководствуются или, лучше сказать, коих придерживаются; они суть следующие.

В случаях падающего подозрения

Когда суд производится над лицами, подозреваемыми в убийстве, равно и обесчещении женщин, то истцу предоставляется назначить обыкновенно два известных своей честностью лица, по таким именно, которые не питают бы личной вражды к ответчику, который также должен явиться в суд, где и дает присягу в невиновности своей; истину его присяги двое, приведенные им как присяжные свидетели (тххар сххаль), подтверждают присягою же, и тогда подозреваемый оправдывается законным порядком и подозревающий не должен более иметь на него притязания и явных неприязнностей.

К этому присовокупить должно, что в случаях смертоубийства и обесчещения женщины у черкесов, равно как и в других значительных преступлениях, когда лишь в совершении оных подозревают кого-либо, то для очищения подозреваемых лиц в таком случае законным порядком употребляют одинаковые приговоры. Но когда сомнения исчезнут и преступления преступников доказаны, то убийцы по большей части платою за кровь удовлетворяют родственников убитого и, по совершении обрядов, при том соблюдаемых, мир водворяется между убийцами и родственниками убитого. Но за обесчещение женщин нет в высшем классе примера примирения, и лишь кровь преступника может смыть такое неизгладимое пятно бесчестия. Однако же если случится удовлетворить за подобное оскорбление платою, то законы сравнивают сего ро-

да оскорбления с смертоубийством, почему и плата получается тою же, какая положена за кровь; но при всем том между оскорбленным и оскорбителем никогда не может восстановиться дружество или близкие отношения. Притом такого рода примирение может случиться только между низшим и грубым классом; когда бы между высшим классом это случилось, то получивший удовлетворение платежом сделался бы предметом всеобщего презрения, более даже, нежели каковому подвергаются в мнении народа и те, которые по недостатку отважности и мужества не смывают вечное свое посрамление кровью оскорбителя. Когда же этот (т. е. оскорбитель. — *Ред.*) бывает убит первым (т. е. оскорбленным. — *Ред.*), то родственники его не имеют права по законам требовать удовлетворения за кровь, если они равны происхождениям.

Подозреваемых в воровстве закон подвергает для их обличения почти такому же приговору, как выше сего описано, а именно: обвиняемый должен себя оправдать присягою. Если же он был обличен когда-нибудь в клятвопреступничестве, то закон дает право истцу назначать и потребовать от обвиняемого, чтобы сей последний представил человека благонадежного, который, не быв врагом обвиняемому, подтвердил бы присягою же его оправдание. Когда же обвиняемый не найдет присяжных свидетелей, то закон предлагает истцу утвердить свое подозрение также присягою; буде же и он был обличен в клятвопреступничестве, то обыкновенно обвиняемый назначает и требует, чтобы и он также представил благонадежного человека, ему не врага, в присяжные свидетели. В случае же, когда обе стороны, то есть обвинитель и обвиняемый, не найдут требуемых законом присяжных свидетелей, то по закону взыскивается с подозреваемого половина цены того, в похищении чего он подозревается.

Если обвиняемый не был никогда явно обличен в клятвопреступничестве и обвинитель или истец потребует от него, не доверяя его присяге, еще присяжного свидетеля, то сей, оправдавшись, нередко требует от обвинителя удовлетворения за то оскорбительное о нем мнение, публично изъясненное, при мнимом уличении его в клятвопреступничестве и за недоверенность его присяге.

Когда воровство, в котором подозревают, незначи-

тельно, то нередко истец удовлетворяет* тогда, когда обвиняемый представит одного или двух благонадежных поручителей в том, что он невинен во взводимом на него подозрении и что они (поручители. — *Ред.*), буде откроется впоследствии вина того, за поведенные которого ругаются, удовлетворят требование истца.

Заметить должно, что закон допускает это тогда только, когда обвиняемый не был обличен в подобных преступлениях и настоящий поступок, в чем его подозревают, маловажен, как выше сказано.

В тяжбах по долгам или заемным делам

Когда по смерти одного лица от его наследников требуют возврата долгов, а между тем основательности требования не довольно ясны или подвержены сомнениям, то закон также предписывает истцам доказать справедливость своего требования представлением благонадежных свидетелей и сверх того нередко присягою. Когда же истец не представит требуемых свидетелей, тогда ответчикам предоставляется отвергнуть требования истца таковыми же свидетелями и присягою; если же и эти последние не в состоянии таким образом доказать несправедливость взводимого на них долга, то обязаны они заплатить истцу половину требуемого долга. К этому присовокупить должно, что закон не подвергает женщин присяге, а за них совершают ее их сыновья или братья. Это правило, однако, распространяется на женщин только относительно долговых претензий, ибо в других случаях женщины не изъяты от обыкновения у черкесов присягою доказать истину своего показания; впрочем, в других племенах женщины вовсе избавлены обычаями от присяги.

У черкесов отец не отвечает за долги сына, буде он не изъявлял согласия, когда сын занимал оные. Сын же платит долги отца.

Это, однако ж, только относится до платежа долгов, ибо за прочие поступки сына мстят обыкновенно и отцу, равно сыну за отца и всем вообще родственникам их.

* Так в подлиннике; видимо, правильно: «удовлетворяется». (*Ред.*)

Все дела, не подверженные действию шариата, решаются судом, и в сем случае законы основываются иногда на примерах, а всегда на чистоте совести.

Развод мужей с женами и вообще правила относительно супружества

Муж имеет право развестись с женою, когда ему это заблагорассудится. Напротив того, жена не имеет никакого права потребовать развода, если неспособность мужа в супружеском состоянии явно не доказана.

Черкес может жениться на жене умершего его брата или близкого родственника. Оставшаяся жена после смерти мужа не может выйти замуж за постороннего человека без согласия деверя своего или других родственников покойного ее мужа.

Когда развод бывает следствием бесчестного поведения жены, то муж имеет право располагать ею по своему произволу. Если же не имеет причины ее в том подозревать, то родственники ее должны потребовать от него, чтобы он публично присягнул в том, что с женою разводится, не имея никаких причин подозревать в бесчестном поведении.

Жена в разводе не может выйти замуж без согласия бывшего мужа, от которого братья ее требуют в том для нее разрешения.

Засватанная девица или вдова почитается женою засватавшего ее человека. Заметим, что тот, у кого жена увезена другим, имеет право жечь дом похитителя и целую деревню, где он пребывает, но без этого случая жечь строения, хотя бы они принадлежали и заклтому врагу, почитается постыдным поступком.

Дележ имения между братьями

Самый легчайший способ делить имение по законам есть следующий: младший брат разделяет по собственному усмотрению все имение на равные части по числу братьев, а выбор предоставляется по старшинству, то есть старший брат выбирает какую часть ему угодно, потом следующий же брат то же делает и так далее. При

дележе никто не имеет особенной собственности, и все имение, благоприобретенное и родовое, подлежит разделению на участки. Однако же принято, чтобы старшему брату дать что-нибудь сверх участка, ему доставшегося по дележу, в состав которого иногда не входит и оружие, для собственного их употребления служащее, равно и родовые оружия, которые сохраняют в доме старшего брата.

Когда случится в чем-нибудь спор, то посредничество призванных старшин все приводит в порядок. Дом обыкновенно принадлежит старшему брату. Собственность жен не подлежит делению. Когда дележ происходит между братьями, имеющими сыновей, то эти последние не получают никакого участка.

Дочери не имеют право на требование своей части; однако ж они получают людей и прочее, смотря по состоянию, в виде подарков. Сын не имеет по законам права требовать от отца участка имения и должен быть доволен тем, что ему он уделит добровольно.

Все дела, как мы видели, решаются судом, в котором законы основываются иногда на примерах, а всегда на совести, и тогда большинством голосов утверждаемое мнение есть уже настоящее узаконение. Следственно, все законы у черкесов основываются на чистоте совести, не говоря о преимуществах, присвоенных достоинством различных родов, которые суть неминуемые следы феодализма. Тут совесть безмолвствует и сила действует.

Общее примечание

Правительство турецкое, измученное поучительными для государей и государств бедствиями, порожденными свосвольством янычар, по истреблении этого грозного мятежного войска сделало первый шаг после продолжительного сна бездействий к благу просвещению. В это время вдруг воспламенившаяся деятельность сего правительства, достойная твердой души ее преобразователя, Султана Махмуда III, не могла оставить без внимания здесь описываемый народ: пред последнюю войною России с Портою (1828), вследствие дошедших до сведения Дивана жалоб черкесов о бездейственности и несправедливостях начальствовавшего долгое время в Анапе пашы, сей последний был сменен и на место его назначен Абду-

лах-паша, и в то же время трехбунчукный Хасан-паша был прислан в Анапу в виде главнокомандующего над черкесами. Этот знаменитый, судя по деятельности своей, турецкий вельможа в кратковременное свое пребывание в Анапе совершил удивительный переворот во всей Закубанской Черкесии: привел значительную часть туземцев к присяге в верности своему государю, искоренив образ судопроизводства, основанный на древних обычаях и веками утвержденных, подчинил все **шариату**; во все племена разослал и назначил **имамов** (священников) для распространения исламизма, даже установил правило, чтобы десятая часть хлеба, собираемого народом, была отсылаема на случай потребности для войск правительства. Действуя таким образом силою религии, он дал (вероятно, с намерением) быстрое направление умам черкесского народа к пагубному равенству. Высший класс в Черкесии, ослепленный, так сказать, умением этого сановника управлять людьми, не видел той пропасти, которую его действия приготавливали ему гробом*, или, может быть, видя, стремился в эту пучину, надеясь, что увядшие цветы феодальных его прав чрез это обновятся новою жизнью. К паше являлись князья и дворяне, ожидая от него лучшей участи. Он обнадеживал их, говоря, что, получив полную власть над их страной, подчинит класс вольных земледельцев (льфекотлов) зависимости высшего сословия на основании прежних прав его; в то же время, толпы народа (льфекотлов) теснились в Анапе. Паша давал им хитро чувствовать, что они отныне свободны от самовластия частных лиц и, будучи сынами религии, общего их пророка, должны лишь покорствовать шариату и велению книги его. Всем с щедростью он раздавал подарки, все были усыплены надеждою на лучшую будущность, и между тем умный паша неутомимо действовал для достижения своей цели, состоящей в том, чтобы черкесов сделать полезными подданными своего правительства. Он не имел иной силы, кроме ума своего и золота, и успехи ручались в могуществе этих двух сподвижников. Но вдруг его отозвали обратно в Турцию, и война 1828 года решила навсегда участь Черкесии. Я должен здесь заметить, что в действиях этого пашы,

* Так в подлиннике. (Ред.)

здесь описанных, хотя заметен ум сильный и неутомимая деятельность, но в них не видно глубокой дальновидности (см. 2 часть, прим. 20)*. Хасан был, может быть, и дальновиден, но, по крайней мере, в его действиях было более быстроты, нежели прочности. Добро и зло, посеянное в народе одним человеком, обыкновенно с смертью его не прекращается. Хасана-паши, смело можно сказать, доказавшего, что ум сокрушает и самые граниты препятствий, не стало, но все, что посеял он, и поныне растет. Шариа́т, не провергнувший древние обычаи черкес, ныне есть основание их делопроизводства, следовательно, все нами описанные законы, на которых основывается образ их правления, ослабли; но как дворяне и князья стараются во всей силе их поддерживать, ибо видят, что собственная выгода их сего требует, то в настоящем положении дел в Черкесии шариа́т и древние обычаи относительно судопроизводства находятся в соразмерности: высший класс придерживается древних обычаев, а вольные земледельцы — узаконенный шариа́та, что и причиняет ныне непрестанные несогласия сил двух классов в Черкесии.

Человек, переходя из дикого состояния в состояние гражданственности, чувствует необходимость условий, могущих оградить собственность каждого, обуздав самовольность сильнейшего. Эти условия суть законы, самую природою даруемые: их производит чувство самосохранения, свойственное мыслящему существу — человеку. Мы видели, что все условия, служащие в Черкесии оградой слабого от самовольства сильного, произведены таким же природным чувством естественной любви к самосохранению. Также мы видели, что у черкесов все судебные дела, так сказать, взвешиваются на чистоте совести, с помощью, в некоторых случаях, примеров прошедших времен и дел. Наконец, мы видели, что члены высшего класса, пользуясь правами, присвоенными феодалами до стоишеством их родов, суть члены федеративных обществ; и все это с первого взгляда кажется основным на законах порядка: условия, ограничивающие власть князей, умаляя оную, ограждают свободу каждого, начиная от высшего до низшего класса; условия рождают связи меж-

* Во второй части не значится примечание под номером 20. (Ред.)

ду классами; совесть издает законы, и в судах руководствуются чистотою совести. Подозреваемый может оправдаться именем бога; честность везде служит порукою. Повторяю, все это с первого взгляда кажется основано на законах порядка, но с первого лишь взгляда, ибо ежели вы углубитесь более в сущность самого дела, то увидите, что и тут, не взирая на простоту законоположения, корыстолюбие часто утоляет позорную свою жадность, несправедливость в гнусном торжестве своем попирает священную истину и несчастный праведник, которого вся вина в слабости, стонет под бременем угнетения.

ОТДЕЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ОБОЗРЕНИЕ В ОСОБЕННОСТИ КАЖДОГО ИЗ ПЛЕМЕН, СОСТАВЛЯЮЩИХ ЧЕРКЕССКИЙ НАРОД

СОДЕРЖАНИЕ:

Предварительное понятие об общем разделении племен. Владения Кибардинские. Владение Бейсленийское. Владение Меххошское. Владение Тчемргойское. Владение Ххатиккоайское. Начало Бжедугского поколения. Владение Черченейское. Владение Ххмшийское. Владения Вепсское, Ххгатское и Жанинское. Племя Абдзахское. Начало Ахгутчинского поколения. Племя Шапсхское. Племя Натххокоадьское. Причины падения княжеских владений и усиление племен, имеющих народное правление. Колена, обитающие между черкесами. О потомках крымских ханов, живущих в Черкесии.

ГЛАВА I

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ПОНЯТИЕ ОБ ОБЩЕМ РАЗДЕЛЕНИИ ПЛЕМЕН

Прежде нежели приступим к отдельному обозрению каждого из племен, составляющих черкесский народ, разделим эти племена на две части: а) на княжеские владения, или колена, зависящие от власти князей, и б) племе-

на, не подчиненные власти князей, или имеющие народное правление; и предложим краткое понятие об этих обеих частях.

Первые, то есть княжеские владения, как-то: Кабардинские, Бейсенлийское, Меххошское, Тчмергойское, Хаттцкоайское, Черченейское и Ххмшийское, расположены на равнинах, с северной стороны гор лежащих; они селятся всегда деревнями, в которых нередко заключаются до ста и более дворов или семей. Владения эти, будучи управляемы князьями и дворянами, разделенными всегда на партии, вечно враждующие между собой, подвержены беспрерывным волнениям; пламя губительных междоусобий, часто свирепствующих в их недрах, нередко опустошает целые деревни, жители которых, угрожаемые разорением, часто переселяются с одного места на другое, отчего и владения постепенно ослабевают и населенность их уменьшается.

Напротив того, племена, имеющие народное правление, а именно: Абедазхское, Шапсхское и Натххокоадское, живут в горах и жилища свои располагают по ущельям и отлогостям гор, рассеянно усадьбами, за исключением тех жителей, которые живут при входах ущелий и около северных равнин, равно как и селящихся также деревнями для безопасности от набегов. Вообще жители этих племен без величайшей нужды не переселяются, подобно жителям княжеских владений, с одного места на другое, и, подобно им, не только не уменьшаются в числе своем, но даже умножаются и приходят если не в цветущее, то, по крайней мере, в сильнейшее состояние. Сверх того, образ управления в княжеских владениях, имеющий одинаковое основание, отличается от такового в племенах, имеющих народное правление, как это мы видели выше (смотри предыдущего отделения главу 3).

Теперь обратимся к обозрению каждого племени в особенности.

а) Княжеские владения, или колена, зависящие от власти князей

ВЛАДЕНИЯ КАБАРДИНСКИЕ

Наименование. Правильное наименование этого поколения есть Ккебердине, как выговаривают сами кабардинцы и другие черкесы, говорящие паречием кабардинским. О начале этого наименования находим различные предания, из которых одно, более других имсущее основательности, заключается в том, что предки нынешних кабардинцев жили в Крыму на берегах речки **Кабарта** и от названия этой речки их наименование получило свое начало.

Мы не знаем, как речка Кабарта, и поныне известная в Крыму под этим названием, именовалась до поселения на ее берегах предков кабардинского поколения, и так напрасно стали бы доискиваться до того, кабардинцы ли получили свое наименование от реки или сия последняя от них. То и другое могло случиться.

Происхождение. О происхождении кабардинцев, кроме народных преданий, имеем и историческое сведение, в достоверности которого не полагая никакого сомнения. Известный Станислав Богуш Сестренцевич в своем сочинении «История Таврии» говорит: «Три колена (казарские, или хозарские), из коих главное называлось кабарами, сделали заговор противу его (хакана, или когана, т. е. хана козарского) особы и против монархического правления; вскоре возгорелась междоусобная война. Вступили в бой; он (каган) был победителем, но владычество его померкло в земле, которую он имел в Европе, воелнку множество колен, населявших ее, удалились: одни — в Азию, на долины, а другие — на равнины Кавказа, занимаемые и поныне их потомками, известными под именем кабардинцев, что значит горских кабар, или живущих поблизости гор».

Об этих же кабарах и г. Броневский в своих известиях о Кавказе, между прочим, сообщает, что император Константин Порфирородный под 883 годом по Р. Хр. упоминает о трех козарских поколениях под именем **кабары** или **кавары**, удалившихся к маджарам или уграм и там под общим наименованием каваров составивших осьмое колено венгров, между которыми ввели в употребление

хазарский язык. И [так] как черкесы некогда обитали на полуострове Тавриде, то и полагают, что упоминаемые кабары были именно предки нынешних кабардинцев, которых поэтому и должно почитать за колено хазарское, или козарское.

Народные предания, несмотря на баснословие, их омрачающее, нередко содержат важные истины, почему эти предания всегда любопытны для наблюдательного ума, и мы поместили здесь предания самих кабардинцев о происхождении их поколения.

Князь-аравитянин, именем Арап-Хан, принужденный обстоятельствами оставить свое отечество, прибегнул к покровительству константинопольского императора, который оказал ему, по расчетам политическим, больше почести. Арап-Хан с дозволения императора поселился с своими подвластными в Крыму, на берегах речки Кабарта, от названия которой эти поселенцы получили и свое наименование, как выше упомянуто. По смерти Арап-Хана сын его Абдан наследовал ему и спустя некоторое время с подвластными своими из Крыма переселился к Кавказским горам. Во время этого переселения у Абдана родился сын, который был назван Кес. По смерти Абдана Кес наследовал ему и с успехом предводительствовал кабардинцами. Адед-Хан, сын Кеса, наследовал отцу и имел наследником Хурфелая; сын и наследник этого последнего есть тот знаменитый Инал, от которого начинается неясный, обыкновенно как все предания, но любопытный ряд исторических народных преданий о кабардинцах и других черкесских поколениях.

Пребывание кабардинцев в Крыму, кажется, не подвержено сомнению: не только народные предания, но даже и собственные имена, как-то: город Черкес-Кермен, долина Черкес-дуз и упомянутая речка Кабарта, близ древнего Херсона, и поныне употребляемые в Крыму, свидетельствуют, что черкесские колена обитали некогда на полуострове Тавриде. Но действительно ли предки кабардинского поколения, жившие в Крыму, были аравитяне? Несомненное решение этого вопроса никакими свидетельствами не доказывается, но как история черкесского народа имеет некоторую связь с аравитянами (см. сей час[ти] отд[еление] 2, глав[у] 3), то и предание это получает некоторую основательность. Однако ж предпочтем исторические сведения народным преданиям (тем

более, что писатели, которых слова и мнения о происхождении кабардинцев выше этого приведены, пользовались важными историческими источниками, за пределами которых все, что относится до первобытного населения Кавказа и отчасти с ним сопредельных стран, покрыто тьмою, кажется, совершенной неизвестности) и будем почитать, до новых разысканий и открытий по этому предмету, предков нынешних кабардинцев за колена козарское.

Об истории кабардинцев

Со времени царствования царя Иоанна Васильевича IV кабардинцы были в сношениях с Россиею; служили в войсках российских государей, которые их покровительствовали и награждали, как это увидим ниже. Следовательно, важнейшие происшествия в Кабарде должны иметь связь с российской историею, начиная от царствования упомянутого государя. Судя по этому, можно сказать, что из всех черкесских поколений одно кабардинское имеет, конечно, не полную, но, по крайней мере, достоверную историю. Однако ж труд, сопряженный с составлением удовлетворительной истории этого поколения, превосходит мои силы, да и самые обстоятельства мне не позволяют его предпринять, и потому ограничиваюсь следующими историческими народными преданиями и сведениями, извлеченными из некоторых сочинений о кабардинцах.

Исторические народные предания

Предыдущая повесть о происхождении кабардинского поколения доведена до князя **Инала**. Победы над врагами, благоденствие подвластных и счастливые успехи во всех предприятиях знаменитого этого предводителя кабардинцев и родоначальника их князей были причиною, что современники почитали его человеком сверхъестественным, причастным святости, и потомство долгое время с благоговением призывало на помощь «**бога счастья Инала**» в твердой уверенности, что счастье и святость великого предка могут благоприятствовать предприятиям потомков.

Неизвестно, в какое время жил Инал, но полагают, что он умер еще в то время, когда кабардинцы обитали на южной стороне реки Кубани в городе Шаиххире (см. сей час[ти] 1 отд[еление], глав[у] 12), исповедывая христианскую религию, принятую ими по внушению греков. Основываясь на этом и на исчислении кабардинцев, по которому они время пребывания свое на местах, ныне ими занимаемых около Пятигорска, считают до 1100 лет, жизнь Инала можно отнести к VII веку, ибо известно, что пизовые черкесы исповедывали тогда христианскую веру, распространенную между ними в особенности в царствование Юстиниана Великого.

Князья кабардинские и бейсленийские суть потомки Инала, также полагают, что и тчемргойские, следовательно, ххатиккоайские и хеххадческие (см. сего отд[еления] главы 5, 6 и 10) происходят от него же. После смерти Инала его потомки и с подвластными своими разделились на две части и одна из них осталась на прежних местах, то есть на южной стороне Кубани, и называлась Бейсленийю (см. след. глав[у]), а другая, гораздо сильнейшая, переселилась из южной стороны Кубани в окрестности Пятигорска. Переселение это, полагают, последовало в 150 году магометанской эры, и поэтому время пребывания кабардинцев на землях, ныне ими занимаемых, считают, как выше сказано, около 1100 лет. Впрочем, этому предположению служит основанием только одна, так сказать, неопределительность давности пребывания кабардинцев в окрестностях Пятигорска. Как бы то ни было, после этого переселения пять князей из потомков Инала (по именам: Дянбат, Ххотоххжокка, Мсоет, Тальостен и Кьлеххстен) разделили кабардинское поколение на пять уделов, или частей, получивших свои наименования от имен упомянутых князей таким образом: от Дянбота — **Дянботие**, Ххотоххжокка — **Ххотохажоккае**, Мсоета — **Мсоетие**, Тальостена — **Талостение** и Кьлеххстена — **Кьлеххстение**. Первые три удела, принадлежащие трем братьям — детям Кказья (от которых происходят нынешние многочисленные отрасли князей Большой Кабарды), для политического своего усиления соединились союзом и основали сильное отделение, естественным образом получившее название Большая Кабарда. А другие два удела, принадлежавшие сыновьям Кказья (см. ниже прим. 31), для той же цели соединяясь

союзом, составили другое отделение, ныне известное под именем Малой Кабарды (см. ниже прим. 32). Однако ж кабардинское поколение, таким образом разделившееся на пять уделов, или владений, и составившее два главных отделения, получив различные названия, не потеряло общее наименование — Кжебердие. Эти пять владений кабардинского поколения заняли постепенно земли, лежащие к востоку, начиная от восточного берега верховья р. Кубси по рекам: Куме, Малке, Басхане и Тереке до западного берега р. Сунжи, и по берегам в эти реки впадающих речек и ручьев.

Кабардинцы, как и прочие черкесы, не знают летоисчисления, и времена прошедших их событий у них теряются во мгле забвения: не только не известно им когда и самые важнейшие происшествия совершились в отдаленные эпохи, но даже и близкие события, достойные внимания, превращаются в темные предания. Из этого видно, есть ли возможность по народным преданиям определить, в какое время кабардинцы разделились на уделы и распространили свои жительства по столь обширному пространству земли, которою они владели до наших времен. Можно ли сказать основательно, в какое именно время оружие кабардинцев громило соседственные с ними кавказские племена? Наконец, есть ли средство указать, в каком году пламя междоусобия, производившее между уделами взаимную ненависть, вспыхнуло в Кабарде и, породив ужасную гидру кровавых раздоров и мщений, повергло кабардинское поколение в страшные бездны бедствий? Все это сокрыто тьмою неизвестности. Итак, мы, не имея возможности снять завесу, скрывающую времена событий, сократим исторические предания кабардинцев, приведя здесь те из них, которые кажутся имеющими некоторую основательность.

Кабардинцы, пользуясь превосходством своих сил над соседними с ними племенами, покорили их; конечно, они не имели на то законных прав, но право сильного доставило им возможность лишить слабых свободы, за которую сами неоднократно кровь свою проливали ручьями, отражая войска крымских ханов. Важнейшими жертвами алчности могущественных тогда кабардинцев были абазинцы шестиродные, которых участи не избежали и их соплеменники (см. 2 часть, отд. IV, глав[у] 1), кистинские и осетинские колена и другие горные племена,

которые имели несчастье быть в соседстве с кабардинцами. Покоренные их оружием, они платили посемейную дань князьям этих последних. Более же отдаленные из этих поколений по временам также повиновались им или были разоряемы. Словом, все северные области Кавказа ужасались оружия кабардинцев, которые с гордостью, своевольному их духу свойственною, рассказывают, что цари грузинские платили дань воинственным их князьям и отдаленное царство Астраханское не только было ими опустошено, но даже и самая столица царства— Астрахань трепетала их оружия, наконец, что их воины разорили земли, лежащие на запад до самых берегов Азовского моря (см. ниже прим. 33).

Народные предания представляют в Кабарде все ужасы междоусобных войн: брат проливал кровь брата, отец не щадил детей. В минуту моления богу многие были поражаемы кинжалами убийц... Даже невинные младенцы безжалостно были побиваемы камнями, и женский пол, столь много уважаемый черкесами, в это пагубное время не был щадим. Словом, ничего не было священного. Села пылали и пустыли, и нивы земледельцев обгабрились их кровью. Княжеские и многие дворянские фамилии вовсе были истреблены, а другие, покинув свое отечество, где все было жертвою меча и мщения, искали спасения под чуждым небом и в покровительстве иноплеменников (см. ниже прим. 34).

Сколько ни были ужасны междоусобия кабардинцев, однако ж это, кажется, не доводило их до такой степени слабости, чтобы племена, ими покоренные, могли освободиться от их ига; даже эти данники, привыкшие к оковам покорности, и тогда не дерзнули восстать против своих утеснителей — кабардинцев, когда крымские ханы угрожали этим последним совершенным порабощением. И, кажется, кабардинцы и тогда не переставали угнетать не только покорствовавшие им соседственные с ними племена, но даже разоряли и более отдаленные области северной части Кавказа, когда собственная их кровь лилась в междоусобных распрях. Это мнение кажется тем более основательным, что и до наших времен, несмотря на бедствия, кабардинцами претерпенные, не переставали они брать дань от многих соседственных с ними горских племен.

Теперь обратимся к историческим сведениям, находи-

мы в сочинениях некоторых писателей, и приведем здесь эти сведения, несравненно заслуживающие более внимания.

Исторические отрывки

В 1552 году кабардинцы вместе с другими черкесами просили через своих послов царя Иоанна Васильевича IV защиты от крымских ханов, подвергая себя под власть России; для чего и были посланы к ним на помощь войска в 1559 и 1565 годах. В походах упомянутого государя на Лифляндию, Польшу и против крымских татар кабардинцы и другие черкесы отправляли службу наряду с российскими войсками и храбростию, им свойственною, много способствовали его победам. Даже и в последующие царствования, до самой кончины Петра Великого кабардинские князья по временам приходили в Россию на службу, хотя в малом числе, но с отборною конницею. Около 1570 года крымский хан Шах-бази-Гирей опустошил черкесские селения, увел пятигорских черкес, то есть кабардинцев, за Кубань и принудил их принять магометанскую религию. Но около 1590 года они ушли с Кубани на прежние места, откуда для безопасности потом переселились на Баксан. В 1602 году прислан был от пятигорских черкес в Москву князь Сунчалей для подтверждения подданства их царю Борису Федоровичу Годунову. А в 1608 году к царю Иоанну Васильевичу Шуйскому от князя Солоха и прочих владельцев — посланец Кардан, и в 1615 году к царю Михаилу Федоровичу посланники — князья Канбулатов, Сунчалей, Яглычев и Шегунук Мурза Бездуков (см. ниже прим. 35). В 1705 году (иные же полагают в 1708) крымский хан Каплан-Гирей, с сильным войском шедший для завоевания Кабарды, был разбит кабардинцами на р. Урупа. Хан, потеряв до 30 000 воинов, с остальными едва ли спасся бегством. Однако ж крымцы не переставали домогаться о покорении под власть свою кабардинцев. В 1717 году по повелению Петра Великого кабардинцы послали часть своих воинов с гвардии капитаном князем Бековичем в Хиву, которые, как и Бекович, оттуда не возвратились. В 1720 году крымский хан Саадет-Гирей было предпринял поход на Кабарду, но предупрежденный российским отря-

дом, — посланным туда повелением императора Петра Великого, под командою Астраханского губернатора Волынского, — возвратился без успеха. В 1722 году по повелению того же императора кабардинцы ходили в поход в Дербент под командою гвардии поручика Кудряцева. В 1724 году содействовали к завоеванию Петром Великим областей: Дагестанской, Ширванской, Гилян-ской, Мазандерапской и Астрабадской. В 1729 году с намерением покорить или разорить кабардинцев приходил Кубанский сараскир Бахти-Гирей, который и сам [был] убит при поражении войск его от кабардинцев. В 1739 году Белградским трактатом, заключенным между Россиею и Оттоманскою Портою, кабардинцы признаны от обеих держав барьерными и ни от кого не зависимыми. В 1763 году по случаю заложения Моздока на левом берегу Терека, — куда подданные кабардинских князей и дворян начали перебегать и, окрестясь, там селились, — произошли со стороны кабардинцев неудовольствия, которые превратились в неприязненность, то Государственная коллегия иностранных дел, у которой этот край состоял в распоряжении, употребила посредничество кочевавшего в соседстве с кабардинцами калмыцкого хана, чтобы с помощью существующей между ними связи возникшие у них неудовольствия прекратить. Хан успел согласить кабардинцев отстать от притязания на места, занимаемые Моздоком, условясь получать за своих перебежчиков известную плату. Для предбудущего же их успокоения повелено было не принимать более в христианскую веру подвластных, а только из свободно рожденных кабардинцев, чем они и усмирились. Однако ж около этого времени генерал Демедем, кажется, действовал вооруженною рукою противу кабардинцев, которые, впрочем, довольствовались отправлением в 1764 году просьбы в С.-Петербург и, получив просимое удовлетворение, совершенно успокоились. В 1770 году при переходе российских войск с генералом Тотлебенем через Кавказские горы в Грузию и в 1771 году во время ухода калмыков в Китай [кабардинцы] оказывали свою преданность России. В продолжении войны с турками, когда генерал Демедем оставался в Кабарде с немалым числом войск, то кабардинцы, несмотря на единоверие с турками, действовали противу них вместе с русскими, за что и удостоены императорскою грамотою августа 17-го дня (или 15 июня)

1771 года, в котором кабардинцы и возвратились под российское подданство, которое признано трактатом, заключенным с Портою в 1774 году при Кучук-Кайнардже.

С 1771 по 1779 год распространение Кавказской лилии на землях, кабардинцам принадлежавших, и утеснения, ими претерпенные, не поколебали верности их к российскому престолу. Они приносили о том жалобу, которая, по-видимому, была уважена: командовавший генерал Якоби был смещен.

С 1787 по 1792 год в продолжении войны России с турками, даже и при нападении на российские пределы сараскира Баталя-бея, они не были замечены в намерениях противу России.

Со времени господствования в Кабарде магометанской религии все гражданские дела были разбираемы духовенством по шарнату до 1799 или до 1794 года. В этом же году по повелению императрицы Екатерины Второй учрежден в Кабарде (Большой и Малой) родовой расправочный суд. Кабардинцы, мудрое это нововведение почитая противным их вере, около 1802 года просили об его уничтожении. И вследствие этой просьбы бывший тогда главнокомандующим в Грузии генерал князь Цицианов, уничтожив упомянутый суд, учредил махчематство (см. ниже прим. 36).

В 1803-м году построено укрепление при Кислых водах, что лишило кабардинцев ближайшего и удобнеего сообщения с закубанскими черкесами, равно и с своими соположенниками, жившими в окрестностях вершин р. Кубани; однако ж они не приступали к неприязненности. В 1807 году по повелению местного начальства кабардинцы содействовали российским войскам противу карабулаков — союзников и соположенников чеченцев.

Кабардинцам дозволено было правительством возить соль из Маджарского озера; когда же открылась в Кабарде чумная зараза, то местное начальство, опасаясь распространения заразы, запретило иметь сообщение с кабардинцами, которые по этому случаю не могли ездить за солью на Маджарское озеро, что было, сказывают, причиною беспорядков, происходивших в Кабарде по следствию которых в 1810 году генерал Булгаков с отрядом, вступив туда, опустошил аулы кабардинцев, которые, однако ж, были усложены прибывшим из С.-Пе-

тербурга в 1811 году сенатором Вердеревским. В том же 1811 году от кабардинцев приезжали в С.-Петербург князья: Хажы Байзрук Хамурзин, Кучук Косаев и Солох Ахлао, дворяне: Кетахежь Кундейнестов, Мсост Анзаров, Темрок Казаннщев.

Кабардинцы в то время, когда присваивали себе господство над соседственными племенами, были и законодателями вкуса для других черкесских поколений; в одежде и вооружении, в обычаях и нравах, на войне и мире — все ставили их себе в пример. В самом деле, они, кроме того, отличались еще особенным возвышением духа и людскостию в обращении между всеми горцами; но добрые нравственные качества кабардинцев, достойные для других горцев подражания, постепенно ослабевали и наконец, можно сказать, потонули в потоке разврата, и тогда они, оставшись при одном буйном духе воинственности, быстро приближались к своему разрушению. Экспедиция, — около 1821 года посланная в Кабарду для выселения их аулов на равнины и очищения подножья гор от скопища грабителей, производивших набеги на русские границы, чтобы там прекратить беспорядки, — ускорила падение кабардинцев, которые в это время, так сказать, распались на две части: одна из них, составляемая более беспокойными, но лучшими воинами, переселилась за р. Кубань к бесленеевцам и другим за-кубанским черкесам, и там живут они ныне, рассеявшись между тамошними племенами; иные из них уехали в Турцию и Египет, а другие возвращаются постепенно в Большую Кабарду (см. таблицу в конце сей главы). Другая же, ныне составляющая так называемую Большую Кабарду, подвинулась к равнинам и теперь там обитает. С этого времени горные племена, покорствовавшие могуществу кабардинцев, освободились от оков тягостной зависимости, под которыми долгое время они находились. В 1822 году учрежден в Кабарде временный суд, о котором ниже будет подробнее сказано.

Исторические отрывки, здесь помещенные, начиная с 1552 по 1822 год, почерпнуты мною из достоверных источников (см. предисловие). О переменах же, случившихся в Кабарде с 1822 года по настоящее время, то есть в продолжение 12 или 13 лет, не имея основательных сведений, почел за лучшее предложить здесь нынешнее состояние кабардинского поколения, пройдя молчаньем две-

ладшати или тринадцатилетия мало мне известные в этом поколении происшествия.

Обширное пространство земли (лежащей, начиная с востока от левого берега Сунжи, на запад до правого или восточного берега Кубани), простирающееся в длину около 300, а в ширину от 30 до 80-ти верст и которое граничит: к востоку — с Аксаевскими кумуками, Брагунскою деревнею и чеченцами, к югу — с осетинцами, шедемцами и карашаевцами *, к западу — с закубанскими черкесами, к северу — с Георгиевским и Моздокским уездами Кавказской области, — искони составляло собственность кабардинцев, которые ныне, будучи умалены в числе своем, занимают места на запад только до Малки и немного далее до окрестностей речек Пцеликко и Етдакко. Это пространство, длиною около 200 верст простирающееся, на котором кабардинцы господствуют, разделено на два участка: на земли **Большой Кабарды** (составляемой, как сказано, уделами или владениями Дянботие, Хотохожкоае и Мсостие) и так называемой **Малой Кабарды**, состоящей из уделов Талостение и Кьлехстение. Каковые участки разделяются течением Терека. Естественные границы **Большой Кабарды** образуются с востока, запада и севера берегами рек Терека и Малки, с юга же — цепью гор. Границы же **Малой Кабарды** также составляют с запада и севера течение Терека, с юга — также цепь гор Кавказа, на восток же сопредельны с землями брагунцев ** и кумуков. Вообще земли, кабардинцами занимаемые, изобилуют лесами и всякого рода растениями, свойственными климату этого края. Пастбища чрезвычайно тучны. Наружный вид всюду восхитителен. Множество прекрасных речек орошают Большую Кабарду, каковых в Малой Кабарде немного, но этот недостаток с избытком вознаграждают источники, с шумом вытекающие из подножия возвышений, которыми усеяны равнины. Вообще древнее это обиталище кабардинского поколения можно назвать одною из наиболее обогащенных природою северных областей Кавказа. Если бы кабардинцы были менее беспокойны и более трудолюбивы и умели извлекать обширные выгоды, какие их страна обещает даровать из роскошных своих

* Так в подлиннике; следует читать: «шедемцами и карашаевцами». (Ред.)

** Так в подлиннике; следует читать: «брагунцев». (Ред.)

недр просвещенному и трудолюбивому гражданину, то они имели бы неисчерпаемый источник народного богатства. Но кабардинцы, не взирая на все удобства своей земли, природоу благословенной, мало радеют о хлебопашестве; о других же отраслях земледелия — садоводства и прочее, никакого не имеют понятия. Однако же пчеловодством и скотоводством довольно занимаются. Главнейшую же отрасль сельского их хозяйства составляют конские заводы.

ТАБЛИЦА,

показывающая число и названия значительных родов, или фамилий, составляющих Большую и Малую Кабарды; равно и аулов, принадлежащих этим фамилиям, с означением, на каких реках аулы расположены, а фамилии к какому уделу, или владению, принадлежат

Название уделов, или владений, родов, или фамилий	Число аулов	Название аулов	Названия рек, по которым аулы расположены	Примечания
1	2	3	4	5

В Большой Кабарде

Удел, или владение:

Дянботие

В оном княжеский род

Дянбот-хе (смотри ниже примечание 37)

Сей род разделяется на два главных дома:

1. **Бек-мрзе-хе,**
 2. **Ккайткок-хе,**
- которые имеют еще следующие отрасли:

Отрасли первого:

- | | | | | |
|-----------------|---|---------------|----------|---|
| 1. Ккайсн-ибни | 1 | Ккайсн-ххабль | Мшьххидь | Ккайсн-ибни значит: семейство Кайснова, и так далее |
| 2. Мсост-ибни | 1 | Мсост-иккоаль | Арван | |
| 3. Теймбот-ибни | 1 | Айдевр-ххабль | Кешже | |

1	2	3	4	5
---	---	---	---	---

4. Ельмрзе-ибни	1	Ельмрзекком иккоадь	Терек	В Малой Кабарде ге- нерал Беко- вич был из сей отрасли
-----------------	---	------------------------	-------	--

Отрасли второго:

1. Тохходокко- ибни	1	Кайтеккоай	} Аргудан	
2. Ельзодокко- ибни	1	Ельзодокко- ххабль		
3. Селечерне- ибни	1	Селечернеком иккоадь		
4. Дяйбот-ибни	1	Дяйботпе	Арван	Частное на- звание од- ного дома, происходя- щего от ро- да Дяйбот- хе

Дворянские роды:

1. Анзор-хе Членам одного принадлежа- щих аулов	6	1) Созероккоай 2) Ххат-уе 3) _____ 4) Ельмрзае 5) Ккохготль- ккоае 6) Бореккоае	} Урух Лескен	В совокуп- ности эти аулы имеют об- щее назва- ние Анзо- рне , частные же названия этих полу- чили для различия одного от другого от имен чле- нов сей фа- миллии
2. Ккундест-хе	1	Шххалькко- Ккундестне	Шххаликко	
3. Тамбий-хе	1	Хапеччай	Беххсен	
4. Тоххшокко-хе	1	Тоххшоккоае	Шереть	
5. Ккандаур-хе	1	Ккандаурне		
6. Тау-хе	1	Тауе	Арван	
7. Ххост-хе	1	Ххост-ххабль		
8. Ккезаншь-хе	1	Ккезаньше	Шереть	
9. Тохлан-хе	1	Тохланне	Арван	
10. Ккэшббий-хе	1	Ккэшббий- ххабль	Нальчик	

1	2	3	4	5
11. Ххатохх-хе	1	Ххатоххоае	Нальчик	
12. Ххужеджь-хе	1	Ххужеджь-ххабль		
13. Альпацаво-хе	1	Альпшево-ххабль	Арван	
14. Шпыь-хе	1	Шпышь-ххабль	Чендыже	
15. Ккойшерокко-хе	1	Ккойшероккоае		
16. Ккоазжекко-хе	1	Ккоазжеккоай	Аргудан	
17. Сшеннбе-хе	1	Сшеннбее	Ашередь	
18. Эхохх-хе	1	Эхохх-ххабль	Арван	
19. Ккудей-хе	1	Ккудей-ххабль	Нальчик	
20. Алескер-хе	1	Алескерне		
21. Напце-хе	1	Напце-ххабль	Чендыже	
22. Мечанп-хе	1	Мечанпе	Арван	
23. Отпен-хе	1	Отпенне	Аргудан	
24. Оккоае-хе	1	Оккоае-ххабль		
25. Даутокко-хе	1	Даутоккоае	Шгаликко	
26. Ахгзехг	1	Ахгзехгне	Мшхидь	
27. Жанокко-хе	1	Жаноккоае	Аргудан	
28. Дгузжекко-хе	1	Дгузжеккоае	Шшередь	
29. Шеретлокко-хе	1	Шеретлокко-ххабль		
30. Отпеннокко-хе	1	Отпеннокко-ххабль	Псконпсу	
31. Мохокко-хе	1	Мохоккоае	Арван	
32. Меххере-хе	1	Меххерне	Шшередь	
	1	Жакхот-ххабль	Псконпсу	Владельца не имеют
33. Хауд-хе	1	Хауткоае	Нальчик	
34. Абалзе-хе	1	Абедзе-ххабль	Мшхидь	
35. Керемий-хе	1	Керемие	Арван	

Удел, или владение:

Мсостне

В оном княжеский род

Мсост-хе

Отрасли оногo:

1) Наурзе-пбии	1	Исламие	Кишьбечь	
2) Ккесей-пбии	1	Ккесей-ххабль	Баххсен	
3) Инал-пбии	1	Инал-ххабль		
4) Алькерне-пбии	1	Алькерне-ххабль		

Дворянские роды:

1. Тапбий-хе	6	Дкульбхгой		
2. Кушьмезскко-хе	1	Кушемезоккоае		

1	2	3	4	5
3. Бжяхлокко-хе	1	Бжяхлоккоае	}	Баххсен
4. Четезжь	1	Четезжне		
5. Дтезжь-хе	1	Дтезжне		
6. Ельтар-хе	1	Ельтарне		
7. Сидакк-хе	1	Сидакк-ххабль		
8. Ккосшь-хе	1	Ккосшь-ххабль		
9. Ккувасшь-хе	1	Ккувасшь-ххабль		
10. Дер-хе	1	Дер-ххабль		
11. Кокузокко-хе	1	Кокузоккоай		
12. Ерику-хе	1	Ерук-ххабль	} Кишьбечь	
13. Ккубат-хе	1	Ккубат-ххабль		
14. Ххапаче-хе	1	Ххапаче	} Баххсен Шедем	
15. Боре-хе	1	Боре-ххабль		
16. Шерек-хе	1	Шерекое	} Кишьбечь	
Удес, или владе- ше:				
Ххатоххо- ккоа-е				
В оном княжеский род				
Ххатоххешокко- хе				
Собственно членам этого принадле- жавших аулов	3	1) Мсоот- нчкоадь 2) Кучук- нчкоадь 3) Курхгокко- нчкоадь	} Шедем	} Кишьбечь
Дворянские роды:				
1. Кундсет-хе	5	Шедем-Кундсе- тве	} Шедем	_____
2. Тоххтемшь-хе	1	Тоххтемшие		
3. Ккезанише-хе	1	Ккезанишие		
4. Абубеч-хе	1	Абубечне		
5. Бабук-хе	1	Бабукне	} Кишьбечь	_____
6. Эшябе-хе	1	Эшябие		
7. Аххметеч-хе	1	Аххметечне	} _____	_____
8. Ккон-хе	1	Ккон-ххабль		
9. Ккарме-хе	1	Ккарме-ххабль	} Балк	_____
10. Хаже-хе	1	Хаж-ххабль		

1	2	3	4	5
---	---	---	---	---

11. Пшыцко-хе
12. Хахгундеко-хе

I Пшыцкое
I Хахгундекоае

Шедем
Кайтуко

Не имеет
особливого
владельца,
кроме кня-
зей Хатох-
жокова
рода, по
случаю
недавнего
прекраще-
ния сей фа-
милии

В Малой Кабарде
Удел, или владе-
ние

Талостение

В оном княже-
ский род

Талостен-хе
Собственно кня-
жеский аул

I Талостен-кком
иккоадь

Терек

Замечают,
что род
Талостен-хе
трижды пре-
кращался
таким об-
разом, что
по смерти
последнего
члена оно-
го жена
умершего,
оставшаяся
беременную,
разрешил-
ась от
оной сыном;
и нынешний
единствен-
ный член
сего рода,
именем
Ккерешай,
родился по
смерти от-
на таким
же обра-
зом

1	2	3	4	5
---	---	---	---	---

Дворянские роды:

1. Баташ-хе	1	Баташе	} Терек
2. Едххх-хе	1	Ельххне	
3. Тувер-хе	1	Тузери	Терек
4. Ккоххужь-хе	1	Ккоххужь- ххабль	_____
5. Мертазе-хе	1	Мертазе- ххабль	_____
6. Ккунзжь-хе	1	Ккунзжь-ххабль	_____

Удельное владение:

Челххстение *

В оном княже-
ский род

Челххстен-хе

Отрасли оного:

1. Ахлавекко-р Собственно кня- жеский дом	1	Кканшьвое	Курп
---	---	-----------	------

Дворянские роды:

1. Индар-хе	1	Индар-ххабль	} Курп
2. Ххапцеко-хе	1	Ххапцекоае	
3. Азепшь-хе	1	Азепше	
4. Астемр-хе	1	Астемре	
5. Болет-хе	1	Болетне	
6. Абай-хе	1	Абай-ххабль	
7. Енерокко-хе	1	Енероккоае	
8. Ислам-хе	1	Ислам-ххабль	
9. Дяхгине-хе	1	Дяхгине	
10. Шолен-хе	1	Шолен-ххабль	
11. Тенесшь-хе	1	Тенесшь- ххабль	
12. Черкесекко-хе	1	Черкесеккоае	

Так как образ управления в Кабарде отличается от образа управления прочих черкесских княжеских владений (которое описано выше в III главе этой части), то краткий очерк нынешнего образа управления, существующего в Кабарде, здесь предлагается.

* Так в подлиннике. (Ред.)

В 1822-м году, как выше сказано, в Кабарде учрежден **Временный суд**, который состоит из следующих лиц: из трех старших князей, избираемых из трех уделов, или владений, составляющих Большую Кабарду, и из такого же числа младших князей; из двух дворянских старейшин, одного старшины из льфекотлов, или вольных земледельцев, одного кадия или духовного судьи, одного письмоводителя, или секретаря, и одного глашатая.

Старший из трех присутствующих князей именуется **Велием** (см. ниже прим. 38) и есть лицо председательствующее.

В крепости Нальчике (в Большой Кабарде на р. Нальчике) построен дом, где суд имеет свое заседание, смотря на стечению дел. Здесь производятся дела следующим образом: во время заседания имеющие тяжбы допускаются к судьям, по их повелению, глашатаем, находящимся в то время у дверей.

Судьи, выслушав словесные жалобы просителей, их удаляют. Потом приступают к рассмотрению дела, которое решают большинством голосов. Такое решение, по записании письмоводителем в журнал, объявляется надлежащим образом.

Когда же встречаются дела, которых решение требует духовного разбирательства по шарияту, то эти дела представляются **Кадью**, который имеет значительный, во всяком случае, голос в суде.

Для неупрежденного исполнения со стороны судимых лиц определения суда установлены штрафы, конх взыскания поручается трем младшим князьям, которых должность есть исполнение приказаний, так сказать, распорядительной власти.

Людей, совершивших уголовные преступления, выдают кордонному начальнику в Кабарде, которого местопребывание есть крепость (Нальчик.— *Ред.*). Начальник этот имеет влияние на действие Временного суда. Когда один из двух, имеющих тяжбу, не является к суду, то другой, объявляющий о том Велию, получает печать от сего последнего и с этою печатью он является к противнику от имени Велия, требуя его к суду. Если и тогда тот окажет неповиновения, то подвергается штрафованию 20 рублями серебром.

Телесному наказанию никого не подвергают. Обличенный в воровстве вносит в пеню 30 штук рогатого

скота или за каждую (штуку, т. е. голову рогатого скота. — *Ред.*) по 10 рублей серебром; сверх того удовлетворяет хозяина, у которого учинил воровство.

Мелочные дела часто решаются и дома, представив рассмотрению оных двум или нескольким человеком, которых решение бывает окончательною резолюциею.

В Малой Кабарде подобного устройства для управления нет. Дела там решаются по суду старейшин, ежели оные не весьма важны; в каком случае тяжущиеся обращаются к суду Большой Кабарды, хотя из их общества в оном и не присутствуют члены.

В заключение заметим, что это благоразумное устройство кабардинцам не понравилось потому только, что названо русским словом «суд», а не арабским «махчеме»!.. И кровью ознаменовались народные предрасудки, которыми не благоразумие, а безумство пренебрегает.

ТАБЛИЦА,

показывающая число и названия аулов, из Кабарды переселившихся к закубанским черкесам во время беспокоев, происходивших в Кабарде в 1821 и 1822 годах

Название аулов	Примечания
1	2

Собственно князьям принадлежащих

1. Бейсинком иккоадь	} Князья, которым принадлежат эти аулы, происходят от Дялботова рода
2. Кайсин-ххабль	
3. Кайсин-ххабль (другой)	
4. Азжьерне-ххабль	
5. Хамрзие	
6. Исламие	} Князья, владеющие этими аулами, происходят от Мсостова рода
7. Кесей-ххабль	
8. Керемрзее	
9. Хатошкоккоас	} Принадлежит князю, который происходит от Хотожокковой фамилии

Принадлежащие дворянам

10. Аларие	} Принадлежат к уделу Дялботие
11. Канбечкоас	
12. Тохшкоккоас	
13. Бейккоаде	

ВЛАДЕНИЕ БЕЙСЛЕНЕЙСКОЕ

Наименование **Бейслений** производят от имени одного из потомков князя **Инала** — родоначальника кабардинских князей, о котором мы говорили в предыдущей главе.

Колено Бейсленейское, как мы видели выше, есть отрасль кабардинского поколения. Следовательно, и бейсленейцы одного с кабардинцами происхождения, чему важнейшим доказательством служит наречие, которым они говорят.

В предыдущей главе мы говорили, что по смерти Инала, родоначальника князей кабардинских, потомки его, разделяясь на две части, из которых одна и главнейшая (кабардинцы) переселилась из южной стороны Кубани в окрестности Пятигорска, а другая, именно бейсленейцы, осталась на прежних местах жительства, то есть за Кубанью. Это предание кажется более правдоподобным, однако ж есть и другие предания, по которым полагают, что и бейсленейцы вместе с кабардинцами, составляя одно владение, перешли из-за Кубани в окрестности Пятигорска, где при разделении кабардинского поколения бейсленейцы шестую часть, или шестой удел, составили, и когда первые, то есть кабардинцы, постепенно подвигались на восток, к берегам Терека, бейсленейцы переселились за Кубань, на прежние места жительства.

Как бы то ни было, бейсленейцы участвовали во всех завоеваниях или, лучше сказать, опустошениях, кабардинцами произведенных на северных областях Кавказа. Этому неоспоримым доказательством служит участь абазинцев, которую кабардинское оружие решало; часть этих абазинцев и поныне состоит в подданстве бейсленейских князей (см. 2 част[ь], IV отделение], глав[у] 1).

Между тем как кабардинцы оказывали с отдаленных времен преданность свою к России, бейсленейцы более были привержены к крымцам и туркам; причиною тому было более всего положение той земли, на которой они постепенно обитают, будучи смежны с прочими закубанскими черкесами, которые всегда были на стороне турок и татар; они не могли в полити-

ческих отношениях вовсе отделиться от них, что могло бы, конечно, подвергать их опасности навлечь на себя вражду соседей-черкесов благодаря фанатизму духовенства, постоянно старающемуся склонить умы своих соотечественников в пользу единой державы. Впрочем, бейсленейцы постоянно не зависели ни от турок, ни от татар, хотя по обстоятельствам и соглашались в мнениях с первыми и по временам покорствовывали и платили дань последним, но нередко и противу войск их совокупно с кабардинцами действовали.

Бейсленейцы также были часто раздираемы междоусобиями, но не подвергались таким бедствиям, какие испытывали кабардинцы, чем и обязаны малочисленности своих князей, что подтверждается примерами; владения, в которых было более отраслей княжеских родов, скорее приходили в упадок, будучи разоряемы следствием несогласий князей и партий.

Князья бейсленейские ведут свой род от Кканокка, потомка упомянутого Инала, почему и носят общую фамилию Кканокко-хе; однако ж они разделяются на два дома или на две отрасли, а именно: Солох-хе* и Бекьмрзе-хе; и как владение Бейсленейское разделено на два удела, причисленных к отраслям княжеского рода, то каждая [часть] в особенности носит название той отрасли княжеского рода, к которой причислена. Таким образом, удел, причисленный к отрасли Солох-хе, называется **Солохние**, к отрасли же Бекьмрзе-хе — **Бекьмрзие**. Оба же удела в совокупности составляют владение Бейсленейское.

Бейсленейцы первые из черкесских племен живут на запад от кабардинцев. Занимаемые ими земли нимало не уступают землям этих последних ни в изобилии произрастений, ни в доброте почвы, ни в тучности пастбищ; также и наружный их вид не менее пленителен. Множество рек орошают их земли; из числа этих рек главнейшие — две Лабы, между коими лежащие места более избираются для жительства. Бейсленейцы иногда состоят в союзе с своими соседями, то есть с тчемргойцами и абедзахами; иногда же между ими происходят неприязненные действия. Бейсленейцы мало радеют о

* Так в подлиннике; видимо, следует читать: «Шолох-хе». (Ред.)

земледелии, как и кабардинцы, но занимаются скотоводством, в особенности овчарные заводы составляют у них главнейшую отрасль сельского хозяйства.

ТАБЛИЦА,
показывающая число и названия значительных родов,
или фамилий, в Бейсленейском владении, а равно
принадлежащих аулов с означением рек, на коих последние
расположены

Название родов, или фамилий	Число аулов	Названия аулов	Названия рек, на коих расположе- ны аулы	Примечания
1	2	3	4	5

Княжеский род:

Кванокко-хе

Он разделяется
на две отрасли:

1. Шолох-хе

2. Бекьмрзе-хе

Членам первой
отрасли при-
надлежащих
аулов

5 Шеводоххе 4 из них на
Большой
Лабе, а 5-й
на Малой
Лабе

Членам второй
отрасли при-
надлежит ау-
лов

2 Бекьмрзие Федз

Дворянские роды:

1. Тохшокко-хе	1	Тохшокко-Близ Лабы ае	<p>Все пять родов суть отрасли Тохшокковой фамилии, состоят в родственном союзе и в сопри- сяжничестве</p> <p>И эти пять родов происходят от Шевонесшекко- вой фамилии и составляют род- ственный союз</p>
2. Ххазеретокко-р	2	Ххазерето- ккоай	
3. Умефезжь-хе	2	Созерккоае	
4. Бекулсекко-р	1	Бекулсие	
5. Анезжекко-р	1	Анезжекко- ай	
6. Сиевонесше- кко-р	2	Сиевонес- шеккоай	
7. Ельбуздукко-р	1	Ельбузде- ккоай	
8. Чельмрзекко-р	1	Чельмрзее	
9. Лехетухг-кко-р	1	Лехестухгие	
10. Теххокко-р	1	Теххокоай	

Окоарт
Лаба
Шедако

1	2	3	4	5
11. Курхгокко-хе	1	Курхгокко-ай	Федз	Все 6* родов состоят в родственном союзе и известны под общим именем Курхгокко-хе
12. Медядекко-р	1	Медядеккоай		
13. Члсик-р	1	Члешхне		
14. Хелзжыкко-р	1	Хелзжыккоай		
15. Мсостико-р	1	Мсостие		
16. Ккерсуде-р	1	Ккерсуд-ххабль	Федз	Сии роды, или фамилии, суть второстатейные дворяне и причислены к отрасли княжеского дома Бекьмрзе-хе
17. Хгонтче-р		Хгонтчь-ххабль		
18. Ввкке-р	1	Ввкке-ххабль	Федз	
19. Таузжь-хе	1	Таузжь-ххабль		
20. Ешьмтаз-хе	1	Ешьмтазне	Лаба	
21. Фешекко-р	1	Фешеккоай		
22. Езку-хе	1	Езкуе		
23. Ккоце-р	1	Ккоц-ххабль		
24. Бдь-хе	1	Бдь-ххабль		

ГЛАВА IV

ВЛАДЕНИЕ МЕХХОШСКОЕ

Небольшое это владение расположено на запад от бейсленейцев по рекам: Фарз, Псфр и Ккелль. Начало его наименования — **Меххош** — покрыто баснословием. Меххошцы, хотя малочисленны, но пользуются уважением своих соседей и сохраняют среди их волнения свою независимость. Княжеский род, или дом, ими владеющий и именуемый **Бехгарсокко-хе**, к счастью меххошцев, не разделяется на отрасли и членов в нем немного, почему несогласие князей и партий не раздробляет и не ослабляет их владение. Нынешний князь, меххошцами владеющий, именем Байзрокко, почитается в числе отличных князей и воинов черкесских. Предшествовавший ему князь Яххбокко, убитый в драке с абедзахами, был предметом удивления черкес по мужеству и уму (см. ниже прим. 39). Наречие меххошское принадлежит к наречию низовых черкес, но по соседству их с бейсленейцами, с которыми они и состоят в тесном союзе, их наречие имеет некоторое сходство с наречием бейсленейским.

Меххошцы более своих соседей склонны к спокойствию и, завися от одного княжеского дома, подчинены

* Описка; в подлиннике перечислены 5 родов. (Ред.)

более единообразному порядку управления; они живут достаточно, занимаются скотоводством; почва и тучные пастбища земель, ими занимаемых, тому способствуют. Они находятся в дружелюбных отношениях с мелугайцами, на западе их обитающими.

Меххошское владение есть колено Бжаухское, почему более приличным почитаю пространне говорить о его начале при описании колен одного с ним происхождения (см. 7-ю глав[у] сего отделения). Но так как здесь помещаются племена, составляющие черкесский народ, начиная с востока на запад, по порядку их жительства, то и расположение деревень Меххошского владения здесь следует.

ТАБЛИЦА,
показывающая число и название в Меххошском владении
значительных фамилий, или родов, а равно аулов,
им принадлежащих, и рек, по коим последние расположены

Название родов	Число аулов	Название аулов	Название рек, по коим расположены аулы	Примечания
Княжеский род:				
Бехгарнокко-хе *	1	Созереккое	Фарз	Упомянутый князь Байзрокко владеет сим аулом
Дворянские роды:				
1. Шххапцекко	1	Шххапцеккомь цккоадь	} Фарз	
2. Мамзжь-хе	1	Мамзжь-ххабль		
3. Нетрбий-хе	1	Нетрбий-ххабль		
4. Меффедзы-хе	1	Меффедзий	} Псфр	
5. Тохг-хе**	1	Тухг-ххабль**		
6. Ашьиасиекко-р***	1	Ашьиесшкко-ай***	} Ккель	
7. Лебхгокко-р	1	Лебхгоккай		
8. Детчькко-р	1	Детчьккоай		
9. Орце-р	1	Орце-ххабль		

* Так в подлиннике; следует читать: «Бехгарсокко-хе». (Ред.)

** Разное написание (Тохг — Тухг) в подлиннике. (Ред.)

*** Разное написание (Ашьиасшекко — Ашьиесшкко) в подлиннике. (Ред.)

ВЛАДЕНИЕ ТЧЕМРГОЙСКОЕ

Владение это именуется на наречии низовых черкес — **Тчемкуй**, что на наречии кабардинском выговаривается **Тчемргой**. Наименование это на обоих наречиях черкесского языка не имеет никакого значения, и начало его покрыто тьмою совершенной неизвестности.

Тчемргойские князья почитаются потомками Инала, родоначальника кабардинских и бейсленейских князей. Согласно с этим мнением полагают, что и колено Тчемргойское... с кабардинцами и бейсленейцами одного происхождения, хотя наречие тчемргойское, принадлежащее к наречию низовых черкес, будучи сличено с наречием, общим кабардинцам и бейсленейцам (не взирая на то, что тчемргойцы издревле соседи с последними), не даст никакого повода думать, чтобы тчемргойцы были сопоколенники кабардинцев и бейсленейцев. Впрочем, как бы то ни было, черкесские поколения, почитаемые коренными или первейшими жителями земли, ныне черкесами занимаемой, предков тчемргойского колена почитают пришельцами, впоследствии к ним присоединившимися.

Народные предания представляют тчемргойское поколение разделенным на две части, или на два удела, двумя князьями — братьями по именам **Болотокко** и **Ххатикко**. Первый, как старший, остался с своим уделом на прежних местах жительства между реками **Лабою** (большою) и **Шхакоашем**, сохранив своему уделу древнее наименование — **Тчемргой**. Второй, то есть князь **Ххатикко**, с частию тчемргойцев, в удел ему доставшихся, подвинув на запад, и там поселился (см. следующую главу).

И самое рождение этих князей предзнаменовало разделение тчемргойского поколения на два удела: сказывают, что **Болотокко** и **Ххатикко** были близнецами, и в первую ночь рождения этих младенцев положили на одной постели и прикрыли мехом, ибо время было холодное. Поутру нашли этот мех разорванным на две части младенцами, что видя, суеверная мать вскричала: «Несчастные тчемргойцы, они разорвут вас!» Подобные предсказания предшествовали и другим собы-

ням или после события выдумывали в Черкесии. Не-
вежество везде почитает суеверие мудростию. Тчмер-
гойские князья ведут свой род от упомянутого Болоток-
ка, почему и дом именуется **Болотокко-хе**. Однако ж
члены этого дома имеют и другую, так сказать, позд-
нейшую фамилию: их называют вообще **Айтекькко-р**,
от имени одного из потомков их родоначальника **Боло-
токка**.

Во времена владычества крымских татар над черке-
сами—обитателями равнин тчмергойские князья постоян-
но были преданы их ханам, которые, желая отличить
их преданность в пример другим, давали им многие
преимущества над князьями прочих черкесских племен.
Тчмергойцы вели кровавую войну с ногайцами, когда
эти последние покрывали своими кочевьями необозри-
мые равнины, от Волги на полдень лежащие, и в одном
сражении погибло лучшее их воинство, предводимое
князем **Ккарбечем**, которого жизнь и подвиги, народны-
ми певцами воспетые, сохраняются в памяти черкес до
тех пор, пока они не престанут говорить природным
своим языком. Тчмергойцы имели и других князей, про-
славившихся в Черкесии войнами и щедротою. Но па-
мять одного из них потомство должно сохранить, и мы
предпочтем простые, но верные рассказы современни-
ков о жизни и деяниях этого князя, незабвенного для
высшего класса всей Черкесии, красноречивым, но бас-
нословным преданиям о происшествиях, случившихся в
Тчмергойском владении в отдаленные эпохи.

Князь **Байзрокко**, назад тому около тридцати лет
тчмергойцами управлявший, поставлял целью своей
жизни спокойствие ему подвластных. Он прекратил
внутренний беспорядок, свойственный духу и образу
черкесских племен, посредством той строгости, с кото-
рою наказывал ослушников его воли и нарушителей
общественного спокойствия, и того сильного покрови-
тельства, которое оказывал честным и доброго поведе-
ния людям. Таким образом сей князь подчинил свое
владение порядку и благоустройству. При таком постоян-
ном стремлении владельца ко всему необходимому
для блага людей, ему подвластных, которых судьба бы-
ла вверена его попечению, тчмергойцы почувствовали
всю сладость спокойствия: по собственным их словам,
во дни правления этого князя усталый путник в их

владения мог спокойно отдыхать под тенью деревьев, не опасаясь разбоев. Земледелец после дневных трудов возвращаясь домой, оставлял свой плуг с сохой и весь сельский скарб в поле и на другой день все находил в целости. Стада паслись без вооруженных пастухов. Женщины с детьми ходили в окрестностях тех аулов, где прежде и после этого и мужчины вооруженные не были безопасны. Все благоденствовало под покровом благоразумного владельца, который, видя возрастающую у горских племен систему их усиления, — систему, пагубную для высшего класса (см. сего отд[еления] глав[у] 15), вознамерился соединить все княжеские владения, так сказать, в одно целое для защищения своих земель и прав противу внешних врагов: абедзахов*, шапсугцев и патххоккоадьцев. В то же время по его плану внутреннее управление каждого владения должно было оставаться на прежних основаниях. Все было согласилось с ним заодно, даже дворяне, жившие между его врагами, втайне ему доброхотствовали; но весь план, в уме Байзрокка прекрасно обозренный и от приведения в исполнение которого должствовали пропзойти важные перевороты в Черкесии, сокрушился с его смертию: он убит был абедзахами, которых за смерть этого благодетельного человека достойное наказание не постигло.

К чести Байзрокка заметим, что его память не омрачена братоубийством, злодеянием, нередким в этом крае. Впрочем, рассказывают, что и по его приказаниям совершались преступления ужасные, но долговременное спокойствие, которое он доставил тчмергойцам, должно примирить их потомство с его памятью, помраченной некоторыми варварскими его поступками, человечеством и честью отвергаемыми.

В то время, когда г. Броневский собирал сведения о тчмергойском владении, его населенность простиралась до 5000 семей, несмотря на то, что этот писатель, приняв часть тчмергойцев за особое колено, не включил ее в это число. Но населенность этого владения ныне весьма уменьшилась, ибо с смертию Байзрокка миновалось и благоденствие тчмергойцев. Междоусобие — бич народов, поражающий ужасно черкесские племена

* Здесь и далее так в подлиннике; следует читать: «абадзехи». (Ред.)

на, и их не пощадил: князья тчмергойские, хотя одного дома и малочисленны, но не были согласны. Одна сторона их и большая часть народа более оказывала с давних времен приверженность к России, в то же время — другая искала постыдную помощь у абедзахов — убийц Байзрокка и разоряла свою родину. К этим бедствиям присоединившаяся еще моровая язва чрезвычайно ослабили это владение. Тчмергойцы отличаются от всех черкесских племен безусловною покорностью власти своих владельцев.

Старший князь, теперь управляющий владением, именем Дянболет, которому предшествовал прославленный черкесами князь Мсост, за щедроту славится между закубанскими черкесами, твердостью характера, мужеством и крепостью сил для перенесения трудов военной жизни, а данное слово держит твердо, что более всего делает ему честь, которую он помрачал, некогда разоряя свою родину руками убийц незабвенного Байзрокка. Тчмергойцы живут опрятно и занимаются скотоводством. Места, ими занимаемые, чрезвычайно удобны для земледелия и изобилуют водами и всякого рода растениями, свойственными климату этого края. Они имеют все выгоды и средства к обогащению себя от своей земли и ее выгодного положения; но по причине беспокойного образа жизни мало занимаются земледелием — этим важным источником народного благосостояния.

ТАБЛИЦА,
показывающая число и название значительных родов
в тчмергойском владении, а равно и им принадлежащих аулов
и рек, по которым последние расположены

Названия родов	Число аулов	Названия аулов	Названия рек, по которым расположены аулы	Примечания
1	2	3	4	5

Княжеский род

Болотокко-хе

Членам одного собственнo принадле-
жащих аулов

3	1) Дянболет иккоаль	}	Шххокоаше
	2) Мсостие		

1	2	3	4	5
---	---	---	---	---

3) Байзрокко Шххокоаше
иккоадь

Дворянские роды:

1. Декузиекко-р
Членам одного
принадлежащих
аулов

- 5) 1) Пибелет-
кком
иккоадь
2) Дянборе
иккоадь
3) Ккарбечь
иккоадь
4) Теймр-
ккоай
5) Ахметкко
иккоадь

Шххокоаше

На возвы-
шенных ме-
стах, назы-
ваемых
Шьккбз-
жапе

Сии аулы,
принадлежа-
щие членам
рода Декузие-
хе, известны
под общим
названием
Адемий, по-
для различия
каждого особо
называют по
имени аулом
владельца
или одного из
его предков.
Эта фамилия
имеет многие
преимущества.
По словам
г. Броневско-
го, супруга
наря Иоанна
Васильевича
Грозного Ма-
рия Темрю-
ковна была из
сей фамилии

2. Тьчедчекко-р
Членам в от-
раслях сей фа-
милии при-
надлежащих
аулов

- 9) 1) Эжекге-
кком
иккоадь
2) Алххеском
иккоадь
3) Еремзе
иккоадь
4) Четеррве-
ххабль
5) Ккуекком
иккоадь
6) Дьракий

Серале

Сия фамилия,
а равно и пред-
шествующая со-
ставляют перво-
статейные дворя-
не в Тьчмергой-
ском владении

1	2	3	4	5
		Бзакомьккор называется владельцами оным		
		7) Ккоадекком иккоаль	Серале	
		8) Сибечий Название де- вятого затеря- но в моих бу- магах.		
3. Ввамекко-р	1	Ввамекко- ххабль	Лаба	
4. Ххат-ту-хе	1	Ххату-ххабль		
5. Медядекко-р	1	Медядекком иккоаль		
6. Пиббгукко-р	1	Пиббгукком иккоаль		
7. Сергекко-р	1	Ертекко- ххабль		
8. Д-д-дче-р	1	Дидидч- ххабль		
9. Тгоххжне-хе	1	Тгоххжне- ххабль		
10. Кказий-хе	1	Кказий-ххабль		
11. Блелекко-р	1	Бленекко- ххабль		
12. Нансекко-р	1	Нансеккой		
13. Деботе-р	1	Деботне		
14. Урмикко-р	1			

ГЛАВА VI

ВЛАДЕНИЕ ХХАТИККОАЙСКОЕ

Из предыдущей главы нам известно, что князь **Ххатикко**, младший брат **Болотокка**, родоначальника тчемргойских князей, получив свой удел, подвинулся на запад и там поселился. От имени этого князя и владение его получило наименование **Ххатиккоай**. Из этого же видно, что ххатиккоайцы — отрасль тчемргойского поколения. Князя ххатиккоайские ведут род от упомянутого Ххатикко, основателя их дома и владения, от него же происходит и фамилия — Ххатикко-хе, которую они носят. Однако ж и ххатиккоайские князья, как и тчемргойские, имеют еще и другую фамилию: их назы-

вают **Черчинекко-р** от имени одного из потомков родоначальника их Ххатикка. Ххатиккоайцы долгое время обитали на южном берегу Кубани, пониже того места, где в нее впадает р. Афипс; они славились воинственностью, были многочисленны, следовательно, и сильны. Полагают, что колено **хехгатское** (см. ниже глав[у] 10) от них отделилось, что ослабило ххатиккоайцев более, нежели междоусобные войны и заразные болезни, которые также их не пощадили.

Ххатиккоайцы имели много князей, прославившихся в междоусобных войнах черкесских поколений, равно и противу крымских татар, впрочем, они большею частью были преданы ханам последних. Кажется, они также участвовали при разорении черкесами Астрахани, ибо один из их князей, прозванный Бледным, попеременно был то враг, то союзник кабардинцев, которые, как известно, убив хана Косыма, ограбили его столицу — Астрахань (см. сей части прим[ечание] 35).

Не станем более распространяться о происшествиях, случившихся в Ххатиккоайском владении, о которых сохранились в памяти старцев лишь темные предания, и ограничимся помещением здесь любопытных рассказов современников ххатиккоайского князя Аслан-Гирея, о характере этого дикого героя. Отец Аслан-Гирея умер, оставя владение свое в безначалии, готовое рассеяться, и множество врагов, пользуясь молодостию его наследника, стремившихся последнего лишить всего достоинства. Владелец — отрок был столько молод и слаб телесною силою, что не мог управлять добрым конем, почему давали ему молодую и смирную лошадь, на которой он объезжал волнуящее свое владение и увещевал гордых дворян быть ему верными, и однажды, огорченный буйством одного из них, ударив своего коня, с сердцем примолвил: «Если ты станешь жеребичиться, а я буду ребячиться, то кто же должен управлять ххатиккоайцами?» Эти слова показывали сильную душу в слабом отроке. В другом случае он явил необыкновенный дар красноречия. Чванство тчмергойских князей выдумало одно прекрасное обыкновение: они вообще при важных переговорах с соседними ли народами или во время распрей междоусобных сами не входят в словопрения, а их дворяне, которым вверяют дела, объясняются в присутствии князей. Я называю это

обыкновение прекрасным, ибо оно, удерживая тяжущиеся лица, так сказать, от неступления, в которое нередко впадают при сильных прениях, сохраняют тишину на съездах, причем нередко виноватый, обладая даром красноречия, обвиняет правого противника, от природы лишенного этого качества, необходимого в Черкесии столько же, как и самый меч, который обыкновенно там сильнее и законов и даже золота. Возвратимся к Аслан-Гирею: он на народном съезде, находившемся в лагере в лесу, где проходили переговоры, стоял подле своего дворянина, который, следуя вышесказанному обыкновению, говорил за своего князя, защищая его дела. Молодой Аслан-Гирей, будучи недоволен объяснением своего поверенного, останавливает посла (см. выше отд[еленне] 3, глав[у] 3), быстро входит на пень срубленного дерева; все умолкли и обратили глаза на отрока-оратора, который с кафедры, образованной случайно срубленным деревом, защищает свои права с такою силою красноречия, с такою верностью совершенного знания дела, что во всем получает желаемый успех.

Подобные явления характера доказывают, что и в состоянии полудиком людей рождаются семена гения, хотя этот дух высокий угасает под грубою корою невежества.

Аслан-Гирей, возмужав, заставил и сильнейшие племена уважать ххатиккоайцев, которых состояние во время управления этого князя было цветущее в сравнении с нынешним. Аслан-Гирей, находясь на одре смерти, отвечал старейшинам дворянским, спрашивавшим его о том, какие семейства из его крестьян по смерти его отпустить на волю, согласно с правилами, предписываемыми религиею? Ответ умирившего героя заключался в том, что после его смерти все ххатиккоайцы вольны, и слова эти означали, что необходима строгость в управлении народом своевольным. Действительно, ххатиккоайцы по смерти этого князя разделились на две партии, которые долго свирепствовали одна противу другой, что им причинило много бедствия и разорения.

Ныне старший князь, владеющий ххатиккоайцами, именован **Дянчерей**, есть сын незабвенного для ххатиккоайцев Аслан-Гирея и почитается весьма хорошим

воинном, и пользуется уважением своих подвластных и соседних племен. Ххатиккоайцы ныне малочисленны и обеднели от беспрестанных беспокойств, но в воинственности не уступают соседям. Места, ими обитаемые, лесисты и в удобстве для привольного скотоводства и земледелия, которыми они мало и занимаются, уступают землям тчемргойцев.

Ххатиккоайцы с черченейцами, на запад их обитающими, по большей части живут мирно. Говорят же наречием низовых черкес.

Переселение ххатиккоайцев с окрестностей реки Аффиса на места, теперь ими занимаемые и лежащие в окрестностях р. Шххаккоаши, последовало после того времени, как г. Броневский собирал свои сведения о Кавказе, ибо этот писатель показывает их аулы, расположенными еще пониже упомянутой реки Аффиса, иначе называемой Каракубань.

ТАБЛИЦА,
показывающая число и названия значительных родов
в Ххатиккоайском владении, равно как аулов, к оным
принадлежащих, и рек, по коим последние расположены

Названия родов	Число аулов	Названия аулов	Названия рек, по коим расположены аулы	Примечания
1	2	3	4	5

Княжеский род:

Ххатикко-р

Принадлежащих
членам одного ау-
лов

3	1) Дянчерие иккоадь	Лаба
	2) Сельтон иккоадь	
	3) Дянклишь икком икко- адь	Пшишь

Дворянские роды:

1. Собеешше-р	1	Собай	Шххакко- аше
2. Ххалсенше-р	1	Ххалай	В Черче- нейском владении
3. Педисе-р	1	Педсий	На Кубань

1	2	3	4	5
4. Борене-р	1	Борен-ххабль	}	Шхха- ккоаше
5. Еутихе-р	1	Еутих-ххабль		
6. Брьде-р	1	Брьд-ххабль		
7. Чнаэр-хе	1	Чнаэр-ххабль		
8. Незжь-р	1	Незжь-ххабль	}	Пшишь
9. Тльшхакко-р	1	Тльшхаккой		
10. Вв-тххакуше- кко-р	1	Вв-тххакушекко иккоадь		
11. Цхгошхе-р	1	Цхгош-ххабль	}	Кубань
12. Дебракк-кко-р	1	Дебраккий		

ГЛАВА VII

НАЧАЛО БЖЕДУХГСКОГО ПОКОЛЕНИЯ

Пребывание этого поколения, которого источник наименования — Бждедугх * — неизвестен в нынешней Черкесии, столько древне, что туземцы не полагают, чтобы его предки были откуда-либо пришельцами, а думают, что они, так сказать, природные жители их теперешнего отечества, и все народные предания согласуются в том, что при появлении прочих черкесских колен, за исключением жаннинского и третьей части натххоккоадьского (см. ниже глав[ы] 10 и 14), в этой стране застали еще бждедугхское поколение, обитающее внутри гор, на полдень от Кубани лежащих. Страбон, по мнению г. Броневского, также упоминает об них; судя по всему этому, можно, кажется, предположить, что бждедугцы составляли одно из тех черкесских колен, которые, по историческим известиям, в начале христианской эры являются на Кубань и занимают земли, лежащие на полдень от этой реки. Впрочем, это лишь догадка; а верно то, что бждедугцы в отдаленные эпохи жили, будучи еще язычниками, внутри снежных гор Кавказских на вершине р. Тдоапс, где и поныне известны места их обиталища.

В продолжении долговременного пребывания бже-

* Так в подлиннике. (Ред.)

духцев на вершине упомянутой реки постепенное приращение их присоединявшимися к нам пришельцами стеснило места, ими занимаемые, вследствие чего и принуждены были искать более привольных мест для своего жительства.

Прекрасные долины, у северных подножий гор лежащие, их к себе манили; они подвинулись с прежних мест жительства на север, но боялись выйти вдруг в незнакомые равнины; старцы предсказывали гибель, если оставят горы, с которыми привычка сроднила их. Почему и поселились на вершине реки Пишишь, среди гор, им любезных. Неизвестно, как долго бжедухское поколение здесь обитало. Четыре князя, по именам: **Черчан**, **Ххмшь**, **Бехгарсеко** и **Бастеко**, вместе владевшие всем бжедухским поколением, разделили его между собою на четыре части, или удела.

Князья не были между собою согласны: одни хотели выселиться на равнины, другие — возвратиться на прежние места. В это время князь **Бехгарсеко** с уделом своим подвинулся на северо-восток и, достигнув долины Кеждчей, лежащей на р. Цеце, там поселился, а оттуда перешел впоследствии к лесу, называемому **Тхатчехг**, в окрестностях которого эта часть бжедухского поколения, составлявшая удел князя Бехгарсека, и поныне обитает под именем **Меххаш** и под управлением князей — потомков упомянутого Бехгарсека (см. выше глав[у] IV). Оставшиеся три князя со своими уделами бжедухского поколения также недолго были в совокупности: из них Бастеко с уделом своим подвинулся на запад, к берегам Черного моря и там поселился на р. Ввепсе, название которой соделалось наименованием этой части бжедухского поколения (см. ниже глав[у] X). Остальные же два князя с уделами своими также выдвинулись из гор и постепенно заняли равнины, лежащие к подножиям Черных гор, простирая свои пределы на восток до р. Пишиша и далее; на западе до р. Аффиса. Пространство земли, лежавшей между этими реками, разделяется рекою Псекупс на две части: первую, то есть восточную, занял князь Черчан своим уделом, который получил от его имени свое наименование — **Черчанай**. На второй части, то есть западной, князь Ххмшь поселил свой удел, получивший также от его имени свое наименование — **Ххмший**.

Таким образом, бжедугское поколение разделилось на четыре владения, из коих последние два, хотя, в частности, и именуются Черченая и Хмший, но в совокупности сохранили и поныне древнее наименование Бжедуг. Отсюда перейдем к обозрению обоих этих владений бжедугского поколения, каждого в особенности.

ГЛАВА VIII

ВЛАДЕНИЕ ЧЕРЧЕНАЙСКОЕ

Потомки упомянутого князя **Черчана**, от имени которого владение это получило свое наименование, как сказано выше, разделились впоследствии на два дома, основателями которых были князья **Пшьсевоккан** и **Мсост**, почему от имени их эти два княжеских дома именуются: **Пшьсевоккано-хе** и **Мсост-хе**, которые еще олять делятся каждый на две отрасли: первый на **Ахедяково** и **Делево**, а второй — на **Ккунчикково** и **Бешиковы** отрасли. Каждая из этих отраслей княжеского рода называется по имени своего основателя, все же в совокупности известны под общим наименованием **потомков Черчаная**, упомянутого их родоначальника.

Многочисленные члены этих отраслей княжеского рода в небольшом владении раздробляют его на несогласные между собою партии, которые то явно, то скрытно стараются друг другу вредить, что порождает нередко междоусобие; князья и дворяне друг друга истребляют, подвластный же им народ, подвергающийся непрерывным мщениям, разоряется, беднеет и в числе своем уменьшается.

Хасан-паша (см. ниже глав[у] 15), столь удачно, хотя и не без ошибок, для пользы своего правительства действовавший на умы черкесского народа, имел губительное влияние на права и власть высшего класса в этом народе, но в особенности расстроил порядок внутреннего управления Черченайского и Хмшийского владений, где вольные земледельцы, к мятежу склонные, как везде своевольная чернь, восстали против власти издревле господствующего класса, опираясь, так ска-

зять, на силу магометанских законов, проповедываемых им духовенством, не знающим или не желающим знать, что для общего блага необходимы уважение и покорность властям, веками в этой земле утвержденным. Волнение продолжалось довольно долго, и кровь черченайцев лилась, доколе неутомимость, решительность и мужество князя Пшекуя, Ахедякова дома, с помощью и других некоторых, наконец не установили прежний порядок внутреннего состояния Черченайского владения.

Непрестанные беспокойства, которым подвержены черченайцы от междоусобий своих князей, равно от неприязненных действий с соседними племенами, заставляют строить свои жилища в лесах и менее открытых местах, которые неудобны для хлебопашества и лишены привольных пастбищ. Вообще их земли лесисты, в особенности близ берегов Кубани. Прекрасными же долинами, лежащими ближе к подножьям гор, они не пользуются по причине опасения нападений абедзахов, с которыми живут всегда в войне; почему черченайцы не имеют конских заводов, подобно кабардинцам, и вообще скотоводством бедны; те из них, которые живут у берегов Кубани, производят меновой торг с черноморскими казаками, что и доставляет не только все необходимое, но и средство обогащаться, по мере их понятия о богатстве. Те же из них, которые живут более отдаленно от Кубани, составляющей границы с черноморскими казаками, пользуются всем от первых, производя в свою очередь с ними мену. Черченайцы в военном ремесле никакому племени не уступают; между их князьями есть отличные воины, уважаемые ими и их соседями. Черченайцы к востоку граничат с тчемргойцами и ххатиккоайцами; к западу — с ххмшийцами, с которыми, будучи сопоколенниками, состоят в союзе, хотя иногда и бывают между ними неприязненные действия.

ТАБЛИЦА,

показывающая число и прозвание значительных родов
в Черченайском владении и им принадлежащих аулов,
равно и рек, по коим последние расположены

Названия родов	Число аулов	Названия аулов	Названия рек, на коих аулы расположены	Примечания
1	2	3	4	5

Княжеский род:

Черчане-р
Он разделяется
на два главных
дома:

1. Пшьсвовкан-
хе

Дом Пшьсвов-
ккан-хе под-
разделяется на
две отрасли:
Ахедякко-хер
и Дедекко-хер,
как сказано
выше

2. Мсост-хе

Дом Мсост-
хе также под-
разделяется
на две отрас-
ли: Ккун-
чиккокко-хе
и Бешькокко-
хе, как упо-
мянуто выше

Собственно
членам первой
отрасли при-
надлежащих
аулов

6	1) Яхгбокко иккоадь	Пдчасшь	}
	2) Пшьккуй- ххабль	Кубань	
	3) Ххападче иккоадь	Шердикко	
	4) Дударикко иккоадь	} Мате	}
	5) Асланбечь иккоадь		
	6) Цнекко иккоадь		

Принадлежат
членам Ахедя-
кковой отрас-
ли, которых
именами и ау-
лы называются
Принадлежат
к отраслям
Дедекко-хе, а
потому в со-
вокупности
называют
Дедь-ххабль

Собственно
членам второй
отрасли при-
надлежащих
аулов

5 1) Энфекко Пшшь
иккоадь

Владеющие
сими аулами

1	2	3	4	5
---	---	---	---	---

2) Мхамчерп иккоадь	}	Пшишь	князя при- надлежат к отрасли Ккун- чичкокко-хе, и потому все они в сово- купности на- зываются Ккунчичко- ххабль, для различия же каждого назы- вают имена владельца ими
3) Асланчерпе иккоадь			
4) Пшьмафе иккоадь			

5) Бешькко- ххабль	Пдчась	Князь Индар, пине владе- ющий сим ау- лом, при- надлежит к отрасли Бешь- ккокко
-----------------------	--------	---

Дворянские роды:

1. Батекко-р	2	1) Пшикуй- ххабль 2) Тхгузья- кко икком иккоадь	}	Кубань	Аулы, прина- лежащие чле- нам сего рода, в совокупно- сти называются Еденс- ккой
2. Асскюлекко-р	2	2) Асскелай			
3. Нефекко-р	3	3) Нефекк- оай	}	Мате	2 — на Лабе 1 — Пшишь
4. Емзекко-р	2	Емзеккоай		Мате	
5. Квереккозко-р	2	Квереккозк- ком иккоадь		Ц-це	
6. Нечерезикко-р	2	Нечерезне		1 Мате 2 Пшишь	
7. Шибане-р	1	Шибане- ххабль		Пшишь	
8. Теу-хе	1	Теуй		Мате	
9. Датчекко-р	1	Датчеккоай		Птчась	
10. Псебхгубе- ше-р	1	Псебхгуб	}	Мате	
11. Беречетко-р	1	Беречет- ххабль			
12. Тетер-хе	1	Тетер-ххабль		Пшишь	
13. Квезанекко-р	1	Квезанекк- оай	}	Псекупс	
14. Ккетсемко-р	1	Ккетсем- ххабль			
15. Очепше-р	1	Очепший			

ВЛАДЕНИЕ ХХМШИЙСКОЕ

Князья этого владения ведут свой род от упомянутого выше (см[отри] глав[у] 7) **Ххмиша**, от имени которого владение это получило свое наименование, как мы видели. Потомки упомянутого Ххмиша разделились впоследствии на два дома **Ххазем-кко-р** и **Ккмчериек-кко-р**; первый из них имеет еще отрасль: **Теркканекко-р**.

Бедствия, претерпенные другими владениями, выше этого упомянутыми, от войны с соседними племенами и от собственных междоусобий, ничего не значат в сравнении с ужасными несчастьями, которым подвергла ххмшиецев война их с абедахами.

Война эта началась между ими с незапамятных времен, во когда ххмшиицы были многочисленны и сильны, то более утесняли своих врагов, которые сделались непримиримыми со дня поражения их бжедугцами, то есть ххмшиицами и черченайцами, на **Бзиукском** поле. Поражение это было столь ужасно, по словам очевидцев, что множество трупов убитых абедахов и шапсхгнев сгнило на полях, не взирая на то, что родственникам убитых представлено было предать тела убиенных земле.

Сражение Бзиукское, соделавшееся эпохою у закубанских черкес, должно отнести ко временам царствования императрицы Екатерины Великой; ибо князь **Батчерий**, в день сражения предводительствовавший бжедугцами и убитый в тот же день, присезжал сюда, в С[анкт]-Петербург, в царствование Екатерины, незадолго пред сражением. Бжедугцев, как сказывают, было не много, но отборное воинство. Число же неприятеля по крайней мере в десять раз их превосходило. Для вспомоществования бжедугцам был по велению высшего российского пограничного начальства послан отряд черноморских казаков. Несколько выстрелов, сделанных из орудий, в том отряде имевшихся, достаточно было, чтобы привести в такой беспорядок неприятеля, что бжедугцы разбили их наголову в поле, где происходила битва, усеяли трупами врагов, но много отличных воинов из бжедугцев также пало. Князь Батчерий, смертельно раненный пулею, еще в начале сраже-

ния, сказывают, спросил: «Побиты ли враги?» и, получив удовлетворительный ответ, торжественно произнес: «Я теперь умру спокойно». Он умер и со смертью его начался новый ряд бедствий для несчастных ххмшийцев, которых князь своим несогласием беспрестанно умножал бедствия жалкого их состояния. Ххмшийский князь Алкас, недавно умерший, прожив более 90 лет и имев несчастье видеть плачевное уничтожение и конечное разорение этого владения в последние годы своей жизни, почитался в Черкесии за весьма умного человека. Я знал этого старца лично, уважал его лета и жалел о его несчастиях. Он был одарен от природы великими способностями ума, сколько это может быть заметно в полудиком состоянии. К несчастью, когда при уме нет сердечной нежности, то человек способен бывает на ужаснейшие злодеяния. Так, Алкас пролил кровь родного брата Яхгбока за то предпочтение, которое этому последнему народ оказывал, самым гнусным образом; устроено было старанием Алкаса так, что брат его должен был увести одну княжну, на которой он хотел жениться. Все готово к побегу: любовник с товарищами и в сопровождении самого Алкаса является на место, назначенное для увезения красавицы, к которой он спешил, но в это мгновение человек, облеченный в одеяние княжны, поражает кинжалом несчастного. В столь гнусном деле участвовал мнимый друг убитого, один князь жанинского поколения по имени Пшеской, достойный проклятия за гнусное его лицемерство. Подобные этому поступки Алкаса были причиною, что он еще при жизни был прозван двуличным или двуязычным и за гробом преследуем проклятием народа. Но, смотря на несчастья, сопровождавшие последние годы его жизни, надобно потомству быть к памяти его несколько снисходительным: этого старца, казалось, сама судьба терзала в наказание за его гнусное лицемерство; преследуемый бедствиями, терзаемый совестью, этою ужаснейшею и неизбежною судьбою подлых душ, кончил он дни свои в изгнании из своей родины.

Взаимная ненависть и мщение между абедзахами и ххмшийцами, и поныне продолжающиеся, доходили до остервенения. Первые, будучи несравненно сильнее последних, совершенно разорили их так, что ныне и

третьей части населенности сего владения не осталось в совокупности. Много князей убито, и нет ни одной дворянской фамилии, которая не лишалась бы лучших своих членов, но ххмшийцы не переставали сражаться и, сражаясь, погибали.

Мятеж вольных земледельцев, произведенный политикою Хасан-паши, довершил бедствие высшего класса ххмшийцев: льфекотлы вовсе вышли из повиновения князей и дворян, которые, будучи слабы, не могли установить прежний порядок внутреннего управления, подобно тому, как сделали черченейцы. Ххмшийское владение своим существованием или, лучше сказать, его тенью обязано странной, общей их привязанностью к стране, издревле ими обитаемой, костями их предков усеянной и кровью их напоенной, которая, впрочем, вовсе не представляет удобств для земледелия и в особенности для скотоводства. Берега Кубани, которыми ххмшийцы владеют, хотя покрыты лесами и болотами, гораздо безопаснее плодородных равнин, лежащих ближе к подошвам гор, которыми они не могут пользоваться, боясь нападения вечных своих врагов — абедзавов. Словом, местность совершенно не представляет никакой выгоды в нынешнем ее состоянии, и потому ххмшийцы очень бедны и ныне единственное пропитание имеют от меновой торговли с черноморскими казаками. Ххмшийцы в числе своем ныне весьма умалены, но при всем своем уничтожении еще храбры и воинственны, и есть надежда, что ежели бы они пользовались большим спокойствием, то и населенность их увеличилась бы; из сего владения переселившиеся в другие тогда возвратятся к родным лесам своей земли, столь нежно ими любимой.

ТАБЛИЦА,
показывающая число и названия значительных родов,
или фамилий, в Ххмшйском владении, равно им принадлежащих
аулов и рек, по коим последние расположены

Названия родов. или фамилий	Число аулов	Названия аулов	Названия рек, по коим рас- положены аулы	Примечания
1	2	3	4	5

Кияжеский род

Ххмише-р

Онйй разделяется
на две отрасли

- 1) Ххадемкко-р
- 2) Кккмчернекко-р

Собственно чле-
нам первой при-
надлежащих ау-
лов

4	1) Мххашет иккоадь	} Кубань про- тив Екате- риновдара Около леса, называемо- го Ххаште- фи . В Тччмргой- ском вла- дении
	2) Алккес иккоадь	
	3) Терккаи- ххабль	
	4) Байзркко иккоадь	

Собственно чле-
нам второй при-
надлежащих ау-
лов

1	Кккмчерне- ххабль	Пспухх
---	----------------------	--------

Дворянские роды:

1. Шумпекко-р	2	Инем	1) На Ла- бе *	
			2) Шххо- ккоаше	
2. Бжжххакко-ре	1	Бжжххаккоай	Кубань	
3. Инармес-кко-р	1	Козет	Пшишь	В Черче- найском владении
4. Ккуйшешко-р	1	Шьрдей	Леххешакко	

* Хан-Гирей ошибочно размещает Инем на р. Лабе и р. Бе-
лой. (Ред.)

1	2	3	4	5
5. Кушьмезикко-р	1	Кушьмез- ккой	} Кубань	
6. Пшьбекко-р	1	Пшьбеккой		
7. Лаххешко-р	1	Лаххешкой	} Псеуух	
8. Ххат-хго-р	1	Ххатхго- ххабль		
9. Пчхалекко-р	1	Пчхалеккой	Псекупс	
10. Тхгурхго-р	1	Тхгурхгой	Кубань	
11. Ххалекко-р	1	Ххалеккой	Хс-шь	
12. Хаусе-р	1	Хеусай	} Пшишь	} В Черче- найском владении
13. Шахгдикко-р	1	Шахгди- ккой		
14. Тохтемерко-р	1	Тохтемеркой	Кубань	

Г Л А В А X

КОЛЕНА: А) ВЕПСНЕ, Б) ХЕХГАДЧЬ И

В) ЖАНЕ, ИЛИ ЖАНИНСКОЕ

Говорить много о тех предметах, которых и следы самотытного существования едва не исчезли с лица земли, конечно, есть излишний труд, но как все три эти колена, существующие лишь в наименованиях своих, некогда были значительны, то и помещаю здесь некоторые известия об этих трех коленах под одну статью.

а) Колено вепсское

Вепсцы суть колено бжедугское, как мы видели выше (смотри[и] глав[у] VII). Они, отделясь от своих сополокеников под предводительством князя **Бастокка**, подвинулись на север и заняли окрестности р. Вепси, впадающей в Черное море, и от названия этой реки, полагают, получили и свое наименование. Вепсцы не были многочислены, однако ж надобно думать, что не очень были и слабы; ибо многие дворянские роды, ныне живущие рассеянно, почитаются принадлежавшими к этому колену. Места, ими занятые тогда по берегу моря, были сопредельны на север с хеххадьским коленом, обитавшим в окрестностях устья р. Кубани, и, как

хеххатогны эти, кажется, суть часть тех чихов, о коих древние писатели говорят, и что они дали это название части черкесов по сходству слова **дчах** (низовые), то, вероятно, и вепсцы отчасти исповедали христианскую веру, когда чихи (полагая, дчахи) были христианами около 536 года по Р. Хр. (см. выше отд[еление] 2, глв[у] III).

В настоящее время существование этого колена заключается в одном лишь владетельном княжестве дома **Бастокко**, который живет с малым числом подвластных на берегу моря в окрестностях той же реки Вепсне, где основатель этого рода поселился. Что же касается до народа вепсского, то он вошел в состав ахгуччипского (см. ниже глв[у] VII) поколения, которое от этого получило важное приращение.

б) Колено хеххадчское

Колено это обитало на южных окрестностях устья реки Кубани, частью и на полуострове Таманс. Три княжеских рода: **Бхгезенекко-р**, **Занекко-р** и **Шамекк-р** этим коленом владели. Последний член первого из этих княжеских родов **Сефербей** был взят военнопленным при покорении крепости Анапы. Этот род почитался отраслью княжеского рода, владеющего Гатикоайским коленом, почему полагают, что и хеххадчцы сопоколенники ххатиккоайцам, но должно думать, однако ж, что не все они произошли от ххатиккоайцев, а только часть их: ибо второй княжеский род, который ныне не существует, происходил от князей жанинского поколения. Третий род прекратился со смертью князя Бечмрза, умершего назад тому несколько лет на полуострове Тамане (в Черноморском казачьем войске) в глубокой старости и который почитался весьма умным и ученым человеком, служил некогда при последнем крымском хане, а впоследствии был жалован от Российского двора чином и пенсионом.

Со времени появления магометанских народов: татар, а потом и турков в Тавриде и на полуострове Тамане, хеххатцы находились с ними всегда в тесных сношениях и были, так сказать, как бы сроднившись с ними: язык, обычаи, образ жизни, даже облик, судя по физиономии остатков этого поколения, смешались с татарскими. Во времена владычества турок в Тамане хеххадчцы им

служили: один из сих князей именем Бечмрза Бхгезипова дома находился с конницею на Дунае во время войны турок с Россиею. Также многие из них имели жительства в крепости или городе Хун-Ках, или нынешняя Тамань, почему они назывались впоследствии хунколами, обитая большею частию в Анапе, а иногда в окрестностях ее, вместе с остатками других хехгадццев, некоторое время составлявших особенное колено на р. Бугуре и на ручьях, в нее впадающих, также и на полуострове Деметее, образуемом Кубанским лиманом у устья сей реки. Эти остатки впоследствии совершенно рассеялись, так что ныне в самотытном виде не существует уже колено Хеххадчь между черкесами. Одна деревня, принадлежащая упомянутому князю Бечмрзе Шамова дома и ныне находящаяся на полуострове Тамане, достойна замечания нашего. Эта деревня, уцелевшая от всякого хехгадцкого поколения, называется и теперь от татар Ада и есть остаток той части хеххадццев, которая в древнейшие времена называлась татарами и турками Адалы, каковое частное название, относящееся лишь до части этого поколения, подало повод производить общее некоторым писателям наименование черкес — адгхе, от первоначального жительства этого народа на острове Тамане. Эта деревня единственный остаток поколения Хеххадчь, составляющая нечто целое, называется в настоящее время, как и прежде татарами, Ада, а черкесами — Хтук, каковые названия, означающие: островитянин или просто остров, даны им по причине их жительства на острове, потому и собственное наименование хеххадцкого племени постепенно изглаживается из памяти черкесов.

в) Колено жане

Это колено некогда составляло сильнейшее владение в Черкесии; не только оно многочисленностию превосходило другие племена, но даже подавляло их и опустошало безнаказанно долгое время. Даже кабардинцы, несмотря на свою силу и отдаленность, претерпевали от него бедствия. Но в мире от мала до велика все покорствуется неотвратимым законам времени; жанинцы, в свою очередь, были сильны, громили чужие владения в этой стране и своею чередою разрушились и пали.

Теперь лишь темные предания об отчаянных и рыцарских их подвигах приводят в ужас и удивление настоящее поколение черкес. Судя по народным преданиям, предки жанинцев принадлежат к коренным черкесам, то есть к тем черкесским коленам, которые первые поселились в стране, ныне и издревле называемой Черкесиею.

В прежние времена жанинцы обитали в низовых местах, то есть ближе к устью Кубани, на полдень от сей реки, в окрестностях р. Адекума, занимая довольно значительное расстояние на западе, на востоке и на юге внутри гор, что доказывают многие места, бывшие в отношении с первобытным их состоянием. Надобно думать, что жанинцы с хеххадцами и вепсцами (которые, будучи слабее их, во всем согласовались с ними) составляли именно те колена черкесские, которые древними писателями названы чихами (см. выше отд[еление] 2, глав[у] III) от слова дчах, под коим, как выше сказано, черкесы разумели в древние времена, как и ныне, низовых жителей. Следственно, предки жанинцев исповедывали христианскую веру, ибо мы находим в истории, что чихи около 536 года по Р. Хр. имели епископа христианского исповедания (там же). Два княжеских рода Кюмеоо и Бечккан владели жанинским поколением, которое еще около 1778 года пользовалось довольно значительною самобытною и прежде того, обитая на правом берегу Кубани повыше Копыла, откуда оно перешло на левую сторону. В 1802 году жанинцы разорены до основания черноморскими казаками, и тогда самобытное их существование исчезло. Однако ж благодаря стараниям князя Нетяххокка, который назад тому несколько лет умер всеми уважаемый, опять жанинцы было собрались в один аул, представляющий нечто целое, но моровая язва и сии остатки чрезвычайно уменьшила, хотя все еще они пользовались уважением черкес до смерти упомянутого князя, с которым в гроб сокрылось самобытное существование жанинцев. Весь остаток сего некогда сильного поколения ныне заключается в одном ауле, находящемся в Черченайском владении на р. Пшише.

Судя по характеру, непокорному и воинственному духу, которые отличают и остаток жанинцев, можно полагать, что прочие черкесские племена не могли сокрушить могущества их, хотя непомерная их гордость

всех вооружала против них, и достоверно то, что они соделались жертвою междоусобия князей и всего высшего класса и сие то несчастное междоусобие заставило простой класс народа искать убежища в бегстве под кровом чуждых племен. Жанишцы вели долгое время кровавую войну с крымскими татарами, и один их подвиг, истинно рыцарский, помещенный в этих записках в числе анекдотов, показывает, до какой степени они любили свое отечество и славу и с каким самоотвержением защищали свою независимость.

**б) Племена, не зависящие от власти князей,
или имеющие народное правление**

ГЛАВА XI

ПЛЕМЯ АБЕДЗАХСКОЕ

Многочисленное и сильное это племя занимает обширное пространство гор, которое в длину, начиная с запада от восточного берега реки Деккоай, служащей на севере границею между ними и шапсхгцами, на восток до р. Псфр, простирается около 200 верст; оно граничит на запад с шапсхгцами, как сказано; к северу — с княжескими владениями: Ххмшийским, Черченайским, Ххатиккоайским, Тчемргойским, Меххошским и Бейследейским; к востоку и югу — с абхазскими или абазинскими коленами. Племя это именуется абедзах для легчайшего произношения на наречии низовых черкес, хотя по настоящему должно выговариваться **абадзех**; ибо это наименование по всем вероятностям произошло от того, что первоначальные абедзахи были абхазцы, почему абхазцев называли прочие черкесы абадзех, то есть абхазцы (см. 2-й части отд[еление] 4, глав[у] 1), каковое название осталось навсегда, несколько изменяясь впоследствии от произношения. Следовательно, этим же доказывается, что и происхождение первобытных абедзахов есть абхазское, а потому предков их должно причислить к коренным или древним обитателям сих мест, ибо из исторических сведений, выше сего приведенных (см. отд[еление] 2, глав[у] 3), видно, что адыги и абазы вместе явились после аланов в начале христи-

анской эры. Впрочем, как бы то ни было, абедзахское колено составилось из пришельцев, отделившихся от абхазских и черкесских колен, и как последних несравненно было более, то все они соделались черкесами, и ныне абедзахское племя есть настоящее черкесское колено и весьма сильное между прочими. Наречие абедзахов есть наречие низовых черкес, хотя оно имеет отличительный выговор, который есть их собственный, а не абхазский или какого-либо другого племени.

Дворяне, господствовавшие некогда между абедзахами над льфекотлами — вольными земледельцами, как владельцы, которых права ограничиваются законами, ныне этой власти лишены по причине усиления народа, разделяются на две главные отрасли: **Кушмез-хе** и **Оздемр-хе**, которые опять подразделяются на отрасли, поименованные в следующей таблице. Льфекотлы, или вольные земледельцы, этого племени также разделяются на две главные отрасли **Ккубер** и **Цбер**. Родона начальниками же этих двух отраслей почитаются **Аккаце-р** и **Аццебае-р**. Впрочем, из многих баснословных их рассказов трудно отличить, который из этих четырех был их родоначальником; как бы то ни было, простой класс абедзахов производит от них свой род или, лучше сказать, их почитает своими родоначальниками. Во всяком случае, многочисленное это колено, конечно, не может быть потомком четырех человек, которые не были ни Адамом, ни Ноем, но абедзахи утверждают это потому только, что у них соприсяжники (союзники) между собою соединяются узами родства, утверждаемого по их обычаям, как ниже сего увидим (см. главу [у] 15), условиями, после чего и делаются братьями по их законам.

Вообще, земли абедзахов, орошаемые многими речками, лесисты и изобилуют всякого рода растениями, свойственными климату этой страны, но привольных пастбищ мало и для хлебопашества жители нуждаются в долинах, ибо не умеют надлежащим образом удобрять нивы свои. Впрочем, земли абедзахские славятся плодородием. Они живут небольшими усадьбами рассеянно по берегам речек и ущельям гор, исключая обитающих у подошв гор к северным равнинам, которые селятся большею частию деревнями по причине опасения набегов от соседних племен. Абедзахцы, шапсхгцы

и натххоккоадзы, нуждающиеся в удобных местах для посева и сенокоса, вырубают леса и выжигают самые их корни.

Таким образом обращают лесистые места в поля для засеивания и покоса, каковые места у них ценятся довольно дорого. В следующей таблице поименованы роды, или фамилии, составляющие племя **Абедзах**.

ТАБЛИЦА,
показывающая число и название родов дворянских
в вольных земледельцев, составляющих абедзахское племя

Названия родов, или фамилий	Примечания
1	2

Дворяне

1. Анфекко-р
2. Дяичате-р
3. Бешикко-р

Все три, будучи соприсяжники, составляют одну отрасль дворянских родов

4. Еде-р
5. Нпемкко-р
6. Даурс-р
7. Ххуштекко-р
8. Шедькко-р

Все пять родов, как и предыдущие, составляют другую отрасль дворянских родов, будучи соприсяжники

Льфекоты, или вольные земледельцы:

- | | |
|-----------------|------------------|
| 1. Ххаткко-р | 20. Желчехудче-р |
| 2. Мереткко-р | 21. Дwabхо-р |
| 3. Шес-р | 22. Шeудене-р |
| 4. Спихо-р | 23. Кодвисеве-р |
| 5. Ххоазже-р | 24. Брснекко-р |
| 6. Уетао-р | 25. Хханеххо-р |
| 7. Ххапххе-р | 26. Бехте-р |
| 8. Мелькоше-р | 27. Вврмте-р |
| 9. Бхгоаше-р | 28. Мтде-р |
| 10. Бази-р | 29. Тгане-р |
| 11. Бетмте-р | 30. Ккоаше-р |
| 12. Ххакур-не-р | 31. Хонзекко-р |
| 13. Ххадчепко-р | 32. Шакуде-р |
| 14. Тьемдче-р | 33. Ххашите-р |
| 15. Ххуте-р | 34. Шеозе-р |
| 16. Хаше-р | 35. Длше-р |
| 17. Эпше-р | 36. Ххаппадче-р |
| 18. Двекко-р | 37. Ххуна-кко-р |
| 19. Кутме-р | 38. Таузе-р |

1	2
39. Н-бере-пе-р	51. Избе-р
40. Коане-р	52. Кубе-р
41. Хабратфе-р	53. Аулле-р
42. Зазне-р	54. Храе-р
43. Сеймене-р	55. Ввабхе-р
44. Дльшхоко-р	56. Жяво-р
45. Беранте-р	57. Болете-р
46. Ленлезе-р	58. Мрзе-р
47. Лаше-р	59. Сем-кухге-р
48. Шахо-р	60. Ккоое-р
49. Шаконе-р	61. Ббде-р
50. Аббде-р	

ГЛАВА XII

НАЧАЛО ПЛЕМЕН ШАПСХГСКОГО И НАТХХОККОАДЬСКОГО

Народные предания, конечно, не могут быть выдаваемые за истинные известия, как бы они ни были основательны; но как других свидетельств нет в Черкесии о начале этих племен, то мы должны по необходимости повторять их, очистив сколько возможно от грубого баснословия; так, приведем здесь предания о начале шапсхгцев и натххокоадьцев.

Аравитянин именем **Смден** в злупстве огорченного человека выколол глазу одному соотечественнику своему, сильному по связям. За такой поступок виновник был приговорен, по законам возмездия, лишению глаз. В избежание этого наказания Смден с несколькими семействами ему подвластных или соумышленников, оставив свою родину, достиг до Румелии, оттуда во время халифата Алия его потомки переселились в Тавриду, где вместе с предками кабардинского поколения обитали на берегах р. Кабарта. Потомки Смдена и его партии вместе с кабардинцами оставили Тавриду, перешли к Кавказским горам и, постепенно подвигаясь к востоку, достигли до берегов р. Шххакоаше, где потомки Смденовой партии отделились от кабардинцев, составив пять родов по фамилии **Кобли**, **Схапте**, **Севотох**, **Натхо** и **Нетдахо**, которые под предводительством **Абата** вошли во внутрь гор, через ущелье, называемое **Мезхгоко**, и, достигнув урочища **Тххапс**, там поселились, состоя все под

предводительством упомянутого Абата, который был родом из кабардинских* владельцев или предводителей. Здесь эти пришельцы разделились впоследствии на две части: роды Кобле, Сххапте и Совотох** составили из них одну; роды Натххо и Нетдаххо — другую. Первые три, состоя под началом того же Абата, водворились на реке Шайпсхо***, от названия которой получили, как полагают, и наименование — Шапсхг.

Последние два (к которым присоединилось колено Хгоае, обитавшее внутри гор еще до пришествия туда потомков Смденовой партии под предводительством Абата) поселились в соседстве с первыми, и как род Натххо был многочисленнее, то деревню, которую оба рода населяли, называли **Натххо-ккоадь**, то есть Натххова деревня. Таким образом разделившиеся на две части пришельцы — потомки Смденовой партии получили наименования: первые три рода — Кобле, Схххапте и Соттоххо — Шапсхго, а последние два: Натххо и Натаххо**** и присоединившийся к ним Хгоае — Натххо-ккоадь и, постепенно умножаясь в числе своем присоединившимися толпами туземцев, чему способствовали обычаи их соприсяжного собратства (смотри ниже глав[у] XV), основали два сильнейших в Черкесии племени, которые в совокупности известны под общим наименованием — **Ахгутчипсе**.

Не принимая на себя обязанности изыскивать здесь исторических доводов, могущих дать этим преданиям основательность, а равно источника наименований **Ахгутчипсе**, даваемого в совокупности этим племенем, обратимся к обозрению каждого из них, в особенности в нынешнем их состоянии.

ГЛАВА XIII ПЛЕМЯ ШАПСХГСКОЕ

Племя это в нынешнем его состоянии занимает важнейшее место между прочими племенами, составляющими черкесский народ, числом своей населенности и силою; оно занимает обширное пространство гор, гранича: на

* Так в подлиннике. (Ред.)

** Так в подлиннике. (Ред.)

*** Так в подлиннике. (Ред.)

**** Так в подлиннике. (Ред.)

востоке с абедзахами — р. Декоай, на севере с черноморскими казаками, от которых отделена р. Кубанью, на западе — с натххоккоадьцами, на юге — с Черным морем и на юго-востоке — с абхазскими коленами. С натххоккоадьцами, как с однопоколенниками, живут смешанно, хотя с северной стороны между ними р. Адекум почитается границей, и состоят с ними в союзе, несмотря на частые разрывы и несогласия.

Горы, шапсхцами занимаемые, покрыты лесами, в которых чрезвычайно много произрастает разного рода лесных фруктов. Жилища их расположены усадьбами по ущельям и берегам рек, живописно орошающих их земли. Они не радеют о земледелии, хотя и земля их довольно плодородна. Также и скотоводством надлежащим образом не занимаются, по причине недостатка в горах привольных пастбищ; но из сего исключаются те из них, которые живут у северных подножий гор совокупно наподобие аула и, пользуясь равнинами, лежащими между Кубанью и горами, более радеют о скотоводстве и хлебопашестве.

Шапсхцы воинственностью не превосходят прочие черкесские поколения, но ни одно из них не сравнится с ним в... ненависти к русским, и потому более других они производили в разные времена беспокойства и разорения по границе черноморских казаков, в особенности до осени 18-го года, в которую лучшее их воинство погибло в Калаузском лимане, куда, казалось, сама судьба их вогнала; черноморские казаки под командою генерала Власова, преследовавшие их, не потеряли ни одного человека, ибо не сражались с неприятелем, который, будучи поражен внезапным страхом, изъясняемым только обыкновенными последствиями неустройства и безначалия, бросился бежать... После сего столько же счастливого для черноморских казаков, сколько бедственного для шапсхцев случая граница первых довольно долгое время наслаждалась необыкновенным там покоем, а последние пребыли в оцепенении страха, покуда мщение и тиеславие не подвигнули их опять к разбою. Между шапсхцами, как и между абедзахами и натххоккоадьцами, в глубине гор есть еще и поныне не принявшие магометанской веры и придерживающиеся языческих обрядов.

Много между шапсхцами людей с достаточным со-

стоянием, судя по образу их жизни, в особенности между теми, которые живут смешанно с натххоккоадыцами на берегу моря. Также есть между ними люди, расположенные к производству торговых оборотов, но большую частью люди, одаренные хорошими от природы способностями, к сожалению, слабо расположены к спокойствию, а не имеющие способностей пребывают, так сказать, в жалкой неподвижности и недеятельности.

ТАБЛИЦА,
показывающая число и название родов, или фамилий, дворян и льфекотлов, или вольных земледельцев, составляющих шапсхское племя

Наименование родов, или фамилий		Примечания
1	2	3

Дворянские

1. Абате-р
2. Выххо-р
3. Ххоркозе-р

Все три рода соприсяжники и первый из них почитается древнейшим из всех дворянских родов в сем племени

4. Шеретлякко-р
5. Немере-р

Льфекотлы, или вольные земледельцы

1. Кобле-р
2. Шеретле-р
3. Тайшезе-р
4. Шеудене-р
5. Дярме-р
6. Ххарате-р
7. Афмзе-р
8. Невсео-р
9. Дебекко-р
10. Тххаккааххо-р
11. Бхгене-р
12. Сеовфе-р
13. Ххатхго-р
14. Тльфе-р
15. Ххантуо-р
16. Дякунекко-р
17. Детдче-р

1	2	3
18. Ххамтeze-р 19. Негхфче-р 20. Радгекко-р 21. Дтефе-р 22. Дьхге-р 23. Кос-р 24. Нако-р 25. Пшгоу-р 26. Шидге-р 27. Батге-р 28. Наше-р 29. Женемко-р 30. Ххаввахгокко-р 31. Утьзувс-р 32. Ххупше-р 33. Декуфе-р 34. Псеоко-р 35. Шоумсене-р 36. Тлепсеко-р 37. Дьуо-р		Все сии 37 родов состоят в союзе соприсяжничества, или собратства, и имеют общее название «Кобли». Дворянский род «Абате» с его союзниками причисляется к сему соприсяжничеству, или собратству
38. Бжафве-р 39. Меше-р 40. Пшедчедче-р 41. Кусере-р 42. Тьзиекко-р 43. Н-бе-р 44. Унихо-р 45. Тьххужжкко-р 46. Четасме-р 47. Шедясне-р 48. Ттьме-р	Все 11 родов имеют общее название «Шеотохх» и состоят в родственном союзе	Все сии 22 рода простого класса состоят в союзе соприсяжничества, или собратства, и в общем составе именуется «Хгоагсше-вотох» Дворянский род «Шеретлыкко» причисляется к сему соприсяжничеству
49. Мете-р 50. Пенхотле-р 51. Ххуне-р 52. Кухгетве-р 53. Тхххгуаше-р 54. Шеонефкко-р 55. Сер-усше-р 56. Око-р 57. Жаде-р 58. Сдххе-р 59. Нпетзав-р	Все 11 родов носят общее название «Хгоахго» и состоят в союзе, или братстве	
60. Хххгуре-р 61. Вдицие-р 62. Хдаетле-р 63. Тьшхокко-р 64. Сшххалахо-р	Все сии 22 рода простого класса состоят в союзе соприсяжничества, или собратства, и имену-	

1	2	3
---	---	---

65. Ххахгуре-р		
66. Ххуште-р		ются в общем со-
67. Видгизже-р		ставе «Сшхапте»
68. Пиаше-р		Дворянский род
69. Куфеше-р		«Немери» причисля-
70. Огхутле-р		ется к сему сопря-
71. Таубель-кко-р		суживчеству
72. Шблаокко-р		
73. Львштекко-р		
74. Дчермте-р		
75. Обреде-р		
76. Здедше-р		
77. Сшао-р		
78. Тркоао-р		
79. Дчемфе-р		
80. Ехгуме-р		
81. Адтчеу-р		

ГЛАВА XIV

ПЛЕМЯ НАТХХОККОАДЬСКОЕ

Племя натххоккоадьское граничит к востоку с шапсхцами, к северу с Таманским полуостровом, к югу с Черным морем, к юго-востоку (где живут смешанно с шапсхцами) — с абхазцами. Горы, по которым их жилища усадьбами расположены, покрыты лесами. Прелестный берег моря, в которое здесь впадает множество речек, из гор вытекающих, весьма плодороден и усеян, можно сказать, превосходными местами для садоводства и картинными своими видами восхищает зрение, но, к сожалению, остается в опустошении в сравнении с тем положением, в каком мог бы быть, если бы благодетельное спокойствие и трудолюбие там господствовали. Прекрасные равнины, лежащие на север гор, в оконечности которых построена крепость Анапа, чрезвычайно плодородны; тут жители селятся нередко аулами.

Натххоккоадьцы трудолюбивы и, будучи долгое время в торговых сношениях с турками, привязаны к торговле,

почему и достаточны. Они любят заниматься хлебопашеством и скотоводством более других племен и менее их беспокойны, и поэтому самому натххоккоадыцы между другими племенами, к собственному их счастью, менее славятся воинственностью; впрочем, они также и недурные воины. Хотя натххоккоадыцы и не занимаются прилежно садоводством, как бы должны были, обитая в столь щедро природою одаренной стране, но, однако, имеют сады виноградные и вообще занимаются этою промышленностью более шапсхгцев и абедзахов, которые также пользуются таковыми выгодами, дарованными им в жертву их праздности природою. Между натххоккоадыцами были люди, которых можно назвать богатыми, судя по промышленности этой страны, лишенной необходимых источников благоденствия, а именно: спокойствия и торговли.

ТАБЛИЦА,
показывающая число и названия родов, или фамилий,
дворян и льфекотлов, или вольных земледельцев,
составляющих натххоккоадыское племя

Название родов, или фамилий	2	Примечание
1	2	3

Дворянские

1. Ввако-р
2. Ддхге-р
3. Зжьэ-р
4. Ккази-р
5. Тайхо-р
6. Меко-р
7. Ккерзде-р
8. Дрфе-р
9. Ккуйщикко-р
10. Деде-р

Последние пять суть соприсажники первого и все вместе составляют первое отделение дворян этого племени
Эти четыре фамилии, будучи союзники, составляют вторую партию дворян натххоккоадыского племени

Льфекотлы, или вольные земледельцы

1. Натххо-р
2. Немиплекко-р
3. Ерхгузе-р
4. Адцекко-р
5. Кеуххо-р

Эти 12 фамилий вольных земледельцев имеют общее название «Натххо»

Все эти 21 род, или фамилия, вольных земледельцев причислены к первому отделению дворянских фамилий и

1	2	3
6. Мелише-р 7. Д-де-р 8. Орлесаоко-р 9. Мефеуде-р 10. Ефтале-р 11. Баде-р 12. Тткко-р		именуются в общем составе «Нетххо-Нетдаххо» и составляют главнейшее отделение натххо-ккоадьского племени
13. Сххабе-р 14. Фале-р 15. Хешхитче-р 16. Сашекко-р 17. Д-де-р (из сей фамилии был славный разбойник Донекей) 18. Брде-р 19. Дене-р 20. Тьтчасе-р 21. Ххатхе-р	И эти 9 фамилий вольных земледельцев имеют общее название «Нетдаххо»	
22. Плаше-р 23. Бжеме-р 24. Шехетле-р 25. Ттуо-р 26. Соххте-р 27. Ххурдекко-р 28. Севодникко-р 29. Севомиде-р 30. Дядьххо-р 31. Ххуриме-р 32. Сххакумиде-р 33. Хгоае-р 34. Куфванс-р 35. Екоае-р 36. Ккедьле-р 37. Ххакуппе-р 38. Медядекко-р 39. Усше-р 40. Арэс-р 41. Навве-р 42. Мемете-р 43. Пиьбутче 44. Тххаитле-р		Последние 11 фамилий почитаются присоединившимися в позднейшее время к первым Эти 12 фамилий, или родов, вольных земледельцев именуются в совокупности «Хгоае». Дворяне, вторую партию составляющие, причислены к этому отделению Натххоккоадьского племени; по народным преданиям, эта часть сего племени причисляется к первобытным или древнейшим черкесам, как о том выше сказано

ЗАМЕЧАНИЯ О ПРИЧИНАХ РАЗРУШЕНИЯ И ОСЛАБЛЕНИЯ КНЯЖЕСКИХ ВЛАДЕНИЙ И УСИЛЕНИЯ ПЛЕМЕН, НЕ ЗАВИСЯЩИХ ОТ ВЛАСТИ КНЯЗЕЙ, ИЛИ ИМЕЮЩИХ НАРОДНОЕ ПРАВЛЕНИЕ

Обозревая племена, составляющие народ черкесский, каждого в особенности, мы видели одних из них возвышающимися силою и умножающимися в числе своем, других же в самобытном существовании вовсе разрушенными, а иных клонящимися, постепенно ослабевая, к своему падению. Главнейший источник этих переворотов заслуживает особенного внимания.

Счастлив народ, которому священная рука человеколюбивого правителя отвергает врата благоденствия. Где нет власти единодержавной, там с искони нет согласия; там верховная власть, находящаяся в руках буйных партий, превращается в пагубную страсть, которая, разливая свирепое пламя междоусобия в народе, производит кровавые мятежи, что случалось во многих странах, не подвластных единодержавию, что случилось и в Черкесии.

Роды, или фамилии, вольных земледельцев (льфекоты) в племенах, иные имеющих народное правление, а именно: в **Абедзахгском**, **Шапсхгском** и **Натххоккоадском**, в прежние времена, будучи подчинены власти дворянства на разных условиях, находились почти в такой же зависимости, в какой состоит этот класс в княжеских владениях, но с умножением дворянства могущество власти, его сану присвоенной, раздробилось на части, и в это время подчиненный дворянству класс, которого обязанности соразмерно с тем становились тягостнее, начал помышлять о приобретении силы для ограждения себя от притеснения высшего класса; а более всего для достижения независимости или вольного состояния и ниспровержения власти господствующего класса, для чего им необходимо было размножить число свое. Эта необходимость, вероятно, родила у них **обычный устав соприсяжного собратства**, который заключается в следующем.

Человека, переходящего к ним из другого племени по каким бы то ни было обстоятельствам, какого бы он ни

был рода и звания, с семейством или без семейства, должно принимать в сочлены того рода, к которому беглый явится, и водворять его, дав ему для этого необходимое вспомоществование, приводя причем к присяге, состоящей в том, чтобы быть верным новому своему обществу и исполнять основные того рода, или фамилии, условия.

Мы не можем определить, в какое время сей обычный устав собратства образовался и кто были его основателями, хотя эти племена с восторгом упоминают о некоторых из своих сочленов, отличавших себя различнымиleistvoctвами от толпы черни, у которых они были Туссен-Лувертюрами. Как бы то ни было, обычный этот устав соприсяжного собратства был гробом власти высшего класса во всей Закубанской Черкесии. Подвластные князьям и дворянам люди соседних владений, крепостные или вольные земледельцы, при малейшей обиде или угрозе со стороны владельцев, даже и без того, начали переходить к ним, где были принимаемы и водворяемы, что, постепенно умножая силы и населенность тех, ослабевало и уменьшало других. Чрез такое усиление простой класс, то есть вольные земледельцы, в вышеупомянутых трех племенах наконец достиг до возможности разрушить и власть дворян, над ними господствовавших, которые, гордясь своим происхождением, не прибегая к такому роду усиления, пребывали долгое время в совершенной беспечности. Такое состояние дел, однако ж, не могло быть продолжительно: последовало всеобщее потрясение. Дворяне в абедзахском, шапсхском и натххоккоадском племенах, также князья и дворяне в соседних с ними княжеских владениях, для которых страшное усиление в горах класса вольных земледельцев равно было пагубно, в различные времена единодушно действовали, имея целью искоренение этого обычного устава соприсяжного собратства в трех упомянутых племенах и восстановление там прежнего порядка подчиненности простого класса власти дворянства. Напрасно они потоками проливали кровь: все было тщетно, и простой класс в этих племенах достиг до совершенной вольности, пагубной для высшего класса всей Черкесии.

Следствием этого соприсяжного собратства в племенах абедзахском, шапсхском и натххоккоадском до основания разрушилась самобытность владений вепсского, ххеххадчьского и жаниянского (см. выше сего отделе-

ния] глав[у] X). Простой класс этих владений, даже и большая часть крестьян, принадлежащих дворянам и князьям, присоединясь к племенам, имеющим соприсяжное братство, соделались членами родов, составляющих эти племена; а владельцы их рассеялись по всей Черкесии, и все княжеские владения приведены были в бессильное состояние.

Дворянские роды в абедзахгском, шапсхгском и натххоккоадьском племенах первоначально свое унижение равнодушно переносили, в особенности дворяне шапсхгского племени, которые, оставя свою родину, долгое время искали помощи других племен и проливали много крови, подстрекая высший класс во всей Черкесии к действиям вооруженною рукою против своего отечества. Но человеку свойственно покоряться необходимости, и привычка делает сносным и самую тягостную перемену. Эти дворяне, лишась прежнего своего могущества, опять остались жить между бывшими своими подвластными, единственно лишь знавшими некогда законы покорности, не получив прежних своих прав, но пользуясь некоторыми преимуществами до того времени, в которое **шарнат исламизма** вовсе не сравнял права каждого жителя этих племен (см. выше отд[еленне] III, глав[ы] II и V).

Эти замечания, кажется, дают достаточное понятие о причинах усиления одних и падения других племен, составляющих народ черкесский. К сему присовокупим, что в настоящее время обычные уставы соприсяжного братства имеют вящую силу, и потому в княжеских владениях владельцы обходятся с осторожностью с людьми, им подвластными, боясь побега их к племенам абедзахгскому, шапсхгскому и натххоккоадьскому, имеющим народное правление, основанное на вышеописанном обычном соприсяжничестве, или братстве.

ГЛАВА XVI

КОЛЕНА, ОБИТАЮЩИЕ МЕЖДУ ЧЕРКЕСАМИ

Народы, которых отторгнувшие власти, или колена, живут между черкесами, суть: а) абхазский, или абадзинский (см. ниже прим[ечание] 40) и б) ногайский.

Здесь предлагаются очерки этих колен с тою целью, чтобы читатель, ознакомясь с черкесами, имел сколько-нибудь понятия и о тех из жителей Черкесии, которые, не будучи соплеменниками, но, несли обитая между черкесами, состоя с ними в родственных и общественных тесных связях, некоторым образом составляют с ними, так сказать, одно тело, а между тем сохраняют и свой язык и некоторые свои обычаи и нравы.

а) Колена абадзинские, или абхазские

Колено первое:

Басхвигх.

Этим коленом владели с незапамятных времен шесть первоклассных абадзинских фамилий; почему абадзинцы эти неизвестны под именем шестиродных или аतिकесков.

Колено второе:

Бессильбай, также шекхере-у.

Черкесы первыми именуют этих абадзинцев; второе же название они сами себе дают.

В следующей таблице именованы знатнейшие дворянские роды и принадлежащие им аулы предыдущих этих двух колен.

ТАБЛИЦА,
показывающая число и названия знатнейших фамилий
и принадлежащих им аулов в 1-м и 2-м предыдущих
абадзинских коленах, а равно и места их жительства

Название фамилий	Число аулов	Название аулов	Расположение аулов	Примечание
1	2	3	4	5

Первое колено

1. Лов-хе	2	Ловккоадь	По обеим берегам вершины Кубани	Сли 6 родов владели Басхвигхами до покорения
2. Кклишь-хе	1	Кклишкоадь		
3. Дударокко-хе	1	Дудароккоадь	На южном берегу Кубани	

1	2	3	4	5
---	---	---	---	---

				их кабар- дницами. Народ и мелкое дво- рянство им принадле- жат
4. Квяше-хе	1	Квяше-ххабль	На Куме	
5. Дянтемир-хе	1	Дянтемир- ххабль	На Малке	
6. Биберд-хе	1	Бибердкоадь	Одна часть на Ккой-дане, а другая на Ни- чаде, за Кубанью	
7. Трам-хе	3	Трамккоадь	Одна часть на Малке, другая на Кубани, а третья за Ку- банью, на Оарпе	
8. Аслан	1	Аслан-ххабль	На Шекеме	

Второе колено:

1. Псмейль-хе	1	Псменаккоадь	На Оарпе за Кубанью	
2. Ккзиль-бечь-хе	1	Ккзильбечь- ккоадь	На Кунче	
3. Сид-хе	1	Сидьккоадь	На Оарпе	
4. Еккебекко-хе	1	Еккебеккоай		
5. Ккаиберд-хе	1	Ккаиберд- ккоадь		
6. Ешькет-хе	1	Ешькет- ххабль	На Кунче	
7. Ххауд-хе	1	Ххаудьккоадь		
8. Трмзжь-хе	1	Трмзжь-ххабль		

Колено третье:

Б р а к к и й.

Колено это, по исследованиям г. Броневского, заклю-
чает в себе 560 семей, или дворов, которых жилища рас-
положены между лесистых гор по речкам Хотц, Хгупс,
Псне и другим ручьям, впадающим в Малую Лабу.
Браккиевцы граничат с бейсленейцами и бесельбайцами;
над браккицами ввели власть и кабардинцы, но в на-
стоящее время они все состоят в некоторой зависимости
от князей бейсленейских. Власть этих последних призна-
ют над собою в особенности те из браккицев, которые

живут ближе к равнинам и пользуются ими. Старшины в этом колене суть дворяне из рода Хгунтчеко-хе.

Колено четвертое:

Шедьрий.

Старшины в этом малочисленном колене из дворянского рода Цкесшьхе. Числом всех шедьрийцев не более ста дворов, или семей. Главнейшие места их жительства в окрестностях вершины Малой Лабы на речке Хгупсе довольно крепки. Шедьриевцы зависят от властей князей бейсленейских.

Г. Гильденштет разделяет Абхазию на три части, называя одну из них северо-восточную. Эту часть Абхазии, и по этому разделению самую меньшую, составляют вышеупомянутые колена абадзинского, или абхазского, народа, обитающие между черкесами, большая часть состоит от них в зависимости.

Колена эти, будучи все одного народа, разделены между собою наречиями, частными наименованиями и другими обстоятельствами; об этом их разделении может дать понятие разделение черкесского народа на владения и племена.

Время отторжения этих колен от Абхазии определенно неизвестно, хотя полагают, что оно последовало в исходе XVII столетия по причине вспыхнувшего в Абхазии сильного пожара междоусобий. Как бы то ни было, колена эти все без изъятия, по переселении своем на север Кавказа постепенно ослабеваемые несогласием своих владельцев, подверглись игу черкесских племен, как-то: кабардинцев и бейсленейцев.

Сильный легко находит причины и средства для обвинения слабого; кабардинцы и бейсленейцы покорили под свою власть принцельцев под предлогом, что они заняли земли, им принадлежащие; басхунгцы, поселившиеся на пределах кабардинцев, соделались подданными князей этих последних, а бессильбайцы, занявшие места, над которыми господствовали бейсленейцы, подпали под власть князей бейсленейских.

Кабардинцы и бейсленейцы, действуя соединенными силами, привели в повиновение и баркийцев, которые, пользуясь крепкими местами, долее хранили свою независимость. Слабые шедьрийцы не могли защищать-

ся от врагов сильных. Некоторые части бессельбайцев, укравшиеся в крепких ущельях, не долго противоборствовали страшному оружию потомков Инала. Таким образом, свобода этих колен исчезла, как едва они узрели северные равнины Кавказа...

Черкесские князья, потомки Инала (см. часть 1, отделе[сние] 4, глав[у] 12), гордясь своим происхождением, не знают равного себе в Кавказских горах; итак, могли ли кабардинские и бейсленейские князья признать равными себе владельцев подпавших их власти абадзинцев? Они их признали равными своим дворянам. Это унижение нередко было причиною кровавых убийств; оскорбляемые абадзинцы, предпочитая смерть рабству, храбро сражались и решительностью своею часто отражали насилие грозных угнетателей, но ничто не спасло их. Положение новых подданных властелинов Кабарды и Бейсления было бедственно: кабардинские и бейсленейские князья посылали своих членов в недры их страны с названием **охранителей** (декоате или ухмако) под прекрасным предлогом — для их защиты от посторонних набегов, но в самом деле для их угнетения. Эти охранители, окруженные гордыми и корыстолюбивыми узденями, подлыми и бесчеловечными слугами, безжалостно разоряли народ. Если верить рассказам кабардинцев, то эти абадзинцы... имели права располагать даже и плодами своих трудов, которых часть в виде подати отдавали старшинам — своим поработителям. В таком бедственном положении народ страдал, не смея ожидать перемены своей судьбы. Наконец, истощенные страшными бедствиями басихгцы (абадзинцы шестиродные) просили русских начальников на Кавказской линии принять их под свою защиту; просьба эта была удовлетворена: часть их была поселена внутри кордона близ крепостей, что их избавило от насилия кабардинцев, которые, будучи этим раздражены, почти вконец разорили остальных находящихся в их зависимости абадзинцев.

«Абадзинцы, — говорит г. Дебу, — восчувствовав выгоды, происшедшие от заведения между ними порядка спокойствия (были построены укрепления для их защиты от кабардинцев, не переставших их преследовать, учрежден родовой суд из их круга), соединением их приобретенного, также важность данной им защиты, уведомили о счастливом своем положении живущих за Кубанью

алтикезеков (часть сих и бесельбайцев?), посему они значущими партиями начали просить местное российское начальство о позволении соединиться с своими однородными, обещая перевести с собою 30 000 народа. Таким образом, народ сей от человеколюбивого с ним обращения почел за милость то, что прежде не могли сделать все старания и иждивения начальствовавших на линии, имевших единственно целью уменьшить число противников, за рекою Кубанью живущих».

«Неспособность их (абадзинцев) пристава, продолжалет сей автор, описав причины, по которым отказано за кубанским абадзинцам переселиться внутрь российской границы, и пользы, какие приносили там поселившиеся абадзинцы, буйство казаков и наущения турков заставили сей народ в 1804 году бежать вместе с ногайским народом за реку Кубань, откуда уже в 1805 году возвратились к прежним жилищам. В 1808 году местное начальство принудило было их переселиться внутрь нашего кордона; назначенные им места простирались вниз по Кубани от Еманжельгинского поста до Невинномысского укрепления. Абадзинцы же, судя по своему многолюдству, почли такое назначение притеснением и потому отказались от сего предположения. То же местное начальство, чтоб непременно принудить их к сему переселению, велело отобрать у них скот, который отдан был под присмотр казаков, и обвесь главное их поселение по реке Тахтамыще цепью, составленною из регулярных и казачьих войск. Таковое угнетение и отняtie у них не только всякого с их однородцами сообщения, но и необходимых для земледелия и скотоводства способов произвело в главном их селении необыкновенную смертность; почему и посланы были от начальства чиновники с врачами для осмотра обоего пола, но сей осмотр и женщины в обнаженном виде послужил к крайнему ожесточению абадзинцев, ибо по их обычаю и по врожденной нравственности женский пол у них почитается неприкосновенным и неприступным в сем виде, даже и для глаз единоутробных; а потому они с упорностию отвергли с нашей стороны всякое пособие и решились лучше умереть от недостатка необходимых потребностей, нежели в чем-либо быть нам обязанными. Местное начальство для приведения их в послушание, упорно следуя избранному невыгодному плану и оставя скот, им принадлежащий, под присмотром

тех же самых казаков, исключило народ сей в конце того 1808 года от зависимости, а дабы препятствовать добрым и угнетенным абадзинцам отлучаться от своих домов, учреждены были внутри их жилищ посты из регулярных и казачьих войск с пушками; лучшие же из их владельцев рассажены по крепостям. Народ, не имея другого способа избавить себя от столь тягостного положения, решился тайным образом рассеяться, что им и удалось; часть перешла за р. Кубань и водворилась между своими однородцами беселбайцами, от коих получают пропитание, а другая скрылась в лесах, вспомогательная человеколюбием своих однородцев; самая малая часть осталась на прежних местах и тут скрытым образом достают себе необходимое пропитание».

После этих слов человека, бывшего там начальником и коротко знающего местные обстоятельства, нужно ли говорить, что могут быть пагубны для народа полудикого распоряжения, предпринимаемые без обдуманной предосторожности и не сообразные с образом его мыслей и с его правами?

Таким образом абадзинцы, некоторое время наслаждавшиеся спокойствием, рассеялись: перешедшие за Кубань, по примеру однородцев, искони там обитающих, подчинились бейсленейцам. Другие же переселились в Кабарду и, будучи подвластны князьям этого поколения, там и поныне живут. Малое число оставшихся на Тахтемыше или Ккойдане абадзинцев, причисляемых к фамилии **Лов-хе**, приведено было в волнение одним обстоятельством, а именно: один из мелких дворян этого колена именем Кьнардекко, из рода Лафшиевых, принадлежащих упомянутой фамилии Лов-хе, из числа главных владельцев басихгцев, непомерною своею гордостью противу бывших своих владельцев, от власти которых освободился, будучи пожалован в офицеры, обратил на себя их ненависть; оскорбляемые гордостью Кьнардекко, члены фамилии Лов-хе, поразив его, удовлетворили свою ненависть и бежали на Кубань; семейства же их, состоящие из невинных женщин и детей, в наказание убийцам и страх туземцам местное начальство сослало в одну из отдаленных губерний. Таким образом, непопозвоительная гордость одного человека, соделав преступниками Ловов, привела в волнение остатки абадзинцев, обитавших на нашей границе.

Таков характер горцев: они не могут равнодушно взирать на гордость людей, бывших некогда под их властью! Счастье человека низкого происхождения возмущает их покой!

Абадзинцы здесь поименованных колен трудолюбивы, занимаются с прилежанием скотоводством и, говоря вообще, совсем освоились с черкесами: одежда и образ жизни совершенно те же, как у черкес; обычаи и даже нравы они более приняли черкесские, нежели сохранили собственные, и черкесский язык сделался у них всюду общим. Столько-то могущественно влияние времени!

б) Колена ногайские, или ногайцы, обитающие в Черкесии

Мятежный полководец монголо-татар Ногай (правильнее Нехгоай), пожираемый властолюбием, в 1206 году по смерти Менгу-хана отделился от большой орды. Он некоторое время владычествовал в Дашт-Кипчаке, или Золотой Орде. Славное имя этого полководца (который, господствуя около Черного моря, состоял в союзе с греческим императором М. Палеологом) соделалось общим наименованием огромной части монголо-татар. Таким образом, в недре этого народа возникло новое поколение ногайское, которое содействовало к уничтожению своего корня; по смерти своего вождя ногайцы, хотя и составили особенное отделение, но по причине частых междоусобий своих с другими татарскими коленами постепенно приходили в ослабление и тем самым способствовали возникшей от порабощений России к преодолению Золотой Орды (смотри известия о Кавказе сочинения Броневского, часть 2, стр. 126).

Ногайское это поколение, таким образом получившее свое начало, после многих превратностей судьбы окружающих его народов, наконец, подавленное местными обстоятельствами, рассеялось. Религия, исповедуемая черкесами, равнины, на южной стороне Кубани лежащие, обширностью своею и удобствами для пастушеского народа привлекательные, и более всего независимость черкесов манили отторгнувшиеся части ногайского поколения, непрестанно волнуясь от внутренних раздоров и других обстоятельств, скитавшихся в волжских, донских, кумских и в окрестностях Пятигорска... степях за Кубань к черкесам. Однако ж ногай-

ны, в Черкесию удалившиеся, скоро узнали, что независимость туземцев будет гробом собственной их свободы: соседственные с занятою ногайцами землю черкесы угоняли их скот и расхищали их достояние. Сверх этих разорительных и в той стране обыкновенных беспокоейств, самовластие князей бейсленейских и тчмргойских угнетало ногайцев. Следствием этих притеснений они охотно возвращались впоследствии к пределам России. Но более из них приобикшие к черкесам, отторгнувшись от своих соположенников, водворились за Кубанью, состоя в связях с черкесами, где и поныне обитают. Настоящее местопребывание этих закубанских ногайцев есть южный берег Кубани противу дистанции, занимаемой Хоперским полком Кавказского линейного казачьего войска.

Ногайцы эти, подвластные мурзам Ккесаева рода, почему называющимися в общем составе потомками Ккесая; однако ж эти потомки разделяются на дома, или отрасли, которые опять имеют свои подразделения на отрасли домов следующим образом:

1. Дом Келеметовых

Отрасли его:

1. Мансур-улы
2. Дударук-улы

Улы, или оғлы, значит сын

2. Дом Наурузовых

Отрасли оного:

1. Пивтиа-улы
2. Батсирза-улы
3. Жиникк-улы

3. Дом Карамурзинных

1. Ккарасай-улы
2. Ккаспулат-улы

Мурзы отделения Кипчак:

1. Аккасак-улы
2. Кубек-улы

Аулы, подвластные мурзам Кипчакского отделения:

1. Дейнакк
2. Тутук
3. Женетлы
4. Куруклы
5. Ккоралы
6. Жьван-таяк
7. Бота

Как мурзы этого Кипчакского поколения, а равно и им подвластные аулы носят общее наименование Кип-

чак, независимо от частных названий родов, отраслей их и аулов. Выше этого Кипчакского отделения поименованные же дома мурз и отрасли их, а равно и им подвластные ногайцы не имеют общего наименования подобно этому Кипчакскому и следующему Мангитскому отделению, а каждая отдельная часть имеет частное наименование, взятое, по большей части, от названия той отрасли рода мурз, которой та часть почитается подлежащею, также и от предков частных родов подвластного мурзам народа, и от названия мест.

Мурзы отделения Мангит

*Солтан-целы **

Эта отрасль мурзы Мангитского отделения, а равно и ей подвластные ногайцы этого же отделения имеют, как и в Кипчакском отделении, общее наименование Мангит независимо от частных наименований колен и аулов, как выше сказано.

Число ногайцев, обитающих между черкесами или в Черкесии, по исчислению г. Броневского, не более 5000 дворов, или семей. Должно полагать (судя по беспокоействам, которым подвержены Закубанские владения), что населенность этих ногайских колен ныне весьма уменьшилась противу прежнего.

Несмотря на тесные связи с черкесами, закубанские ногайцы сохраняют и поныне свой язык, свои нравы и обычаи; впрочем, между ними язык черкесский, говоря вообще, сделался общим, также нравы и обычаи их смешались с нравами и обычаями черкесов. Связь этих двух наций имела влияние даже и на физические свойства первых: печать, так сказать, национальности, которую несут потомки монголо-татар в своих физиономиях, у закубанских ногайцев приметным образом изменилась. Тому, конечно, способствовали их браки с черкешенками. Прекрасные физические свойства черкесского народа во многом, так сказать, переродили физические свойства ногайцев.

Черкесские ногайцы храбры и способны переносить невероятные труды, как и их соположенники, обитающие

* Так в подлиннике. (Ред.)

и в других местах, но они превосходят тех ловкостью и умением управлять оружием, отличаются духом непокорным и воинственным. Живут не на колесах и не в кибитках, как говорили некоторые писатели, и не кочуют, подобно своим соположенникам; напротив того, их жилища суть жилища черкесов (см. 2 часть, отд[еление] 1, глав[у] 1), и образ их жизни мало отличается от образа жизни этих последних: домашняя утварь, одежда и вооружение те же, что и у черкесов, даже занятия и времяпрепровождение, пища и питье (за исключением некоторых национальных) — те же. Эти ногайцы, живя между черкесами, никогда не были от них в зависимости, в строгом смысле этого слова, как абхазские колена, однако ж необходимость местности принуждала их согласоваться с их соседями: бейсленейцами и тчемройцами, господствование которых в окрестностях ногайцев закубанских, быть может, было причиною, что эти последние искали дружественных связей с абедзахами — сильным черкесским коленом (смотри выше отделение 4, главу II). Как бы то ни было, они состояли в сношениях и связях с ними, как союзные племена. Ныне же, хотя и живут за Кубанью и в сношениях с черкесами, но состоят в полной зависимости от русского пограничного начальства, по распоряжению которого там находится русский офицер в звании пристава закубанских ногайцев.

ПРИМЕЧАНИЯ

к первой части «Записок о Черкесии»

(1) В народных преданиях черкес много любопытного говорится о некоторых партах, которые имели установленные поединки и жили в непрерывной междоусобной войне; они друг друга лишали жизни в единоборствах. Некоторые роды в Черкесии ведут свое происхождение от этих партов, о которых предания, сходные с рассказами о русских богатырях, сколько ни баснословны, однако ж многими обстоятельствами свидетельствуют, что эти войны существовали в Черкесии, составляя воинственные рыцарские общества. Из числа сих обстоятельств примечательнейшие суть: название кавказских кислых вод, около Пятигорска **партсан** (вино партов); река за Кубанью **Парт-ис-хо** (река партов) и многие другие наименования. Сверх того, на местах, где по указанию народных преданий жили парты и где тела их погребены, находят в земле оружия, отличающиеся необыкновенною своею огромностью.

(2) У греков по известиям Броневского — Гиппанис; у Птоломея — Вардан или Верданус; во время хазаров — Укруг и Варсан; у итальянцев — Копа, черкесы же именуют на кабардинском наречии Пеизжь (старая вода), что по выговору пизовых черкес произносится Пиз-з. Татары и абхазцы — Ккобан, из чего россияне, вероятно, произвели название Кубань.

(3) Остров Тамань назывался: Тмутара-кашь (смотри Карачинца, т. I, примечание! 303), вероятно, от города, построенного там еще за 600 лет до Р. X. (см. сей части отд[еление] 2, глав[у] 3).

(4) Могут ли быть так выплавляемы эти металлы? Я не мог излупить справиться об этом, ибо это сведение во всяком случае показывает, сколько ограничены понятия туземцев относительно сего предмета; почему здесь поместил все то, что мне ими самими сообщено об их искусстве в плавлении металлов, не подвергнув оные исследованиям.

(5) Это животное называется туземцами **домбай**. Черкесы, видевшие в России зубра, уверены, что домбай тот же, что и зубр. Однако ж один натуралист мне сказывал, что домбай черкесский есть **дикий бык**, который во всех отношениях похож на зубра, и вся разница между ними только та, что у последнего бывает повыше шеи парость или выпуклость в виде чемодана; не видав никогда домбая, я не могу сказать об нем ничего утвердительного.

(6) Упомянутый памятник получил настоящее название **Дукко-хе-я-син** (то есть дукковым принадлежавший памятник) от фамилии кабардинского дворянина Д-укко-хе по той причине, что зимовья его находилась близ памятника. Прежнее название сего памятника, а равно и кому был воздвигнут, неизвестно.

(7) Название аул (деревня) есть татарское, собственно черкесам

неизвестно; заметим, однако ж, что эти последние употребляют это слово в смысле: **группа**, или **куча**. Деревня же на черкесском языке именуется **ккоадь**, также и **ххабль**.

(8) «Четвертая доля киргиз-казаков, перешедших в 1801 или 1802 годах с султаном Букеем в Астраханскую губернию на вечное пребывание и пользовавшихся там самыми выгодными местами, возвратилась в 1820 году за Урал потому только, что разнесся слух, будто бы хотят им сделать перелись и поселить». Это замечание г. Левшина (смотри его описание киргиз-кайсацких орд и степей) может предостеречь каждого предпринимающего нечислить населенность вообще необразованных народов.

(9) С достоверностью определить, когда именно черкесы приняли магометанскую веру, есть дело почти невозможное; но как многие старцы помнят время грубого язычества некоторых колен, то иные полагают, что сей переворот последовал назад тому около 80 лет (смотри: картины Кавказского края П. Зубова). Однако ж мы знаем, что и в отдаленные эпохи (около 1570 года) часть черкесов была магометанами (см. сей части отд[еление] 4, глав[у] 2), из чего заключаем, что некоторые колена черкесские приняли ныне ими исповедуемую веру весьма давно, а другие в позднейшее время.

(10) К внутренним углам стен домов прибывали деревянные кресты (что и поныне соблюдают некоторые жители гор); над могиллами ставили железные кресты с траурным флюгером (см. 2 части отд[еление] 2, глав[у] 3). Отец и мать семейства на смертном одре делали завещание своим детям, сложив указательные пальцы крестообразно.

(11) 1. Пятница — на наречии пизовых черкес — **бересчешхо** (божий пост), на наречии же кабардинцев **мерьем** (Мария). Оба названия пятницы, ныне черкесами иразднуемой, как воскресение христианами, доказывают, что первые не были чужды обрядов религии последних. 2. Суббота — **бересчехоуж**. 3. Воскресенье — **тхаумафе** (божий день). 4. Понедельник — **блишха лян блиле** (т. е. начало седмицы, из чего явствует, что черкесы считали неделю, начиная с понедельника). 5. Вторник — **хгу-бжь** (это название имеет смысл: противоположности или **кос**, и дали, вероятно, потому, что сей день почитают неблагоприятным). 6. Среда на наречии пизовых черкес **берескезий** (маленький пост), на наречии же кабардинском выговаривается **березжи** и тогда не имеет подобного смысла, что, как и другие обстоятельства, некоторым образом подтверждает, что пизовые черкесы, то есть **дчяхи** (кажется, древние чихи), исповедывали преимущественно христианскую веру.

(12) Наименование **пшыя** (князь) произошло от слова **нахнш**, или **выше**, которое на черкесском языке употребляется обыкновенно для означения высшей степени достоинства. Весьма естественно, что люди повиновавшиеся почитатели тех, от которых были в зависимости, выше себя достоинствами, и потому это название присвоилось классу, облеченному верховною властью, а впоследствии сделалось нераздельным с названием вообще **власти**; почему каждый зависимый человек именует в этом народе того, которому обязан повиновением, своим **пши**, означая тем своего повелителя.

Один княжеский род в Черкесии производит свое начало от одного **нарта** (см. выше прим. 1), который был, как говорит баснословие, вскормлен дичиной орлом в его гнезде, подобно Ромулу. Другие же роды ведут свое происхождение от какого-то греческого Ккайсара (кесаря?).

(13) Название **уздень** (правильнее озьдень), русскими нередко употребляемое, называя черкесских дворян, и означающее человека, которого **зависимое** происходит от **собственной воли**, есть татарское и черкесами никогда между собою не употребляемое.

(14) Этого разряда дворяне в разных частях Черкесии известны под разными названиями, например, **Оркылакко** (может значиться родовой дворянин), **оркишхо** (большой дворянин), **дижьнхго** и проч.

(15) Сей разряд дворян именуется — **оркко** (маленький, в смысле **незначительный** дворянин); также **орске-волхсус**, под сим последним названием, говоря вообще, разумеют дворян, не имеющих собственных аулов.

(16) В иных владениях есть **биеколы** из дворян второстепенных и их называют — **биеколишхо** (ведящие биеколы), с каким названием сопряжены разные обязанности, например: когда в доме князя совершают тризну или торжественную поминку (см. 2 части отделенне 3, глав[у] 11) или по каком-либо другим случаям бывает торжественное угощение народа, они смотрят за порядком и проч. Заметим еще, что есть и другие обязанности родовые, переходящие от предков к потомкам в одном роде, или фамилии, как-то: **охранение знамя и гашагая**, то есть обнародование воли старшин и съезда (смотри сей части сего же отделения глав[у] 3). Лица, которые несут сии обязанности, получают во время похода и пазезда особливую часть добычи.

(17) **Едыхг** собственно значит **читая**, однако ж когда это название относят к духовенству, то означает человека, учившегося духовным наукам, а потому под этим названием понимают и духовенство, которое составляет в Черкесии: **эфендии**, **кадии**, **муалы** и **моадзины**. Звание эфендия приобретается значительными познаниями духовных наук; из эфендиев же бывают и кадии, т. е. духовные судьи, которые разбирают и гражданские дела по шарнату или по гражданским законам магометанским. Муалы в Черкесии суть священники, и для достижения их звания требуется лишь первоначальное познание религии. Моадзин есть помощник муалы, и обязанность его соответствует обязанности дьячка при христианской церкви.

(18) Прозвание сего, прежде ничтожного, а впоследствии великого фанатика, сего Ккозди, по русские, по выговору своего языка, называли его просто **Козы**. Известно, что магометане ожидают, как будет **мессия**, явление на востоке какого-то имама (духовного предводителя), который должен совершить важные перевороты в пользу последователей Магомета и к пагубе ему неверующих. Подвизая сим народным религиозным ожиданием, **Козы Муалла** и предшественники его **Хавка**, **Мансур** и другие производили на Кавказе страшные и гибельные волнения народов. Надобно знать повежественный фанатизм кавказских народов, чтобы иметь полное понятие о влиянии духовенства на умы туземцев-магометан. Когда мы приготовлялись к отправлению в Грузию на открывавшуюся персидскую войну, многие из знакомых нам черкесских князей уще-

ваше нас оставить это предприятие, которое, по мнению их, было противно религии, «ибо явился ожидаемый имам», — говорили они и уверяли, что этот имам с длинною и черною, как смоля, бороною ездил на белом коне, в белой одежде, имея в руках белую же небольшую палочку, которую, указав на неприятеля, творит чудо: ни пушки, ни ружья не стреляют и проч. При встрече генерал-адъютантом Бенкендорфом Абаса-Мурзы близ Тавриза, видя этого славного персидского принца с длинною черною бороною, на белом коне, в белой одежде и с белую палочкою (коей ручка была украшена бриллиантами), я вспомнил рассказы черкес об имаме, которые точно относились к Абасу-Мирзе, и удивился тому, что всякая новизна на востоке готова возжигать пламя религиозного фанатизма кавказских народов, исповедующих магометанскую веру.

(19) Название **льфекотл** не имеет никакого ясного значения, и я назвал сей класс **вольными земледельцами** потому именно, что в настоящее время малейшая только часть льфекотлов состоит в некоторой, так сказать, поверхностной зависимости от высшего класса (и то только в княжеских владениях), а прочие пользуются совершенною вольностию; притом все без изъятия занимаются земледелием, не почитая эту промышленность, подобно дворянам, неприличною. Итак, название сие, кажется, приличествует этому классу, почему где встретится в сих «Записках» название: льфекотл должно разуметь вольного земледельца.

(20) Слово **кодохг** может иметь двоякий смысл: **соучастник судьбы**, а также **поручитель в исполнении условия**. Буде господин, возворивший у себя крестьянина на условиях, переступит их, то сей последний имеет право удалиться к своим кодохгам, которые оставляют его у себя до тех пор, пока не доставят ему удовлетворение; буде же крестьянин выходит из повиновения своему господину противно условиям, на основании которых он водворен, то сей последний по законам должен объявлять о том кодохгам крестьянина, которые принуждают его к повиновению; в противном же случае господин уже имеет право поступать с крестьянином по произволу своему и кодохги не должны более вмешиваться в дело, относящееся до крестьянина, и защищать его. Когда князь водворяет у себя дворян, то также дают им кодохгов из старожилых дворян, и буде князь, переступив свои условия, заключенные с дворянином, вновь им принятым, его обидит, то кодохги сии требуют от князя удовлетворения обиженному и в случае неполучения удовлетворения вместе с ним оставляют того князя и нередко и свою родню, что родню и самое название кодохг. Это обыкновение, употребительное между самими князьями, служит связью и охранением в Черкесии между классами.

(21) Фамилия **Докузиевых**, из первостатейных дворян Тшемгойского владения (см. сей части отд[еление] 4, глав[у] 5), присваивает себе право требовать от убийцы члена своего дома в числе пени: пару салога, наполненных золою из сожженной шелковой материи; ось под телегу из дерева, черкесами называемого **шебар**, которое редко бывает толще обыкновенной восковой свечи; ручного льва и проч. Разумеется, что они ничего подобного не получают, однако ж, основываясь, так сказать, на неограниченности достоинства своего рода, берут страшную плату (пени) за всякое оскорбление, им нанесенное, буде провинившийся слабее их, а в противном

случае вражда никогда не прекращается. Из этого обстоятельства вытекает невозможность пояснить удовлетворительно родовые права высшего класса в Черкесии.

(22) **Сыьха** собственно значит голова, но по введению в Черкесии обыкновенно принято за правило при платеже за кровь, равно и за жену, считать плату головами, некоторым образом, как бы говорилось, штуками; однако ж эти головы разделяются на степени, например: первостепенная, простая и проч. Голова первостепенная стоит по самой высокой цене 4 души молодых людей обоего пола, простая — по самой высокой цене — 4 штуки рогатого скота средних достоинств. Сие объяснение может дать некоторое понятие о платежах головами, которые, впрочем, еще многообразны.

(23) **Калым** есть татарское слово и неупотребительное черкесами, на языке же сих последних плата, получаемая за дочерей при выдаче их замуж, называется — **бхувас** или просто **васе**. Плата же, взыскиваемая за кровь, — **львас** или **левас**.

(24) Здесь должно разуметь под названием гостей только тех, которые приезжают из другого племени, следовательно, гостей-путешков, равно как и чужестранцев.

(25) Съезд сей был на р. Печетнико, находящейся в 5-ти верстах от крепости Анапы на восток, почему и назван именем сей реки.

(26) То есть внесли в журнал. Договоры, заключаемые между черкесами, обыкновенно лишь сохраняются в памяти участвовавших в них лиц, а от них переходят и к потомкам.

(27) История народов представляет нам еще страннейшие права, например: у славян были два рода, которые имели право жечь есени и косить хлеба, встречаемые на пути во время их шествия на народные собрания (смотри Историко-Российского государства Карамзина, том I, страница 78, примечание 169).

(28) **Шьвахг** собственно значит ошибка (слово это может быть переведено и так: он ошибся), буде кто, не зная лично князя, оскорбит его словами или каким-либо поступком, как-то: украдет лошадь у него или у его гости и в прочих подобных случаях князь имеет право взыскать с виновного пепу или штраф, впрочем, не всегда определяющий, который и называется шьвахг.

(29) Взыскиваемый штраф они сами употребляют в свою пользу. Впрочем, это относится преимущественно до княжеских владений, ибо в племенах, имеющих народное правление, взыскиваемый штраф, арабским словом «тазир» ныне называемый там, нередко употребляют на общую пользу. Заметим здесь, что для исправления нравов или для удержания людей от поступков, заражающих нравственность народа, полагают штрафы нередко на сочинителей или, лучше сказать, слагателей безнравственных песен.

(30) Слово **тххашь** соответствует слову приход. Во время язычества сих племен жители там сходились к известным родам, пещерам и другим примечательным местам, где и совершали жертвоприношения разных животных.

(31) Князья Малой Кабарды, происходя от Канока, почитаются ближайшими родственниками князей бейселевских (смотри 4 отделение, главу 3), которые ведут свой род от того же Канока.

(32) Как кабардинцами, равно и прочими черкесскими* названне Малой Кабарды неупотребительно, а каждое из общества, ее составляющих, именуется само по себе названнем.

(33) Кабардинцы все эти исторические предания выдают за достоверность, не подлежащую никакому сомнению, основываясь на сказаниях древних песен, в которых воспеты подвиги героев кровавых опустошений, их предками произведенных, можно сказать, по всему Кавказу; но как мы не можем верить народным песням, почитатели которых по произволу разгоряченного воображения приносят героев своих поэм превыше человеческих возможностей, то поищем других свидетельств, могущих дать этим народным песням право на внимание потомства.

«Новый царь Астраханский Касым также предлагал тесный союз великому князю (Василию Ивановичу, отцу Ивана IV Грозного), но едва посол доехал до Москвы, черкесы, взяв Астрахань (около 1532 года), убили царя и с богатою добычею удалились в горы». — говорит знаменитый историограф России (часть 7, стра[ни]ца] 152). Следовательно, и предания кабардинцев относительно царства Астраханского справедливы, и народные песни содержат истинны весьма важные. Заметим еще, что в одной песне, в которой описывается жизнь одного черкесского князя, упоминается, что «в дни его славы черною дубосарскою тканью одевались». Из этого можно догадаться, что черкесы тех времен имели сношения с Польшею: жребий ли войны им доставлял оттуда добычу, или купцы привозили к ним тамошние изделия. Между прочим, заметим...**

(34) В конце 16 столетия некоторые из них удалились в Россию; следовательно, самое ужаснейшее междоусобие в Кабарде можно с некоторою основательностью отнести к тому времени, тем более, что в 1608 году послы от князя Солоха были присланы к царю Шуйскому, и, как известно, при сем князе, которого три славные в преданиях народных сына погибли в одном сражении, губительное пламя междоусобий свирепствовало в Кабарде беспрерывно.

(35) Имена сии кажутся ногайскими, почему надобно думать, что и послы были присланы от пятигорских и кубанских ногайцев, которые, обитая между вершинами рек Кубани и Малки, состояли в союзе с кабардинцами и потому могли вместе с ними присылать и послы.

(36) Ардбское слово «махчеме» значит судилище; следовательно, важность перемены состояла почти в одном только названии. Так благоразумие извлекает важные пользы и из предметов, неизвестно недоступных! Подобные этому обстоятельства были отчасти причиною тому, что в Кабарде составились из буйной молодежи скинцы под названием абрсков, то есть скрывающихся в чужих племенах и живящих свою проводящих среди опасностей; впоследствии из этих скинцев составились сильные партии, принявшие название хажьретов, то есть людей, защищающих свою веру от иноверцев. И это название духовенство своими проповедями сделало священным в мнении народа.

(37) Прилагательное слово -хе, в равно и -ре я прибавил при

* Так в подлиннике; следует читать: «черкесами». (Ред.)

** В подлиннике мысль не закончена. (Ред.)

означении фамилий потому только, что туземцы, выговаривая оные, прибавляют их. Следовательно, это не будет лишнее, ибо, произнося название вещи на чужом языке так, как туземец должен оное произносить, скорее он вас поймет.

(38) Арабское слово «вели» может означать владельца, приятеля и проч., но здесь должно разуметь под сим именем председателя.

(39) Один случай, относящийся к жизни этого князя, сам по себе хоть маловажный, но показывающий некоторым образом характер черкешенок, достоин замечания. В сражении, происходившем между российским отрядом и черкесами, упомянутый князь в особенности отличился; в то же время другой князь другого колена оказал слабость духа, что разнеслось по всей Черкесии еще до возвращения сего последнего в свое владение. Прибыв же домой, в тот же день послал к жене взять ремень, называемый кулак, который пристегивается к обоим концам шелковой тетивы на луке. Княгиня отвечала, что нет требуемого ремня, князь вторично послал, однако ж и сей раз тот же был ответ. Огорченный муж послал в третий раз и велел сказать, чтобы она нашла требуемый ремень или удалась из его дома. Княгиня с сердцем бросила ремню посланному, сказала: «Не сыну Бехгорса (фамилия сказанного храброго князя) к чему нужна тетива?», тем показывая, что ей не мило быть женою воина, не отличившего себя подвигами храбрости.

(40) Абхазы землю свою называют Апенэ, а себя именуют апс-о; грузины их называют абхазеты, а черкесы абадце, относя сие наименование собственно к абхазцам; впрочем, черкесы, живущие на северных равнинах за Кубанью, т. е. в княжеских владениях, называют нередко племена Абадзахское, Шапсхгское и Натххоккоадское вообще «абадцэ», как бы желая под этим названием означить людей грубых; иногда даже скромные в похвалах к самому себе дворяне из этих племен, говоря о своем значении, произносят: «Конечно, я как абадзиский дворянин, не знаток в вежливости, но валеюсь поддержать приличия, званию дворянина свойственные». При всем том, однако ж, название «абадцэ», принадлежащее абхазцам, дают этим черкесским племенам потому только, что они живут с ними в соседстве и связях. Наоборот, эти племена, т. е. Абадзахское, Шапсхгское и Натххоккоадское, в некоторых случаях княжеским владениям, говоря вообще, преимущественно присваивают название адхге, хотя это наименование есть общее всему черкесскому народу.

ЗАПИСКИ



ЧЕРКЕСИИ

Сочиненныя

Ханъ-Гирея

ЧАСТЬ II.

С. Петербурзь

Обложка рукописи Хан-Гирея «Записки о Черкесии». Часть II.

ЗАПИСКИ О ЧЕРКЕСИИ

ЧАСТЬ II

ОТДЕЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

ОБРАЗ ЖИЗНИ

СОДЕРЖАНИЕ:

*Жилища. Утварь. Пища. Питье. Одежда. Вооружение.
Препровождение времени*

ГЛАВА I

ЖИЛИЩА

Народы, у которых простота есть, так сказать, удел жизни, довольствуются и для своего жилища простыми строениями. Поэтому и жилища черкесов весьма просты, и для постройки их не требуется продолжительного времени и трудов, однако ж дома их (см. ниже прим. 1) не подвижные кибитки кочующего калмыка; они обыкновенно строятся продолговатыми четвероугольниками; стены состоят из плетня и укрепляются посредством тонких столбиков или, лучше сказать, подпорок. Внутри и снаружи стены эти со тщанием обмазываются глиною. Верхняя часть стены укрепляется перекладинами, на которые изредка основывают и потолки; но большею частью не делают потолков и никогда доски не мостят пол, а вместо досок утаптывают землю,

насыпанную в покос, что весьма нездорово по причине сырости, увеличиваемой и тем, что всякий день, выметая покои, поливают этот пол слегка водою, чтобы пыль не поднималась. К одной стене приставлен камин, над которым проведена сквозь крышу труба из плетня же, крепко обмазанного глиною и с перекладинами; напротив — низкая кровать. Стена в удобных местах унизана вешалками. Крыша обыкновенно бывает из отавы или осенней пожелтевшей травы, которую укрепляют тонкими шестами, перекинутыми по сторонам и вверху связанными травою же довольно красиво. По большей части дома состоят из одного жилого покоя, однако ж нередко приделывают в нем по углам кладовые и жилые небольшие отделения; в этих последних люди низшего класса и небогатого состояния принимают приезжих знакомцев; иногда там готовят пищу, порой эти небольшие отделения служат детскою. Это описание может дать общее понятие о домостроительстве черкесов.

Достаточное состояние человека обыкновенно везде возбуждает в нем желание иметь все лучшее; и в Черкесии князья и дворяне, которым состояния и обстоятельства позволяют удовлетворять своим желаниям, строят в особенном виде дома, называемые «тейхон», которые крыты или досками, или землею, с красиво складенным потолком на красивых перекладинах. По краям крыши прибивают для украшения доски, обделанные, так сказать, топорно-токарным искусством и нередко выкрашенные грубою краскою. Внутренность же, исключая потолка и дверей, почти никакою отделкою не отличается; однако, несмотря на то, строения эти весьма дорого обходятся владельцам по редкости столярных мастеров. В горах же нередко строят и срубленные дома.

Гостиные дома (см. ниже прим. 2) строят отдаленно от домов, в которых живут женщины; к ним пристраивают обыкновенно и конюшни. Кроме гостиного двора еще строят один маленький домик, называемый «лехгун», для спальни женатого человека. Такой домик необходим и в каждом семействе, где несколько мужчин женатых или женатый имеет мать, а равно и сестер. Муж с женою никогда не проводит ночи в таком доме, где кроме их другие люди ночуют.

Дома хозяев высшего класса обносятся оградой из терна или частокола, а изредка и забором из бревен; у простого же класса — плетнем.

Что касается до внутренних украшений домов, то они состоят в следующем.

Внутренние стены у высшего класса, равно и у зажиточных поселян, завешиваются с большим искусством тканой соломенной циновкою, называемою «хахче», с черными фигурками. Вокруг стены же по полу устраиваются, около аршина вышиною, деревянные лари, похожие на те, какие в России находите в прихожих, и украшенные грубою резьбою. На этих ларях складываются подушки и одеяла рядом и у богатых закрываются парчевыми и из других материй сделанными занавесами. У поселян и вообще у простого, а иногда даже и у высшего класса развешивается по стене, для украшения же, каменная посуда. В гостинных домах нет подобных украшений, но зато при приезде многочисленных гостей блестящие их оружия служат лучшими украшениями для стен, по которым бывають развешаны.

При постройке домов и другого строения не соблюдают особенных правил, а располагают их по мере удобства места и смотря по обстоятельствам: если опасности угрожают, воровства и разбой часты, то селятся теснее и обносят целую деревню оградой; когда же наслаждаются безопасностью и спокойствием, то селятся рассеянно, смотря по удобности и красоте местоположения и проч[ее]. Невзирая на простоту способа строения, черкесы живут чисто и опрятнее прочих горских народов Кавказа. Удивительно, что черкесы, пользуясь всеми удобствами своей земли, не строят домов, если не красивых, то по крайней мере теплых и спокойных: они сами же чувствуют неудобства своих жилищ, в особенности зимою, и я слышал неоднократно рассуждения их старцев относительно этого предмета. «Русские имеют, — говорили они, — много теплых тканей и кож и им можно бы жить в наших домах, а нам, терпящим в этом недостаток, прилично было бы переселиться в их дома». Заклучим эту статью повторением слов г. Броневского: «Привычка к открытому воздуху доставляет черкесу ту выгоду, что в случае ненастья всякая крыша для него хорома».

ГЛАВА II

УТВАРЬ

Черкесы по причине простоты жилищ своих имеют надобность лишь в самой необходимой домашней утвари, и она состоит в следующем:

Сундуки, из России и Турции привозимые и красиво выкрашенные, берегутся в домах с большим тщанием как для внутреннего украшения дома, так равно и для сохранения в них оружия, одежд и прочих вещей.

Подушки большие, или перины, обыкновенно набитые овечьей шерстью, и маленькие, или изголовья, равно как одеяла, покрытые блестящими шелковыми тканями, составляют большую роскошь зажиточных хозяев, которые ничего не щадят для приобретения этих богатых вещей, чтобы при приезде гостей иметь возможность для каждого знатного человека приготовить пышное ложе. Мебелей нет никаких, за исключением длинных и четвероугольных скамеек и маленьких скамеечек; прочее все заменяется продолговатыми подушками, постилаемыми на циновках, которые с изрядным искусством ткуются и входят в состав необходимой домашней утвари.

Котлы медные и чугунные, **умывальники** — медные — необходимые вещи в хозяйстве каждого и дорого ценятся.

Чашки, ложки и столы (круглые, на трех ножках) деревянные, со вкусом, в особенности чашки и ложки, делаемые самими черкесами, также вещи, необходимые во всяком хозяйстве.

Фарфоровые чашки, стаканы и прочие стеклянные изделия, привозимые сюда из России и Турции, весьма ценятся; равномерно имеют цену **тарелки** и **горшки каменные**, которые также входят в состав домашней утвари черкесов. В особенности зажиточные хозяева стараются иметь такие вещи, украшенные разными изображениями.

ГЛАВА III

ПИЩА И ПИТЬЕ

П и щ а

Повседневная пища черкесов также проста, как и жилища их, но в праздничные дни, а равно и во время приема гостей приготавливаемые ими кушанья многообразны.

Просяная или пшеничная крутая каша заменяет у черкес употребление печеного хлеба. Такая каша обыкновенно варится на воде, и когда зерна яшена разварятся надлежащим образом, то опускают в особливую посуду всю жидкость из котла, в котором готовится каша, и к этой жидкости примешивают молока кислого или пресного и сыра, искрошенного в мелкие куски; таким образом приготовленная похлебка некоторым образом употребляется как калмыцкий кирпичный чай, особенно в поле.

Баранина, говядина, козлятина, разные домашние птицы и вообще мясо: вареное, жареное и под соусом, различным образом приготовляемое, составляет главнейшую пищу черкес. Также дичь и рыба употребляется ими в пищу. Молоко пресное и квашеное, масло, сыр свежий и сушеный и яйца служат для них важною пищею.

Капуста и бураки, квашеные с перцем, тыквы, арбузы и дыни, также квашеные с перцем и горчицею, составляют любимую пищу низовых черкес в зимнее время, равно как бобы и прочие огородные растения, на зиму впрок заготавливаемые, которые в это время года бывают очень полезны, будучи приготовляемы в виде похлебки.

Из пшеничной муки пекут хлеба и пироги с курицею, а также и различные пирожки с мясом и сыром. Из муки же готовят в пяти различных видах жидкости вроде похлебки с пряностями и довольно вкусные. Более пятнадцати родов различных пирожных входят в состав поварского искусства черкес. На вкус все эти пирожные сладки, и так как их готовят с медом, то без привычки кажутся невкусными, кроме лишь некоторых.

Здесь кстати заметить, что черкесы, как и прочие азиатские народы, не употребляют вилок, а едят руками всякую пищу, хотя несколько для этого удобную*; однако ж они имеют, как мы видели выше, и ложки деревянные и их употребляют.

Всякого рода кушанья подаются на особенном столе, и хозяева тщеславятся многочисленностью столов, заменяющих блюда во время пиршеств и приема го-

* Так в подлиннике; следует читать: «неудобную». (Ред.)

стей; таких столиков бывает от 12 до 30, а иногда более 50, даже и до ста.

За одним столом более не садится гостей двух или трех человек.

Также почитается неприличным много говорить за столом, а в других местах и пить дважды за одним блюдом считается неучтиво.

Молодые люди не садятся за стол, на котором положен бывает целый баран, называемый **бхгоан**.

Хголиль пища, приготовляемая из просяной муки с медом и сохраняемая весьма долгое время, лет по десяти-двадцати и более; этого рода кушанье исключительно служит походною или, лучше сказать, наездническою пищею. Князья и уздени гордятся тем, что имеют такие старые хголили, которые едят, запивая водою, и, находясь в наездах, употребляют весьма умеренно.

Головы бараны помещаются на столах преимущественно для старшин и старцев. Сидящие за столом подают молодым людям, стоящим за ними, куски кушанья. Есть в баране составы, которые преимущественно кладут на стол так, чтобы гостю или старшине ловчее было их достать. Обыкновенно черкесы, говоря вообще, едят в день три раза: поутру, в половине дня и ввечеру позже. Те старшины, про которых в народе идет молва, что они отлично живут, обыкновенно поутру рано завтракают, в половине дня обедают вполне и пред захождением солнца закусывают, выпив чашку довольно крепкого напитка, равно как и поутру.

П и т ь е

Вообще обыкновенные напитки черкес состоят в квасе из разных фруктов, как-то: из кислиц, груш, слив, терна, дикого винограда и проч[ее], в особенности же крепкие напитки, из последних двух приготовляемые. Вообще привычка делает эти напитки весьма приятными. В горах изредка варят пиво; вина же делают много, в особенности соседи абхазцев, которые много этого напитка имеют и много пьют. Также гонят хлебную водку в малом количестве армяне, живущие между черкесами, а от них и другие этому научаются. Единственный бражный напиток собственно черкесский есть **баххсима** — род браги, приготовляемый ими из проса

различным образом. Лучшего сорта этого рода напиток называется **мармезий**, приготовленный на меду, вкусом сладкий, но чрезвычайно крепкий и нечувствительным образом производящий сильное опьянение.

Относительно употребления пьяных напитков черкесов должно разделить на две части, а именно: на верхних, как-то: кабардинцев, бейсенейцев и маххошицев, некоторым образом к ним принадлежащих, и на низовых черкес, т. е. всех остальных племен.

Первые, можно сказать, всю зиму проводят в пьянстве: зажиточные хозяева наперерыв зовут к себе князей и старшин **пить и веселиться** или к ним привозят крепкую мармезию. И тут по целым ночам пьют и забавляются: стрельба вториг неступленным их крикам, и дым пороха столбом носится над их восторженными головами и под сводом гостиниц или на открытом воздухе.

Так жилали кабардинцы, когда были в совокупности, и другие им подражали; да и теперь тоже делают, сколько это позволяет спокойствие и достаток. Бывало, сказывают, во время народных сборищ всякую ночь князья и старшины проводили в полном веселии и нередко тут дела решали или, по крайней мере, толковали об них в самом приятном расположении духа. Впрочем, и ныне старцы, вспоминая прошедшие дни беззаботной юности, составив особенные круги, напиваются нередко допьяна, да и молодые люди иногда не отстают от них в этих подвигах. Напротив того, низовые черкесы никаких напитков до неумеренности не употребляют, да и самые напитки, у них приготовляемые, не так бражны. Между прочим, заметим, что в беседе подающий наполненную чашу говорит: «Бог да дарует вам». Принимающий же молит творца о ниспослании всему их собранию благополучия. Когда поднесший чашу бывает почтенный старшина, то принимающий предлагает ему, чтобы он отведал, и этот, исполняя желание его, произносит благодарственные или молебственные слова.

Можно иногда позавидовать старцам-черкесам, веселым, полупьяным, в чаше удовольствия утопающим, хотя временно, все тяжкие недуги души; на лицах их тогда вы читаете сладостные чувства их сердец и с восторгом внемлете откровенным их беседам: они, забыв бури времен, не раз их сокрушавшие, вспоминают голосом участия и дружбы о прошедших днях моло-

дости и готовы без всякого сожаления, оставив своих кровных на произвол судьбы, переселиться к воинственным своим предкам, которых кровавые подвиги тут же выразительно воспевают.

ГЛАВА IV

ОДЕЖДА И ВООРУЖЕНИЕ

Черкесы, отстав во всем относительно наук от азиатских народов, превзошли их в одежде и вооружении.

Мужская одежда у черкес красотой и удобностью превосходит все одеяния, мне известные, не только в Азии, но даже и в Европе, где просвещение процветает и где все, кажется, должно бы быть лучше, нежели у народа полудикого, стесненного предрассудками, не позволяющими распространять нововведений. Оружие у черкес также превосходно и отличается не богатством, но ловкостью, удобностью, вкусом отделки и добротностью. Здесь прилагается описание полного вооружения и одежды черкеса.

О д е ж д а

1. **Ций** главный кафтан, суконный, или так называемая русскими черкеска, шьется из сукна; длиною бывает по колено, свободен, без воротника и с длинными рукавами; имеет на груди от шестнадцати до двадцати четырех патронниц, которые обложены серебряным галуном, каковым нередко обкладываются кругом и полы кафтана. Ниже патронниц делаются два боковых кармана для натруски с порохом и еще таких два ниже талии. Это платье есть главнейшая и лучшая из всех их одежд.

2. **Кептан**^{*}, или второй кафтан под главным кафтаном, шьется из шелковой или бумажной материи такого же покроя, только поуже, с воротником и без патронниц. Он бывает на вате с подкладкою и настеган.

3. **Сай** -- такой же кафтан, но летний, без ваты.

4. **Рубаха** обыкновенно шьется из полотна или из белой ткани. Мужчины никогда не носят пестрых рубах.

* Так в подлиннике. (Рсд.)

5. **Шаровары.** Суконные с лампасами из серебряных галунов. Их шьют сверху обыкновенно просторными, а внизу узкие, так что с виду они кажутся узкими, а между тем вовсе не мешают движению ног. Под шароварами носят портица также из белой ткани. Зимой же носят шаровары на вате из бумажной ткани, а иные, преимущественно старики, из овчинной шкуры.

6. **Поговицы и наколенники.** Их шьют из сукна же и обкладывают концы серебряным галуном. Это род штроблет.

7. **Обувь** состоит из башмаков красных, черных и желтых, не имеющих особых подошв, а похожих на чулки, вместо которых носят желтые башмаки. Зимой же носят и суконные чулки. Простые и бедные люди носят башмаки обыкновенно из воловьей кожи. Вообще обувь эта хоть легка, но неудобна и не соответствует прочей одежде черкес и образу их жизни.

8. **Шубы и полушубки.** Богатейшие имеют меха куницы, волчьи, лисьи и проч[ее], покрытые сукном европейского или турецкого изделия или шелковыми матерьялами. Полушубки шьются и богатыми и бедными из овчины и обшиваются нередко мехом выдры шириною в два вершка и уже. Волчьи шубы носят по большей части шерстью вверх. Люди недостаточные имеют шубы из овчинной шкуры.

9. **Шапки.** Обыкновенно шьются из овчины с кудрями и покрываются сукном. В прежние времена обшивали и шапки серебряным галуном, но ныне мужчины таких не носят более.

10. Ремесный пояс с серебряными под чернью и позолоченными, чаще же железными пряжками и пуговками. При поясе серебряная, позолоченная и под чернью или стальная жирница и стальная отвертка; в первой носят жир для смазки оружия, вторая употребляется для отвинчивания ружейных винтов.

11. **Бурка** из косматых черных войлоков и *

12. **Башлык** или род капюшона, который шьют из сукна и падевают от дождя сверх шапки. Эти обе вещи необходимы для наездника; они, так сказать, заменяют ему жилище и защищают его от выюг и свирепых непогод.

* Так в подлиннике. (Ред.)

Само собою разумеется, что мы здесь описали то, что богатейшие имеют и что вообще в употреблении, но что не каждый из черкес имеет. Заметим, что слишком пышно одеваться почитается у них не очень приличным, почему стараются более щеголять вкусом, нежели блеском; чистоту же и опрятность предпочитают пышности. Простой класс народа и вообще беднейшие люди довольствуются летом верхним кафтаном из простого сукна, рубашкою или легким нижним кафтаном без ваты, шароварами суконными и башмаками из воловьей кожи. Хорошие воины высшего клана имеют сверх вышеописанных одежд блестящие полукафтаны, предпочтительно из алого сукна или бархата, шитые серебром и золотом с изображениями на них луны и проч[ес]. Их надевают пред сражением, когда каждый старается перещеголять друг друга красотою своего коня, блеском оружия и богатством наряда.

В о о р у ж е н и е

Во всякое время черкес бывает обвешан или окружен оружием, всегдашняя опасность его жизни того требует. В самый же час нападения лучшие воины высшего класса и богатейшие из них бывают с ног до головы покрыты сверкающими доспехами, которые состоят в следующем:

а) наступательное оружие

1. **Колчан** или сагайдак с луком и тридцатью стрелами. Это оружие есть самое древнее в Черкесии, и поныне существуют еще старцы, которые помнят то время, когда большая часть воинов высшего класса носила это вооружение, которое, вероятно, черкесы приняли от монголо-татар, но ни один народ, употреблявший это древнее оружие, не достиг до такой степени искусства в украшении его, как черкесы: серебряный прибор к колчану делается под чернью и позолотою. Чехол, на стрелы надеваемый, бывает шит серебром и золотом. Черкесы сами делают стрелы с большим искусством, но делать луков не умеют и достают их из Турции. В настоящее время это оружие употребляется реже, ибо все постигли преимущество огнестрельного оружия. Впро-

чем, и ныне знатнейшие князья и дворяне почитают приличным иметь сагайдак в готовности и носят его весною и осенью, ибо летом от жаров лук становится слаб, а зимою от стужи слишком туг, так что в эти два времени года признается неудобным древнее это оружие.

2. **Сабля колчанная** (дзятэ). Она носится при колчане, имеет ручку чешуйчатую и обыкновенно бывает оправлена в желтую медь, с искусством чеканенную. Эта сабля имеет то преимущество над шашкою, что ею можно рубить и колоть, между тем как шашкою можно только рубить.

3. **Ружье**. Это губительное оружие в настоящее время предпочитается всем другим, и каждый черкес, начиная от пастуха до князя, имеет исправное оружие. Знатнейшие воины из лучших фамилий имеют ружья, оправленные в серебре под чернью, с позолотою и золотою насечкою на замке и надписью на стволе. Вместе с ружьем носят и подошки, искусно оправленные и состоящие из двух тонких и упругих прутиков.

4. **Пистолеты**. Они бывают собственно черкесские и гурецкие. Высший класс всегда имеет при себе заряженный пистолет, и оружие это бывает часто виною смерти при случайных спорах.

5. **Шашка**. Ее носят обыкновенно при ружье; кто имеет ружье, тот должен иметь и шашку. Оружие это в большом уважении у черкес, в особенности древние шашки; шашкою, как выше замечено, неудобно колоть, а только можно рубить. Ее ручка бывает оправлена серебром под чернью и с позолотою, равно как из черного рога и белой кости; у беднейших же черкес, из простого класса народа, иногда рукояти бывают деревянные.

6. **Кинжал**. Это оружие можно, так сказать, причислить к верхней одежде черкеса, в особенности у лучших воинов высшего класса, ибо они только снимают с себя кинжал тогда, когда скидают и верхнее платье. Черкес ест, пьет, говорит, забавляется всегда с кинжалом на поясе и спит, имея его под своим изголовьем, следовательно, он вечно вооружен.

В прежние времена принадлежал к вооружению черкеса и топорик (майде), и поныне у древних азиатских народов употребляемый. Также в отдаленных веках чер-

кесы сражались и никами, что видно из древних их песен, но ныне эти оружия более не в употреблении.

[б)] оборонительное оружие

1. **Шлем.** Шлемы делают различных форм: высокие называются **танж**, а низкие **пдыао**, они бывають обыкновенно обделаны серебром с позолотою, с сеткою или забралом и с кистью наверху.

2. **Панцирь**, или кольчуга. Это оборонительное оружие бывает весьма полезно в сражениях, между черкесами происходящих, когда нередко доходят до холодного оружия; кольчуги деланы из мелких стальных колец.

3. **Налокотники.** Их носят на обеих руках, и они делаются из железа, оправленного серебром с позолотою.

4. **Наручники.** Эти вещи вышиваются мастерски на красном сафьяне золотом и серебром черкешенками и на них прикрепляются стальные сетки. Раструбы наручников, служащие защитою пальцев, укрепляются под налокотниками.

В древние времена к этим оборонительным оружием принадлежали кольчужные шаровары, равно как латы, которые ныне очень редки и не в употреблении.

К вооружению черкеса принадлежит и конская его сбруя, состоящая в следующем:

1. **Арчак.** Он делается наподобие казачьих, но не в пример красивее, легче и ловчее. Его со тщанием обклеивают сверху, то есть со стороны, где подушка, а иногда и кругом лицевых сторон сафьяном; щеголи же обделывают луки спереди и сзади серебром под чернью и с позолотою.

2. **Подушка** шьется по большей части из мешины вывороченной и выкрашенной черною краскою, с каймою из красного сафьяна шириною в полтора вершка. Эта красная кайма обшивается по краям серебряным позументом.

3. **Вальтрап.** Он бывает из черного сафьяна; его обшивают также серебряным галуном. Таких вальтрапов не требуется для арчаков, обделанных серебром, которых покрывают разными покрывалами для охранения от дождя и проч[ее], разумется, когда они не в употреблении.

4. **Потебеньки** делаются с разными искусно вычеканенными фигурами, из белой или красной юфты лицом вниз. Также над потебеньками приклеивают красиво обрезанные куски красного сафьяна, обложенные позументами.

5. **Потник** делается из войлока в 6 и 8 слов; его покрывают сверху красным сафьяном, а внизу подкладывают желтую мешину.

6. **Уздечка** и подхвостник делаются с прекрасными серебряными с чернью, нередко и с позолотой пуговками и пряжками. Беднейшие же имеют эти вещи из простого ремня. Нагрудники редко употребляются.

7. **Стремена** делаются обыкновенно из железа разных фасонов, их обделывают иногда серебром и нередко с чернью. Простые стремяна лудят, чтобы не заржавели, и вообще под низом делают спуск из красного сургуца.

8. **Треноги.** Их делают с петлями и с железными или костяными палочками.

9. **Плети** или **нагайки** делаются круглые и треугольные. Последние с особенным искусством плетутся и обыкновенно бывают украшены шелковыми лопаточками. Ремни, употребляемые как к конской сбруе, так и к ружью вообще, делаются из кожи рогатого скота и с особенным тщанием вырабатываются. Их красят синькою, а также красною краскою, добываемую из ольховой коры с примесью нередко и дубовой. Этой краскою выкрашенные ремни получают особенную доброту и мягкость.

10. **Седельный топорик** с топорщцем.

11. **Подседельный ящичек** для соли, обыкновенно костяной.

Вещи эти приделываются к седлу, когда на долгое время войны пускаются в наезды. Однако ж не всяк их имеет, топоры употребляются в поле для постройки шалашей.

Ко всему этому еще надобно присовокупить вещи, составляющие необходимую, так сказать, утварь лучших наездников. Они суть: **аркан, железные маленькие оковы для пленников, огниво, кремь, трут, серные и восковые свечи, шило, запас ремней, чемоданчики, бритвы** и проч. необходимые вещи в поле. Даже отчаянней-

шие головорезы имеют нередко при себе готовую погребальную одежду — род савана, что доказывает решительную их готовность умереть во всякую пору (см. часть I, отд[еление] 3, глав[у] 11).

Панцири, шлемы, сабли, шашки и ружья составляли прежде, да и ныне составляют богатство черкес высшего класса, и они до того имеют к ним сильное уважение, суеверием вкорененное, что лучшие оружия не показываются народу и со тщанием хранятся, переходя от предков к потомкам и составляя драгоценный клад каждого семейства, ими владеющего. Во всей Азии белое оружие было драгоценностию до введения огнестрельного оружия в употребление, и тогда ценность первого перешла к черкесам, которые поневоле искали такого оружия и им дорожили: ибо всякая плата за кровь или за жену основывается на степени драгоценности этих вещей, и страшную цену обыкновенно назначают за непременным требуемого оружия (см. I часть, отд[еление] 3, глав[у] 2).

Ханы крымские, так сказать, рассыпали оружие для привлечения к себе черкесов, а князья сих последних уловляли хорошим оружием преданность своих дворян, почему и поныне о фамильных оружиях ведутся родословные с объяснением тех цен, какие за них даны были, и прочее, о чем рассказывают и в настоящее время старцы. Знатнейшие панцири, сабли, шлемы и прочие имеют свои названия, которые переходят от предков к потомкам, хранящим их.

Драгоценнейшие панцири в Черкесии суть: **шакшар** и **дылан кубе**. Первый находится у князя Тчмергойского и почитается принадлежавшим Халифу Алию, зятю Магомета; за него заплачено 30 душ обоего пола. Второй полагают принадлежавшим самому Магомету; он почитается драгоценнейшим из всех. Суеверных рассказов о сверхъестественности этих панцирей и других оружий в Черкесии очень много. Для любопытства здесь предлагаются поверья про эти два вышепоименованных панциря.

Однажды Халиф Алий, ложась спать, взглянул на свою кольчугу шакшар, и ему пришла мысль, что если бы кольчуга была немного длиннее, то гораздо была бы и превосходнее. Поутру же вставши, он заметил, что кольчуга стала длиннее на четверть аршина и вновь

приросшие кольца были белы как молоко. Сверх того, говорят, что будто бы тот, кто выстрелит в воина, одетого в шакшар, умрет тяжкою, продолжительною болезнью, если только тот, на ком кольчуга, прокричал пред сражением трижды, что на нем заветный шакшар. Назад тому несколько лет один бедный дворянин, служивший у владельца этой кольчуги, будучи им недоволен, бежал от него и унес эту драгоценность. Это было зимою, и он, будучи пещ, был до того утомлен, что зарыл кольчугу в стог сена на поле, а сам отправился далее; княжеская же погоня, пустившаяся за беглецом по следам его, доехав до стога сена, как-то нечаянно нашла в нем спрятанный панцирь. Этот случай увеличил суеверие относительно сверхъестественности шакшара. Напрасно стали бы уверять, что и шакшар такой же панцирь, как и другие, и что если в нем белые кольца, то они также сделаны рукою человеческой, и причина вся в том, что белые кольца из другого металла, и одна усталость была причиною, что беглый дворянин дурно и небрежно спрятал кольчугу в сене, желая сам скорее достигнуть безопасного места от преследователей; и что все рассказы о том, будто бы кольчуга сжимала его и не давала свободно идти и прочее, суть не более не менее, как выдумка, чтобы скрыть свою боязнь, оказанную им при бегстве. Все эти слова будут тщетны; вам никто из туземцев не поверит.

О другой кольчуге рассказывают, что однажды **Магомет** сжал верхом мимо страшного пожара и, услышав жалобный вой какого-то животного, охваченного пламенем, вскакала туда и там нашел маленькую змею наверху тростника, ожидавшую своей гибели от приближавшегося к ней огня. Пророк, тронутый несчастьем этого пресмыкающегося, вывел его из пламени, посадив на балку, и таким образом была спасена эта змейка, которая показывала разными движениями, чтобы ее избавитель последовал за нею. Пророк из любопытства последовал за змею, которая приползла к одной яме, где Магомет нашел кольчугу, которую и назвал «дылан кубе», т. е. зменная кольчуга. Рассказывают, что дылан кубе сама по себе движется, и когда ее положить на дне сундука под другими вещами, то всегда находят по происшествии ночи опять наверху прочих вещей.

Показать вид сомнения в истине этого нелепого рас-

сказа в глазах людей, с уверенностью про это рассказывающих, значило бы лишить себя их почтения.

Каждое значительное оружие имеет подобную историю: владельцы их выдумали эти рассказы, дабы увеличить цену своих сокровищ, что очень легко в стране, где суеверие готово все подобное подтверждать, а невежество передает эти толки из рода в род, от предков к потомкам.

Едва ли есть народ, в котором каждый воин имел бы на себе столько оружия, сколько имеет каждый воин-черкес. Он с ног до головы покрыт и обвешан доспехами. Но все это так хорошо пристроено, что ни одна вещь не мешает ни его ловкости, ни проворству.

«Черкес оружием обвешан;
Он им гордится, им утешен;
На нем броня, шпаль, колчан,
Кубанский лук, клижал, аркан
И шапка, вечная подруга
Его трудов, его досуга.
Ничто его не тяготит,
Ничто не брякнет: пенный, конный —
Все тот же он, все тот же вид
Ценобедный, непреклонный».

Эти прекрасные стихи знаменитого русского певца кавказского пленника показывают простоту, удобность и ловкость черкесского оружия и одежды мужчин; и действительно, одежда и вооружение черкеса в своем роде превосходны.

ГЛАВА V

ОДЕЖДА ЖЕНЩИН

К счастью и удовольствию черкес сама природа сотворила черкешенок прекрасными; а то бы не видать им стройных, как пышный явор, талый женщин, равно как и прелестной лебединой белизны тела, цветущих, как молодая роза, щек и густых локонов. Черкешенки лишены знания ухищренных искусств, которым вопреки природы, говорят, женщины других наций украшаются. Если бы черкешенка употребила сурму, белила или румяна,

то сделалась бы предметом насмешек. Что же касается до одежды черкесских женщин, то она несовместна с их красотой и не стоит в половину прекрасной одежды мужчин. Одежда эта состоит из следующего:

1. **Шапочка**, которая шьется предпочтительно из алого сукна, а иногда бархата, без меха; она обложена бывает сверху наперекрест узкими, а внизу широкими серебряными и золотыми галунами, изредка обсаживают шапочки маленькими прекрасными серебряными пуговками с позолотою и обшивают самым узким и едва приметным мехом из выдры. Щеголихи иногда перевязывают свои шапочки маленьким платком наподобие чаама.

2. **Длинная узкая материя** предпочтительно белого цвета, называемая **шхацхегаш**, вплстается в волосы. Как **шхацхегани**, а равно и шапочку носят только девушки и молодые женщины, а пожилым женщинам носить их почитается за кокетство. Женщина — мать нескольких взрослых детей и приметно пожилая снимает с себя эти украшения, при каком случае делается маленькое пиришество, на котором присутствуют исключительно женщины. Равномерно вдовы по смерти мужей тотчас снимают эти уборы, некоторым образом означающие молодость и благополучие. Пожилые женщины и вдовы, лишившиеся по причине права носить шапочку, надевают на голову платок преимущественно темного цвета, и такой головной убор называется в иных племенах **ипне**. Вообще все женщины, кроме девиц, поверх шапки носят покрывало белого цвета, которым, однако ж, не закрывают лица.

3. **Кафтак**. Длинные и короткие кафтаны шьют обыкновенно из разных материй и бывают на вате и на подкладке. Для застегивания кафтана на груди пришиваются по 12 пар застёжек серебряных с позолотою, которые издали придают большой блеск груди.

4. **Кафтак без ваты, называемый сай**.

5. **Рубашки** шьются из шелковых, бумажных и других тканей; они просторны и так длинны, что почти волочатся по земле, впрочем не имеют никакого особенного покроя и отличаются широкими рукавами.

6. **Шаровары**. Их обыкновенно шьют из полосатой ткани очень простерные. Всякая женщина и девица по-

сит шаровары, но их почти не видно, потому что они бывают закрыты рубашкою.

7. **Нарукавники** шьются из бархата наиболее алого цвета и пристегиваются к кафтанам, имеющим короткне рукава. Такие нарукавники вышиваются золотом и серебром. Однако ж они не в общем употреблении.

8. **Шубы** делаются из разных мехов и покрыты бывают или парчю, или шелковою, или бумажною материею; обшивают их выдровым мехом шириною в два вершка. Женщины простого класса и бедные носят овчинные шубы и тулупы. Вообще девицы не носят шуб, даже и для молодых женщин почитается, в особенности в высшем классе, неприличным ходить в шубе, несмотря на неудобства их жилищ в зимнюю пору.

9. **Обувь** состоит из таких же башмаков, как и у мужчин, с небольшим различием в покрое, шитье и украшениях. У богатых башмаки обшиваются серебряным галуном и вышиваются золотом и серебром. Сверх того, молодые женщины и девицы знатных домов имеют так называемые **бхеваке**, т. е. деревянные башмаки, украшенные различными костяными украшениями, нередко и серебряными и с позолотою. Башмаки эти на двух ножках вышиною около полутора вершка.

10. **Пояс** делается преимущественно из красного сафьяна или юфты с серебряною и позолоченою, а у бедных с медною пряжкой. Богатейшие же имеют вместо пряжек огромные складочные бляхи, с большим искусством сделанные также с позолотою, а иногда и камешьями.

11. **Корсеты** или подвязка груди (**бхггчапх**), как большая часть черкесов называет в иных местах фохшьбе. Эта вещь, произведшая в Европе различные нелепые толки, требует подробного описания; ее носят только одни девицы с малолетства до замужества. Девицы высшего класса шьют корсеты нередко из красного сафьяна, даже и дочери простых черкесов, имеющих достаточное состояние, по большей же части — из желтой мешины; корсет короток и без рукавов, но прикрывает грудь до пояса; он всегда бывает очень тесен и спереди туго застегивается шелковым или другим шнурком. По обеим сторонам засовывают две дощечки шириною в вершок и в длину простирающиеся до оконечностей ребер. Также иногда закладывают одну дощечку короче тех на

спине, чтобы корсет прямо сидел по телу. Эта одежда вообще немало способствует стройности талии девиц, у которых чрез то груди не бывают приметны. Корсеты переменяют так часто, как это позволяет состояние, их снимают и моют весьма часто, но редко девицы остаются без них целые сутки, ибо они и спят в корсетах, вынув только дощечки. При выходе замуж девицы остаются в корсете до первого свидания с мужем, причем сказывают, мужья должны были сами снять эту девственную одежду, нередко испытывая затруднения, но теперь это обыкновение вывелось, хотя и ныне всегда остаются девицы в корсетах до супружества: ибо одежда эта есть некоторым образом принадлежность девушки, точно так, как у русских крестьянок выказываемая наружу коса. Прежде, бывало, мужья уносили из дому корсеты и так далеко бросали их, чтобы никто не находил; теперь же почитается приличнейшим оставлять корсет под постелью в том доме, где новобрачные проводят первую ночь. Дочери беднейших поселян шьют себе корсеты (ибо все девицы без изъятия их носят) из телячьих, козлиных выделанных кож, что, вероятно, и подало повод некоторым европейским писателям заключить, будто бы черкесы девочек своих на десятом году возраста, а иногда и прежде, обтягивают от бедер до груди сырою бараньею кожею и зашивают плотно к телу, в каком положении остаются девушки до замужества (смотри извест[ие] о Кавказе Броневского, часть 2, стр. 11). Нет никакого сомнения, что это опрометчивое сведение, само по себе и здравым рассудком отвергаемое, произошло от псевдества так называемых толмачей (переводчиков), которыми наполнены пограничные места на Кавказе и которых понятия о вещах и знание в языке ограничиваются, за исключением весьма немногих, в самом жалком и тесном круге. Впрочем, такая невнимательность и со стороны писателя непростительна, ибо и малейшая подобная ошибка дает ложные мнения и понятия о целых народах многочисленным народам. Здесь нельзя не заметить, что, к стыду просвещения, многие европейские путешественники, желая увеличить число сведений, во время своего пребывания в Азии собранных, наудачу рассказывают своим соотечественникам непростительные неделепости в удовольствие легковерных, готовых пересказывать другим всякий вздор.

ПРЕПРОВОЖДЕНИЕ ВРЕМЕНИ

По мере обширности знаний человека и круг его действий распространяется. Черкес же, которого занятия ограничены предметами, необходимейшими для простой его жизни, большую часть времени проводит в праздности или в упражнениях, праздностию же порождаемых. Так, высший класс, состоящий из князей и дворян, почитает неприличным их происхождению и достоинству упражнение в науках, доставляющих средство познавать мир, в котором живем; обычаи, нравы и занятия отдаленных народов, их историю; наконец, и самую природу. Равномерно считают не только не соответственным своему званию, но даже постыдным спокойно жить дома, утопая в неге и праздности, почему большую часть жизни и проводят они, так сказать, на коне в разъездах.

Весна и осень суть два времени в году, которые можно назвать у черкесов *наездническими*. Тогда князья, собрав партии молодых дворян, выезжают, как они говорят, в поле, где, избрав удобное место, располагаются в шалашах на всю осень или весну. Здесь каждому из них открываются занятия, исправляемые ими с полным удовольствием: служители и другие из молодежи разъезжаются по почам в аулы за добычею, пригоняют быков и баранов для пищи, что иногда, смотря по удобности, делают и днем, также посылают в близлежащие аулы за провизиею, которую нельзя приобретать молодечеством, как-то: за пшеном, молоком, сыром и проч[ее].

Между тем лучшие наездники отправляются в дальние племена, там угоняют табуны лошадей, захватывают людей и с такою добычею возвращаются к своим товарищам, которые, всякую ночь пируя на счет оплошных жителей окрестных аулов, ждут их с нетерпением. Этого мало: князь-предводитель партии отправляет от себя посланцев к князю другого племени, своему приятелю, и тот дарит щедро посланных. Нередко сами князья ездят к другим князьям и принимают лично дары, которые в подобных случаях обыкновенно состоят в пленниках или в табуне лошадей, насильственным образом захваченных. В таких разбойнических, но воинственных упражнениях проводят они осень почти до на-

ступления зимы, а весну — до сильных жаров лета. Если этого рода ловля бывает удачна, то во все время пребывания их в поле они, можно сказать, без умолку поют песни, и веселые их клики оглушают воздух, а стрельба, знак удачи в наездах, сопровождает их радость и эхосесов вторит этим знаменням их торжества.

Наконец, при наступлении времени разъезда по домам обыкновенно людей и лошадей, доставшихся им в добычу, они променивают на товары, и тут начинается дележ всего приобретенного; для чего наездники избирают из среды себя таких людей, на беспристрастие которых более полагаются. Добыча делится на равные части по числу людей, составляющих партию, и каждый, начиная со старшего летами, выбирает часть, которая ему более понравится; и таким порядком раздел добычи продолжается до самого конца. Здесь оказывается такое уважение старости и вообще возрасту, что всякий человек из партии, хотя бы он был просто повар, но старше князя летами, прежде этого последнего имеет право выбрать ту часть, которая ему понравится. Впрочем, князь-предводитель получает независимо от дележа особливую часть. Здесь заметить должно, что если делимая добыча состоит из такого предмета, что те, у которых она отнята, открыв похитителей, могли бы требовать удовлетворения от предводителя похитителей, то предводитель обыкновенно предлагает партии получить только половину добычи для всеобщего дележа, а половину отдать ему с тем, что он доставит удовлетворение в случае взыскания; или предлагает разделить все надлежащим образом поровну с тем, чтобы в случае взыскания каждый висс иолученную часть и проч[ее], какового рода условия подтверждаются нередко и присягою.

Поварам предоставляют шкуры баранов и быков, съеденных в продолжение пребывания партии в поле.

По окончании дележа князь возвращается к себе, распустив партию по домам. Жители аулов поздравляют возвратившихся с поля наездников, которые обыкновенно делают подарки их поздравляющим, в особенности старцам и пожилым женщинам.

В продолжение лета и зимы наездники остаются дома и откармливают любимых своих коней, они готовят новые сбруи и оружия или обновляют и украшают старые до наступления **поры наездничества**, когда

опять пускаются в ремесло свое и предаются вышеописанным занятиям и ищут в них таких случаев, которые более их могли бы прославить, вместе с тем доставляя и добычи. В промежутке же этого времени, пользуясь удобным случаем и смотря по обстоятельствам, делают набеги, разбои, воровства и проч[ее], равно как и справляют потребности домашних обстоятельств: ездят в собрания или съезды народные, также друг друга посещают.

Старцы и старшины, которым преклонность лет и обстоятельства не позволяют участвовать в предприятиях подобных партий, занимаются делами народными и своими домашними и проч[ее].

Так проводили время князья и дворяне в Черкесии, когда они более наслаждались спокойствием. Одно зло иногда искореняет другое: с тех пор, как черкесы подверглись непрерывным и всеобщим беспокойствам, то буйное время наездничества, в которое поселяне не знали покоя от нападения небольших партий наездников, прошло, как все проходит в мире, и потому ныне стали реже проводить осень и весну таким образом в поле, хотя, однако ж, от этого не слишком уменьшились опасности; также по-прежнему дворяне ездят к князьям и служат при них целые годы, а князья по-прежнему делают взаимные посещения, сопровождаемые наездническими разбоями и воровствами; по-прежнему же высший класс проводит время на коне в воинственных наездах, по тут дух жажды к славе наездничества, который одушевлял всех, приметно уменьшился.

Что же касается до простого класса, до земледельцев, то они проводят время таким образом.

После посева хлеба весною до сенокоса немногие занимаются приготовлением арб (телег на двух высоких колесах) и прочих домашних и земледельческих орудий. Другие с дворянами и князьями делят время и пользуются от них наградами или скитаются сами... Иные сидят дома, ничего не делая и с страхом лености ожидая наступления времени уборки хлеба. По окончании же уборки они снова предаются праздности... С наступлением же глубокой зимы, пользуясь санным путем, навозят множество дров на все лето; после этой работы погружаются снова в праздность, которую на короткое время прерывают заботы о домашнем скоте.

В Черкесии, как и везде, жители мест, где менее удобства для скудного их земледелия, бывают трудолюбивее обитателей прекрасных равнин и не вполне знают бесполезные месяцы праздности, как называют последнее время от весеннего посева до начатия покоса и уборки хлеба, что и доказывает склонность черкесов — жителей равнин к праздной жизни, порождающей многие пороки.

Мы доселе говорили о препровождении времени мужчинами; теперь скажем о занятиях, в каких проводят время черкешенки, которые вовсе не любят праздности или не имеют возможности быть праздными.

Женщины и девицы высшего класса беспрестанно занимаются рукоделиями. Обязанность жены черкеса тяжка: жена шьет мужу всю одежду (см. ниже прим. 4) с ног до головы; сверх того, вся тягость домашнего управления лежит на ней: пища и питье, приготовляемые для ее мужа и гостей, должны быть ей известны: равномерно она наблюдает за чистотою и проч[ее]. Заметим здесь для любопытства, что когда все кушанья готовы уже на столах к отнесению в гостиный дом, то хозяйке в высшем классе дают о том знать, и она идет в кухню осматривать чистоту и порядок, а потом снова возвращается в свое отделение. По окончании обеда или ужина ей обыкновенно сказывают был ли доволен ее супруг и гости. Заметить должно, что это всегда делают близкие домашние.

Девицы, будучи ежедневными свидетельницами исполнения обязанностей своих матерей, приучаются к тяжким обязанностям, сопряженным с званием жены черкеса.

Относительно же низшего класса прибавить должно, что сверх всех работ по управлению домом и воспитанию детей жена простого земледельца помогает мужу и при уборке хлеба: она ходит с ним вместе жать серпом, помогает складывать стоги хлеба, скирды сена и т. п. Словом, трудолюбие жен черкесов заменяет все недостатки, происходящие от праздности их мужей, и всю жизнь они проводят в занятиях, однако ж не чужды свойственной прекрасному полу склонности — любопытства и радуются случаю сойтись поговорить и даже посплетничать.

ОТДЕЛЕНИЕ ВТОРОЕ

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

СОДЕРЖАНИЕ:

Земледелие. Скотоводство. Пчеловодство. Звероловство. Рыбная ловля. Рукоделия. Торговая. Доходы.

ГЛАВА I

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Эта ветвь народной промышленности, приносящая собою изобилие, может только усовершенствоваться постоянною рачительностью и улучшением земледельческих орудий, которые до высокой степени совершенства достигают лишь через долговременный опыт. К тому благодетельные поощрения правительства распространяют земледелие и похвальное соревнование помещиков, которым оно приносит важные выгоды, дает этому источнику народного благосостояния прочное и совершенное основание. Черкесы же, чуждые всего этого, не могут заниматься, как должно, земледелием, хотя прекрасная их почва как бы имеет право требовать большого к себе внимания; поэтому и все их успехи в земледелии весьма ограничены, в чем удостоверимся, когда рассмотрим все части их сельского хозяйства.

Хлебопашество. Жители равнин пахут землю плугом, сделанным наподобие украинского, в который впрягают обыкновенно четыре пары волов, которыми управляют три человека. Посеянные зерна боронуют бороною, по

это орудие, составляющее столь полезную принадлежность хлебопашества, не употребляют при посеве проса, которое они более всякого рода хлеба сеют. Осенью довольно поздно сеют озимые, а весной рано — яровые. Весною же сеют и просо, но довольно поздно и не иначе, как когда выбежит трава, т. е. тогда, как волы, которыми наивут, станут тучить и поправляться, и это время называется у них **время большого паханья**. Тогда хлебопашны, говоря вообще, проводят время в поле в шалашах.

Жители же ущелий и гор, не имеющие привольных долин для хлебопашества, имеют другого рода плуг, а именно малый и запрягаемый в одну пару волов. Этого же рода плуг употребляют и жители равнин для вспахивания мягких мест, годных под огородные растения. Те же из жителей гор, которые не имеют удобных мест даже и для пахания этими маленькими плугами, обыкновенно раскапывают землю особенного рода железными лопатками, имеющими вид топорика; в этих местах, по причине беспрестанного употребления, почва нив делается чрезвычайной мягкой, и нередко употребляют и уваживание, что вовсе неизвестно жителям равнин.

Вообще черкесы стараются сеять и собирать хлеба лишь столько, сколько им потребно для продовольствия до будущей жатвы, отчего, не имея запасов, в случае неурожаев подвергаются всем ужасным последствиям голода. С одной стороны, причиною такого нерадения черкес в хлебопашестве немало служит и то обстоятельство, что у них нет удобного сбыта хлеба посредством торговли, которая бы поощряла трудолюбие селянина. Этому доказательством может послужить привязанность к хлебопашеству натххоккоадьского племени, которое отличалось этим расположением со времени пребывания турок в Аиане, куда возили они хлеб на продажу этим последним.

Исследование и определение времени, когда этот народ перешел от пастушеского состояния к состоянию земледельца, было бы любопытно, но это обстоятельство с вероятностью определить невозможно, хотя, судя по народным вековым песням и преданиям, можно предположить, что хлебопашество введено в Черкесии с весьма древних времен, ибо в описаниях божеств мифологии этого народа мы видели, что в Черкесии чтили некоторого Созереша, покровителя хлебопашества, и ему в из-

вестное время приносили благодарственные молебствия (см. I часть, отделение 2, глав[у] 5).

Огороды. Каждый порядочный хозяин имеет обыкновенно огород около своего дома, где засеивает он всякого рода огородные растения. В особенности жители племен абедзахского, шапсхского и натххоккоадьского занимаются огородною работою, и места их жительства изобилуют всякого рода овощами, свойственными климату этого края.

Садоводство. Жители равнин не имеют никакого понятия о садоводстве, приносящем так много пользы и удовольствия селянину, и довольствуются дикими плодами, которыми изобилуют их леса. Жители же гор, в особенности окрестностей берегов Черного моря, несколько занимаются садоводством или, лучше сказать, с некоторым тщанием берегут плодовые деревья, которые они умеют улучшать прививками и другими средствами.

ГЛАВА II

СКОТОВОДСТВО

Несмотря на то, что черкесы простотою жизни некоторым образом близки к пастушескому быту, они не радуются о скотоводстве, подобно другим народам, хотя страна, ими занимаемая, богата привольными пастбищами. Этому причиной непрерывная опасность, сопровождающая их в течение всей жизни. Впрочем, они занимаются скотоводством и во времена идолопоклонства чтили каких-то богов — покровителей скотоводства, чем доказывается с сколь давнего времени они занимались скотоводством (там же).

Рогатый скот, черкесами разводимый, мелок, но сложен хорошо, сносен для работы, тучен, бывает разных, но более темных шерстей; коровы весьма обильны молоком; волы чрезвычайно полезны для черкес, которые все работы производят ими, потому что у них почти нет употребления впрягать лошадей. Вообще рогатый скот необходим в жизни черкеса как для мяса и молока, так равно и для работы; также и из кожи этого животного делают поселяне обувь, а наездники сбрую конскую и проч[ее]. О воспитании рогатого скота прилагают доволь-

по попечений: содержат в зимнее время в теплых хлевах и тогда кормят трижды в день сеном, а именно: на утро, в полдень и на ночь; также и поят в сутки по два, а иногда и по три раза. Само собою разумеется, что больных и слабых держат в особенных хлевах, летом же на ночь загоняют скотину в летние хлевы. Телят холостят на второй весне, и как между черкесами нет искусных людей для этой операции, то много телят от нее погибает. Для улучшения же завода не прилагается никакого попечения. Черноморское казачье войско, соседственное с черкесами, изобилует рогатым скотом самой лучшей породы; нередко отсюда черкесы достают коров и быков для завода, но этот рослый скот у них перерождается в мелкую породу. Этому из главнейших причин, надобно полагать, то обстоятельство, что черкесы доят слишком часто коров, и телята от того бывают тощи, сухопары и мелки. Между тем достойно замечания, что у черкес, обитающих в степях, где во время летнего зноя стада не находят тени, рогатый скот гораздо крупнее, а, напротив, у жителей тех мест, где скот во время летних жаров находит защиту под тенью лесов, он мелок, и это не должно ли приписать тому, что травы, в тени растущие, не имеют столько питательности, как прозябающие на открытом воздухе?

Буйволы. Этот особенного рода скот принадлежит к числу домашнего скота, черкесами разводимого, однако ж буйволов имеют не все, по причине трудности их содержать, и большею частью лишь князья и дворяне. От буйволов много получается молока особенного и приятного вкуса; мясо же их нехорошо. Достойно замечания, что в прежние времена черкесы боялись воровать буйволов, из чего следует заключить, что эти животные пользовались у них особенным почтением, быть может, и были боготворимы в самые древнейшие времена, как египтянам: волы, собаки, кошки и другие животные.

Овцы. Это доброе животное чрезвычайно полезно черкесу: из овечьей кожи делает он шубу, единственную свою защиту от стужи, а из волны ткется сукно. Баранье мясо предпочитается мясу всех других животных; оно даже некоторым образом как бы почитается между ими, так сказать, за особенно благородную пищу. Овцы, особенно черкесские, особливового рода и принадлежат к так

называемой калмыцкой породе, различаясь только в том, что курдюки, или большие жирные хвосты, у этих последних раздвоены и цветом бывают обыкновенно темно-рыжие. Напротив того, у овец собственно черкесских шерсть бывает цветом черная, белая и серая. Курдюк же у них также большой, как у овец калмыцкой породы, но не раздваивается и с особенным еще хвостиком в конце большого курдюка. Черкесы дважды в году стригут своих овец: весной и осенью, что, полагать должно, способствует к улучшению волны их; вообще волна черкесских овец мягка, нежна и длинна, в особенности у тех стад, которых пасут в летнее время в горах, где жары умеренны. Также осенняя волна предпочитается весенней. В некоторых племенах доят овец. Относительно воспитания овец черкесы также прилагают довольно попечения. Весною держат стада овец на лучших долинах, где они и распложаются. Ягнят не выпускают довольно долго пастись вместе с матками, а держат в особых хлевах, где их и холостят. Летом те хозяева, которые живут у подошв гор, угоняют стада свои на высокие отлогости гор для устранения их от жаров. Те же, которые не имеют этой возможности, избирают такие места, где менее жаров бывает или, по крайней мере, где можно найти более тени для укрытия стад от зноя. С наступлением осени стада пасутся предпочтительно на покосенных местах, равно как и на нивах, где после жатвы остаются обыкновенно отпавшие стебли проса с зернами. На зиму же снова загоняют овец в зимовки, где обыкновенно выстраивают теплые хлева. Немошных овец держат в особых хлевах и всех вообще кормят сеном, но в хорошие дни не дают сена жирным, отделенным стадам, а выгоняют их на пастбища. В особенности это наблюдается там, где сильные бури и стужи не свирепствуют, и в этом случае требуется малое количество сена для прокормления стад. Баранов отлучают и случают осенью в известное время. Верховые черкесы, как то: кабардинцы, бейсенейцы и меххошцы имеют довольно большие стада. Однако ж, говоря вообще, черкесы не богаты большими стадами овец, хотя все порядочные хозяева стараются иметь овец по крайней мере столько, чтобы в случае приезда гостей было бы на зарез, и это немало уменьшает стада гостеприимных хозяев.

Козы. Не только хозяева как многочисленных, так

и небольших стад овец имеют коз, но даже не имеющие вовсе овец распложают их. В особенности жители гор большими стадами разводят коз, для корма которых не требуется большого количества сена, даже в горах и вовсе не употребляют сена, а гоняют коз в леса, где срубывают деревья, ветвями которых эти животные питаются гораздо лучше, чем сеном; а как корова, лошадь и овца не могут обойтись в зимнее время без сена и между тем в горах в иных местах вовсе не имеется подкосов, то жители гор с тщанием разводят более коз, питающихся столь удобно ветвями дерев, которыми покрыты горы, пригорки и холмы. Коз поистине можно назвать как бы сотворенными только для горных жителей: целые стада их, быстро бегая по скалам, питаются. Мясо и молоко их служат в пищу, а кожа употребляется с пользою.

Лошади. Конские заводы в Черкесии составляли некогда важнейшее богатство жителей, но ныне они упали и перевелись от непрерывных беспокойств. Впрочем, с некоторого времени начали появляться новые заводы, особенно в Кабарде, где молодые статные лошади встречаются нередко. Превосходство черкесских лошадей для верховой езды описывать здесь было бы излишне: кто из господ русских офицеров, хотя раз бывших в походе, кто из коннозаводчиков не убедился опытом, что лошадь черкесская есть верх совершенства относительно способностей, нужных для бега и для перенесения трудов? Сверх того, черкесские лошади сложены довольно хорошо и очень крепки. Что же касается до воспитания этих прекрасных и справедливо везде превосходных животных и улучшения конских заводов у черкесов, чуждых хозяйственного трудолюбия, то это весьма просто и состоит в следующем:

Кобылиц чистых статей, называемых **шахгдий**, отделяют косяками или небольшими табунами с видными и хорошей породы жеребцами и пасут их особливо на самых лучших пастбищах. Зимой жеребцов большею частью берут на конюшню до времени случки и тогда выпускают их в табун; причем заметим, в иных племенах стреляют из ружей. Главнейшее же воспитание меринов состоит в том, что жеребенка берут при наступлении зимы на конюшню, где содержат в продолжение ее на хорошем корму, почему он и делается ручным; с на-

ступлением весны выпускают его в табун, а на зиму опять берут в конюшню и уже приучают под верх, сначала без седла, а потом и с седлом. Там, где распложают лошадей большими табунами, это правило не соблюдают, напротив того, жеребят оставляют в табуне и на зиму. На четвертой весне обыкновенно холостят их, и так как в Черкесии большой недостаток в хороших коновалах, то знатное число молодых лошадей делается жертвою этой операции. Вообще должно заметить, что у лошадей, которые первые годы пасутся на горах и берегах каменистых рек, копыты лучше образуются, и те из них, которые оставляемы бывают в табуне на зиму, делаются весьма сносны к перенесению холода. Черкесы замечают, что лошади хороших пород до девяти лет постепенно укрепляются в теле и достигают не прежде этого времени всех качеств, требуемых от доброй наездничьей лошади. Черкесы полагают, что соразмерные труды необходимы для молодой лошади, чтобы она сделалась сильнее и добротнее.

Удивительно, с какою неутомимостию и тщанием черкесы содержат верховых лошадей: дважды в году они откармливают своих любимых коней: летом — при наступлении жаров и зимою — при наступлении стужи. Откармливаемую летом лошадь ставят в конюшню, со тщанием обмазанную глиною и темную, чтобы мухи не беспокоили лошадей, в ней содержащихся. Однако ж эти конюшни не теплы в зимнее время, хотя черкесы и не употребляют попон для покрывания лошадей, также они не имеют для чистки их ни щеток, ни скребниц. Сначала дают понемногу овса, и эта дача продолжается таким образом с неделю, потом ставят перед лошадыю бочку, которая стоит перед ней всегда наполненная овсом в продолжение трех или четырех недель. Каждое утро моют хвост, ноги, брюхо и вообще со тщанием чистят лошадь, что делается в день дважды. По шестисти же месяца или сорока дней начинают помаленьку ездить на раскормленной лошади, въезжая в день по нескольку раз в холодную воду, и в это время дают ей просо, а сначала кормят овсом или ячменем. Таким образом выдержанная лошадь, когда придет в такое состояние, что уже ей жир не будет причинять усталости, то наездники пускаются искать на них опасностей, славы и добычи в удалстве. Сами князья собственными

руками нередко очищают копыта своих лошадей и моют их гривы мылом и куриными яйцами, хотя бы их окружала толпа слуг, готовых это исполнить.

Черкес, какого бы он звания ни был, скорее сам согласится быть голоден, чем лошадь свою допустит до этого. В то время, когда в 1833 году на Кавказе свирепствовал ужасный голод, князь Пшекой Черченейский кормил любимых своих коней разного рода нежными зёрнами, тогда как его люди претерпевали страшный недостаток и в насущном хлебе, и об этом обстоятельстве во всех племенах Черкесии рассказывали, как о похвальном подвиге. Впрочем, надобно правду сказать, что воин, полагающий все достояние свое в военных наездах, может ли не любить прекрасное животное, доставляющее ему такие выгоды и преимущества?

В заключение заметим, что черкесы, говоря вообще, не прилагают больших попечений об улучшении и разведении разных пород скота, и если у них некоторые из них, как-то: овцы, а в особенности лошади, превосходны, то это должно приписать более тучности земли и благоприятности климата их страны, нежели попечению владельцев.

ГЛАВА III

ПЧЕЛОВОДСТВО

Во всех племенах Черкесии более или менее занимаются пчеловодством. В иных же местах имеют весьма значительные пчельники, которые приносят владельцам чрезвычайно много пользы: кроме употребления в домашней жизни, мед и воск с большею выгодой ими продаются. Для домашнего же употребления мед составляет главнейшее лакомство. Из воску делают свечи и клеенки.

С наступлением весны несколько хозяев, имеющих пчельные заводы, соединясь вместе, вывозят в удобнейшие места плетеные улья свои и, составляя один пчельник, там остаются до осени, при наступлении же того времени, когда пчелы перестают уже составлять соты, их морят посредством курения, оставя лишь нужное число ульев для расплода. Хозяева же небольших пчельников иногда берут с собою в поля, где сами остаются

для уборки хлеба, а чаще всего держат и дома. Ульи покрывают обыкновенно сухою травой, с некоторым искусством связанною. На зиму, в случае сильных морозов, ставят ульи в землянках, что, впрочем, редко делается.

ГЛАВА IV

ЗВЕРОЛОВСТВО

Ловля зверей как пушных, так и вообще диких, приносящая северным народам великие богатства, и, судя по стране, занимаемой черкесами, изобильной разного рода зверями, могущая обогащать и их весьма важною торговою статьею, к сожалению, не обращает на себя надлежащего их внимания. Этому две главнейшие причины: первая — опасность, с какою сопряжено пребывание в необитаемых степях и лесах, где наиболее водятся звери и где разбойники нередко основывают свои берлоги; вторая, не менее первой важная, состоит в том, что торговля мехами, будучи незначительна, не поощряет надлежащим образом жителей к звероловству, в какой промышленности, впрочем, черкесы имеют большую склонность: высший класс находит величайшее удовольствие в травле звериной; простой же класс также упражняется ловлею пушистых зверей, хотя для незначительных выгод, приобретаемых продажею мехов. Средства же, употребляемые черкесами для ловли зверей, заключаются в следующем: князья и дворяне имеют борзых собак, с которыми отправляются на ловлю зайцев и прочих мелких зверей. Также на целые месяцы нередко выезжают они для стреляния зверей, как-то: оленей, коз и других. Здесь заметим, что для человека высшего класса ловить зверей для продажи их мехов считается постыдным, да высший класс и не занимается этим. Простой же класс народа промышляет ловлею волков посредством железных капканов; за недостатком же железа они делают капканы и деревянные, которыми, большою частью, ловят лисиц и зайцев; кроме капканов, употребляют и другие хитрые средства (см. ниже прим. б). Чаще же всего стреляют всякого рода зверей из ружей. Ни соколов, ни ястребов ученых для ловли птиц и зверей черкесы не употребляют, подобно кочую-

шим и вообще восточным народам. Черкесы величайшие охотники до травли вепрей или, лучше сказать, до стреляния этих страшных лесов, которых, впрочем, ни мяса, ни кожи не употребляют в свою пользу, а убивают их единственно для забавы; между тем при охоте этого рода удается им оказывать иногда удивительную отважность.

ГЛАВА V

РЫБНАЯ ЛОВЛЯ

Рыбная ловля есть, как известно, одна из важных отраслей народной промышленности, обогащающей многие страны, но она почти не приносит никакой пользы черкесам, не взирая на изобилие как рек их, так и, в особенности, вод Черного моря рыбою разного рода. Даже некоторые племена гнушаются употреблять рыбу в пищу, другие лишь изредка занимаются рыбною ловлею, и то в весьма незначительном количестве; следовательно, этот предмет у черкесов не заслуживает особенного внимания.

ГЛАВА VI

РУКОДЕЛИЯ И МАСТЕРСТВА

«Говоря вообще, степень просвещения народа служит к определению степени искусств, в нем существующих, однако ж есть необразованные народы, которых изделия удивляют Европу», — говорит г. Левшин в своем описании киргиз-кайсаков. Черкесы по справедливости должны быть причислены к тем необразованным народам, которых рукоделия заслуживают удивления. Оружейники, золотых дел мастера и ткачихи производят превосходные изделия, в которых видно особенное их искусство, во многом достигающее высокого совершенства. В Персии и Турции и в других местах Азии вы найдете оружия более богатые, нежели в Черкесии, но с таким прекрасным вкусом обработанных там не увидите; двустольные ружья и пистолеты, в Черкесии делаемые, превосходны по своей легкости и удобности; они бывают с одним замком и с двумя, один на другой положенными,

стволами. Серебряные изделия достойны удивления по прочности и чистоте отделки. Чернь и позолота, с величайшим искусством на них наводимые, превосходны в полном смысле этого слова, и, что важнее всего, эта чернь и эта позолота почти никогда не сходят.

Черкешенки ткут серебряные и золотые галуны с отличным искусством и неподражаемым вкусом. К сожалению, ткаческое мастерство в Черкесии этим и ограничивается; другие произведения этого мастерства, как-то: сукна и тому подобные изделия таковы, что, говоря об утонченном искусстве, на них нельзя обратить особенного внимания, и мы должны говорить об их как о предметах грубого изделия; сукна везде ткются для собственного употребления, и они иногда бывают довольно тонки; белые сукна красятся краскою, добываемую из ольховой и дубовой коры и из дерева, ими называемого «хго-апхх», которое дает желто-кирпичный цвет. Полотна ткются в горах, и то не везде, да и большею частью весьма грубые; однако ж полотенцы и другие тому подобные вещи иногда ткются довольно тонкие, а изредка и с узорами. Этим мастерством занимаются исключительно женщины; они же с величайшим искусством вышивают серебром и золотом. В этом, равно как и в тканье галунов, само по себе разумеется, отличаются женщины высшего класса. Работа же женщин простого класса почти вообще груба и соответствует их состоянию, они также делают войлоки или полости и бурки при множестве других домашних работ. Еще в Черкесии есть и другие мастерства, как-то: кузнечное и медяное. Люди, занимающиеся кузнечным и медным делом, производят лишь грубые изделия. Сверх всего этого, черкесы делают седельные арчаки и стрелы с большим искусством и приготавливают порох.

Нет почти ни одного черкеса, который не имел бы огнестрельного оружия, ибо и земледelec под защитою ружья обрабатывает землю. После этого трудно ли, что потребность пороха чрезвычайна у этих племен, и это самое [является] причиною, что в каждом ауле в небольшом количестве приготавливают порох следующим образом: соразмерные количества селитры, серы и угля смешивают вместе и всю эту смесь надлежащим образом толкут. Потом в сухом пузыре, довольно сильно качая, сушат, а после массу эту пропускают сквозь сетки, на-

рочно для этого приготовленные. Крепость или слабость пороха зависит от размера составов: селитры, серы и угля. Жители отдаленных мест от пещер, где добывается селитра, добывают это вещество из травы, называемой черкесами *дчез* или *ежьашхо*. Сушеные стволы этого растения варимы бывают в воде и по остужении окажется осадка селитры на отварной воде. Это средство добывать селитру делает то, что черкесы более нуждаются в сере, нежели в селитре. Невзирая на этот способ приготовления пороха, черкесы весьма в нем нуждаются, чему главной причиною служит значительное, как замечено выше, его потребление.

Главнейшие произведения мастерств мы здесь уже упомянули; описание же каждого мелочного предмета было бы излишне и обременительно без пользы, почему прибавим только, что черкесы имеют ремесленников всякого рода, какие только им потребны для ограниченного круга их надобностей; но они не имеют никаких фабрик, заслуживающих это название, и всякий мастер или мастерица работает у себя на дому. Ни ружейники, ни серебряных дел мастера не имеют достаточных даже хороших инструментов, последние ездят нередко к князьям, и там у них работают, везя все нужное для своей работы иногда на той же лошади, на которой и сам едет, но все это не мешает им производить прекрасные работы. Всегдашняя военная жизнь черкесов усовершенствовала и искусство их во всем, что касается до оружия: вечная опасность, вечная война и военное тщеславие заставляют их всегда помышлять об устройстве, красоте, удобности и ловкости оружия. И действительно, они до этой цели достигли вполне. Всякое лучшего достоинства оружие черкеса, нужное для военной его жизни, носит особенную печать изящного вкуса, прочности, красоты, соединенной с удобностию для употребления.

ГЛАВА VII

ТОРГОВЛЯ

Торговля — один из величайших источников богатства народного, конечно, не может быть обширна и значительна там, где нет спокойствия и тишины, где все

подвержено буре войны и где насилие знатного волна лишает слабейших собственности; следовательно, и в Черкесии не может быть обширной торговли в настоящем положении там и дел и образа жизни. Черкесы не имеют собственных денег, да и чужестранных серебряных и золотых монет у них весьма мало в обращении. Вообще они эти деньги принимают лишь как драгоценный металл, и вся их торговля производится посредством мены. Предметы отпуска из Черкесии суть следующие: меха — медвежьи, волчьи, лисьи, заячьи, куны, выдровые, бобровые (последние редки), диких кошек и другие; кожи — коровьи, буйволодые, бараньи и козляные; мед, воск, масло и проч[ее]. Во времена господствования турок на берегу Черного моря, сопредельного с черкесами, последние возили пленников обоего пола во множестве в Анапу и Сунжук-Кале и там обменивали их на товары. Привоз к черкесам из России состоит в холсте разной доброты, опойках — красных, черных и желтых, шелковых изделиях (последние в малом количестве), посуде и утвари, как-то: сундуках, чашках деревянных под лаком; сверх того, предметы мелочного торга суть: шелк, иголки, небольшие зеркала и проч[ее]. Бязи (белые бумажные ткани), аладжи и другие турецкие изделия; порох, свинец, соль были отпускаемы черкесам во множестве из Анапы до последней войны России с турками (1828 г.). Сверх упомянутых товаров, получаемых черкесами из России, соль есть главнейший предмет мены. От черкес принимают, в особенности, лес строевой и для топлива употребляемый.

Для меновой торговли с черкесами устроены вдоль границы: в Моздоке, Екатеринограде, Прочнокопе, при устье Лабы, Екатеринодаре и Бугазе так называемые меновые дворы с карантинными для очищения товаров от зачумления. Есть еще несколько меновых дворов для отпуска и приема товаров, но без карантинного устройства. Хотя меновые дворы находятся в достаточном числе на границе, но мена, при них производимая, весьма незначительна. Сверх того, также армяне нахичеванские, моздокские и другие иногда возят во внутрь гор из России различные товары под покровительством лиц из разных племен, платя им за пропуск подарками, но и эта торговля незначительна и, смотря по пограничным обстоятельствам, то воспрещается, то разрешается. Таким

образом и меновые дворы то закрываются, то открываются, а иногда и вообще уничтожаются.

Однако ж столь немаловажна эта торговля, но надлежало бы здесь представить итог отпуска и привоза товаров и сумм, в настоящее время в торге обращающихся, но, к сожалению моему, я не имел возможности собрать об этом сведения. Желая, однако, читателям доставить некоторое понятие об этом предмете, предлагаю здесь извлечение из известий г. Броневского, который вот что говорит о торговле черкес.

«По таможенным показаниям цен привозимых товаров в Усть-Лабинской таможне и Прочноокопской заставе не превосходит 10 000 рублей в год, отпуск и того менее. Со включением торгов, производимых в Моздоке, где снята таможня, и в четырех меновых дворах на Кубани, можно полагать с вероятностию, что весь торг наш с черкесскими областями по привозу и по отпуску простирается до 30 000 рублей в год, за исключением соляной продажи, которая составляет особенную статью, и лошадей, покупаемых беспошлинно, но, присовокупив к тому оба сии предмета и сверх того еще тайные привозы, которые весьма обыкновенны в рассуждении обширности границ и проворства черкесов, можно, кажется, сию сумму утроить или круговым счетом положить до 100 000 рублей. Во всяком случае сии приблизительные вычисления подают понятие в самом пространийшем смысле о маловажности торгов, производимых с черкесами».

Приятно слышать также о прошедшем времени благоденствия и процветания народа, сколько бы он ни был нам чужд. И эта приятность увеличивается, когда луч надежды в будущем блистает, почему я здесь приведу время некогда цветущей торговли мною описываемого народа для сравнения с настоящим его состоянием. «Пейсеноль представляет, — говорит г. Броневский далее, — прежние в Крыму процветающие торги с черкесами и кубанскими татарами в ином виде: в его время (1753 до 1760) из черкесских земель привозилось через Тамань и Кафу до 100 000 центнеров (десять миллионов фунтов) овечьей шерсти, сто тысяч кусков сукна, называемого чекмень, пять или шесть тысяч шитых чекменей, до шестидесяти тысяч суконных портков (шароваров), 200 000 войлочных япанчей, называемых япендже

(те же бурки), пять или шесть тысяч центнеров хорошего меду (центнер содержит 100 фунтов) и пятьсот центнеров абазахского пьяного меду, семи или восьми тысяч ок (3 фунта) воску, пятьдесят тысяч куньих шкур, сто тысяч лисьих, три тысячи медвежьих и пятьсот тысяч овечьих, не говоря о... лошадях и прочих предметах; все здесь поименованное составило бы по нынешним ценам слишком на двести миллионов рублей отпускных товаров из черкесских областей. Воспоследовавшие политические перемены с Крымом, Таманом и с кубанскими татарами, без сомнения, были причиною упадка столь обширной торговли, и, может быть, отчасти тому способствовала также перемена в образе производства торговых сношений, которые, пока продолжались между единоверными мусульманами, были, чайтельно, лучше приурочены к умоначертанию торгующих народов»*.

Не станем теряться в исследованиях: кубанские ли татары или черкесы преимущественно производили столь обширную торговлю, и удовольствуемся замечанием, что народ черкесский, одаренный от природы многими способностями ума и духа, склонен и к торговле и что с искоренением вредных предрассудков и водворением благодетельной тишины в земле черкесов, в земле прекрасной, изобильной предметами торговых оборотов, конечно и торговля закипит и процветет по маню мудрого устройства порядка и управления.

Преграды, некоторым образом там соделавшиеся естественными по существующему ныне порядку дел, быть может, отделят еще от нас то время, когда совершится эпоха благоденствия нашего края, она для нас слишком отдалена, но дети наши наслаются этим счастьем...

ГЛАВА VIII

ДОХОДЫ

Высший класс в Черкесии, подобно владельцам в областях Закавказского края и в Дагестане, не получает ни от земли, ни от подвластного ему народа никаких

* Текст воспроизведен с некоторыми отступлениями. (Ред.)

денежных доходов. Вот почему, если спросите черкесского князя или дворянина, в чем заключается им получаемый доход от своего имени, не получите удовлетворительного ответа. В самом деле, трудно объяснить, в чем состоят их доходы, на чем опирается домашнее или хозяйственное их благосостояние и, наконец, что обеспечивает общественную их жизнь? Дабы иметь более ясное понятие об этом предмете, мы укажем на главные источники доходов, устраняющие нужды князей и дворян черкесского народа.

Первый источник. Крепостные люди разных подразделений (см. 1 часть, отд[еление] 3, глав[у] 1), принадлежащие собственно князьям и дворянам, занимающиеся хлебопашеством и скотоводством, доставляют своим владельцам достаточное количество хлеба в зернах для прокормления их семейств и многочисленных гостей, их посещающих, с помощью выгод, получаемых от рогатого скота и овчарных заводов, этими же людьми разводимых у своих господ. Конские заводы, равно и овцеводство, могли бы приносить значительные доходы владельцам, об них пекущимся, в особенности первые, если бы народный предрассудок, ко вреду края так сильно скоренившийся, позволял высшему классу продавать лошадей и вообще скот (см. ниже прим. 7), но так как от торговых оборотов извлекать себе пользы почитается постыдным для высшего класса, то доходы от хлебопашества и скотоводства ограничиваются обеспечением семейств князей и дворян, обращающих особенное внимание на эти отрасли домоводства и преимущественно на конские заводы, для продовольствия себя этими предметами, и в особенности для доставления возможности князьям щедро награждать усердных своих дворян и делать значительные подарки посещающим их гостям.

Впрочем, доходы этого источника не всегда и не везде до такой степени значительны, но, по крайней мере, более определительны и удобопонятны.

Второй источник заключается в правах и власти, присвоенных достоинству княжеского рода, и состоит в возможности взыскать пеню в случае оскорбления княжеского достоинства (см. 1 часть, отд[еление] 3, глав[у] 2), также и в некоторых случаях пользоваться собственностью народа в виде насильственного займа (там же), взыскивать штрафы, обрядами по управлению устанав-

ливаемые (там же, глава 3), князьям — старшинам (ишьтхамат) получать от хозяев вольных земледельцев, имеющих овчарные заводы и пчеловодство, по одному ягвенку и по улью с сотами; требовать во многих случаях от подвластного народа различного рода услуги. Заметим, однако, что эти требования имеют вид просьбы, которые как бы добровольно исполняются и называются нередко **хатир**, то есть из уважения; и, наконец, к доходам этого источника причислим добровольные приношения вольных земледельцев высшему классу, так сказать, для искупления себе его покровительства. Эти приношения обыкновенно состоят в произведении сельского домоводства. Также надобно к этим доходам присовокупить и дары торгующими армянами и другого звания людьми, приносимые князьям и значительнейшим дворянам для приобретения же себе их защиты (смотри ниже отделение 3, глава 8). Эти доходы не ясны и не определительны, однако ж в иных местах для иных князей и дворян, в особенности для первых, весьма прибыточны.

Третий источник. Этот источник доходов, еще менее предыдущего определительный и ясный, но более обоих упомянутых источников прибыточный, заключается в кровавых пазздах, этих взаимных вооруженных посещениях, сопровождаемых отважными разбоями и богатыми дарами; одним словом, в воинственном провоздении времени (см. предыд[ущее] отд[еление], глав[у] 6) и в той готовности делиться с нуждающимися, которая в мнении этого народа есть блистательнейшая добродетель. Следствием этого образа мыслей есть то обычное круговое или взаимное вспомоществование, которое составляет главное звено общежития черкесов и существенно поддерживает хозяйственное благосостояние каждого, снабжая его всеми потребностями жизни. Сверх того, князья ничего не щадят для дворян своих и беспрестанно делают им подарки, что составляет для последних немаловажный источник дохода, впрочем, они и о домашнем хозяйстве более князей пекутся. Вот все, что я могу сказать о доходах высшего класса. Первый из поясненных здесь о возможности трех источников можно назвать **правильным** или **определительным**. Остальные два косвенными или **неопределительными**.

Что же касается до простого класса народа, то ему,

как мы видели, приносят доходы: скотоводство, хлебопашество и звериная ловля, хотя вообще и маловажные, но достаточные для обеспечения его ограниченных надобностей при помощи трудолюбия и деятельности женского пола и небольших торговых оборотов. К этому присовокупим, что хотя по исчисленным здесь источникам доход князей и дворян маловажен, но те из них, которые наиболее уважаемы своими подвластными за мужество и щедрость, располагают в некотором смысле их достоянием, что доставляет им возможность иметь большие табуны лошадей и овец, которых они, впрочем, не долго держат, ибо дарят, как говорится, и встречному и поперечному, а потом опять собирают новые стада.

Из темного этого описания, кажется, ясно видим, сколько доходы князей неопределительны и, в сущности, маловажны, но тем не менее они, не зная другого недостатка, кроме важнейших потребностей жизни, не ища ничего, кроме известности в наездничестве, похвалы народа, и мечтая о важности своего происхождения, довольны своим состоянием, и блаженство их заключается, как говорит г. Броневский, в воображаемом счастье. И действительно, при нынешнем их образе жизни и мыслей не только бедность не отягощает воинственных черкес — беспечных этих сынов природы, но даже недостаточное их теперешнее состояние им нечувствительно, однако же с переменою образа правления и с расширением их понятия откроются тысячи нужд, доколе им не известных и которых устранить одно воображаемое счастье, конечно, не может.

ОТДЕЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

ПРАВЫ И ОБЫЧАИ

СОДЕРЖАНИЕ:

Рождение. Имена. Воспитание. Праздники. Женитьба. Взаимное отношение обоих полов. Общепринятые знаки вежливости. Гостеприимство. Образ воевания. Содержание раненого. Погребение. Анекдоты.

«Из описаний обычаев наблюдательный ум может извлекать истины очень полезные».

А. И. ЛЕВШИН

Со времени принятия черкесами магометанской веры многие изменения явились в их коренных обычаях, в которых изыскатели найдут много предметов любопытных и могущих дать основательные понятия о древнем и нынешнем быте этого народа. Мы постараемся здесь представить сколько возможно пространнее обычаи черкес, не упуская из виду ни тех из них, которые, будучи приняты ими со времени введения магометанской веры, постепенно приходят в забвение, ни тех, которые вновь введены у них обрядами этой религии.

ГЛАВА I

РОЖДЕНИЕ

У черкесов принимаются маловажные меры предосторожности для того, чтобы беременная женщина, когда ожидает близкого рождения, не имела случая чего-либо

испугаться, как-то: грозы, молнии и т. п., а равно, чтобы она не поднимала тяжелых вещей, напрягая чрезмерно свои силы, в избежание преждевременных родов. Здесь и суеверие не бывает посторонним обстоятельством: в присутствии ее не вынимают из ножен кинжала, в особенности же шашки; когда же ее разрешению предшествует тяжкая болезнь, то кладут под ее изголовье саблю, которою был хотя бы и давно убит человек, и дают ей испить воды, которою облита была эта сабля. Сверх этого, они совершают еще и другие суеверные обряды в надежде облегчения страданий больной и скорого ее разрешения от родов. Также муллы читают над больною молитвы, причем дуют ей в лицо и дают пить воду, в которую погружены их рукописные молитвы. Мужчинам запрещается вход к больной, когда ожидают близкого ее разрешения от бремени.

Здесь достойно замечания, что иногда вскоре после рождения, но большею частью по достижении лет юношества, совершается обряд, похожий на крещение, состоящий в том, что какая-нибудь пожилых лет женщина отмеривает сорок чашек чистой воды (псвлитчь) и дает меру эту юноше, который ею и обливается, причем женщина делает небольшое угощение, и юноша, крещенный таким образом, называет эту женщину матерью. Однако ж этот обряд не везде совершается и не всегда над каждым, а лишь изредка, и есть, по-видимому, остаток христианства.

ГЛАВА II

ИМЕНА

По обычаям черкес, имена младенцам даются по прозволу и почти всегда посторонними людьми, а не отцом или матерью. В высшем классе дающий имя новорожденному иногда посылает ему стрелу, предпочтительно с белыми перьями, в том случае, когда новорожденный мужского пола, и стрела эта обыкновенно прикрепляется к колыбели. В низшем классе дающий имя дает иногда на рубашку ткань. Заметим, что если отец или кто-нибудь из родственников новорожденного младенца

мужского пола убит и за кровь его не отомщено, то новорожденному часто дают имя «мститель». В высшем же классе нередко дают имена отличных мужей той фамилии, к которой новорожденный принадлежит, а в низшем классе часто при давании имени соображаются с обстоятельствами, предшествовавшими дню рождения младенца, например, если жестокая буря свирепствовала, то дают имя: буря, вьюга, метель и проч[ее].

Более же пажобные черкесы и более старающиеся подражать исламизму дают имена младенцам, призвав муллу, который по этому случаю произносит установленную молитву, заключающую в себе благодарения творцу вселенной и дарователю жизни.

Согласно коренным обычаям своим, черкесы в случае, ежели в семействе родится мальчик, то дерут за уши молодых родственников новорожденного, впрочем, это обыкновенно не есть непременно и исполняется как бы в шутку.

Здесь предлагается для примера несколько мужских и женских имен, наиболее употребительнейших в высшем классе:

Коренные черкесские:

Мужские

Айдемир	Карбечь
Алдькхо	Керашай
Абидеко	Клехстен
Автонуко	Кайтоко
АIZEУР	Теркан
Борекo	Талостен
Биберди	Дударуко
Канболет	Дендар
Инал	Эифеко
Индар	Пшьэпшеко
Ельжерук	Едик
Негахоко	Льван
Пшьлизж	Елук
Хатохжук	Шумафк
Шужий	и проч[ие]
Мсоост	

Женские

Шхасоре	Усас
Шхабиче	Белаш
Кошенаго	Нахго
Кошехуж	Хаткхан
Кошеф	Хатхан
Куре	Хошехахги

От магометан принятые по выговору черкесов:

Мужские

Ахмед	Атулах
Алий	Хасан
Ибрагим	Хусейн
Ислам	Осман
Маамет	Угнар
Мхамтали	и проч{ие}
Исманл	

Женские:

Хатже	Фатме
Ханифе	Зулхаже

В заключение заметим, что у черкесов почитается за стыд произносить имя своей жены в присутствии не только посторонних, но даже домашних, равномерно и жена не должна произносить имена мужа и деверя, сверх того, женщины почитают за вежливость при произношении кем-либо имени их мужа, или его отца, или старших братьев вставать с места, что и наблюдается в высшем классе. Матери обыкновенно называют своих детей, сокращая настоящие их имена, подобно тому, как и в России, а также нередко называют их и совсем дружными именами, более детскими.

ГЛАВА III

ВОСПИТАНИЕ

Не видно в Черкесии примера, чтобы дети человека значительного воспитывались в родительском доме, под надзором родителей; напротив того, по рождении

младенца немедленно отдают его на воспитание в чужие руки, т. е. в руки человека, избранного в дядьки. Этот избранный нередко приезжает еще до рождения младенца в дом того, которого получил согласие взять на воспитание будущее его дитя, и там ждет разрешения от бремени матери будущего своего воспитанника, после чего, сделав приличное торжество в доме родителей, возвращается к себе с новорожденным младенцем, который под его попечением воспитывается до совершенного возраста.

Легко себе представить, что таким образом унесенный под чужой кров младенец, не умеющий еще различать предметы, придя в юношеские лета, лишь по слуху узнает своих родителей, братьев и сестер, к которым, естественным образом, не всегда может питать нежную любовь; отчужденный от дому родителей, он привыкает к тем людям, которые об нем имеют ежеминутное попечение, их в душе своей почитает своими родителями, а их детей нередко любит нежнее своих родных братьев и сестер. Это обыкновение и самих родителей, некоторым образом, в чувствованиях охлаждает от детей своих. Этому доказательством весьма явным служит то обстоятельство, что родители имеют более нежную привязанность к тем из их детей, которые воспитываются под их надзором. Удивительно ли, что после этого нередко дети оказывают нерасположение к родителям, которых они привыкли почитать, так сказать, посторонними? Удивительно ли, что почти всегда братья, по привычке сделавшиеся детьми посторонних родителей, питают взаимную ненависть, будучи к этому расположены ежедневными предметами, им подаваемыми их воспитателями, которые, ница более один перед другим расположения к себе сильного родителя своих воспитанников, друг к другу хранят вечную вражду? Наконец, удивительно ли, что дети одного родителя, в отрочестве и в юности привыкшие друг к другу питать злобную ненависть, которую с молоком матери в себя всосали, придя в лета возмужалости, друг друга не щадят, как лютейшие звери? Вот источник вражды, раздирающей семейства высшего класса в Черкесии, и вот начало междоусобий, поглощающих счастье тысяч в этом крае семейств!

Причиною введения в обыкновение такого рода воспитания было следующее.

Князья издавна для увеличения своей силы искали все возможные средства, чтобы привязать к себе дворян, а эти, для всегдашней защиты и вспомоществования себе во всех случаях желали более сблизиться с князьями. Беднейшие всегда и везде нуждаются в помощи богатейших, а слабейшие в покровительстве сильнейших. Для такого обоюдного сближения нашли вернейшим средством воспитание детей, которое, связывая два семейства в некотором смысле кровным родством, приносило, как ниже сего видно, обоюдные выгоды и, следствия того, породило это странное и вредное для народной нравственности обыкновение, принявшее ныне силу закона, освященного временем и поддерживаемого вкоренившимся мнением народа, что князь, которого дети воспитывались бы в собственном его доме, слаб духом, а такое мнение повредило бы его власти, да и, кроме того, почли бы за скрягу, что у черкесов считается за величайший стыд. Во избежание этого мнения как князья, так равно и значительные дворяне придерживаются этого обряда, причина введения которого, кажется, таким образом объясняется.

Теперь опишем образ воспитания. Воспитатель, или **аталык** (см. ниже прим. 8), прилагает свои попечения о том, чтобы его воспитанник был ловок, учтив в общении с старшими, а с младшими — соблюдал приличие своего звания, равно как неумом в верховой езде и искусен в употреблении оружия. Аталыки ездят с ними в отдаленные племена, чтобы приобрести вновь вступающему на стезю наездничества друзей и знакомых. Когда же воспитанник придет в совершенный возраст, то воспитатель возвращает его в дом родителя с торжеством, состоящим в том, что аталык с своим семейством, в сопровождении своих родственников и друзей, с арбами, наполненными яствами и напитками, является в дом родителей своего воспитанника, который в этот день богато одевают и вооружают блестящими доспехами. Тут открывается семидневное пиршество: игры, забавы и пляски сменяются одна другою. При этом случае жена воспитателя танцует, несмотря на запрещение женщинам предаваться танцам, ибо одни девицы имеют это право у черкесов. По окончании торжества отец воспитанника щедро дарит воспитателя и тех, которые были приглашены этим последним.

После этого они возвращаются в свои дома. Такое же точно торжество бывает еще до совершенного возвращения воспитанника в родительский дом, при привезении его туда на **показ** к его матери.

Девочка, отданная на воспитание, воспитывается под попечением жены аталыка, или приемной матери. Она приучается там к рукоделиям, к приличному обхождению, словом, ко всему, что необходимо для будущей ее жизни в супружестве. Приемная мать ездит с нею на празднества, сопровождаемые танцами, и под ее надзором она там проводит время в танцах; при возвращении же воспитанницы в родительский дом соблюдаются те же обряды, какие при возвращении воспитанника.

Не только семейство воспитателя поступает в тесную связь с семейством воспитанника, но даже все родственники первого и их подвластные поступают под защиту воспитанника.

Все, что мы говорили, относится к высшему классу, впрочем, соразмерно состоянию каждого семейства. Что же касается до простого класса народа, то и этого класса люди с хорошим состоянием также весьма часто отдают на воспитание в чужие руки своих детей; разумеется, беднейшие пользуются этим расположением богатых, и если бедный человек из мелких дворян возьмет к себе на воспитание сына богатого человека из класса вольных земледельцев, то сей последний, гордясь такою связью, ничего не щадит для удовлетворения воспитателя. Однако ж между простыми людьми домашнее воспитание почитается приличным, и воспитание в чужих домах не такую сильную рождает ненависть между братьями, как в высшем кругу.

Аталык не может иметь более одного воспитанника без неудовольствия со стороны первого питомца. Заметим, что когда воспитанник из княжеского рода умрет, то воспитатель нередко в знак своей глубочайшей печали обрезывает себе конец уха и целый год носит траур.

Когда же воспитанница выйдет замуж, то воспитательница получает из окупа, даваемого за девицу, большой подарок от супруга ее воспитанницы.

Вообще удивительно сильна привязанность воспитателей к воспитанным ими детям и этих последних к ним.

Говоря об аталыке, кстати здесь сказать, что ата-

лька можно преобрести и будучи уже в годах мужества. Когда уздень желает сблизиться с князем, то приглашает его к себе, причем совершает торжество и подносит ему подарки, состоящие из оружия, с исполнением обычая, соблюдаемого при примерении и состоящего в том, чтобы приложиться губами к сосцам жены того узденя, который делается аталыком. В других классах народа соблюдаются те же обычаи, но гораздо реже. Сверх того, воспитанник может иметь несколько аталыков, в том числе считается и тот, кто в первый раз бреет молодому князю или дворянину голову и хранит его волосы.

ГЛАВА IV

ПРАЗДНЕСТВА, ИГРЫ, ПЛЯСКИ И ТЕЛЕСНЫЕ УПРАЖНЕНИЯ

Во дни благоденствия народа свободные от дел часы обыкновенно посвящаются бывают удовольствиям. Напротив того, с бедствиями, постигающими народ, и его публичные удовольствия становятся реже. Черкесы, никогда не достигнув истинной степени благоденствия, подвергшись общим бедствиям, и вместе с тем отчуждались от многих игр и забав народных, некогда доставлявших им в праздные часы дня величайшее удовольствие.

Из всех народных игр, ныне почти забытых; примечательнее прочих та, которую называют **«диор»** и которая, весьма вероятно, осталась от тех времен, в которые смешались обряды язычества и христианства в прежнем исповедании этого народа.

Игра эта состояла в том, что при наступлении весны жители (мужчины) аулов разделялись на две партии: верховую и низовую. Обитатели восточной части аула назывались верховьями, а западной — низовьями, какое разделение и теперь существует в больших и продолговато расположенных аулах. Каждый имел в руках по длинному шесту, наверху которого прикрепленная корзинка набивалась сухим сеном или соломой. Таким образом вооруженные партии, выступая одна против другой, зажигали свои корзинки и с этими огромными факелами нападали одна сторона на другую, крича из всей силы: «Диора! Диора!», и как игра обыкновенно всегда начи-

палась с наступлением ночной темноты, то вид мелькающих во мраке огней производил весьма занимательное зрелище. Партии, взаимно одна на другую нападая, по мере возможности захватывали пленников, которых с связанными руками приводили в гостиные дома старшин, куда уже по окончании борьбы каждая партия отдельно собиралась. Тут вели переговоры между собою, обменивали пленных, а затем оставшихся каждая партия выкупала или обыкновенно отпускали на волю, взяв с них обещание доставить назначенный за них выкуп, состоявший обыкновенно из съестных припасов. Таким образом собранные продукты поручали одному старшине из партии, который, приготовив пиршество, звал старшину аула или к себе или в гостиный дом одного из них, куда приносили столы с яствами и напитки и там праздновали целый день или вечер, проводя время в полной радости беззаботного торжества.

Игру обыкновенно начинала с обеих сторон молодежь с пламенниками, но к ним, как на тревогу, сбегались и пожилые люди, да и старцы приходили туда частью, чтобы взглянуть на веселящихся и вздохнуть, вспомнив прошедшие годы молодости; частью и для того, чтобы предпринимать меры предосторожности от пожара, который легко могли причинить пламенниками, в безумии веселья с быстротою разносимыми с одного угла в другой. Молодежь и старцы попадались в плен, тем более, что последние, будучи немощны, не были в состоянии противиться сильным молодым борцам, налагавшим на них ременные оковы. Впрочем, эти пленники-старцы дорого обходились их победителям, а равно и той партии, у которой похищены были: для примирения с ними надлежало удовлетворить их за то, что, не уважая их седины, увлекли в плен, и в этом случае виновная партия готовяла яства и напитки и торжествовала таким образом, как выше описано.

Достойнейшая наибольшего замечания забава из всех забав черкес есть следующая.

Князья и дворяне, преимущественно во время пребывания в поле или на съездах, разделяются на две партии, и одна из них объявляет на другую свои претензии под каким-нибудь предлогом. Тут избирают судей, пред которыми ответчики защищаются силою красноречия, а претендующие не щадят могучих выражений для по-

беждения своих противников. Таким образом, открывается здесь поле, где старшины, князья и дворяне показывают могущество своего красноречия и знание существующих узаконений народных и феодальных прав древних фамилий своей нации. Забава эта или, лучше, упражнение в словесности служит у черкесов школою, образуящую непреклонных их ораторов.

Зимой, по уборке хлеба и сена, жители аула, разделяясь также на две партии, друг на друга нападают, сначала дерутся комами снега, наконец доходит до рукопашной битвы и тогда они захватывают пленников, которых таким же образом, как выше сказано, заставляют откупаться, потом следуют удовлетворения и пиршество.

Когда бывает в большом ауле съезд и много молодых князей и дворян соберутся, то нередко забавляются таким образом: молодежь высшего класса, т. е. князья и дворяне, составляют одну партию, молодежь же вольных земледельцев — другую, и обе партии вступают в борьбу. Первая партия, сколько захватит пленников из второй партии, приводит со связанными руками в гостиный дом одного из дворянских старшин того аула. Вторая же приводит своих пленников в гостиную одного из своих старшин. Эта игра начинается обыкновенно также молодежью, но, однако ж, всегда доходит и до старцев. Партия высшего класса захватывает старшин простого класса в их домах, а эти также нападают в свою очередь на старшин высшего класса и уводят их нередко без всякой пощады и осторожности в плен. Потом начинаются переговоры, обменивают пленных или выпускают на условиях. Дворяне дают за выкуп своих собратьев разные вещи, а земледельцы обязываются доставить овса для лошадей благородных юношей и тому подобные потребности, нужные в настоящем месте их пребывания. Далее же следуют другие удовлетворения, как-то: избирают посторонних, не участвовавших в игре старшин, которые приговаривают удовлетворения. Обыкновенно эти приговоры заключаются тем, что партия простых, приготовив множество кушанья и напитков, является с покорною головою в гостиный дом старшего князя или дворянина, где все собираются и пируют, а князья и дворяне делают подарки старцам, которых они, не уважая их седины, брали в плен, и тем мир водворяется.

В Черкесии играют некоторые в шахматы, равно как в шашки, которые в большом употреблении. О других же играх, соблюдаемых при поминках и на свадьбах, мы будем говорить при описании этих обрядов.

Пляски у черкесов делятся на два разряда: пляски первого называются **удчи** и пользуются предпочтением. Здесь становятся в кружок в виде русского хоровода мужчины, взяв под руки девиц, локти которых касаются до их ребер, и таким образом двигаются постепенно в правую сторону, притаптывая между тем каблучками. Иногда такой круг бывает столько пространен, что внутри его вмещают музыкантов: скрипачей и флейтчиков, равно как и посторонних лиц. Все порядочные люди, неключая старцев, танцуют на больших собраниях, как-то: при женитьбе знатных людей, при рождении у них детей, отдаче их на воспитание и при возвращении в дом родительский. В таких собраниях назначается несколько расторопных молодых людей для наблюдения за порядком в кругу танцующих. Их обязанность состоит в том, чтобы народ толящийся не теснил танцующих, а равно, чтобы и конные наездники, тут же находящиеся, не слишком приближались к танцующему кругу. Кроме этих еще несколько человек, более почетных, назначаются по особому выбору хозяина, и их обязанность почитается важнейшею: они приводят девиц к танцующим мужчинам, строго соблюдая в этом случае принятые приличия, состоящие в том, чтобы приезжие гости не оставались без дам, и проч[ее]. Надобно заметить, что общественное мнение требует того, чтобы девицы не танцевали слишком часто и продолжительно с одним кавалером, а, напротив того, почитается более приличным по очереди танцевать со многими. Девица может оставить того, с которым танцует, и перейти к другому кавалеру, также возвратиться в комнату, чтоб отдохнуть. При этом ее обратно сопровождают пожилые женщины, обыкновенно при княжнах и знатных девицах находящиеся, и когда эти последние танцуют, то они не сводят с них глаз, стоя в отдаленности. Также их сопровождают при возвращении в покой избранные для этой особы и домашние друзья хозяина, дающего торжество. Мужчина среди танцев отнюдь не должен оставлять свою даму.

Мужчины танцующие свободно разговаривают с де-

вицами, а эти последние им отвечают, разумеется, соблюдая приличие, не хохочут, не краснеют и не говорят о том, что непристойно их полу и состоянию; по крайней мере, так должно быть по общепринятому закону общежития, которому не следующие девицы почитаются дурно воспитанными, а мужчины грубыми и чуждыми знания приличий, свойственных дворянину. Во время танца музыканты останавливаются подле знатнейших девиц, скрипач играет подле нее, а напевающий кричит во все горло, что девица такая-то, танцующая с таким-то, окружена и что у ней возьмут платок (обыкновенно заткнутый за пояс, и которым она отирает пот с лица); далее говорит: нет ли друзей у ее кавалера, которые могли бы откупить его даму. Тогда являются друзья кавалера и дают какую-нибудь вещь, по большей части пистолет, подавая который, обыкновенно стреляют на воздух; помощник музыканта возглашает, показывая на подаренную вещь, что такой-то за такого-то сделал такой подарок, после чего эту вещь вешают на столбе, поставленном для этого среди круга, нередко даже и даруемых таким образом лошадей вводят туда же и привязывают к поставленному там столбу. Разумеется, когда танцуют на открытом воздухе, что всегда бывает, если погода тому не препятствует.

Когда круг большой и музыкантов в середине много, то стрельба неумолкаемо продолжается и дым пороха носится над танцующим кругом. Шум, говор и крики народа, теснящегося в кругу танцующих, сливаясь с звуками инструментов и выстрелами, оглашают воздух, и тогда танцующие молодые наездники с красавицами, которые нередко бывают предметами их вздохов, порою погружаясь в сладостные мечты, предаются приятным надеждам будущности и не упускают случая замолвить словцо своей даме о тех чувствах, которые их в то время наполняют. Таким образом кипящая пляска продолжается сряду целый час и более, а там заменяет ее игра, более шумная и весьма опасная, состоящая в том, что пешне толпы, вооруженные огромными кольями, теснят конных наездников, готовых вступить в бой, чтобы показать проворство своих бегунов и собственную ловкость. Пешне бросаются на них в густых толпах с криком и бьют как их, так равно и лошадей почти без пощады. Наездники также с своей стороны не жалеют

потоптать пеших копытами своих скакунов и вгоняют с их бедных животных в середину толпы, безжалостно их поражающей. Нередко конные преодолевают пеших; разгоняют их под защиту стен домов, даже и в дома; разгоряченные наездники на лихих бегунах нередко перепрыгивают с удивительной легкостью высокие заборы и разбрасывают грудью их слабые строения. Такие атаки продолжаются, пока одна сторона победит другую, почему иногда доходит с обеих сторон до иступления, и тогда старцы, вступая в посредничество, прекращают эту потешную битву.

Легко себе представить, что здесь несчастные случаи почти неизбежны. Нередко убивают лошадей, даже и людей, или наносят им тяжкие удары, перешибают у них кости. Недаром черкесы говорят: «Кому не страшно в день этой игры, тот не устрашится и битвы». В самом деле, эта безрассудная игра может некоторым образом испытать храбрость и отвагу — качества, столь необходимые в сражениях.

После пляски и опасных игр до усталости начинается пищество, гостям и почтеннейшим особам разносят напитки и ставят столы, отягощенные яствами. Народ собирается в разных местах: жители одного аула в одном месте, а другого в другом, и так далее. Кушанья разносят повсюду и раздают под надзором для этого избранных, которые пекутся, чтобы старцы и почетнейшие особы были прилично угощаемы и чтобы молодые шалуны не расхищали кушанья, что нередко случается.

Подобные празднества продолжаются иногда несколько дней, и по окончании их хозяин, т. е. давший торжество, изъявляет свою благодарность почетнейшим особам, удостоившим его празднество своим присутствием, и народ расходится по домам, пресыщенный удовольствиями, пищею и напитками.

Музыканты получают подарки и, сверх того, в вознаграждение за свои труды берут себе кожи зарезанных быков и баранов. Подарки же, сделанные им во время пляски, они возвращают подарившим их, получив за каждый несколько зарядов пороха, а иногда князя им дарят разные вещи и лошадей.

Празднества эти и в простом классе народа те же самые, но они бываюи сообразны с состоянием и значительностью лиц, которые их дают.

Что же касается до другого рода пляски, то она состоит в том, что один, выступая на средину зрителей, танцует, делая с большим проворством разные трудные движения ногами. Он подходит к одному из присутствующих, прикасается к его одежде рукою, и тогда этот последний его заменяет, и так далее. В этой пляске участвуют и девицы, но как они, так и мужчины не делают неблагопристойных телодвижений, как это бывает у других азиатских народов.

В заключение повторим, что как игры и всякого рода забавы (исключая в упражнении оружием) стали ныне реже в Черкесии по причине беспрестанных беспокойств, да к тому немало способствуют и проповеди духовенства, которое представляет противным магометанской религии всякого рода публичные забавы в сообществе с женщинами, а вне присутствие этого прекрасного пола никакие увеселения не могут быть оживлены удовольствием даже и в диком народе.

Достойно замечания, что предки нынешних черкесов времена язычества, призывая благословения боговоримых ими предметов или изъясняя им свою признательность, плясали, что явствует из древних плясовых песен, да и есть и поныне старцы, неоднократно участвовавшие в подобных плясках, когда совершаемы были празднества во время грома и проч[ее]. Эти старцы говорят, вздыхая, что благословенные времена старины имели много прелестей, которые ныне среди буйных забот стали редки в их родине.

Во время пахания обыкновенно жители аула разделяются на две партии: те из них, которые находятся в поле, составляют одну; другую же — оставшиеся в ауле.

Первые, приходя в аул, схватывают шапку девицы знатного дома и относят ее в свои шалаши. Их преследуют, но редко успевают догнать, ибо скрытно приходят они и совершают свой набег. Спустя день или более, возвращают шапку, завернув ее в прекрасный платок. Причем привозят из поля яства и напитки, для этого случая приготовленные, в дом девицы и там нередко целый день пируют и пляшут, собрав жителей аула. По окончании же увеселения отец или брат девицы делает им подарок, но по большей части молодые князья или

дворяне, живущие в том ауле, их не допускают до этого, а сами щедро награждают похитителей.

Другая партия, в отомщение противной, собравшись толпою, идет в поле и там, схватив ремень, которым плауг связан и называемый вваше, уносит, защищаясь от преследующих. Для выручения этого ремня привозят яствы и наитки в тот дом, где ремень положен, и там целый вечер проводят в забавах. При возвращении партии пахарей другая партия их встречает и тут начинается борьба: одна партия увлекает другую в воду в одеждах. Нередко женщины обливают водою или увлекают в реку по колена. Эту последнюю забаву почитают нужною, ибо есть поверье, будто ее должны совершить для урожая.

Поднимание тяжести, метание ядр и камней, борьба, бегание взапуски, конская скачка, прыганье через заборы и поднятие бурки и проч[ее] суть также у черкесов предметы забав, которые укрепляют их тела и полезны для здоровья. Но главнейший предмет телесных упражнений состоит в том, чтобы владеть с особенною ловкостью оружием и лошадью, в чем они действительно неподражаемы: с неизмерною скоростию, на всем скаку самой быстрой лошади, заряжают ружья и стреляют. Черкесы всегда носят ружья в чехлах и хорошему наезднику нужно только один миг, чтобы выхватить из чехла и выстрелить. Непрестанно упражняются в том, чтобы с земли поднять самую мелкую вещь, и проч[ее]. Стреляют непрестанно из пистолетов и ружей, однако ж не всяк из них хороший стрелок, хотя те, которые славятся этим искусством, достигают в нем до значительного совершенства. Также нередко пробуют пушечною из лука стрелою пробить доску довольно толстую, и есть такие, которые с удивительною силою натягивают лук и стреляют из него. Словом, вся жизнь черкеса-воина проходит в забавах и упражнениях более или менее воинственных.

ГЛАВА V

ЖЕНИТЬБА И СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ

Из предыдущей главы мы видели, что молодые мужчины с девицами обращаются свободно. Из этого явствует, что они имеют случай друг другу понравиться и

дать понять свои чувствования. После такого испытания мужчина просит руки избранной им девицы у ее родителей через своих поверенных, и когда родители согласятся, то он делает отцу или брату девицы подарок, называемый **эужь**, что соответствует слову обручение или стовор. После этого обряда уже выбранная им девица принадлежит ему. Потом делают условия о времени взноса выкупа (смотри[и] к 1-й части примеч[ание] 12) вполне или условленную часть. Брат или ближайший родственник вступающего в супружество с многочисленными друзьями, по этому случаю приглашаемыми, являются в дом невесты, где проводят несколько суток до сделки относительно платежа выкупа, причем приглашенные друзья жениха каждый что-нибудь платит за него. В продолжение этого времени нет шуток удачных и веселых, которым не подвергли бы приехавших за невестою. Всякую ночь молодежь собирается в дом, где расположены гости, и там проводят в шуме, играх и шалостях время до света. Все годное платье, на гостях надетое, снимают, обыкновенно отдавая им взамен свое самое изношенное, почему и приезжающие за невестою нередко одеваются в изношенные же одежды.

Пред самым отъездом один из числа приехавших за невестою должен, войдя в тот дом, где она находится окруженная многочисленными женщинами, коснуться ее платья, до чего тут находящаяся толпа женщин старается не допускать, в чем и нередко успевают, и в таком случае делают подарки пожилым женщинам, которые при этом случае, так сказать, располагают церемонною, и после того свободно получают невесту. Это обыкновенно называется **вывод невесты**.

Если дом, назначенный для первоначального пребывания невесты, находится не в том же ауле, то она едет обыкновенно на арбе, запряженной парой коней или волов. Тут конные толпы едут впереди и сзади невесты, нансвая протяжные веселые песни, нарочно для подобных случаев сложенные, и беспрестанно стреляя из ружей и пистолетов, и если кто встретится с свадебным поездом, то обыкновенно к нему пристает; в противном случае молодежь забавляется над неучтивыми путниками: простреливает у них шапки, сбрасывает с седла, срывает одежду и проч[ее].

Во все время воезда продолжается пение и стрель-

ба. Невесту редко привозят прямо в дом жениха, а назначают дом приятеля, в дверях которого останавливается весь поезд: невесту вводят в покои, а ее сопровождающие разъезжаются, сделав еще несколько выстрелов, направленных обыкновенно в трубу этого дома. Во время пребывания в этом доме невеста называется **тейше**. Здесь же совершают и бракосочетание по обрядам магOMETанской религии. Когда муж новобрачной имеет родителей или старшего брата, то обыкновенно удаляется в дом своего приятеля и оттуда посещает молодую супругу следующим образом: по захождении солнца он в сопровождении одного молодого человека отправляется к ней; там обыкновенно пред его приходом никого постороннего не бывает. Молодая жена стоит у постели в безмолвии, пока сопровождающий не удалится из комнаты. Молодые супруги обыкновенно расстаются еще до восхождения солнца.

Нередко и начало вступления новобрачной в дом, назначенный для временного ее пребывания, сопровождается празднеством, а конец ее там пребывания всегда ознаменовывают торжественным образом: хозяин дома, где молодая находится, приготовив все нужное к предстоящему празднеству, собирает народ; девицы с окрестных аулов приезжают по просьбе его, и торжество открывается танцами, которые продолжаются иногда три дня в доме его, а на четвертый день новобрачную возвращают в дом своего мужа; она едет, окруженная многочисленною толпою женщин и девиц, при громких криках и пении веселящихся. Шествие открывают несколько человек, сидящих в арбе, запряженной лошадьми или проворными быками. Арба эта бывает покрыта красною шелковою тканью, которую ветер развеивает при быстром ее движении. Народ преследует торжественную эту колесницу, стараясь сорвать покрывало, а те, которые в арбе сидят, стараются не допускать до этого бегущих по сторонам и, понуждая коней, быстро несутся. Многочисленные толпы народа за этою колесницею следуют среди шума веселий. У самой ограды мужнего дома сопровождающие новобрачную останавливают ее, и тут родственники мужа должны расстилать по земле шелковую ткань, начиная от дверей ограды до дверей дома, для вступления по ней молодой супруги в дом, где начинается для нее новая эпоха жизни.

На пороге мужнего дома повобрачную осыпают су-хариками, изготовленными для этого случая, что назы-вают обрядом **осыпания**. Вслед за этим подносят ей блю-до с медом и маслом или орехами, которые, впрочем, она не ест, но угощает ими тут находящихся пожилых жен-щин. И здесь три дня продолжаются торжественные пля-ски и игры. Как прежде, так и теперь, тот же хозяин угощает народ. На седьмой день торжественных увесе-лений разъезжаются по домам, и хозяин, пригласивший гостей, благодарит почетнейших особ из числа посети-телей. Пред тем как собранию пора уже разъезжаться, в народ бросают с возвышения большую цельную жел-тую мешину, намазанную маслом или салом, и толпы, устремясь на эту кожу, старается каждая наперерыв перетянуть на свою сторону, чтобы успеть унести с со-бою в свой аул, и боренне, продолжающееся иногда не-скольکو часов, сопровождается шумом, криком толпы пеших и конных. Эта игра есть настоящая принадлеж-ность свадебного торжества, хотя, впрочем, она и не вез-де употребительна.

Хозяин дома, где молодая супруга пробыла некото-рое время, также делается аталыком, в таком виде, как и воспитатели (смотри[и] выше сего отд[еления] глав[у] III).

В эти дни радости и веселья не только жители того аула, где происходит торжество, но даже и окрестных аулов участвуют; один лишь молодой супруг остается в уединении или отправляется в наезды (см. ниже прим. 10), и не прежде окончания всего торжества и всех церемоний, при них соблюдаемых, возвращается в дом.

Все, что мы говорили относительно этого предмета, относится в особенности к высшему классу. Что же ка-сается до простого класса народа, то и он согласуется с этими обрядами во всем сообразно с состоянием каж-дого лица; кто беднее, тот менее имеет, как везде это бывает, гостей и проще их угощает.

К этому присовокупим важнейшее обстоятельство женитьбы: брак учреждаться должен по обычаям, по равенству родов; князья берут жен из княжеских же родов и, равномерно, отдают дочерей лишь за княжеских сыновей. Дворяне тоже и так далее.

Когда родные девушки не согласятся отдать ее за то-

го, который просит ее руки, то сей последний увозит ее украдкою и вступает с нею в брак. Это делается часто и потому, что выдавание девушек замуж для их родителей или братьев сопряжено с значительными издержками: должно ее одеть сколько возможно пышнее, дать ей в прислугу крестьянскую женщину или девушку и проч[ее], чего при последнем случае можно избежать, почему и смотрят на эти похищения, так сказать, сквозь пальцы. Также случается, что отец женил сына, не спрашивая его желания и на такой особе, которую он не видал, что, впрочем, весьма редко. Сверх того, часто бывают женитьбы против воли девицы и ее родителей; молодой человек, влюбленный, собирает толпу молодых товарищей и друзей, избрав удобный случай, схватывает любимую им девушку и доставляет ее в дом уважаемого пародом человека и там вступает нередко в насильственный брак. Легко себе представить можно, какие несчастные последствия должна иметь для супругов столь бесчеловечная, незаконная и противная истинному рас-судку связь.

ГЛАВА VI

ВЗАИМНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СУПРУЖЕСТВЕ ОБОИХ ПОЛОВ

Все те, которые судят о домашнем быте черкесов по образу жизни прочих азиатских народов, исповедывающих магометанскую веру, о том имеют ложное понятие. Рыцарское честолюбие много прекрасного ввело в их обычай. К числу прекрасных черт можно отнести и величайшее уважение к женщинам, которого прекрасный, но слабый сей пол достоин вполне: убийца, преследуемый уже вооруженными мстителями, вверив себя покровительству женщины, спасается от явной близкой гибели; преследовавшие преступника останавливаются у порога дома, где тот скрылся, и, укротив мщение приличием, отступают; между тем покровительница доставляет удобный случай покровительствуемому удалиться в безопасное место. Достоинно замечания, что и если бы муж ее был в числе преследователей преступника, который мог бы быть даже убийца ее родного брата, отца или мужа, то и тогда он нередко может найти защиту в ее доме;

его проведут в безопасное место, а потом предоставляется мстителю преследовать его по своему произволу. Примеры столь великодушного и удивительного обыкновения весьма часты. Преступившие этот закон уважения к прекрасному полу делаются предметом презрения.

Женщине, желающей помогать бедным и утесненным, стоит только от имени своего послать просить помощи и тотчас явятся князья и дворяне, которые исполнят великодушные ее желанья: бедного, нуждающегося в хлебе насущном, по ее просьбе немедленно князь снабдит, послав своего слугителя по аулам для собрания нужного количества хлеба от жителей, которые обыкновенно в таких случаях не отказывают; утесненному же и обиженному доставит защиту и удовлетворение. Однако ж замужней женщине вмешиваться в общественные дела почитается неприличным, почему подобные благодарения совершают большею частью вдовы и девицы.

Мужчина, видя проходящую женщину хотя бы в значительном расстоянии, непременно должен встать с места и не садиться вторично до тех пор, пока она не удалится, какого бы, впрочем, ни была она звания и достоинства, а также, встретясь с женщиною, он приветствует ее подниманием руки к голове и желанием ей доброго дня. Также и женщины, встретив мужчину, останавливаются лицом к нему и, пропустив его, продолжают свой путь. Когда войдет в дом мужчина, какого бы он ни был звания и состояния, то женщина встает с места, хотя бы даже вошедший был ее крепостной человек. Девушки никогда не отказываются сшить что-нибудь, когда о том их просит мужчина; здесь надобно понимать, однако, что почитается невежливым просить девушку высшего сословия принять на себя какую-нибудь грубую работу.

Эти взаимные знаки уважения отнюдь не относятся к лицам, которым оказываются, а единственно лишь каждому полу присвоены.

У черкес жены в совершенной зависимости от воли мужей, но из этого не следует заключать, что они у них рабыни. Напротив того, обхождение мужа с женою также основывается на строгих правилах приличия. Когда муж ударит или осылет бранными словами жену,

то он делается предметом посмеяния, точно так, как когда бы он, имея способы, не одевает ее соответственно его состоянию. К этому присовокупить должно и то не менее важное обстоятельство, что жена-красавица всегда владеет сердцем мужа и, несмотря на обыкновение, которое предписывает жене безусловное повиновение мужу, она часто повелевает им. Жена молодая, не имевшая еще детей, некоторое время соблюдает особенную стыдливость. Но женщина в летах, мать семейства, свободна более в своем обращении. Мужчины той деревни, из которой выдана замуж девушка, приехав в ту деревню, в которой она живет, имеют право ее посетить и обходиться с нею по-братски. Молодые же мужчины вежливо шутят с девицами, проводящими время у жены знатного человека их аула. Словом, женщины у черкесов пользуются свободою.

Многоженство, которое магометанская религия разрешает, черкесам чуждо, хотя некоторые из них имеют по две жены, но случается так мало, что почитается за редкость. Этому более всему причиною то семейное беспокойство, бывающее неминуемым следствием многоженства: дети, прижитые от двух женщин, питают взаимный раздор, в высшем классе умножаемый воспитанием, и губят один другого.

Мы говорили уже, сколь велико уважение мужчин к женщинам в Черкесии и как взаимные отношения мужей с женами подчинены законам приличия, но в заключение заметим, что и у них бывают случаи, в которых и прекрасный пол подвергается оскорблениям, но такие случаи суть гнусные плоды беззакония, противные и обычаям черкесов.

ГЛАВА VII

ОБЩЕПРИНЯТЫЕ УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ ВЕЖЛИВОСТИ И ПРИЛИЧИЯ

Благообразие в домашнем быту у полудиких народов имеет много прекрасного: соблюдение вежливости в обращении есть непременная обязанность каждого черкеса. Не только князья и дворяне, которые по всей строгости подчинены закону благопристойности, но даже и простой народ между собою следует этому прекрасному прави-

ду, облагораживающему человека. Здесь предлагаются главные предметы вежливости и приличия и поступки, почитаемые им противными.

Когда гость остановится на ночлег или более продолжительное время в ауле, то князья и дворяне, там живущие, посещают гостя и при первом посещении осведомляются об его здоровье; нередко остаются до самой ночи, оказывая различные услуги, приличные обстоятельствам и сообразные с званием и летами гостя и посетителя. По наступлении же ночи, пожелав гостям спокойствия, посетители возвращаются домой. Такие посещения продолжают во все время пребывания гостей почти всякий день, если тому особенные обстоятельства не препятствуют, в каких случаях, при последующем посещении гостей, извиняются перед ними, объяснив причины, не позволяющие им исполнить этого долга.

Когда несколько князей и дворян в одно время расположены по квартирам в одном ауле, то младшие из них посещают старших и перед ними с услужливостью стоят (если те, смотря по их летам и званию, не приглашают их себя) до наступления обеденной или ужинной поры, когда возвращаются в свои квартиры, и таким образом продолжают эти посещения до отъезда их. При отъезде же части гостей нередко младшие из них, остающиеся еще в том ауле, а равно и тамошние жители (князья и дворяне), которым приличие дозволяет отлучиться от своих гостей, провожают отъезжающих на некоторое расстояние и, пожелав им благополучного пути, возвращаются.

Когда встретятся на дороге князья и дворяне, то младшие из них приветствуют старших, потом вежливость требует, если они ехали в разные стороны, воротясь со старшим, проводить его до тех пор, пока он не предложит ему продолжать свой путь; после чего младший, пожелав ему доброго пути, отправляется по своей надобности. Если один из встретившихся бывает приезжий из другого племени, то, несмотря на свои лета и значительность, житель того племени, в котором встретились, оказывает ему такое почтение, какое младший старшему, но если проезжий знает его лично или узнает от других, то, не допустив его до этого, сам оказывает ему вежливость, приличную его летам.

Когда приезжий гость достоин особенного уваже-

ния как по летам, так равно и по знатности в народе, то князья и дворяне, живущие в отдаленных аулах того владения, где гость остановился, ездят к нему для приветствования его, хотя бы их разделяло значительное расстояние.

Приветствия состоят в том, что встречающий или пощающий гостя, или старшего по летам, или по знатности происхождения, приветствует его, произнося: «**Желание доброго приезда**», причем поднимает правую руку к голове своей и вслед за тем спустя некоторое время спрашивает его о здравии с тем же знаком приветствия. Надобно заметить, что делают рукою эти движения легко и не торопясь. Вообще по коренным обычаям черкес с приветствием не делают смешных и странных телодвижений, как это у других азиатских народов бывает. Женщины же, приветствуясь между собою, обнимаются, но также не целуются, как и мужчины, которые, прощаясь между собою при расставании на долгое время, также обнимаются.

Исполняя строго законы вежливости, сын в присутствии посторонних лиц не вступает в разговор с отцом и на вопросы его отвечает тихо, кратко и ясно; также никогда не садится перед ним без особенной его воли. Старший брат в отношении к младшим заступает некоторым образом место отца: перед ним без его приглашения не садятся младшие, а равно и за одним столом с ним не станут есть до тех пор, пока он их к столу не пригласит. Младший брат во всем оказывает услужливость, и где нет прислуги, там он для старшего заменяет ее.

Такая услужливость, соблюдаемая братьями, исполняется и между другими, то есть: старший летами между князьями и дворянами в таком же виде заступает место отца и все младшие услуживают ему.

Достоинно замечания то, что все эти обряды вежливости соблюдаются и тогда, когда братья или князья и дворяне друг друга ненавидят, даже и тогда, когда они бывают явные враги, но ежели им случится встретиться в таком месте, где законы благопристойности удерживают их оружие в бездействии, например: в доме князя или дворянина, в присутствии женщин, на съездах дворянства и тому подобных случаях, где приличия воспрещают

обнажить оружие и самые враги остаются в границах вежливости и даже оказывают нередко друг другу разные услужливости, что называется **дворянская** (то есть благородная) **неприязненность или вражда**; но затем эти враги являются самыми свирепыми кровопийцами там, где они могут свободно обнажать свое оружие, и тем более вежливость их делает им честь, и народ питает к ним большое за то уважение. Да и в самом деле, человек, чуждый вежливости и понятия о приличиях, может ли сродниться с долгом общежития.

Неприличным почитается у черкес болтливость, и, по их мнению, должно более слушать и менее говорить. Пасмешливость также почитается неблагопристойностью. Однако ж из этого не следует заключать, что между ними подвергаются презрению те, которые много говорят или смеются; напротив того, и смех и разговоры позволяют, если они никого собою не оскорбляют и заключают в себе приятность. Даже черкесы, говоря вообще, склонны к веселостям и любят благопристойные шутки. Это расположение нередко рождает вольные разговоры между молодыми людьми, которые, разумеется, скрывают их от старших летам.

Прозносьте бравные слова князя и дворяне почитают за поступок, достойный презрения, что и родило у черкес поговорку: «Настоящему дворянину не сродни бравные слова». Однако ж в виде упрека они часто напоминают один другому при спорах о гнусных поступках, сделанных тем, который подвергается этим упрекам.

Говорить о своих подвигах, приписывать самому себе похвалы в каком бы то ни было виде почитается у черкес величайшим пороком. Не менее того, по их мнению, хвалить человека в глазах его есть гнусное лицемерство (см. ниже прим. 11).

В числе неприличных поступков почитается между князьями и дворянами, если кто, увидев человека, похищающего чужую собственность, расскажет о том, не будучи принужден к тому обстоятельствами важнейшими. Это неблагоприятное мнение нередко бывает весьма вредно. Впрочем, иногда бывший свидетелем воровства отбивает краденое и возвращает его хозяину, не выдавая, однако, вора. В играх и забавах не оказывают

большого чиновничества, и если бы кто вздумал этим огорчаться, то подвергнулся бы оскорбительным насмешкам.

Постоянство в поведении и твердость в данном слове почитают величайшими достоинствами человека. Напротив того, двуличие — гнуснейшей низостью.

Все, что мы говорили, относится к высшему классу; но оно может дать довольно ясное понятие и о вежливостях и приличиях, соблюдаемых и между людьми низшего сословия, которые притом сохраняют чрезвычайное почтение к высшему классу, в особенности же к князьям; в княжеских владениях простолюдины, встретясь с князем, слезают с лошадей и оказывают другие знаки почтения сану его.

Закон общежития, так сказать, создает всюду прекрасные условия благопристойности и вежливости, но слабость нравов людей часто их превращают в ничто; и в Черкесии найдете, к сожалению, чрезвычайно много таких людей, которые, ниспровергнув благородные условия общежития, посрамляют себя в глазах почтенных соотечественников постыдными поступками, хотя за то приобретают всеобщее презрение народа.

ГЛАВА VIII

ГОСТЕПРИМСТВО. ПОКРОВИТЕЛЬСТВО И ДРУЖЕСТВО

Разверните историю народов, рассмотрите древний быт их, и ум ваш будет поражен удивлением: вы увидите там священный алтарь гостеприимства, воздвигнутый среди поколений грубых и хищных, среди этих варваров и кровопийц, обезображенных деяниями бесчеловечными. Луч этой святости издревле сияет и в недрах Черкесии: искони этот народ славится гостеприимством и почитает его за величайшую добродетель.

В Черкесии путник, томимый голодом, жаждою и усталостью, везде обретает гостеприимный кров: хозяин дома, где он остановится, встречает его радушно и, не будучи с ним вовсе знаком, прилагает все возможное ста-

ранше его успокоить, даже не спрашивая, кто он таков, откуда и зачем едет, доставляет ему все нужное. Гости могут оставаться в доме, где приняты, сколько им заблагорассудится; тут хозяин не принимает участия в их желанинх провести более или менее времени в его доме. Заметим, однако ж, что гости сами, смотря по обстоятельствам, стараются не отягощать хозяина несообразным с приличиями пребыванием в его доме слишком долгое время. Поступающие противно этому обычаю подвергаются насмешкам.

Вошедший в дом вступает во все права гостеприимства, под защиту родовых прав хозяина (смотри[и] I часть, отделен[ие] третье, глав[у] II). Если кто оскорбит его или что-нибудь похитит у него, то хозяин за все вступается: обида, нанесенная гостю, равномерно обидна и хозяину, который жертвует жизнью и достоянием, стараясь доставить удовлетворение гостю, также и себе, ибо недостижение этого приписывается его слабости, унижающей до оскорбления его род. Гость случайный остается под такую же защиту до тех пор, пока не съедет со двора.

Гости, едущие из дальних мест по чуждым племенам, обыкновенно берут в **проводяты** знакомых князей и дворян или от них людей, которые, сдавая гостей с рук на руки, представляют лица, их пославшие для сопровождения гостей. Не имея подобных проводяты в княжеских владениях, люди высшего класса могут ездить по произволу своему, однако ж они их берут, чтобы не встретилось с ними какой-нибудь неприятности там, где они мало или вовсе неизвестны; но в племенах, имеющих народное правление (смотри[и] I часть, отдел[ение] 4, глав[у] I), без проводятого вовсе нельзя ездить человеку приезжому, кто бы он ни был и за каким бы справедливым делом ни ехал; в этих племенах благоразумная подозрительность положила законом останавливать каждого путника, проезжающего через их землю без проводятого. При этом не только с грубостью требуют объяснения, зачем и куда едет и кто таков, но даже подвергают плену, и если окажется, что кто-нибудь из родственников или предков его был явным врагом которому-нибудь из составляющих эти независимые племена или подозреваем в каком ни есть поступке противу их, то нередко завязывается драка и путника убивают. Во из-

бежаше подобных опасностей, имеющие надобность проезжать чрез земли этих племен берут провожатого, и тогда путнику везде отверзты двери гостеприимства. Эти племена, грубые в обхождении, но не уступают другим в хлебосольстве, и самый беднейший из них готов последним своим достоянием доставить гостю спокойствие в своем доме и обильную пищу. Если бы кто дерзнул обидеть гостя, покоящегося в его доме под кровом гостеприимства, то весь род хозяина восстанет тотчас же с готовностью пожертвовать всем, чтобы только гостю доставить удовлетворение. Нигде и никогда грубость в словах не бывает столь блистательно покрываема благородством поступка, как в этих племенах, когда один род, узнав своего врага в доме соседа, другому роду принадлежащего, собирается толпами и приступает с требованиями, чтобы гость был ему выдан или, по крайней мере, чтобы их дело было решено тут же судом. Тогда хозяин с гордостью выступает навстречу к врагам своего гостя и говорит им без обиняков: «Негодяи! Кто вам сказал, что я выдаю моего гостя его врагам? Скоты вы! Если вы храбры, так ищите врага в поле, а не под моим кровом!» Поистине, никогда грубость не бывает столь благородна, как в минуту гордой готовности принять тысячу смертей, защищая честь своего дома в лице гостя.

Повторим еще: гость есть святыня в Черкесии, и гостеприимство есть неотъемлемая принадлежность черкесов. Дела лучшие доказательства слов: не говоря уже о высшем классе, который, не заботясь о собственном покое, строит приют для гостей, но и в простом классе народа поставляют себе первым долгом иметь особенный дом для гостей, и гостеприимство они превозносят до высочайшей степени; зажиточные крестьяне имеют в домах своих особенные отделения для гостей: лучшая часть всего, что земледелец приобретает от трудов своих, оберегается бывает на случай приезда гостей же. Знакомец и незнакомец равно принимаемы и угощаемы. Все стремятся оказать услужливость гостю. Наконец, не слышано в Черкесии, чтобы гость покупал когда-либо что-нибудь для своего продовольствия.

Здесь я не умолчу о том, что люди подлые и корыстолюбивые, святоотечественною рукою иногда нарушая священные права гостеприимства, сокрушают и самую свя-

тыню, несмотря и на то, что за такие посягательства эти преступники делаются предметом народного презрения. Честные люди теряют к ним уважение и гнушаются их сообществом: на каждом шагу оскорбительные упрёки встречают их, а в прежние времена подобные изверги вовсе были изгоняемы из общества людей чтимых и даже нередко лишаемы жизни своими родственниками за нанесённое всему их роду неизгладимое посрамление. Но эти строгие, благородные и благодетельные меры ослабевают по мере развращения нравов, почему нельзя во многом не сожалеть о древнем быте черкесов. При всем том, однако ж, должно отдать справедливость им в том, что гостеприимство в величайшей степени и ныне соблюдается и, так сказать, есть та добродетель, которая осталась как бы нравственным отломком лучшей эпохи их народного бытия, и поныне несокрушимо противоборствующая временам и бедствиям, имевшим горестное влияние на нравственность этого народа.

Любопытно знать начало рассматриваемого предмета или обстоятельства, о котором говорим; так мы должны вынестись несколько в существенное введение в Черкесии гостеприимства.

«Общая склонность к рыцарскому странствованию произвела естественным образом всеобщее почтение к гостеприимству», — говорит г. Броневский. К этому заключению присовокупим, что в народе, разделённом на различные племена и хотя соединённом языком и обычаями, но которых ни законы человеколюбия, ни мудрость правления не могли слить в одно целое, должно было проявиться такое действие, которое могло бы заменить спасительные законы, ограждающие собственность и жизнь каждого. Самая месть, равно как военные обстоятельства и мирные между собою сношения двух племён, двух аулов требовали того, чтобы существовала связь между двумя частными лицами, которых обоюдные выгоды рождали необходимость взаимного защищения, и эта самая безопасность гостя, которою всяк пользуется под кровом черкеса, утверждена родовыми правами, обратившими особу гостя в некую святыню (см[отри] I часть отд[еления] 3, глав[у] 2). Обыкновенно почитать за стыд торговлю, в особенности продавать пищу, доставило путнику везде безвозмездное довольствие, а знакомства, при том приобретаемые и приносящие обоюд-

ные пользы, могли положить основание **гостеприимству**, что, наконец, сделалось добродетелью народною, и сия священная добродетель, с незапамятных времен укоренившаяся в домашнем быту черкес, была и язычеством поддерживаема (смотри [и] I часть, отдел [ение] 2, глав [у] о религии) и не только не ослабела от введения между черкесами магометанской веры, но даже упрочилась. Известно, что эта религия поставляет гостеприимство в числе высоких добродетелей человека.

Заключим тем, что черкесы вообще, принимая гостей, уверены в том, что делают угодное творцу и с благоговением говорят: «Продовольствие гостя бог дарует гостеприимному». Не предпочтительна ли эта сердечная простота полудикого черкеса расчетливости просвещенного европейца?

Приятно слышать о добрых нравственных качествах народа и о благородных его обычаях, почему здесь помещаю некоторые подробности относительно того покровительства, которое черкесы по обычаям своим обязаны оказывать слабому, а равно и относительно законов **дружества**, столь свято этим народом чтимого.

Покровительство. По введению в Черкесии обыкновенно слабый человек, находя свое положение опасным, ограждает себя посредством покровительства могущественной особы таким образом: он является к лицу, сильному властью, знатностию рода, обстоятельствами, и поручает себя, свое семейство и все достояние его покровительству, в чем ему и не отказывают никогда, ибо не соблюдающий обыкновения — оказать защиту просящему — наносит тем собственному своему достоинству величайшее посрамление в мнении народа, что делает неизгладимое пятно всему его роду. Лицо же, принятое под защиту, поступает уже под покров гостеприимства на правах гостя так же точно, как мы выше сего это описали относительно гостя и гостеприимства. Таким образом, поступающие под покровительство владельцы живут по большей части в аулах своих покровителей, что приносит и этим последним пользу, умножая число их окружающих и подвластных, оказывающих им разного рода услуги. Иные же из таковых покровительствуемых людей, обитая и в другом ауле или даже племени, состоят под защитою посторонних владельцев, которых покровительству себя поручают во избежание само-

властия тех, от которых находятся в зависимости. Другие же, большую частью люди торгующие и потому нередко выезжающие из своего племени в другое, также имеют в разных племенах своих покровителей, так сказать, на всякий случай, и они нередко, потерпев бедствия от разбоев, впоследствии посредством своих покровителей и не только освобождаются от плена, но даже и всю потерю свою получают обратно. Покровитель заступает за покровительствуемого им, как за своего гостя.

Это обыкновение до такой степени распространилось, что оно, можно сказать, сделалось спасительною оградою слабых. Так немощные вдовы и сироты, поручив себя и свое достояние покровительству сильной особы, ограждаются безопасностью. Так, слабый, будучи в деле с сильным, не в состоянии от него получить удовлетворение, подвергается к ногам постороннего владельца, просит его защиты, и владелец заступает за него, как за своего гостя, и доставляет ему удовлетворение. Наконец, даже жены своенравных мужей (в низшем классе) прибегают к такому же роду покровительства посторонней особы в таком случае, когда она имеет собственность, состоящую в рогатом скоте и вещах, то это имущество поручает покровительству этой особы, которая с вящею готовностью защищает оно.

Черкесы под названием «гость» в обширном смысле понимают и людей, таким образом, как мы здесь описали, прибегающих к защите и покровительству постороннего владельца.

Предоставя читателю, знающему обыкновения феодальных времен Европы, приискать в своем уме надлежащее название этому обыкновению, поддерживаемому в Черкесии родовыми правами (смотри часть I, отдел[ение] 3, глав[у] 2), повторим, что оно, доставляя обиженным — справедливое удовлетворение, гонимым — безопасное пристанище, угнетенным и притесняемым — защиту, влекущим цепи неволи — свободу, возвращая разоренным и ограбленным достояние, ограждая вдов и сирот и вообще слабых защитою, заменяет собою законы частной безопасности.

Дружество. «Между разными племенами в Кавказе не было бы других отношений, кроме военных, если бы

дружба и гостеприимство не производили между ними частных, но не менее прочных и для человечества полезных связей, кои, отлучая злобу от меча, приглашают вражду к отдохновению. Дружба в Кавказе имеет также свои особенности: слово **кунак** или друг значит то же самое у черкесов, что у босняков **побратим** и в древности у наших предков крестовый брат, т. е. такой друг, за которого жертвуешь имуществом и жизнью. Когда один кунак (смотри ниже прим. 12) придет к другому в гости или по своей надобности, то принимающий в доме своем снабжает приезжего друга всем нужным, не жалея собственности, а в случае недостатка в чем, пускается с ним вместе на воровство и отдает всю добычу своему кунаку. Сей странный способ помогать друг другу, с обидою ближнего (см. ниже прим. 13), употребляемый между кавказскими народами от древнейших времен, есть главное звено их политических соотношений. Каждый старается иметь кунака в отдаленной стране и прибегает к нему в случае нужды, а посредством связей, каковыя всякий имеет в чужой земле, сближаются между собою все народы или по крайней мере есть возможность к взаимному их сообщению. Лучший и весьма употребительный способ обеспечить себя от разбоев на случай переезда из одного места в другое внутри гор состоит в приискании надежного кунака, каковыя охотно нанимаются в провозы за умеренную плату и отвечают за цельность особы и пожитки путешественника. Частные люди* и купцы не иначе ездят из Моздока в Грузию и из Кизляра в Дербент и Баку, как под покровительством кунаков. Хотя существует великая разность между наемными кунаками (см. ниже прим. 14) и тою связью, которая под тем же именем существует у горцев между собою, однако не менее того обычай требует, чтобы наемный кунак защищал своего наемщика не щадя своей жизни, ежели не хочет себя навсегда обесславить, а сия самая известность достаточно предохраняет путешественника от нападения разбойников, которые обыкновенно ищут легкой наживы, а не упорной драки**.

* Так в подлиннике (Ред.)

** Текст С. Броневского приведен с некоторыми изменениями. (Ред.)

Так говорит г. Броневский, из слов которого явствует, сколь много производит дружба между горцами Кавказа спасительных связей для обществ. К этому присовокупим, что предки нынешних черкес, желая память изменников коварных предать проклятию потомства, говорили: «Бог дружбы да накажет злодея!»

ГЛАВА IX

ОБРАЗ ВОЕВАНИЯ

Главнейшие причины, порождающие войны между черкесскими племенами, бывают нередко весьма маловажны: оскорбление прав, достоинств родов присвоенных (смотри [и] часть 1. отдел [енне] 3, главу 2), иногда почти мнимое, достаточно, чтобы возбудить партии к неприязненным действиям, которые обыкновенно начинаются набегам; причем, разумеется, доходит до драки и смертоубийства, потом кровомщения возгораются, а там доходят до народной или общей войны.

В княжеских владениях — князья, а в племенах, имеющих народное правление, — старшины вынудительными мерами (смотри [и] 1 часть, отдел [енне] 3, главу 3) вооружают народ, тут кровь льется то в общих сражениях, то в частных наездах. Вот главнейшие обстоятельства, порождающие междоусобные войны черкесских колен. О заключении мира мы в первой части записок говорили. Здесь же представим описание, каким образом в Черкесии собирают по несколько тысяч конницы для нападения на русскую границу.

Подобные сборища бывают за Кубанью в двух местах: первое — против границы Черноморского казачьего войска, начиная пониже Екатеринодара, вниз по течению Кубани до Таманского острова, и второе — против линии, занимаемой линейными казаками, начиная выше Усть-Лабинской крепости, вверх по Кубани до истока этой реки из гор, а именно в Шапсугском и Абедзахском племенах. В промежутках же здесь означенных пунктов границы, как-то, против Таманского полуострова и между Екатеринодаром и Усть-Лабинской крепостью, подобные сборища бывают реже, и то маловажные, не говоря о шитожных партиях воров, которые, как голодные волки, везде рыскают, ища добычи.

В упомянутых местах, служивших, можно сказать,

сборными пунктами войск, обыкновенно составляемых из охотников, старшины или предводители, затевающие спальный набег, посылают во все места сопредельные, приглашая желающих собраться для предполагаемого нападения в такой-то день, в такое-то место; впрочем, редко делают всем известным истинное намерение и цель сборищ, а лишь о том знают старшины. Причина такой скрытности очевидна: для того, чтобы неприятли, осведомясь о направлении цели сборища, не приняли мер безопасности и противодействия; в таком неведении остаются до самой переправы чрез Кубань толпы воинов, несущихся, волнуясь, вслед за переднею партиєю, которую составляют главнейшие предводители войска.

Черкесы не берут с собою значительного продовольствия, отираваясь в поход. До назначенного дня выступления они располагаются на квартирах в окрестностях сборного пункта и там продовольствуются.

Избранных вождей черкесы не имеют, но те старшины, которые собрали войско, собою составляют и вождей. Из них пользующиеся наиболее уважением и славою в народе имеют сильнейшие голоса, и их-то называют «Дзепиль» (князь войска). Они же тут располагают и движениями и действиями.

Собрать многочисленное войско в Черкесии весьма легко человеку, известному успехами в предприятиях и храбростию, ибо все воины — жители аула и других мест при первом зове стекаются, и сами не зная куда и с какою целью; слово «поход» достаточно для их возбуждения и движения. Тут действуют два главных обстоятельства, из коих первое — славолюбие, которое влечет к предприятиям князей и дворян и вообще лучшее воинство; второе — надежда на добычу, двигающая толпы черки. Иногда до вступления в землю неприятеля они делают условия относительно дележа добычи, которою надеются овладеть и которую быстрота их нападения им часто доставляет.

Народ, живущий в вечной войне, казалось бы, должен соделаться большим знатоком в военном искусстве, однако черкесы, на войне взрослые и войною же воспитанные, лишь соделались неподражаемо воинственными, проворными, ловкими, терпеливыми и отважными, но вовсе или мало приобрели познания в военном деле.

Все их военное искусство состоит в том, чтобы неожки-

дано и быстро нападать на неприятеля и, подобно парфянам, заманивать его в засады притворным бегством.

«Опыты доказали, что бегущий черкес не есть разбитый неприятель и что никакая ни легкая, ни тяжелая конница не может держаться противу конницы черкесской»*, — говорит г. Броневский, который и набеги черкесов сравнивает с набегами парфян. Действительно, бегущий черкес еще не побежден, и нет в мире кавалерии, которая могла бы устоять противу отборной конницы черкесской, даже и в превосходном числе, ежели она не будет иметь артиллерию.

Порядок, соблюдаемый черкесами во время движения войск и приготовления к решительному нападению на землю неприятеля, имеет некоторый вид устройства и подчиненности: главнейшие старшины-предводители назначают отличных способностями и наиболее уважаемых **дежурными (шуххатий)** по войску. Эти дежурные во время движения соблюдают порядок, отделяют партии, называемые передняя и задняя (см. ниже прим. 15). Они идут толпами, но каждая партия не смешиваясь с другою. Доброконные и худоконные бывают отделены между собою. Первые составляют авангард, вторая часть есть в некотором смысле подкрепление.

При таком разделении войск дежурные смотрят за всеми, и нередко хорошему воину, не имеющему хорошей лошади, дают такую, отобрав у другого, дурно вооруженного или слабого воина. Вообще в войсках, состоящих из воинов, собранных в княжеских владениях, более бывает порядка, повиновения и подчиненности, нежели в войсках, составленных из племен, имеющих народное правление (смот[р]и 1 часть, отд[еление] 4, глав[у] 1).

Однако все вышеупомянутые распоряжения в войске черкесском изменяются в минуту нападения: все, за исключением старшин, князей и дворян, которым приличие не позволяет брать добычу и которых удел есть «сражаться», бросаются в беспорядке на добычу: грабеж и убийства продолжают в деревне, сделавшейся жертвою свирепого нападения черни черкесской, несмотря

* Текст С. Броневского приведен с небольшими изменениями. (Ред.)

и на старания старшин, призывающих их иногда звуками литавр (см. ниже прим. 16), а большею частью, рассылая людей во все концы, — до тех пор, пока простые ратники не насытятся добычею или опасность приближающегося неприятеля не заставит их образумиться. Между тем князь и старшины дворян, составляющие лучшее воинство, дерутся с защищающимся неприятелем. Также на обратном пути, составив арьергард, подвергают себя всем опасностям, отважно дерутся с наступающим их неприятелем и, храброю стойкостью удерживая и отражая натиск преследователей, дают время подвигаться вперед большей части войска своего, с добычею и в беспорядке возвращающегося*. Здесь руководствует храбрыми воинами высшего класса честь и жажда славы, а не добыча, как некоторые рассказывают, судя о том поверхностно.

В минуту сражения исчезают все распоряжения в войске черкесском, как мы сказали выше: кто хочет, тот дерется; приказанья старшины уже не действуют, а увещевания их покорствуют только дворяне. Этому главнейшую причину служит предрассудок, будто бы славнее сражаться лично и оказывать храбрость, нежели, распоряжаясь, содействовать существеннее общему успеху.

Черкесы в день сражения одеваются в самые лучшие свои одежды, которые вместе с блестящими их шлемами, кольчугами, стрелами и богатыми конскими сбруями представляют прекрасный, разнообразный и величественный вид, которым отборное их воинство отличается.

Никогда почти их пехота не бывает с кавалериею во время их набегов на русские границы, и тогда только она хорошо дерется, когда дело происходит в лесу. В войнах же междоусобных и пехота их принимает участие.

Достоинно замечания, что во время походов в высшем классе младшие оказывают нередко величайшее повиновение старшинам, — тем более, что это обстоятельство некоторым образом опровергает мнение некоторых, что черкесы вовсе неспособны к повиновению.

Все здесь сказанное может подать ясное понятие о больших действиях черкесских войск, если можно так

* В подлиннике «возвращегося». (Ред.)

назвать массу воинов, скоро собирающихся и скоро разъезжающихся. Теперь перейдем к действиям малых партий.

Небольшие партии воинов скрытно пробираются, быстро нападают и быстро скрываются, и в случае погони за ними сражаются отчаянно и тела убитых товарищей с удивительною решительностию уносят с собою; и здесь, как и в больших действиях, защищая тело убитого товарища, целые партии погибают; они, убив своих лошадей и из них сделав батареи, продают жизнь очень дорого. Примеры подобных отчаянных подвигов нередки, и черкесы это все делают **из жажды к славе** храброго воина и боясь **названия труса**, а не из жадности к добыче, которую им, конечно, не принесет смерть.

Если черкесы мало приобрели познания в искусстве больших военных действий, то они затем отменно хитро действуют в малых нападениях и воровствах: в больших лесах, чрез которые проложены дороги, они делают засады и проезжающего, деревянным крюком стянув с лошади, полонят и обирают.

Отчаяннейший из наездников подъезжает к аулу и там, расспрашивая какого-нибудь мальчика о чем-нибудь, роняет плеть и, когда мальчик подает ему эту вещь, то, схватив его за руку, ускакивает; и дабы не могли его подозревать в подобном смысле, поджимает одну ногу под лопаткою коня, отчего послушный его товарищ, уже к тому приученный, начинает прихрамывать, что видя, разумеется, мальчики не боятся подойти к наезднику, сидящему на хромоу лошади, не подозревая в нем своего злодея-похитителя.

Черкесы поединков не имеют в таком виде, в каком они приняты в Европе. Вслед за оскорбительными словами вспыхивает брань и нередко падают мертвыми люди, за несколько минут перед тем дружелюбно между собою разговаривавшие. Однако ж такая вспыльчивость умеряется уважением к присутствующим и почтением к хозяину дома, где случится спор, и тогда отлагается брань до другой удобной встречи, говоря вообще, не назначают ни места, ни времени поединка (см. ниже прим. 17). Между заклинаниями достойно замечания следующее: «**Дай бог, чтоб ты не знал, что делать, и не хотел бы ни с кем посоветоваться**». В высшем классе грубые слова и ругательства почитаются весьма непри-

личными, и произносящие их подвергаются большим насмешкам.

Вся жизнь черкеса проходит на войне, и старцы на краю гроба благословляют дни свои, ознаменованные подвигами храбрости.

Г Л А В А X

О СОДЕРЖАНИИ РАНЕНОГО

Обряды, соблюдаемые черкесами при содержании раненого, суть важнейшие остатки времен язычества этого народа и поныне неослабно и повсеместно с маловажными различиями и изменениями продолжающиеся. Раненого знатного происхождения по большей части помещают в доме владельца ближайшего аула к тому месту, где он получил рану. Владелец аула как по долгу гостеприимства, так равно и по приличию общепринятому приглашает раненого к себе, и без особенных обстоятельств не отказывает принять его предложения, потому что отказ может его оскорбить.

Минуте внесения больного в дом, назначенный для помещения (раненого. — *Ред.*), предшествует суеверие: порог дверей возвышают, прибив толстую доску. Девушка моложе 15 лет обводит вокруг внутренней стены дома черту коровьим калом, в надежде предохранить этим больного от вредного влияния нечестивых взоров, как говорят черкесы. У постели больного ставят чашу с водою и куриным яйцом. Тут же кладут железную соху с молотом того же металла. Посетитель, в первый раз посещающий больного, подойдя к нему, трижды ударяет молотом по сохе, потом слегка окропляет одеяло на больном из той же чаши, в которой положено яйцо, и, произнеши: «Бог да соделает тебя здоровым», отступает от постели больного и занимает приличное его лежачему место.

Входящие в дом к больному и выходящие оттуда осторожно переступают возвышенный порог, боясь задеть его ногою, что почитается неблагоприятным предзнаменованием. Также посетитель ударяет молотом по сохе так сильно, чтобы звук был слышен всем в доме находящимся: есть у них поверье, что если посетитель братоубийца или убийца невинного человека, то удар молота не произведет звука; также от его прикоснове-

ния к чаше с водою лопнет яйцо, там положенное, и что это служит доказательством преступлений посетителя. Замечают, что явные убийцы нередко вовсе не касаются рукою до воды, сколько постараются скрыть это от взоров тут находящихся.

Впрочем, многие из посетителей постигают нелепость этих суеверных обрядов, но все без изъятия соблюдают их во всей строгости, потому что предрассудки эти в мнениях народа весьма сильно укоренились. Однако надобно сказать, что эти поверья суть один из всех предрассудков, невежеством порожденных, которые поистине вовсе не вредны. Сказывают, что в древние времена явные братоубийцы и пролившие кровь невинных избегали таких посещений; потому что народ был уверен, что их присутствие может повредить больному, да и теперь многие этого же мнения: явных убийц между посетителями бывает много и их присутствию невежество присматривающих за больным приписывает дурные перемены состояния его здоровья, доказывая это тем, что яйцо, положенное в воду, находят треснувшим, вовсе не помышляя о том, что оно от влияния воды, в особенности зимнею порою, или от нечаянного прикосновения к чашке само по себе может лопнуть.

Как бы то ни было, добрые люди с презрением изиранут на явных убийц, тут присутствующих, и эти странные обряды, суеверные и смешные, доказывают, что предки нынешних черкес более гнушались и боялись присутствия преступников законов природы и уважали невинность до тех пор, пока эти чувства добродетели, и в непроницаемой мгле невежества снявшие, не были поглощены в пучине разврата.

По принесении больного в дом немедленно призывают человека, пользующего раненых, который остается при больном до его излечения. Аул, где находится больной, делается сборным местом не только соседних, но даже дальних дворян и всего высшего класса, да и простого народа, в том и соседних аулах живущего. Всякую ночь к больному сходятся приезжие, остановившиеся в том ауле; также старцы и молодежь всякого звания. Почитаются приличным для отцов и матерей семейства, чтобы их дочери посещали больного; причем иногда предшествует приглашение жены и дочерей хозяина дома, где больной находится. Но должно заметить,

что женщинам строго воспрещается вход к больному, зато девушки составляют предмет удовольствия всего сборища.

В сумерки начинают собираться к больному, и тогда же пение раздается под сводом его жилища. Посетители поющие разделяются на две партии, и каждая старается превзойти другую, и поют сначала песни, для подобного случая сложенные, а там переходят к обыкновенным песням в том случае, если больной находится вне опасности и весел, в противном же случае продолжают петь те же песни до усталости. Потом, прекратив пение, начинают разные увеселительные игры и забавы, в которых девушки в особенности принимают участие. Из забав этих самая главнейшая есть **рукобитие**: один из веселящихся начинает эту игру, подойдя к одной из девиц (разумеется, что нередко выбирают хорошеньких), требует, чтобы она вытянула руку, он бьет ее по ладони, после чего она, в свою очередь, подойдя к какому-нибудь из мужчин, ударяет также по ладони, что обыкновенно продолжается довольно долго, потому что никакая другая забава в этих сборищах не доставляет столько живых удовольствий мужчинам. Конечно, и девушкам не бывает неприятно позабавиться с теми молодыми наездниками, которые привлекают их внимание.

После начинаются разные другие игры, сопровождаемые криком, шумом, волнением и толкотней. Наконец все эти забавные шалости постепенно утихают, и песни — преимущественные принадлежности содержания раненого — опять охриплым голосом начинаются, но уже недолго продолжают; к ужину являются столы, отягощенные яствами и напитками в кувшинах для почтеннейших гостей и в огромных кадках для народа. Девушки в сопровождении друзей хозяина возвращаются в женское отделение, а оттуда, поутру, расходятся по домам, около же сумерек опять собираются к больному.

По окончании ужина, пропев еще несколько веселых песен, все, за исключением неотлучно находящихся при больном, удаляются до наступления другой ночи. Опять в сумерки все являются к больному с новыми силами, после отдохновения в течение дня, и многие с новыми замыслами в отношении к красавицам.

Такие сборища продолжают до излечения больного или до его кончины. Само по себе разумеется, когда

нет надежды на выздоровление больного, когда явно он приближается ко гробу, то и сборища бывают не веселы; следы уныния заметны на лицах посетителей, которые в таком случае бывают не так многочисленны и состоят во большей части из друзей больного и хозяина дома, его содержащего. Но песни не прекращаются и в самую последнюю ночь жизни больного.

Больной сам участвует в забавах и пении, нередко преодолевая нестерпимую боль; и при входе почтенного посетителя или девицы всякий раз встает с постели; если же исполнить этого ему нет возможности, то, по крайней мере, он приподнимается с изголовья, несмотря на запрещение пользователя.

Я видел человека на одре смерти, до того близкого к гробу, что не было уже никакой надежды, и этот несчастный при входе моем, услыша, что я приехал его посетить, до того употребил усилие, чтобы встать, что вновь повредил перебитые кости и упал в обморок от ужасной боли. Жалостно было смотреть на конвульсии его. Спусти три дня после того он умер, превозносимый похвалою за мужественное терпение.

Если больной охает, морщится и не встает при входе посетителей, навлекает на себя дурное мнение народа и подвергается насмешкам. Это обстоятельство делает черкесов терпеливыми до невероятности.

В продолжение лечения родственники и близкие хозяина, а также больные и знакомые, нередко даже и вовсе посторонние, но живущие в близости дворяне, приглашают и присылают скот на убой, приготовленные кушанья и напитки, потребные при содержании больного.

По выздоровлении раненого иногда хозяин дома, где он лечился, делает пир выздоровевшему в его доме; прием подносит ему подарки, состоящие в оружии, и подводит лошадь со всею конскою сбруею. Лекарю, пользовавшему его, также делает большие подарки, кроме того, ему принадлежат все кожи быков и баранов, съеденных народом в доме хозяина, где содержался больной в продолжение его пользования. Вылечившийся одаряет ту женщину, которая обыкновенно мыла бинты, тряпки и прочее в продолжение его лечения, равно как и тех, которые неотлучно находились при нем в услугах. Сверх того, он делает подарок и той молодой девице, ко-

торая обвела чертою внутренние стены дома, где лежился. Впоследствии самому хозяину раненый князь иногда дарит семьи людей, и дружба водворяется между ними.

Что мы говорили относительно содержания раненого, принадлежит людям знатым высшего класса; что же касается до людей менее значительных, то образ содержания их тот же самый, с тою только разницею, что сборища и угощения бывают сообразны с значительностью и состоянием раненого и хозяина дома, где он содержится, если он не в своем доме лежит, что, впрочем, редко случается в простом классе народа.

Также в низшем классе почти всегда торгуются с лекарями, которые берутся лечить раненого, что в высшем классе редко делается; потому что договариваться в таких случаях, где, по мнению их, дворянин сам обязан знать приличие, почитается оскорбительным, и лекаря не бывают от этого в проигрыше.

Справедливость требует не умолчать в заключение о том, что бескорыстное соблюдение приличия производит поступки истинно великодушные: молодой дворянин или какого бы ни был звания воин, готовый пожертвовать собою для славы, догоняет неприятеля, сделавшего неожиданный набег, и, несмотря ни на число его, ни на опасность, бросается на него, дерется и получает или смерть, или тяжелую рану. В случае смерти первый благородный человек, нашедший тело, по предании его земле на свой счет совершает все, что религия предписывает родственникам покойного оказывать его памяти. В случае же, если он находит раненого, то берет его к себе, содержит нередко самым лучшим образом, платит врачу, пользующему его, и, наконец, по выздоровлении дарит ему прекрасную лошадь со всею конскою сбруею и полное на одного человека вооружение, даже нужную одежду, и все это делает из одной чести, не имея в виду никакого вознаграждения, кроме похвалы народной. Такие прекрасные стремления к прославлению нередко заставляют черкесов делать с истинным самоотвержением добро и защищать невинность. Но эта благородная черта характера, к сожалению, часто обезображивается, так сказать, косвенными понятиями черкесов о славе: они нередко проливают потоки крови, подвергают свою жизнь опасности и все это лишь для приоб-

ретення воинственной славы, не приносящей никакой пользы отечеству, отвергаемой богом и законами человечества.

ГЛАВА XI

ПОГРЕБЕНИЕ И ПОМИНКИ

Мы выше говорили, что у черкесов со времени принятия ими магометанской веры последовало много изменений в коренных древних их обычаях. Это обстоятельство ни в каком ином случае не проявляется в таких разительных противоположностях, как в обрядах, соблюдаемых при погребении умершего и при отправлении по нем поминок. Здесь предлагаю описание таких обрядов, при погребении и поминках знатного человека соблюдаемых.

Как скоро больной испустит последнее дыхание, то в доме его поднимается плачевный вопль: мать, жена, дети, родственники, друзья и все находящиеся в доме оглашают воздух стенаниями скорби. Женщины бьют себя в грудь и шиплют лицо, мужчины царапают лоб до крови, и синие пятна остаются на долгое время, даже нередко бывают раны на изувеченных местах. Но такие знаки особенно глубочайшей горести оставляют на себе лишь друзья покойника, равно как и родственники.

Все женщины того аула стекаются туда, умножая плачевные вопли. Посторонние лица, в ту же пору проходящие, обыкновенно по нескольку вместе, начинают испускать протяжный вопль, еще не доходя до того дома, где лежит покойник, и, продолжая плач, входят туда и, подошед ближе к телу, короткое время там остаются, а потом выходят вон из дому, но редко прежде перестают плакать, как уже на дворе. Те же из них, которые желают более изъяснить знак особенной своей горести, остаются в доме или, вышед оттуда, останавливаются у стены дома и продолжают плакать.

Между тем старики, сами перестав плакать обыкновенно довольно скоро, распоряжаются приготовлением тела к погребению. Они же увещевают близких покойника не слишком предаваться скорби и советуют им оказывать твердость душевную к перенесению удара судьбы. Пожилые женщины то же самое делают в отношении к женщинам.

В то же время призывают жреца, который моет тело покойника с помощью одного или двух своих учеников или помощников; моющие тело обыкновенно на руки свои надевают мешки из той самой белой ткани, из которой шьют покойнику род савана, похороженного на мешок, с обоих концов открытый, надеваемый на труп и называемый **кефин**. Тело вымывают со тщанием, даже нередко обрезают ногти на руках и ногах, и эту обязанность некоторые из муллол исполняют с особенным усердием, что заставляет народ благоговеть перед ними.

Тело женского пола моют и готовят к погребению пожилые женщины в таком точно порядке, как и тело мужского пола. Где нет муллол, там люди, знающие, хотя несколько, читать молитвы, его заменяют. В продолжение приготовления тела к погребению обыкновенно готовят могилу; не слышано в Черкесии, чтобы когда-нибудь нанимали для этого рабочих людей; напротив того, все жители стекаются в дом покойника, как сказано выше, и оттуда нужное число людей идет на кладбище и там копают могилу непрерывно, спеша один другого сменять на работе, считая это приличным каждому. Тело умершего кладут на связанных досках, а по большей части на коротких лестницах, подмостках так, чтобы тело лежало неподвижно, и сверху покрывают богатым парчевым одеялом и обыкновенно тело несут на руках из дома до кладбища. Родственники покойника с плачем сопровождают его останки; также и женщины, которых почетные старцы нередко возвращают не доходя до могилы. В продолжение шествия от дома до кладбища три раза останавливаются и священник, сопровождающий тело, трижды читает молитвы. Сопровождающие тело непрерывно сменяют носильщиков. Прежде чем опустят тело в могилу, над ним совершают молитву, потом мулла принимает от родственников умершего приносимые ими дары **искат**; причем он делает «девир», т. е. сорок раз спрашивает о добровольном приношении даров, и прежде всего, приступая к тому, спрашивает, сколько лет было покойнику от роду и какого он был поведения. Приносители даров в этом случае надеются тем уничтожить или по крайней мере уменьшить грехи покойника. После всего этого спускают тело в могилу, головою к западу и несколько наклоняют на правый бок, так, чтобы оно лежало более наклонно

кюгу. В нных местах кладут рукописные молитвы с те-
лом.

Засыпая могилу, все попеременно работают, и один другому, уступая деревянную лопату, не отдает ему в руки, а кладет на землю. Тут же приносят в жертву барана, а мулла читает из корана главу. Иногда лю-
ды, отпускаемым на волю по завещанию покойника или по собственному желанию его наследников или дру-
зей, объявляют тут же свободу.

Обыкновенно по окончании всего этого могилу поли-
вают водою, и тогда все отступают от могилы на 40 ша-
гов; мулла же, оставшись на могиле, читает молитву
«талкин», про которую суверенные рассказывают, что
если покойник не отягощен грехами, то он повторяет ес-
слово в слово за священником. Потом священник воз-
вращается к ожидающим его и, еще совершив молитву,
все идут уже домой. Тут все присутствующие изъявляют
родственникам покойного свое сожаление о их потере,
и почетнейшие увещевают их быть твердыми, покорны-
ми богу и не предаваться печали.

В наступающую ночь духовенство собирается в дом
покойника и там иногда до самого рассвета проводят
ночь в молитвах об упокоении души умершего и о про-
шении ему его грехов, а после трапезы расходятся по
домам. Нередко три ночи продолжают сряду подобное
чтение молитв. На седьмой день делают первую помин-
ку, на сороковой день — вторую. На поминки эти соби-
рается духовенство и народ: первые читают алакуран,
получив за прочтение условленную плату, а вторые на-
сыщаются пищею и питьем, для этого случая пригото-
вленными. Такую же третью поминку нередко отправляют
на шестидесятый день или на исходе года. Все обряды,
здесь описанные относительно погребения и поминков,
включая обыкновения плакать протяжным воплем по-
сторонним, без разбора, лицам, истязания себя родст-
венниками и друзьями, равномерно бесплатная работа
суть следствия введения между черкесами магометан-
ского вероисповедания.

Нынешним черкесам почти неизвестно, как хоронили
тела их предков во времена язычества, но надобно пола-
гать, что вместе с телом зарывали и оружия умерших,
судя по тому обстоятельству, что и поныне нередко на-
ходят в недрах земли оружия вместе с человеческими

скелетами. Поныне же оставшиеся от древнейших времен обряды больших так называемых **поминок** особенно любопытны, и мы их здесь подробнее представим.

Смерть отца семейства или знатного члена везде и во всяком народе повергает в горестное, если не всегда в душевное, то, по крайней мере, притворное уныние оставшихся в живых родственников умершего. Но это уныние нигде не оставляет таких ужасных следов и столь продолжительных слез, как в Черкесии. Не только друзья и знакомые умершего знатного человека, но даже и те, которые его едва ли знали, нередко посещают родственников его для изъявления своего душевного участия в их потере.

Они, подъехав к дому, где жена или мать умершего находится, слезают с коней, снимают с себя оружие, идут к дому, куда приближаясь, начинают плакать, причем нередко треногами и иногда и плетью секут себя по открытой голове; в таком, однако, случае встречают их и, удерживая удары, наносимые ими самим себе, подводят их к дому. Если же такие посетители не имеют в руках ремней, то их не встречают, и они идут тихо, подвигаясь вперед и обеими руками прикрывая свое лицо. С воплем входят в дом, где и женщины отвечают тем же, выходя оттуда. Они являются в гостиную, и там родственникам покойника изъявляют с печальным видом, но уже не плача, свое сожаление о их потере и уезжают. Бude же эти посетители не плачут, входя в дом к женщинам, то и они в присутствии их не рыдают, но лишь те выйдут, то заглушают воздух пронзительным воплем, который чрезвычайно трогает душу; в особенности жалостный голос сирот потрясает сердце. Сироты нередко продолжают рыдать при посещениях почти до истечения года. Следственно, и плачевное стелание в доме покойника не умолкает весьма долгое время. Те, которым важное обстоятельство помешает самим лично приехать для изъявления своего сожаления, присылают людей, заслуживающих почтения. Разумеется, что не все плачущие не потому плачут, что горесть их столь велика, но следуют общепринятым обыкновениям, несоблюдение которых нередко лишает человека уважения народа и подвергает поношениям.

На могиле воспитанника ставится иногда железный трезубец в виде вилы на шесте, к которому прикрепляют

черную или красную ткань (**ньппе**). В прежние времена вместо трезубца ставили железные кресты с тканью же.

По воспитаннику носят годичный траур, также жены носят годичный траур по мужьям и в продолжение этого времени не спят на мягких постелях. Надобно заметить, что муж не плачет по жене, и если даже окажется печаль во время ее болезни или по смерти, то неминуемо подвергается насмешкам.

Родственники и друзья покойника долгое время чуждаются увеселения и сохраняют печальный вид. Невыполнение всех этих обрядов почитается за стыд. По происшествии же года отправляют большую **поминку**, или **тризну**. Таким образом: большие поминки, или тризны, по знатном человеке, которого наследники в состоянии поддержать приличия своего дома, совершаются по истечении года, и когда приблизится день, назначенный для тризны, то предпринявшие ее совершение готовят чрезвычайно много яств и напитков; в этом случае близкие их и даже посторонние лица, по принятому обыкновению, привозят готовые кушанья и напитки, пригоняют рогатый скот, нужный на зарез. За несколько дней до наступления дня торжественной поминки посылают в соседние аулы приглашать народ. К почетнейшим особам сами ездят просить удостоить их тризну своим присутствием, в случае, ежели обстоятельства им не позволят явиться, то посылают и к знатнейшим особам людей наиболее уважаемых, поручив им извинить их перед особами, которых приглашают через него, в том, что сами не могли лично к ним явиться.

Накануне тризны съезжаются приглашенные лица к пригласившему или останавливаются в соседственных аулах, ибо собрания бывають до того многочисленны, что помещение в одном ауле делается невозможным.

Торжество тризны открывается конскою скачкою: еще до света высылают скакунов в назначенное место. С ними отправляется почетный человек, который, поставив их в ряд, пускает всех в один раз. Первый приз получает первая прискакавшая к цели лошадь, второй приз — вторая и третий приз — третья; иногда и самой последней прискакавшей лошади назначают в награду какую-нибудь безделицу. Конные толпы встречают возвращающихся скакунов и нередко мешают им тем, что каждая партия погоняет своих скакунов. После возвра-

щения со скачки почетнейших гостей собирают в гостиную, куда приносят столы, отягощенные яствами. Здесь присутствующие духовные особы пред началом обеда читают молитвы. Надобно заметить, что духовенство, почитая также поминки, в котором одно игрище другим заменяется и весь народ в торжестве, противными религии, не всегда посещает их. Другим же гостям, располагающимся на обеденное время в ауле, разносят столы с яствами и напитками в больших сосудах. Народ собирается на открытом воздухе, на дворе под навесами и около строний толпами. Напитки и столы с яствами разносятся к народу, но чтобы никто не оставался ненакормленным и ненапоеным, хлеб, пироги и прочие сухие яства разносят в бурках и раздают всем без изъятия. Для соблюдения порядка назначают людей, которые и смотрят за тем, чтобы все делалось надлежащим образом. Напитки для народа ставятся на открытом воздухе в бочках, для надзора и тут находится один человек. Кто хочет, подходит к напиткам и пьет. блюстители порядка имеют в руках палки, которыми нередко подчуют молодых шалунов. Они же смотрят, чтобы старцы прилично были угощаемы.

В продолжение пиришества множество лошадей, накрытых разноцветными тканями, стоят на дворе. Этих лошадей приводят родственники, друзья и знакомые покойника **посвящать** его памяти. В прежние времена, лошадям, посвящаемым памяти умершего, отрезывали концы ушей, но ныне довольствуются одним их приходом в богатых покрывалах, называемых «**шдьянь**».

Толпы многочисленного народа, веселым оживленного, шум, говор, ржанье коней, рядом поставленных, в богатых уборах, с разноцветными покрывалами, суетящиеся женщины, не упускающие случая себя показать мужчинам в блеске и на них взглянуть иногда лукаво; все это составляет собою зрелище весьма знаменательное.

В этот же день оружие и одежда покойника нередко бывают разложены в доме.

Молодые князья и дворяне с нетерпением ждут окончания трапезы; в этом нетерпении им не уступают хоронше стрелки и даже проворная молодежь и мальчишки всех званий, потому что каждому из них предстоит разные потехи.

Лишь перестанут насыщаться, тотчас садятся наездники на коней и окружают ездоков, сидящих на покрытых донадах, и, дав им время разбежаться, пускаются за ними в погоню; и, догнав, стараются сорвать покрывала, а те — ускакать от преследователей, в чем, если успеют, то, повозив некоторое время развевающуюся ткань, бросают ее среди толпы пешего народа, и тут начинается борьба, и ткань в мелкие куски разрывают.

С другой стороны выскакивают в поле наездники в шлемах и панцирях, сплетенных из орешника, и за ними пускается сотня наездников: одни стараются как можно далее проскакать с своими трофеями, а другие отнять у них и самим увенчаться ими; третьи же стараются наполнить себе карман орехами, наконец, им всем не удается исполнить свои желанья, почему и бросают среди толпы же пешего народа свои трофеи, и тут снова начинается шум и борения возобновляются. В то же время стрельба в цель не умолкает: одни стреляют пешие, на расстоянии от двух до трех сот шагов, и попавшие в цель получают приз. Другие же верхом на всем скаку (мимо цели) стреляют обыкновенно из пистолетов, и попавший берет назначенный приз. В другом месте открывается зрелище удивительное: поставлен весьма длинный шест, к верхнему концу которого прибита круглая небольшая доска, и ловкие наездники, имея лук и стрелы наготове, летят на лихих скакунах один за другим, чтобы лошадь заднего скакала за лошадью передового прямо, ибо он уже не управляет поводьями и только левая нога его остается на седле, а весь его корпус держится ниже гривы лошади; в таком трудном положении, несясь, как вихрь, мимо шеста (кебек), он в то мгновение, когда лошадь на всем скаку сравняется с шестом, спускает лук, и пернатая стрела вонзается в доску, наверху шеста прикрепленную, а иногда, разбив ее, падает к ногам изумленных зрителей. Эта игра, забавна или, лучше сказать, этот опыт необыкновенно ловкого наездничества принадлежит высшему классу.

В другом месте проворные мальчишки толпятся около столба, чисто обструганного и намазанного сверху до низу салом. Наверху этого тонкого столба прикреплена корзинка, наполненная разными прекрасными вещами, и кто влезет туда без иной помощи, кроме своих рук и ног, берет себе все эти вещи. Тут всякий показывает свое

удальство: один другого сталкивает, все шумят, бранятся, и хохот зрителей увеличивает гул. Хитрейшие из мальчишек, наполнив свои карманы и пазухи золою или песком и обтирая ими столб, нередко докарабкиваются до своей цели. В случае же, ежели все их уснаия остаются тщетными, то хорошие стрелки стреляют в ту палочку, к которой на столбе прикреплена корзина, и тут мальчишки и большие бросаются расхватывать вещи, и давка и свалка еще увеличивает шум и крик.

Игры, стрельба, скачки по всему пространству поля и аула продолжают целый день. Пестрые толпы несутся с одного конца в другой, тут один другого срывает с коня, валяет на землю и все в безумии кружатся. Легко себе представить, что нередко жизнь наездников подвергается опасности, когда они, несясь по оврагам и рывинам поля, понуждают лошадей перепрыгивать чрез плетни и ограды в ауле. Нередки примеры несчастий, случающихся от такого излишнего веселья, но зато ловких наездников вознаграждают одобрительные улыбки красавиц.

Шум, говор, крик, стрельба раздаются громом в воздухе в продолжение дня, а с наступлением ночи, насыщенный удовольствиями зрелища, яствами и напитками, народ расходится и разъезжается по домам. Тишина ночи заступает место волнения дня тризны или торжественной поминки об усопшем.

Мы говорили о погребении и поминках людей высшего класса, что же касается до простого класса, то то же самое соблюдают, принимая, однако, в соображение их состояния и обстоятельства.

В заключение заметим, что эти обряды со дня на день уменьшаются в Черкесии и в иных племенах вовсе прекратились со времени усиления исламизма чрез старание духовенства. Нельзя жителям Черкесии не упрямиться в безрассудном фанатизме свое духовенство, которое старается истребить все древние обычаи предков, как будто бы наружное смирение истребляет губительные страсти души.

ГЛАВА XII

АНЕКДОТЫ

Анекдоты народные, сами по себе любопытные, могут более или менее руководствовать к познанию главных черт характера народа, почему я не почел за излишнее

поместить здесь несколько черкесских анекдотических рассказов. И в самой Европе, несмотря на строгость ученой и разборчивой критики, вкрадываются в рассказы о делах давно минувших нередко самые нелепые вымыслы и потому надеюсь, что мне будет позволено предложить здесь анекдоты черкесов, веками еще непоглощенные и приводящие позднее потомство в трепет и удивление, не подвергнув их источников строгому исследованию; кто может ручаться и за истину преданий народов европейских? Кто докажет несомненность многих подвигов героических времен Греции?

1-й анекдот

Крымские ханы, как известно, отдавали черкесам на воспитание своих детей в надежде привязать их через то более к исламу и своему владычеству. Из этих же воспитанников были избраны сераскиры (главнокомандующие) над черкесами. Жанницы (смол[ри] 1 часть, отдел[енне] 4, глав[у] 10), ближайшие соседи Крыма, также воспитывали крымских султанов неоднократно. Однажды они просили хана назначить одного из воспитанника сераскиром, но просьба их не была уважена, что оскорбило непомерную гордость жанинцев, которые просьбу свою тогда обратили в явное требование. Такое своеволие непокорных жанинцев было причиною, что хан завел с ними кровопролитную войну, которая в продолжение семи лет свирепствовала, иногда лишь на короткое время утихая. Наконец жанинцы потеряли все свои укрепления и принуждены были избрать одну из двух крайностей: покориться сильному врагу или решиться на отчаянное сражение.

В общем собрании князей и старшин, с гордостью отвергнув первое, единодушно избрали последнее, но как дух народа был совершенно поражен долговременными бедствиями войны и надежда на победу была сомнительна, то некоторые старшины предложили вывести с собою на поле сражения жен и детей своих и в виду их сразиться с крымцами. Этою отважностью думали они заставить народ отчаянно стражаться и, защищая свои семейства, отразить и победить врагов, ибо каждый решившийся уступить неприятелю хотя один шаг

земан, видел бы неминуемую гибель своего семейства.

Так как и полудикие народы умели всегда увеличивать свои победы вымыслами, то неизвестно, на чьей стороне осталась победа: жанинцы говорят, что она увенчала решительность их предков, другие же утверждают тому противное, полагая, что татары остались победителями; каковое предположение утверждается тем, что из древней народной песни, после того сражения сложенной, которую потомки этого племени и ныне гордятся, явствует, что лучшее воинство жанинцев погибло в тот решительный день и что кровью своею наполнили они свои нивы; далее говорится там же, что **«их жены и дети, выведенные на поле сражения, потоптаны и побиты копытами коней татар»**. Однако ж и сим последним это сражение стоило слишком дорого, как видно из того обстоятельства, что хан удовольствовался весьма маловажною данью от побежденных им жанинцев. Как бы то ни было, удивительная решительность жанинцев есть поистине черта героическая.

2-й анекдот

Престарелая мать трех братьев Еченоковых (кабардинского поколения), отправляя сыновей своих на войну, требовала от них клятвенного обещания, что **они умрут лицом к врагу** и, умирая, не испустят ни одного малодушного стога. И действительно, двое из них пали на поле сражения, протягивая руки к врагам, а третий, смертельно раненный, прибыл домой, сидя еще на лошади, и несчастная мать встретила последнего сына, который, лишь только лошадь остановилась у порога гостиницы дома, упал мертвым, не произнеся ни одного слова и стога жалобного. Злополучная мать, прежде, нежели дала свободу слезам материнской нежности, спросила сопровождавших ее сыновей воинов, указывая на труп у ног ее лежавшего: «собственными ли его руками огомщен он врагам?» — и, услышав, что он, получив смертельную рану, поразил последним ударом нанесшему ему рану, она спросила: «А братья его?». «Они умерли среди врагов, сражаясь как воины», — был ответ ей; и тогда великодушная мать, воскликнув: «Дети достойны отца! И я, счастливая мать, теперь могу плакать!» — предалась горести.

Вот женщина народа полудикого, не уступающая гражданам Спарты и Рима!

3-й анекдот

Князь хехгачдского племени (смотри часть 1, отделение 4, главы 10), именем Канболат, гонимый братом его Атвоноком, имевший сильную помощь от крымского хана, прибегнул к покровительству воинственных бжедугцев (смотри часть 1, отделение 4, главы 4), которые приняли под свою защиту гонимого. Три года они вели жестокою войну с могущественным гонителем своего гостя, наконец, истощенные уже продолжительною борьбою, в общем совете князей и старшин положили объявить покровительствуемому ими князю, что они доведены до изнеможения частыми потерями в кровавых с сильным врагом сражениях и что, не будучи далее в силах его покровительствовать, предлагают ему провести его в такое безопасное место, куда он пожелает. Для объявления такого решения избрали из среды себя одного старшину-дворянина. Этот старец долго отговаривался принять на себя поручение, возлагаемое на него собранием, но сии настоятельно требовали, чтобы он был посланцем и представителем всего народа. Почтенный старец явился к покровительствуемому изгнаннику, между страхом и надеждою ожидавшему решения своей судьбы. «Бжедугцы, — сказал он, скрыв настоящее свое поручение, — удостоили меня избрать для объявления тебе их решимость защищать твое дело до тех пор, пока останется единый воин в их племени с оружием в руках». Несчастный изгнанник обнимает благородного вестника, идет вместе с ним к собранию, благодарит с открытою головою своих покровителей за их великодушное решение. Собрание приходит в замешательство: все друг на друга взирают с недоумением и беспокойным удивлением, и как только гость удалился, бросаются к своему послу и в испуге осыпают его оскорбительными упреками в безрассудстве. «Я дворянин, — говорит огорченный старец, — и, будучи избран представителем лица нашего народа, мог ли бы я сказать бжедугцы, забыв священный долг гостеприимства, не могут более покровительствовать своих гостей и беззащитному не будут отныне доставлять правосу-

дне?.. Что сказали бы наши отцы, видя малодушие потомков, если бы они жили? Какие упреки найдут наши дети для достойного поношения нас, если мы, боясь смерти, изгоним гостя из-под нашего покрова? Неблагодарные, разите того, который предпочитает нашу славу своей жизни!» С этими словами старец обняжет свою грудь. С изумлением соотечественники великодушного старца отступают от своего представителя, и после этого происшествия син снова вооружаются поголовно, еще сражаются и доставляют правосудие покровительствуемому ими изгнаннику.

4-й анекдот

Из этого же племени один бедный человек из простого класса находится в одном ауле соседственного племени, где нанимался пастухом. В окрестностях этого аула стоял съезд того племени для рассмотрения общественных дел. Это было весеннею порою; лошади съезда паслись над страшною пропастью, находившейся близ бивуака, куда и пастух всякий день пригонял свое стадо. Однажды молодые люди, принадлежавшие к съезду, собравшись над пропастью, называемую **Хадвуз**, где их лошади паслись, разговорились между собою и забавлялись играми. Один из этих молодых людей предложил вопрос: существует ли человек, который для славы, не убоясь видимой смерти, бросился бы в пучины страшной пропасти? Долго они о том спорили, и, наконец, один из них сказал, что бжедугцы, гоняясь за пустою славою, любят сражаться, и разве из них не нашелся бы такой отчаянный, который не побоялся бы смерти броситься с этой высоты? В это время пастух, слышавши все споры толпы молодежи, выступает в средину и, произнеся: «Прошу сказать бжедугцам, что я погиб для их славы», бросается в пропасть и там погибает. Такое страшное понятие черкес о славе показывает некоторым образом сходство нравов этого народа с нравами спартаи (см. ниже прим. 18).

Каждое из племен, составляющих здесь описываемый народ, имеет множество подобных анекдотов, которые старцы с благоговением детям своим передают, и собрание их было бы весьма любопытно, но теперь мы ограничимся этими немногими.

ПРИМЕЧАНИЯ

ко второй части «Записок о Черкесии»

(1) Дом на черкесском языке называется **уне**; название же **сакля**, русскими нередко употребляемое для означения строения черкес и этим последним не известное, есть грузинское.

(2) Гостиные дома черкесами называются **хатчеш** (жилище гостя); слово же «кунацкая» есть татарское, но русские на Кавказе нередко употребляют это название, полагая, что оно черкесское.

(3) Папцири, или кольчуги, разделяются на три сорта: 1-й называется **черечу** и ценится выше прочих; 2-й **кенделаф** (стальной) и 3-й **кобешьяф** (кубический*). Последний сорт ценится дешево, потому что дворянам почитается неприличным носить этого сорта кольчугу.

(4) Мужские почитается за стыд сшить что-нибудь иглою, равно кроить одежду; почему в Черкесии нет ни одного портного и мастерство это предоставлено там прекрасному полу; женщина, не владеющая этим искусством, у черкес остается в пренебрежении, хотя бы она имела многие блестящие качества.

(5) Когда почетный человек высшего класса бывает в гостях, то необходимым приличием представляется хозяину, принимающему гостя, зарезать для него ягненка, барана или овцу, без того сколько бы угощение ни было пышно, хозяин, давший его, подвергнется насмешкам.

(6) Копают глубокую яму, в середине которой ставят столб, и на прибитой к верхнему концу этого столба доске привязывают козу или гуся; яму же закрывают слегка сеном. Когда волк бросится на крик привязанного животного, то проваливается в яму, где его убивают.

(7) Один из пагубных предрассудков черкес есть то, что в этом народе почитается за величайший стыд князю, равно и высшему дворянству, продавать лошадей и вообще скот, хотя бы они имели и большие заводы. Дожное это мнение, издавна вкоренившееся в этом народе, тем более вредно, что оно имеет неблагоприятное влияние и на народ; высший класс не поощряет его к торговле, боясь, чтобы и его не пошли вместе с ним торгующим. Заметьте, однако ж, что в Кабарде и окрестностях Питингорска живущие черкесы благодаря спокойствию, в этих местах царствующему, хотя несовершенному, около десяти лет, начали понемногу упоминанного народного мнения и уже там принимают важное участие и князья и дворяне в торговле лошадьми и овцами, отправляя первых даже и в Тифлис большими табунами. Это обстоятельство подает надежду, что с подворением тишины и благотворного поряд-

* Так в подлиннике. (Ред.)

ка в Закубанской Черкесии и там дух торговой промышленности оживится и распространится в этом крае.

(8) Слово **аталык** есть татарское, принятое черкесами и имеющее смысл: **заменить отца**. Воспитаник именуется на кабардинском наречии **кван**, и это слово, не имеющее на черкесском языке никакого значения, кроме того, что оно есть имя, присвоенное воспитанникам, на татарском языке значит **кровь**. На наречии шизовых черкес (см. 1 часть, отд[еление] 2, глав[у] 4) воспитаник называется **шлур**, что значит **воспитываемый**.

(9) **Диора** значит на наречии кабардинском крест. Достоинство замечания, что и по сию пору в некоторых местах Черкесии сохраняется обыкновение, состоящее в том, что больная на одре смерти делает завещание своим детям, сложив указательные пальцы **крестообразно**.

(10) В прежние времена молодой супруг высшего класса после первых суток супружества обыкновенно отправлялся в дальние **поиски** или **наезды**, как бы для ознаменования супружеской жизни подвигом отважности. Да и в настоящее время поддерживают это обыкновение. Тшемгойский князь Мсост Айтеков, собрав множество князей и дворян Тшемгойского и окрестных владений, отправился за невестою младшего своего брата князя Шумафа Айтекова. Когда в ауле невесты приехавшие за нею утопали в торжественных увеселениях, которые надолго останутся в памяти черкес, будущий молодой супруг княжны сделал отважный набег на соседний аул, и в одно время, когда в ауле невесты одни игры заменились другими (см. сей част[и] отд[еление] 3, глав[у] 4 и 5), в соседнем ауле лилась кровь и раздавался плач, а виновник этого бедствия, гордясь тем, явился к своей молодой жене. Обыкновение это доказывает, что по мнению черкес нет блага в этой жизни, когда оно не ознаменовано подвигами храбрости и похвалою народа.

(11) Здесь нельзя не припомнить слова женевого философа Ж. Ж. Руссо, «Хвастить кого в глазах, кроме любовницы, — говорит он, — ни что иное значит, как не обанчать его в самолюбии».

(12) **Кунак**, или правильное **кконак**, значит на татарском языке **гость**. Это слово черкесами неупотребительно, на языке же этих последних **хатче** — значит гость, а **шевохг** — друг.

(13) Разбой и отважные похищения, по нынешнему образу мыслей черкес, хотя и превозносятся в смысле молодечества, но украсть у ближнего или у соседа почитается у них за величайший стыд, и посягающие на подобные поступки подвергаются народному презрению, а в прежние же времена изгоняли из родины совершившего там воровство или с связанными руками бросали в воду и топили (чему неоднократно были примеры), и потому таких изгнанников обыкновенно называли **псыхадце** в том смысле, что их должно было бросить в воду и утопить, как презренных преступников.

(14) Такие провожатые на черкесском языке называются: **хехрий** и **декоате**, а не кунаками; и слово **кунак**, как выше мы заметили, вовсе не употребительно черкесами. Эту статью, одну из лучших о дружестве черкес, я выписал слово в слово из сочинения г. Броуновского (см.: Известия о Кавказе сего автора, часть 2, стр. 127), присовокупляя к ней моя замечания с целью показать, что человек, не знающий языка, обычая и нравов народа, им описываемого, несмотря на все способы, представляемые ему мест-

ными обстоятельствами, не может избежать фальшивых о том народе понятий; хотя это не должно уменьшать цены его трудов: посвящать себя пользам науки, по мере сил своих спешествуя ее распространению, есть прекраснейшая цель возвышенной, общественной жизни.

(15) Переднюю часть войска, или авангард, называют **шепауль**, или **шанболь**, заднюю же, или арьергард, — **десау**; разьезды, или конные почные караулы, — **шендауль**. Эти названия пошного порядка суть татарские, и, быть может, черкесы такому разделению войска научились от татар же.

(16) Знатнейшие воины высшего класса имеют знамена (байрак), литавры (домбаз). Звучом этого инструмента дают знать свите князя, что он выезжает с места почлега, почему и в мирное время водятся литавры. Впрочем, в настоящее время реже стали употреблять эти знаки воинственного движения. Названия обоих также татарские.

(17) Впрочем, бывают случаи, похожие на поединки: оскорбленный посылает сказать оскорбителю, что он отныне ему враг и потому, чтобы тот был бы осторожен, предпринимал бы свои меры и чтобы после не сказал: «Я не ведал, что он помышлял противу меня злое». Также иногда вызывают на кровавые свидания, назвав для этого место.

(18) Известно, что один молодой спартзенец, укравший лисицу, почтив за бесцельное сознаться в воровстве, молчал и тогда, когда лисица, запряганная у него за пазухою, прогрызла ему ребра.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Вместо предисловия	45

ОГЛАВЛЕНИЕ 1 ЧАСТИ

Отделение первое

Глава I. Положение, границы и наружный вид страны . . .	47
Глава II. Климат	49
Глава III. Воды: реки, озера и море*	50
Глава IV. Источники: минеральные, соленные и нефтяные** .	57
Глава V. Селитра и сера	58
Глава VI. Металлы	59
Глава VII. Произрастения	—
Глава VIII. Животные четвероногие	61
Глава IX. Птицы	62
Глава X. Рыбы	—
Глава XI. Насекомые	—
Глава XII. Достопамятности***	63
Глава XIII. Именование рек и ручей****	65

Отделение второе

Глава I. Народонаселение	83
Глава II. Наименование	87
Глава III. История****	—
Глава IV. Язык	93
Глава V. Религия	96
Глава VI. Физические свойства	102
Глава VII. Грамота и просвещение	105
Глава VIII. Вредное искусство	106
Глава IX. Именование времени	107
Глава X. Меры и способы определять количество вещей . .	108

* В тексте «Записок о Черкесии» эта глава названа так: «Воды». (Ред.)

** В тексте эта глава имеет название: «Источники». (Ред.)

*** В тексте эта глава имеет следующее название: «Достопамятности в черкесских землях». (Ред.)

**** В тексте эта глава названа так: «Именование рек и ручей, орошающих черкесские земли». (Ред.)

***** В тексте эта глава названа так: «Взгляд на общую историю» (Ред.)

Глава XI. Об астрономии и метеорологии	109
Глава XII. Поэзия и музыка	110

Отделение третье

Глава I. Разделение народного состояния на классы	118
Глава II. Права и обязанности классов	127
Глава III. Образ управления	132
Глава IV. Образ судопроизводства	139
Глава V. Главнейшие законы	144

Отделение четвертое *

Глава I. Предварительное понятие об общем разделении пле- мен	149
Глава II. Владения Кабардинские	151
Глава III. Владения Бейсенейское	171
Глава IV. Владения Мехховское	174
Глава V. Владения Тшемройское	176
Глава VI. Владение Ххатиккойское	181
Глава VII. Начало Бжедугского поколения	185
Глава VIII. Владение Черченайское	187
Глава IX. Владение Ххминийское	191
Глава X. Колена: Вепское, Хехладжское и Жантское **	195
Глава XI. Племя Абелдахское	199
Глава XII. Начало племени Шанехтского *** и Натххокко- адьского	202
Глава XIII. Племя Шанехтское	203
Глава XIV. Племя Натххоккоадьское	207
Глава XV. Причины падения княжеских владений и усиление племени имеющих народное правление****	210
Глава XVI. Колена, обитающие между черкесами*****	212
Примечания первой части «Записок о Черкесии»*****	223

* В тексте это отделение имеет общее заглавие: «Обозрение в особенности каждого из племен, составляющих черкесский народ». (Ped.)

** В тексте «Записок» эта глава имеет название: «Колена: а) Вепове, б) Хехладж и в) Және, или Жантское». (Ped.)

*** В подлиннике ошибочно написано: «Шанехтского». (Ped.)

**** В тексте эта глава названа так: «Замечания о причинах разрушения и ослабления княжеских владений и усиления племени, не зависящих от власти князей или имеющих народное правление». (Ped.)

***** За главой XVI в тексте оглавления идет глава XVII «О потомках крымских ханов, живущих между черкесами», к которой автором сделано следующее примечание: «Сия последняя глава не вошла в состав сочинения по неполучению необходимых для сего сведений; с получением же оных, что, вероятно, впоследствии вскоре, немедленно будет присовокуплена». (Ped.)

***** В оглавлении подлинника отсутствует упоминание о примечаниях к первой части «Записок», хотя в тексте такое заглавие имеется. (Ped.)

ОГЛАВЛЕНИЕ II ЧАСТИ

Отделение первое*

Глава I. Жизньца	233
Глава II. Утварь	236
Глава III. Ница и нитье	—
Глава IV. Одежда и вооружение	240
Глава V. Одежда женщин	248
Глава VI. Препровождение времени	252

Отделение второе**

Глава I. Земледелие	255
Глава II. Скотоводство	258
Глава III. Пчеловодство	263
Глава IV. Звероловство	264
Глава V. Рыбная ловля	265
Глава VI. Рукоделия и мастерства	—
Глава VII. Торговля	267
Глава VIII. Доходы	270

Отделение третье***

Глава I. Рождение	274
Глава II. Имена	275
Глава III. Воспитание	277
Глава IV. Праздества, игры, пляски и телесные упражнения	281
Глава V. Женильба и свадебные обряды	288
Глава VI. Взаимные отношения в супружестве обоих полов	292
Глава VII. Общепринятые условные знаки вежливости и приличия	294
Глава VIII. Гостеприимство, покровительство и дружество	298
Глава IX. Образ воевания	305
Глава X. О содержании раненого	310
Глава XI. Погребения и поминки	315

* В тексте «Записок» отделение первое второй части имеет общее заглавие: «Образ жизни». (Ред.)

** В тексте это отделение имеет общее заглавие: «Промышленность». (Ред.)

*** Отделение третье в оглавлении, как и в тексте, имеет общее заглавие: «Права и обычаи», которое нами в целях дифференциации в оглавлении опущено. (Ред.)

Глава XII. Анекдоты	322
[Примечания ко второй части «Записок о Черкесии»]*	327

Отделение четвертое **

Глава I. Замечания о взаимосвязи черкесского народа между народами Кавказского края
Глава II. Замечания о причинах неприязненности черкесского народа к России
Глава III. Замечания о пользе просвещения горцев вообще
Глава IV. Замечание: некоторые мнения о мерах и средствах для приведения черкесского народа в гражданское состояние кроткими мерами с возможным избеганием кровопролития

* В оглавлении отсутствует упоминание о примечаниях ко второй части «Записок», хотя в тексте имеется заглавие под названием: «Примечания ко второй части «Записок о Черкесии». (Ред.)

** Это отделение самое последнее, хотя и принадлежит к сей части, но будет перенесено отдельно тетрадь, так как оно еще вполне не окончено. (Прим. авт.)

В рукописи отсутствует отделение четвертое. (Ред.)

Хан-Гирей

ЗАПИСКИ О ЧЕРКЕСИИ

Редактор *А. Т. Куантов*
Художник-редактор *З. Х. Бегжнокон*
Технический редактор *Б. Х. Буздона*
Корректор *Е. Е. Терушкина*

ИБ № 348

Сдано в набор 08.06.78. Подписано к печати 24.10.78.
402156. Формат 84×108^{1/2}. Бумага типографская № 1.
Литературная гарнитура. Печать высокая. Физ. печ. л. 10,5.
Усл. печ. л. 17,64. Уч.-изд. л. 16,91. Тираж 5000 экз. Заказ
№ 6389. Цена в переплете 85 коп.

Книжное издательство «Эльбрус»
Нальчик, улица им. адмирала Головки, 6

Полиграфкомбинат им. Революции 1905 года
Управления по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли Совета Министров КБАССР
Нальчик, проспект им. Ленина, 33